

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

СЛОВО
ОБ
УЧИТЕЛЯХ

МОСКОВСКИЕ
ВОСТОКОВЕДЫ
30—60-х
ГОДОВ

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1988

Редакционная коллегия
О. К. ДРЕЙЕР, Г. Д. ТЯГАЙ, П. М. ШАСТИТКО

Рецензенты
К. З. АШРАФЯН, М. Н. ПАК

Сборник статей о выдающихся советских востоковедах-москвичах, организаторах востоковедной науки, создателях научных школ, большинство из которых были к тому же яркими, интересными личностями. В книге представлены статьи, посвященные И. М. Рейснеру, А. М. Дьякову, Н. М. Гольдбергу (индологи), Г. С. Кара-Мурзе, Г. Б. Эренбургу (китаисты), А. Л. Гальперину, К. М. Попову (японисты), А. Ф. Миллеру (турколог), Е. А. Беляеву, В. Б. Луцкому (арабисты) и др. Авторы статей, как правило, являются их учениками, поэтому статьи наряду с анализом научной и общественной деятельности ведущих советских востоковедов содержат живые, эмоциональные воспоминания о них.

С 1402000000-111 65-88
013(02)-88

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЯХ

Московские востоковеды 30—60-х годов

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редакторы *О. М. Гарксен, Л. И. Юрвич*. Младший редактор *Н. Л. Скачко*. Художник *Н. П. Ларский*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *Э. С. Теплякова*. Корректор *А. В. Шандер*

ИБ № 16043

Сдано в набор 23.11.87. Подписано к печати 22.04.88. А-03874. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 18,06. Усл. кр.-отт. 18,06. Уч.-изд. л. 18,75. Тираж 3100 экз. Изд. № 6454. Зак. № 364. Цена 2 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

П. М. Шаститко

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это книга о московских востоковедах, которые в 20-е — начале 30-х годов своими первыми научными статьями и монографиями закладывали основы марксистского изучения истории, экономики и национально-освободительной борьбы стран Востока — тогда колониальных и зависимых стран (в Ленинграде по традиции в основном занимались изучением языков, литературы, философии, культуры, памятников народов Востока).

Весь пафос эпохи 20—30-х годов, ее революционный характер, грандиозные преобразования, совершившиеся в СССР, сказались на творчестве московских востоковедов (что хорошо показано в отдельных статьях).

Но на долю этого поколения выпали и тяжкие испытания. Вторая половина 30-х годов — трудный период, когда многим представителям интеллигенции, в том числе и востоковедам, были предъявлены незаслуженные обвинения. Их судьбы оказались оборванными или поломанными. Труды ряда ученых не были допущены к читателю. Жизнь людей пронизывали недоверие и подозрительность. Для многих ученых это были годы проверки на честность. И подавляющее большинство востоковедов выдержали испытание.

В 20—30-е годы вместе со всей страной стремительно развивалась, преодолевая противоречия и трудности, советская наука. Открывались десятки новых институтов. Организационно укреплялись и численно росли Академия наук и отраслевые академии, создавались научные центры в республиках, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Одновременно с расширением фронта научно-исследовательских работ и количественным ростом научных центров и учреждений углублялась специализация наук.

В 1930 г. произошло важное событие в организации востоковедения: в Ленинграде на базе нескольких вос-

токоведных заведений был учрежден Институт востоковедения Академии наук СССР. Его первым директором был назначен крупный ориенталист (прежде всего индолог) и выдающийся организатор науки акад. Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934). В институте работали видные востоковеды: В. М. Алексеев, А. П. Баранников, Е. Э. Бертельс, Б. Я. Владимирцов, С. А. Қозин, П. К. Коковцов, Н. И. Конрад, И. Ю. Крачковский, Н. А. Невский, И. А. Орбели, А. Н. Самойлович, В. В. Струве, А. А. Фрейман, Ф. И. Щербатской и др. Все они — представители знаменитой школы петербургского (ленинградского) классического востоковедения, артистически владевшей сложным искусством перевода и изучения памятников восточной древности и средневековья. Ими были созданы не утратившие своего значения до наших дней труды по литературе, культуре, истории народов Востока в эпоху древности, средневековья и нового времени.

Современными проблемами Востока занимались востоковеды Москвы — молодые ученые, а также практические работники (Коминтерна, Профинтерна, Крестинтерна). Именно они изучали национально-освободительное, рабочее и крестьянское движение, аграрные отношения в странах Востока. Именно они стали публиковать в различных журналах статьи по этой тематике.

В Институте истории АН СССР был создан сектор истории колониальных и зависимых стран, где собрались молодые востоковеды Москвы. Его небольшой, но дружный и сплоченный коллектив стал заметным центром востоковедения, занимавшимся историей и проблемами современности стран Востока.

В 30-х годах этот сектор взял на себя задачу написать вузовский учебник истории колониальных и зависимых стран. Это был первый в истории отечественного востоковедения фундаментальный труд по новой истории Востока, в котором с марксистских позиций рассматривались события в важнейших странах Азии и Северной Африки в новое время¹. Чтобы создать такое исследование, потребовались совместные усилия многих специалистов. Пожалуй, этот учебник стал первой работой в советском востоковедении, которую писал большой авторский коллектив. Это было новшеством в методе исследовательской деятельности, до этого труды создавались, как правило, учеными-одиночками. Опыт оказался плодотворным. Работа спорилась, коллектив

работал дружно и с энтузиазмом. Учебник вышел в 1940 г. Его редакторами были С. Н. Ростовский, И. М. Рейснер, Г. С. Кара-Мурза, Б. К. Рубцов. Литературное редактирование осуществил Н. М. Гольдберг.

Выход в свет «Новой истории колониальных и зависимых стран» стал заметным явлением в востоковедной науке и педагогике. Авторам и редакторам удалось создать интересный и значительный для своего времени труд. Долгое время он был настольной книгой не только для студентов, специализировавшихся по Востоку, но и для преподавателей периферийных вузов, научных работников. Лишь в 1952 г. на Отделении Востока исторического факультета МГУ был создан новый, расширенный, учебник по истории стран Востока², который широко использовал текст первого учебника 1940 г.

Помимо сектора истории колониальных и зависимых стран Института истории АН московские востоковеды группировались в образованном летом 1934 г. Международном институте тихоокеанских отношений, где изучались проблемы Дальнего Востока и Тихого океана, в Институте мирового хозяйства и мировой политики, Аграрном институте, а также в учебных заведениях: на историческом факультете Московского государственного университета, на историческом факультете Московского института философии, литературы, истории (МИФЛИ), объединенного в 1941 г. с МГУ, в Московском институте востоковедения.

Когда началась Великая Отечественная война, многие востоковеды ушли на фронт защищать Родину. Десятки из них отдали за нее жизнь.

Во время войны Институт востоковедения АН был эвакуирован из Ленинграда в Ташкент. В Москве инициативу объединения всех востоковедов, оставшихся в городе, взял на себя приехавший из Ленинграда акад. И. Ю. Крачковский. В группе оказалось несколько ленинградских и ряд московских ученых. 9 февраля 1944 г. решением Президиума АН СССР московская группа приняла статус структурного учреждения Академии наук. Вскоре после этого акад. И. Ю. Крачковский возвратился в Ленинград. Руководство московской группой было поручено чл.-кор. АН СССР Н. И. Конраду. Группа значительно расширилась за счет ученых, возвратившихся из эвакуации.

После великой победы жизнь Академии наук стала

входить в нормальную колею. Весной 1946 г. московская группа востоковедов была преобразована в Московское отделение Института востоковедения АН СССР. Руководителем отделения был назначен Н. И. Конрад. Вокруг Московского отделения группировались востоковеды столицы — работники научных учреждений, преподаватели высшей школы, востоковеды-практики. Они принимали участие в совместных публикациях, обсуждениях работ, дискуссиях. После окончания войны научная деятельность московских востоковедов активизировалась. Это вполне понятно: победой закончилась Великая Отечественная война советского народа, создались более благоприятные условия для развития науки, обучения; страны Востока одна за другой стали добиваться политической независимости, что вызывало особый интерес к их истории, современному положению, а необходимость их глубокого изучения становилась все более очевидной.

В 1950 г. постановлением Президиума Академии наук Институт востоковедения был переведен из Ленинграда в Москву. Многие востоковеды, работавшие в других научных учреждениях, были приглашены на работу в новый центр ориенталистики.

Вместе с тем в постановлении Президиума давался критический анализ научно-исследовательской работы института и отмечалось, что освещение истории, политики, экономики и общественной мысли на Востоке не отвечает задачам дня. Особо обращалось внимание на отставание исследований современного этапа национально-освободительного движения. В постановлении подчеркивалось: «В дни, когда на Востоке происходят события всемирно-исторического значения, когда кризис колониальной системы империализма принял небывало острые формы, подобное отставание советской науки от актуальных проблем востоковедения нетерпимо». Постановление, безусловно, отражало требования времени. Проблемы послевоенной истории стран Востока настоятельно стучались в двери востоковедных учреждений.

Надо признаться, что в то бурное время востоковеды не всегда могли разобраться в сложных глубинных явлениях, происходящих в Азии и Африке. В частности, востоковеды неправильно оценивали место национальной буржуазии в освободительном движении и роль таких ее лидеров, как М. К. Ганди, Джавахарлал Неру,

Мустафа Кемаль и др. Читательская судьба ряда востоковедных работ не отличалась долголетием. Впрочем, справедливость требует отметить два обстоятельства: во-первых, эти ошибки были свойственны не только востоковедам, более того — они были канонизированы авторитетом тех, кто их совершал, и, во-вторых, востоковеды в дальнейшем сумели самокритично признать и исправить свои промахи (см. очерки об отдельных ученых).

Все эти столь сложные, как и ответственные, задачи решали в первую очередь московские востоковеды. Именно они стремились глубже, чем раньше, исследовать положение в изучаемых регионах, по-новому оценить соотношение классовых сил и возникшие социальные явления, им приходилось совершенствовать организацию научной работы и ее планирование, создавать новые направления исследований, углублять их теоретический уровень, повышать партийную боевитость и укреплять связь науки с политической практикой. И когда сегодня молодые ученые читают труды своих предшественников середины века, они должны иметь в виду исторический контекст времени создания этих трудов.

Радикальная перестройка работы Института востоковедения АН СССР требовала значительного времени. В 1954 г. директором института стал чл.-кор. (с 1966 г. академик) Александр Андреевич Губер — специалист по новой и новейшей истории Юго-Восточной Азии, создатель этой дисциплины в востоковедении. Александр Андреевич Губер был незаурядным востоковедом, обаятельным, сразу располагающим к себе человеком. Начитанный, блестяще эрудированный, он пользовался непрерываемым авторитетом среди востоковедов.

С 1955 г. начал издаваться научный орган института журнал «Советское востоковедение», в 1959 г. переименованный в «Проблемы востоковедения», а в 1961 г. — в «Народы Азии и Африки». (С 1952 г. институт публиковал «Ученые записки» и «Краткие сообщения»). Журнал позволил сотрудникам института более оперативно анализировать события на Востоке и отражать поступательное движение востоковедной науки.

И все же глубина исследований и уровень научно-организационной работы не успевали за бурным революционным процессом на Востоке, за неуклонно возрастающими требованиями практики. У советской общест-венности интерес к событиям на Востоке продолжал рас-

ги. Все искали в газетах и журналах статьи о событиях в Китае и Египте, Индии и Индонезии. Книги по истории и современному положению стран Азии и Африки моментально исчезали с полок магазинов. Гостями нашей страны бывали многие признанные политические и государственные деятели Востока. Разумеется, эти визиты не были политическим экспромтом, они были обусловлены новой расстановкой сил в мире и активной восточной политикой КПСС и Советского правительства. Дружба и сотрудничество СССР с афро-азиатскими странами стали важнейшим новым фактором международных отношений. Залы, где читались лекции о положении в странах Востока, были переполнены. Начинают создаваться общества советско-индийской, советско-китайской, советско-египетской дружбы и др. В 1958 г. был создан Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. В организации и деятельности этих обществ ученые-востоковеды играли самую активную роль.

Несколько раньше — на XX съезде КПСС в 1956 г. работа Института востоковедения АН подверглась серьезной критике. Осенью того же года Президиум АН СССР принял очередное постановление «О задачах и структуре Института востоковедения». Постановление требовало дальнейшей решительной перестройки научно-исследовательской работы института с целью приближения к изучению современности. Реорганизация коснулась всех звеньев структуры института. Директором был назначен опытный партийный и государственный деятель чл.-кор. АН СССР (с 1968 г. академик) Бободжан Гафурович Гафуров.

В 1957 г. для более широкого и оперативного издания трудов востоковедов было создано Издательство восточной литературы (ныне — Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»). В том же году начал выходить рассчитанный на массового читателя и призванный удовлетворить его интерес к Востоку популярный иллюстрированный журнал «Современный Восток» (затем «Азия и Африка сегодня»).

В советском востоковедении произошли качественные сдвиги. Исследования стали глубже, расширилась их тематика. Изучение современности сочеталось с изучением традиционных дисциплин. Окреп международный авторитет нашей ориенталистики. В 1960 г. в Москве был проведен XXV Международный конгресс востоковедов.

Все эти изменения в направлениях исследований, вся сложная организационная перестройка выполнялись в первую очередь востоковедами, которым посвящена эта книга. В них были направлены многочисленные критические стрелы, на их плечи легла тяжелая ноша преодолеть старые ошибки и давать новые оценки бурным событиям на пробудившемся Востоке.

Предлагаемая читателю книга написана учениками и коллегами поколения московских востоковедов 20—60-х годов*. Они взялись за это дело по праву и долгу последователей. Ученики счастливы, что учились у этих интересных ученых и самобытных людей, создавших свои научные школы. Возможно, что написанные ими портреты, а точнее, наброски к портретам сделаны несколько субъективно и даже пристрастно, но разве можно упрекнуть ученика за то, что он пристрастен к своему учителю? Любые воспоминания субъективны. И вспоминаем мы факты давно прошедших лет, а оценки даем уже из опыта нынешнего времени. Все, отодвинутое в даль нашей памяти, обретает возвышенные черты. И все же авторы стараются быть объективными.

Создание достоверного портрета любого ушедшего из жизни крупного ученого — нелегкая задача. И в первую очередь потому, что описание его жизни немыслимо без анализа его научного творчества, а объем данной книги и ее жанр не предоставили такой возможности. Авторы очерков хотели, понимая меру своей ответственности, показать своих учителей не только как незаурядных ученых, но и как ярких, неординарных людей, они старались уберечь образ своих учителей от мемориальной абстрактности. Они учились у них, потом работали вместе и под их руководством, бывали у них дома, беседовали с ними на самые различные темы, в том числе, конечно, и о науке.

Конечно, московские востоковеды были разными людьми, с разными характерами, каждый со своими достоинствами и недостатками, симпатиями и антипатиями, привязанностями и увлечениями. Но мне кажется, что был ряд общих черт, которые объединяли лучших из них. Большинству была свойственна заинтересованная причастность к делам страны и обостренная ответственность за состояние советской ориенталистики. Наука для них стала судьбой и делом всей жизни, а не

* В организационно-технической подготовке данной книги участвовала ученица А. Л. Гальперина Т. Д. Смирнова.

заработка и тем более карьеры. Именно поэтому они были людьми безмерной самоотдачи в ней. Работали они самозабвенно, без скидок на капризы вдохновения, на состояние здоровья.

Почти для всех ученых, о которых пойдет речь в этой книге, была характерна скромность в быту, их домашний уклад отражал и аскетизм времени, в котором они жили, и их личную скромность. Как правило, они жили в коммунальных квартирах, их комнаты были обставлены очень скудно, единственным богатством были книги. Впрочем, скромность проявлялась не только в быту. Помню, один молодой сотрудник, выступая на собрании Отдела Индии, несколько раз сказал: «Мы, ученые...». Проф. Алексей Михайлович Дьяков прервал его и заметил: «Мы о себе можем говорить только „научные сотрудники“, это другие о нас скажут „ученые“, если мы это заслужим».

Общей для всех востоковедов чертой было глубочайшее уважение к народу изучаемой страны. При этом нужно отметить, что большинство из них по понятным причинам никогда не бывали в этих странах. Только в самом конце 50-х — начале 60-х годов они смогли, да и то не все, побывать в странах, изучению которых посвятили жизнь. Китаист Г. С. Кара-Мурза мечтал о времени, когда «я увижу страну, о которой вот уже пятнадцать лет читаю лекции, пишу книги; приму участие в освобождении народа, который люблю, талантливого, сильного, угнетенного веками народа»³. К несчастью, он не дожил до этого дня — погиб при выполнении служебного задания.

Хочу выделить еще три общих особенности востоковедов этой плеяды. Первая — бережное отношение к источникам, которые, как правило, были малодоступны. Дело в том, что обмен литературой в то время был неизмеримо ограниченнее, чем в наши дни, полевые исследования были почти исключены, в архивах можно было пользоваться далеко не всеми документами. Поэтому каждый новый материал очень ценили. Они справедливо считали, что верность источнику — залог серьезности научной работы. Вторая особенность — они всегда и охотно участвовали в пропаганде знаний о Востоке: выступали в Политехническом музее в Москве, в рабочих клубах, ездили в другие города с лекциями, помещали статьи в прессе. И, наконец, третья — творческое товарищество, взаимное уважение (об этом хорошо сказано

в статье К. А. Антоновой), уважительное отношение к своим ученикам, с которыми они охотно делились знаниями, опытом и которым помогали в трудные минуты жизни (см., например, статью Г. Д. Тягай об А. Л. Гальперине), но были и требовательны к ним.

Не могу удержаться от некоторых личных впечатлений. Я окончил Московский институт востоковедения (МИВ) после войны и помню, как после службы в армии молодым первокурсником с душевным волнением вошел в актовЫй зал на первую лекцию в моей жизни, которую читал для всех первокурсников первый в моей жизни профессор! На кафедру медленно, шаркающей походкой поднялся обаятельно некрасивый, сутулый человек как мне показалось, с брезгливо оттопыренной нижней губой и тусклым взглядом серых глаз. Это был арабист Евгений Александрович Беляев. Он начал свою речь на арабском языке, и мы, сидевшие в зале, с удивлением слушали непонятные гортанные звуки. Но потом вдруг уже на русском языке непостижимым образом он повел нас по покоем Шахерезады, заставил увидеть древние пирамиды Египта и согбенные спины современных феллахов. А затем — блестящее остроумие, которое непонятно как рождалось в этом казавшемся флегматичном человеке. У Е. А. Беляева была бездна юмора, но подавался он как-то по-беляевски, размеренным, почти сердитым тоном. Такие лекции запоминаются на всю жизнь.

Моим научным руководителем в аспирантуре был Игорь Михайлович Рейснер. Задолго до того, как я увидел с ним, еще студентом, я познакомился с его работами. Чтение книг ученых или писателей прежде, чем узнаешь их лично, всегда создает между читателями и ими дистанцию, а сами они предстают как некий абстрактный образ, а не как реальная личность. Эта дистанция тем больше, чем значительнее произведения автора, чем громче его имя. Моим научным руководителем в аспирантуре стал ученый, «дистанция» до которого была как до неба. Это был «сам» Рейснер. Первая встреча подтвердила эту закономерность. Это был элегантный человек с умными колючими голубыми глазами и высоким лбом. В нем чувствовались мощный, чуть ироничный интеллект и, как мне казалось, аристократизм. Среднего роста, стройный, безукоризненно одетый, он сразу производил большое впечатление. В манере говорить (а говорил он слегка грассируя) сквозили незауряд-

ный ум, яркая образность. И. М. Рейснер был разно-
сторонне образованным человеком, его отличали широ-
чайшая эрудиция и высокая общая культура. Имя Рей-
снеров известно в советской и российской культуре и
науке.

Слушать Игоря Михайловича было чрезвычайно ин-
тересно, говорил он блестяще, с великолепной непри-
нужденностью. Когда он начинал рассказывать об Ин-
дии, то сразу загорался и погружался в ее историю весь
без остатка. Силой фантазии этот чародей уносился в
другие века и был где-то там, в государстве Великих
Моголов или штурмовал с восставшими сипаями Крас-
ный форт. Может быть, именно поэтому его работы
пронизаны таким историзмом.

Когда я принес ему свой первый выстраданный в
архивеopus, не ожидая особых похвал, но рассчитывая
хотя бы на одобрение, он не оставил от него камня на
камне. Только тогда я понял, насколько тернист и мно-
готруден путь в науке.

Игорь Михайлович Рейснер основал большую школу
индологов и воспитал целую плеяду учеников. Мне ка-
жется, не будет преувеличением назвать его первым ин-
дологом-марксистом.

В этой книге читатель найдет очерки о многих вос-
токоведах. Но не о всех. Редколлегия сборника исходила
из того принципа, что, во-первых, об академиках и чле-
нах-корреспондентах уже созданы⁴ и будут создаваться
отдельные работы; во-вторых, в данную книгу включены
биографические очерки о тех, кого, к сожалению, нет
уже с нами, и, в-третьих, понимая всю условность такой
оценки, мы остановились на докторах наук и профессо-
рах, так как написать о всех востоковедах невозможно.
И еще. Портреты некоторых востоковедов, безусловно,
должны были бы быть в этой работе, но организаторам
данного сборника не удалось найти авторов, которые
могли бы справиться с этой задачей.

В наши дни уже стало зрелым новое поколение вос-
токоведов, имеющих в распоряжении гораздо большее
количество источников, чем их предшественники, обла-
дающих лучшей языковой подготовкой, много раз по-
бывавших в изучаемых странах, использующих совре-
менные методы научного исследования, включая вычис-
лительные машины. Все явственнее идет размежевание
востоковедных дисциплин. Уже не может быть востоко-
веда-универсала, одинаково хорошо знающего историю

и философию, литературу и экономику Востока. Время энциклопедистов прошло. Возможно, многое, что создавалось теми, о ком написана эта книга, кажется сейчас устаревшим. Это естественно и закономерно. Как справедливо писал наш талантливый современник Чингиз Айтматов, «наука... стоит на том, что каждый достигнутый результат назавтра перекрывается новым высшим результатом, и в этом непрекращающийся прогресс науки»⁵.

У некоторых молодых научных сотрудников, как мне кажется, наблюдается некая снисходительность к работам их предшественников. Это неверно и несправедливо. Востоковеды, о которых пойдет речь в этой книге, первыми создали целостную марксистско-ленинскую концепцию развития стран Азии и Северной Африки. Они начали научное изучение современного им Востока, сделав стержнем своих исследований проблемы национально-освободительного движения, революций и их движущих сил. Выход таких фундаментальных работ, как четырехтомная «История Индии», «История Ирана», «Новая история Японии», «История Китая» и т. п., трехтомная история национально-освободительного движения, ряд словарей, в том числе Большой китайско-русский словарь, и другие капитальные труды — в первую очередь их заслуга. Выпуск первых учебников по истории стран Востока и восточным грамматикам — тоже их заслуга. Кроме того, как уже говорилось, многие из них стали основоположниками научных школ. Именно всем этим определяется их выдающееся место в истории отечественного востоковедения.

Те, кто знал востоковедов 20—60-х годов, как это ни печально, тоже уже уходят из жизни. Как точно подметил писатель В. Карпов: «И остается для потомков то, что удастся запечатлеть на бумаге. Оказывается, бумага при всей ее непрочности — самый надежный материал, на котором оседает и хранится история». Именно поэтому родилась эта книга.

После ученых остаются их труды, которые продолжают служить людям. Живут и труды, написанные нашими предшественниками. И со знакомства с ними начинается работа молодой исследователь. Так пусть он узнает об их авторах и прочтет представленные в этой книге очерки.

Продолжать коллективными усилиями развивать дальше востоковедение — вот лучший способ отдать

должное памяти тех, кто начинал его, и обеспечить преемственность отечественной ориенталистики.

¹ Новая история колониальных и зависимых стран. Т. I. Государственное социально-экономическое издательство. М., 1940.

² Новая история стран зарубежного Востока. Т. I—II. Издательство Московского Университета. 1952.

³ Оружием слова. Статьи и воспоминания советских востоковедов. 1941—1945 гг. М., 1985, с. 242.

⁴ Например, об А. А. Губере, специалисте по Юго-Восточной Азии и создателе научной школы по изучению стран этого региона, см.: *Гневушева Е. И.* Академик Александр Андреевич Губер. М., 1986.

⁵ Правда. 18.09.1984.

Г. И. Подпалова

ВЫДАЮЩИЙСЯ СОВЕТСКИЙ
ЯПОНОВЕД А. Л. ГАЛЬПЕРИН
(1896—1960)

Доктор исторических наук профессор Александр Львович Гальперин — выдающийся представитель советского востоковедения. Он посвятил себя изучению истории и экономики Японии и много лет вел плодотворную научно-исследовательскую работу. Круг научных интересов Александра Львовича был очень широк — его внимание привлекали различные проблемы средневековой, новой и новейшей истории Японии. Кроме того, он глубоко изучал международные отношения на Дальнем Востоке, в частности японо-английские отношения, живо интересовался историей русского востоковедения. Каждая его работа давала нечто новое и полезное для советского востоковедения; его труды известны и зарубежным ориенталистам.

Александр Львович Гальперин активно участвовал в научной жизни востоковедов Москвы, выступал с теоретическими докладами на заседаниях исторической секции Института востоковедения АН СССР, на кафедре стран Дальнего Востока Института восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки) при МГУ и в других организациях, помогая уточнению периодизации, изучению общих закономерностей и особенностей исторического развития стран Востока, участвовал в создании крупных обобщающих трудов по истории Японии.

Много сил вложил А. Л. Гальперин в дело воспитания молодых востоковедов-историков — более двадцати пяти лет он преподавал в высших востоковедных учебных заведениях СССР.

А. Л. Гальперин внес значительный вклад в советское японоведение и по праву занимает в нем одно из ведущих мест.

Александр Львович Гальперин родился 17 июня

1896 г. в Баку, в семье врача. Вскоре вся семья переехала в Москву. Здесь Александр Львович в 1913 г. с золотой медалью окончил гимназию, а затем отправился в Петербург и поступил в университет на историко-филологический факультет. В том же году умер его отец, и молодому студенту пришлось не только учиться, но и зарабатывать на жизнь, давая уроки и выполняя различные случайные работы. Первая мировая война прервала его занятия: в 1916 г. А. Л. Гальперин был направлен на фронт санитаром в составе отряда петроградского Красного Креста, сформированного из студентов.

После Великой Октябрьской революции А. Л. Гальперин вернулся с фронта в Петроград и с энтузиазмом включился в работу университетской организации РСДРП. Возобновив обучение на историко-филологическом факультете, он заинтересовался странами Востока и, продолжая занятия на четвертом курсе университета, поступил на японское отделение Петроградского института живых восточных языков. В 1922 г. он окончил исторический факультет Петроградского университета, а в 1924 г. — японское отделение института восточных языков.

Вскоре Александр Львович женился на Кире Николаевне Жуковской. Она прекрасно владела французским, немецким, английским языками и всегда была верным другом и помощником Александра Львовича, она много сделала для посмертного издания его последней работы «Очерки социально-политической истории Японии в период позднего феодализма».

Из Ленинграда А. Л. Гальперин был направлен на работу в Москву, в Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), где работал в течение десяти лет (до 1934 г.) старшим экономистом и на других должностях.

В 1927 г. А. Л. Гальперин написал свою первую научную работу, в которой он рассматривал основные направления японской эмиграции, ее численность в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке, США и в других странах, положение эмигрантов¹. С 30-х годов он занялся важной проблемой — изучением топливных ресурсов тихоокеанского бассейна и состоянием нефтяного баланса Японии. Появились его статьи о нефтяных рынках. Изучение топливной базы капиталистических стран и их борьбы за захват азиатской нефти он проводил не только с точки зрения экономических последствий, но и

под более широким углом зрения их политического соперничества.

В 1929 г. А. Л. Гальперин написал интересную работу — «Экономические предпосылки национально-революционного движения в Индонезии»². В ней он проявил качества вдумчивого исследователя, увидевшего за сухими цифрами колониальных прибылей Голландии, Англии, США и других капиталистических стран нищету индонезийского народа и его стремление к национальному освобождению. За время работы в ВСНХ он развил в себе навыки экономического мышления, что помогало ему в дальнейших исторических исследованиях, придавая им более глубокий и доказательный характер.

Изучая мировые экономические рынки, А. Л. Гальперин настойчиво подходит все ближе к исследованию экономики Японии в целом. В 30-е годы им публиковались заметки об экономике Японии и Китая.

Педагогическую деятельность А. Л. Гальперин начал в 1932 г. и не оставлял ее до последних лет жизни. Работая в 1934—1941 гг. преподавателем страноведения (по Японии) в Военной академии им. М. В. Фрунзе, он стремился к тому, чтобы слушатели получали точные и глубокие знания об экономике, политике и общественной жизни Японии. Принимал он участие и в разработке соответствующих программ, в составлении научных пособий. Широкий профиль страноведения как научной дисциплины, включающей экономическую географию, политический строй, историю страны и культуру ее народа, требовал от преподавателя подготовленности по самым разнообразным вопросам. Это обстоятельство также помогало формированию качеств А. Л. Гальперина как японоведа, пытливого аналитического подхода к истории изучаемой страны и к событиям международной жизни.

В 1934 г. А. Л. Гальперин перешел из ВСНХ в Институт мирового хозяйства и мировой политики при Коммунистической академии на должность старшего научного сотрудника. Свои экономические исследования он в том же году завершил статьей «Японская экспансия в Индонезию, Малайские Штаты и Филиппины»³. В этой работе заметно желание автора не ограничиваться практическими задачами изучения отдельных отраслей промышленности, а заниматься исследованием широких вопросов экономического и политического положения стран Востока.

А. Л. Гальперин

Александр Львович внимательно следил за новыми работами советских японоведов. Он написал развернутую рецензию на первый в советском японоведении большой труд К. М. Попова «Экономика Японии» (1937), отметив его своевременность и полезность и оценив как дающий полную картину размещения экономических ресурсов в стране, состояния всех отраслей народного хозяйства, транспорта и т. п. Напечатал он также рецензии на книги «Япония» Х. Т. Эйдуса (1939), «История Японии. Краткий очерк» Е. М. Жукова (1939) и др.

В это время А. Л. Гальперин начинает изучать вопросы внешней политики Японии и составляет синхронистические таблицы событий, происходивших в тихоокеанском бассейне⁴. Построенные на важнейшей документации того времени и последовательно публиковавшиеся, таблицы эти служили и служат ценным пособием не

только для историков-востоковедов, но и для международных. Эти разработки легли в основу кандидатской диссертации А. Л. Гальперина, которую он защитил в 1939 г. в Институте мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. В марте 1940 г. он был утвержден ВАК в ученном звании доцента Военной академии им. Фрунзе.

Во время Великой Отечественной войны А. Л. Гальперин находился в Москве. Как советский патриот, он наравне со всеми нес вахту по защите столицы от налетов гитлеровской авиации, а как японоведец выступал с печатными работами и лекциями, разоблачая подготовку японских империалистов к войне против СССР на Востоке. С декабря 1941 по 1945 г. А. Л. Гальперин преподавал в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина; он читал курс новой и новейшей истории стран Востока и в течение двух лет исполнял обязанности заведующего кафедрой новой истории. Этот период стал новым этапом научного пути Александра Львовича. Он не оставлял изучения экономики Японии, издал брошюру о ее экономических ресурсах (1942), но главное внимание уделял детальному изучению политики стран Востока — каждой в отдельности и всего сложного комплекса их взаимоотношений, а также их связей с другими странами мира.

Не случайно поэтому после перехода в 1943 г. на работу в Тихоокеанский институт АН СССР при выборе темы для большого исследования А. Л. Гальперин остановился на истории японо-английского союза (на всех этапах его действия — с 1902 по 1921 г.) — проблеме, с которой был связан сложный узел международных противоречий. Этот солидный труд⁵ посвящен истории англо-японских отношений, в частности истории заключения и действия трех японо-английских договоров 1902, 1905 и 1911 гг. Кроме того, в начале книги автор кратко говорит о самом раннем периоде взаимоотношений обеих стран, а в заключении — о последнем этапе этих отношений, приведших бывших союзников к войне в 1941 г.

Автор на основе большого количества документов утверждал, что англо-японский союз был следствием всей дальневосточной политики Англии, доказал его агрессивный характер и сначала антирусскую, а затем антисоветскую направленность. В книге впервые рассмотрены в тесной взаимосвязи с английской политикой на Даль-

нем Востоке происки Англии в Турции против России. Логикой фактов автор опровергает лженаучные теории об «оборонительном» характере англо-японского союза и разоблачает попытки возложить ответственность за русско-японскую войну 1904—1905 гг. только на царскую Россию как якобы единственного агрессора на Дальнем Востоке. Он отмечает, что «более активная политика России на Дальнем Востоке, которую царское правительство стало здесь проводить после 1895 г., объяснялась не только его агрессивными планами и намерениями, но и той серьезной угрозой, которая создавалась для позиции России на Дальнем Востоке в результате победы Японии над Китаем, усиления захватнических планов Японии и огромной программы ее вооружений» (с. 55). Наконец, автор показал, как обострение противоречий между партнерами, возникших в связи с колоссальными захватами Японии в Китае, отступило на второй план перед общими целями японской и английской реакции, направленными на то, чтобы военной интервенцией и блокадой задушить молодую Советскую республику.

Книга А. Л. Гальперина представляет собой ценное историческое исследование, она написана в итоге тщательного изучения разнообразных материалов — архивных источников, публикаций, трудов русских, японских и англоязычных авторов, японской периодики и т. д. Это серьезный вклад в изучение истории международных отношений на Дальнем Востоке. Монография «Англо-японский союз» была защищена А. Л. Гальпериным в октябре 1947 г. как докторская диссертация на историческом факультете МГУ, где с 1945 г. он читал курс истории Японии.

Это исследование положило начало его дальнейшим работам в области международных отношений в Институте востоковедения АН СССР. В 1951 г. Александр Львович участвует в написании коллективной монографии «Международные отношения на Дальнем Востоке», получившей положительную оценку советской общественности и выдержавшей второе издание в 1956 г., а третье — в 1973 г. В главе III, принадлежавшей его перу, освещены история стран Азии от русско-японской до первой мировой войны, влияние на эти страны революции 1905 г. в России и другие вопросы; в написанной им же главе VII раскрывается усиление могущества СССР и возросшее значение Советской державы в де-

лах Дальнего Востока, а также разоблачается провокационная политика японского империализма и стремление других империалистических стран подтолкнуть Японию на войну против Советского Союза.

В первой половине 50-х годов А. Л. Гальперин написал ряд статей по некоторым международным проблемам Дальнего Востока: о корейском вопросе накануне аннексии Кореи Японией, о японской и англо-американской дипломатии во время русско-японской войны 1904—1905 гг., о подготовке Портсмутской мирной конференции⁶. Эти статьи были самостоятельными исследованиями некоторых узловых проблем, ранее затронутых автором в его монографии. В них содержался новый интересный материал, раскрывалось значение и место этих проблем в клубке империалистических противоречий на Дальнем Востоке.

Александр Львович продолжал также исследования в области новейшей истории Японии. Он — один из авторов трудов «Новейшая история стран зарубежного Востока (1929—1939)» (1955) и «Очерки новейшей истории Японии» (1957). В первой книге им написан раздел «Япония в период мирового экономического кризиса и образования очага войны на Дальнем Востоке (1929—1937)», а во второй — главы «Япония в годы временной частичной стабилизации капитализма (1924—1929)» и «Япония в период мирового экономического кризиса и развязывания войны на Дальнем Востоке (1929—1937)». В них он излагал новейшую историю Японии за эти годы с упором на внешнеполитическую сторону проблемы.

Плодотворно работал А. Л. Гальперин и над проблемами японского феодализма. Совместно с академиком Н. И. Конрадом он написал главы о Японии в учебнике «История стран зарубежного Востока в средние века» (1957), а также раздел «История феодальной Японии» в 4-м томе «Всемирной истории» (1958). Для 6-го тома этого же издания им написана «Новая история Японии (XVII—XIX вв.)» (1959). В эти же годы ученый выступил в печати с большими исследованиями по истории Японии позднефеодального периода, называемого японскими историками «эпохой Токугава» по имени стоявшей у власти династии или «эпохой Эдо» по столице того времени (нынешний Токио).

Много сил он уделил крупному историческому исследованию «Очерки новой истории Японии» (1958) — кол-

лективному труду научных сотрудников Отдела Японии Института востоковедения, работа над которым продолжалась более трех лет. А. Л. Гальперин составил проект этого исследования, написал большой раздел о позднефеодальной Японии, используя довольно многочисленные работы советских японоведов-медиевистов, вел редактирование всей книги. Книга получила весьма положительную оценку. Некоторым особенностям объединения Японии и ее изоляции при Токугава он посвятил свой последний доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов⁷, состоявшемся в августе 1960 г. в Москве.

А. Л. Гальперин готовил большую монографию по истории феодальной Японии. К сожалению, план этот полностью осуществлен не был, автор успел написать лишь половину намеченной книги по социально-политической истории Японии в XVII — первой половине XVIII в.⁸, изданной посмертно. Этот труд стал итогом той большой работы, которую вел Александр Львович в связи с изданием упомянутых «Очерков новой истории Японии», написанием в них своего раздела, охватывавшего 1640—1867 гг. В книге освещены, научно определены и проанализированы важнейшие вехи и события истории Японии этого периода. Глубже, подробнее и интереснее, чем до сих пор, был разработан раздел о внешней политике Японии, ее экспансии в страны ЮВА; внимательно изучено развитие товарно-денежных отношений во второй половине XVII — начале XVIII в.; рассмотрено положение японской деревни. Ценным приложением являются таблицы и другие материалы, нередко составленные самим автором на основе новейших японских исторических работ.

Исследования Японии времен позднего феодализма подводили А. Л. Гальперина к изучению событий 1868 г. — незавершенной буржуазной революции в Японии⁹. Естественно поэтому, что он уделял пристальное внимание генезису капитализма в этой стране¹⁰, относя его к 1640 г., а также социально-экономическим предпосылкам революции 1868 г. Этой нестареющей проблеме он посвятил ряд статей и докладов.

В последние годы Александр Львович еще больше расширил круг своих исследований. Много внимания стал он уделять истории русского востоковедения, постоянно современной японской историографии. Занимаясь изучением истории востоковедной науки в России,

он ознакомился с трудами русских востоковедов о Китае и Японии. Итогом явились две статьи — «Изучение зарубежных стран Дальнего Востока»¹¹, насыщенная большим фактическим материалом о раннем периоде русской востоковедной науки, и «Русская историческая наука о зарубежном Дальнем Востоке»¹². В 1960 г. в Институте востоковедения А. Л. Гальперин возглавил группу ученых, работавших над составлением коллективной монографии по истории русского и советского востоковедения, а также группу, готовившую другой коллективный труд — «Генезис капитализма в странах Востока».

А. Л. Гальперин живо интересовался состоянием современной исторической науки в Японии¹³, особенно деятельностью представителей ее прогрессивного направления, стремился к тесному сотрудничеству с этими японскими историками. Он рекомендовал к изданию и принимал деятельное участие в подготовке к выпуску на русском языке некоторых крупных японских исторических трудов¹⁴, помещал рецензии на японские книги по истории¹⁵, содействовал ознакомлению советской общественности с трудами прогрессивных японских ученых¹⁶.

Он никогда не был кабинетным ученым, неизменно активно участвовал в научной жизни тех научно-исследовательских и учебных заведений, где работал: состоял членом Ученого совета Тихоокеанского института, Института востоковедения АН СССР, был членом исторической секции этого института, вел большую работу как старший научный сотрудник Отдела Японии. Почти каждая книга по истории Японии, выпущенная отделом, создавалась при его участии в качестве автора, редактора или рецензента. Требовательно и взыскательно относился он ко всем этим работам, но вместе с тем не жалел времени на помощь их авторам. Выступления А. Л. Гальперина на заседаниях Отдела Японии всегда отличались глубоким содержанием, принципиальностью и большим тактом. С неизменной доброжелательностью и вниманием относился он к своим коллегам, особенно к молодым ученым.

Долгое время работая преподавателем в различных высших учебных заведениях, А. Л. Гальперин старался дать своим многочисленным ученикам прочные знания по истории Японии, поднять их интерес к изучаемой стране. Он внимательно присматривался к ним, содействовал отбору лучших на научно-исследовательскую работу. А. Л. Гальперин руководил многими аспирантами в

МГУ и ИВ АН СССР, настойчиво помогал им преодолеть трудности. Немало из кандидатских диссертаций, защищенных его учениками, были впоследствии опубликованы отдельными монографиями.

До последних дней А. Л. Гальперин был полон творческих сил. Он обладал большой трудоспособностью, отдавался работе со всем жаром сердца, с подлинным вдохновением, забывая об отдыхе. Последние годы жизни ученого были особенно плодотворны. Труды этих лет отличаются высоким научным уровнем, говорят о непрерывном творческом росте. Всего А. Л. Гальперин написал около восьмидесяти работ, общий объем которых превышает двести печатных листов.

Деятельность А. Л. Гальперина получила высокую оценку: за многолетнюю научно-исследовательскую и педагогическую работу он был награжден орденом «Знак Почета» и медалями. В 1958 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

До последних минут своей жизни А. Л. Гальперин как ученый находился на боевом посту. На XXV Международном конгрессе востоковедов А. Л. Гальперин достойно представлял советскую науку. Он выступил с содержательным докладом, участвовал в обсуждении докладов японских и других иностранных ученых. Умер он от внезапного паралича сердца на утреннем заседании японской секции 12 августа 1960 г. Смерть Александра Львовича Гальперина была тяжелой утратой для советского востоковедения. Для всех знавших его — это потеря чуткого, всегда отзывчивого друга, человека замечательной души и большого сердца.

¹ Гальперин А. Л. Японская эмиграция.— Мировое хозяйство и мировая политика. М., 1927, № 10—11.

² Гальперин А. Л. Экономические предпосылки национально-революционного движения в Индонезии.— Новый Восток. М., 1929.

³ Гальперин А. Л. Японская экспансия в Индонезию, Малайские Штаты и Филиппины.— Тихий океан. М., 1934, № 1.

⁴ Гальперин А. Л. Хроника событий на Тихом океане 1921—1930 гг.— Тихий океан. 1937, № 1—4.

⁵ Гальперин А. Л. Англо-японский союз. 1902—1921 годы. М., 1947.

⁶ Гальперин А. Л. Корейский вопрос в международных отношениях накануне аннексии Кореи Японией (1905—1910).— Вопросы истории. М., 1951, № 2; он же. Из истории японской и американо-английской дипломатии во время русско-японской войны 1904—1905 гг.— Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М., 1952; он же. Дипломатическая подготовка Портсмутской мирной кон-

ференции японо-англо-американским блоком.— Исторические записки. Т. 50. М., 1955.

⁷ Гальперин А. Л. Некоторые вопросы объединения и изоляции Японии при первых Токугава (Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов). М., 1960.

⁸ Гальперин А. Л. Очерки социально-политической истории Японии в период позднего феодализма. М., 1963.

⁹ Гальперин А. Л. Социально-экономические предпосылки буржуазной революции в Японии.— Ученые записки ИВ АН СССР. Т. 23. М., 1959.

¹⁰ Гальперин А. Л. К вопросу о генезисе капитализма в Японии.— О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.). М., 1962.

¹¹ Гальперин А. Л. Изучение зарубежных стран Дальнего Востока.— Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955.

¹² Гальперин А. Л. Русская историческая наука о зарубежном Дальнем Востоке в XVII — середине XIX в. (Краткий обзор).— Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956.

¹³ Гальперин А. Л. О некоторых особенностях прогрессивного направления в современной исторической науке Японии.— Вопросы истории. 1956, № 10.

¹⁴ Гальперин А. Л. Вступительная статья.— *Табохаси Киёси*. Дипломатическая история японо-китайской войны (1894—1895 гг.). Пер. с яп. яз. М., 1956.

¹⁵ Гальперин А. Л. [Рец. на:] «Японский исторический атлас» и «Сборник документов и материалов по истории Японии».— Советское востоковедение. 1958, № 6.

¹⁶ Гальперин А. Л. Вступительная статья.— *Хани Горо*. История японского народа. Пер. с яп. яз. М., 1957.

*Г. Д. Тягай, В. Б. Воронцов**

УЧИТЕЛЬ
АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ ГАЛЬПЕРИН

Ученики Александра Львовича Гальперина составляют большую школу японоведов, корееведов, китаеведов, специалистов по истории международных отношений стран Дальнего Востока, русской и зарубежной востоковедной историографии. Среди них многие стали докторами и кандидатами наук, ныне имеют своих учеников. Педагогическая деятельность Александра Львовича развернулась после второй мировой войны. В эти годы особенно возрос интерес общественности к судьбам народов Востока, их истории, культуре, традициям, борьбе за национальную независимость, социально-экономическому положению, международным отношениям.

В 1944 г. на историческом факультете Московского государственного университета открылось Отделение Востока с кафедрами Ближнего Востока, Среднего Востока, Дальнего Востока. Последней заведовал тогда еще молодой доктор исторических наук Евгений Михайлович Жуков. Средневековую и новую историю Японии преподавал Александр Львович Гальперин, зарекомендовавший себя в это время как ученый широкого профиля в области истории не только Японии и международных отношений на Дальнем Востоке, но и стран этого региона и Юго-Восточной Азии. В эти же годы Александр Львович стал зачинателем новой отрасли востоковедной науки — истории изучения Востока в России и буржуазной историографии стран Дальнего Востока.

Первая японская группа Отделения Востока исторического факультета насчитывала всего шесть человек. С самого начала Александр Львович стремился привить ученикам профессиональное отношение к избранному

* Первая часть статьи написана Г. Д. Тягай, вторая — В. Б. Воронцовым.

делу, был строг и нелюдобен в оценке курсовых и дипломных работ, критиковал нас (и весьма серьезно) за поверхностный анализ исторических фактов. Он решительно отвергал ученические сочинения, написанные на основе компиляции уже опубликованных книг.

Александр Львович прилагал огромные усилия, чтобы молодые японисты по окончании учебы работали по специальности. Многие востоковеды обязаны своему учителю тем, что в трудные времена (конец 40-х — начало 50-х годов) они смогли найти применение знаниям, полученным на восточных факультетах, — поступить в аспирантуру либо на работу в практические организации. Александр Львович следил за судьбой каждого ученика и стремился, чтобы те, кто проявил склонность к научным исследованиям, продолжали работать в этом направлении.

Будучи мягким от природы, Александр Львович становился в трудные минуты настойчивым, даже жестким, умеющим внушить веру в собственные силы, не дать человеку потеряться в круговороте жизни. Все это я испытала на собственном опыте, когда в 1946 г. поступила в аспирантуру Тихоокеанского института Академии наук и в том же году была неожиданно отчислена «по сокращению контингента аспирантуры» — по предписанию отдела аспирантуры Президиума АН СССР. Дирекция института — Е. М. Жуков, А. А. Губер, Б. Н. Рубцов и мой научный руководитель А. Л. Гальперин проявили настойчивость, и в 1948 г. благодаря их стараниям я была восстановлена в аспирантуре этого института.

Это были трудные годы «борьбы с космополитизмом». У Александра Львовича было много неприятностей. Его обвиняли в излишнем использовании японских и английских источников и литературы в исследованиях по истории Японии и по международным отношениям на Дальнем Востоке, в буржуазном космополитизме. Однако Александр Львович умел даже в эти тяжелые дни и месяцы заботиться о других. Он постоянно звонил мне, требовал «не отчаиваться», продолжать работать над диссертацией.

В начале 50-х годов у Александра Львовича появилось много аспирантов из Института востоковедения АН, а затем из Института восточных языков при МГУ. Так постепенно стала складываться школа А. Л. Гальперина. Он находил для своих аспирантов наиболее инте-

ресные, актуальные, неизучённые темы, заражал их страстью исследователя. Умение читать источник, выделить главное из массы данных учитель считал едва ли не основным для начинающего ученого. Работа над диссертацией должна была стать главной в жизни аспиранта, отодвинуть на второй план все остальное. Мне пришлось быть свидетелем того, как был изумлен Александр Львович, когда услышал жалобу аспиранта, что чтение средневековой корейской летописи занимает много времени, за день прочтено всего несколько строк. «Но ведь то, что вы прочли, ранее не было известно науке. Как же вы можете сетовать на потраченное время?» — искренне поражался Александр Львович.

Он умел радоваться вместе со своими учениками, а иногда и больше, чем они сами, каждому найденному факту, который помогал по-новому осмыслить то или иное историческое событие, обогатить востоковедческую науку.

Добрый, отзывчивый человек, Александр Львович становился строг, требователен к своим студентам, аспирантам. Каждая написанная глава диссертации, даже каждый небольшой раздел, вышедший из-под пера его учеников, подвергался скрупулезному критическому разбору учителя. Он не жалел своего времени, многократно перечитывал еще крайне слабые «писания», далекие от того, чтобы быть названными научными трудами. Не подсказывая решения возникших проблем, он стремился в беседах (а они выливались в многочасовые обсуждения) направить авторов этих незрелых сочинений на путь настоящего научного поиска.

Мне довелось под руководством Александра Львовича писать диссертацию по новой истории Кореи — о крестьянском восстании 1894 г. После освобождения Кореи Советской Армией в августе 1945 г. от японского колониального ига советская общественность стала проявлять живой интерес к судьбе народа-соседа. Нужны были книги по истории, культуре, социальным проблемам, но не было специалистов по Корее. Малочисленные кадры авторов книг, статей по Корее, писавших в 20—30-е годы, либо стали жертвами репрессий в годы культа личности, либо погибли на полях сражений Отечественной войны. Корееведение надо было создавать заново. Александр Львович, ранее не занимавшийся специально историей Кореи, стал руководителем аспирантов по этой стране. Вместе с ними он разрабатывал

ранее не известные страницы истории корейского народа. Естественно, что требования учителя к аспирантам, изучающим Корею, были столь же бескомпромиссны, как и к японоведам, хотя изучение Кореи изобиловало многочисленными трудностями, что свойственно новым отраслям наук. Но не в принципах учителя было делать скидку в научных исследованиях, оправдывать неудачи учеников сложностью тематики, недостатком источников.

На всю жизнь запомнилось мне, как после длительной работы я отдала раздел кандидатской диссертации на суд своего учителя. Вскоре раздался телефонный звонок и рассерженный Александр Львович гневно сказал: «Вы прочли свое писание? У меня волосы встали дыбом, когда я познакомился с вашей работой». Сквозь слезы я пролепетала какие-то жалкие слова, понимая в глубине души, сколь беспомощны мои оправдания. Однако через двадцать минут вновь раздался звонок и мой учитель сказал: «Приходите ко мне. Подумаем вместе, как устранить недостатки». Александр Львович, этот добрейший человек, прекрасный педагог, не мог лишить своего ученика веры в свои силы, в возможность успеха. Более того, он радовался малейшим находкам аспирантов, выяснению спорных вопросов. Он умел хвалить и не жалел эпитетов, если видел глубокий интерес аспиранта, его честное отношение к исследованию.

Вместе со мной учились в аспирантуре (в разные годы) В. А. Попов, Г. Б. Навлицкая, И. М. Сырицын, А. А. Искендеров, И. В. Василевская, В. А. Дольникова и многие другие. Различны были страны и темы их диссертаций. Но все они, как и ученики более поздних лет, пользовались неизменным строгим и постоянным вниманием учителя. У Александра Львовича не было «любимчиков». Его аспирант входил в его жизнь, становился его неизменной заботой. Его беспокоило все, вплоть до личной жизни подопечных. Ведь от этого зависели настроение, способность успешно и регулярно работать. И учитель знал и хотел знать все о своих учениках.

Вокруг Александра Львовича всегда складывалась атмосфера требовательной доброжелательности. Энциклопедические знания, щедрость души привлекали к нему не только его студентов, аспирантов, но и зрелых востоковедов, а также работников практических орга-

низаций. К нему шли за советом, помощью. Многие из этих работников при дружеской поддержке Александра Львовича написали диссертации, книги, другие переходили с практической работы на научное поприще. С большим вниманием, необыкновенной человеческой чуткостью он относился к этим специалистам, прекрасно знающим страны Востока и восточные языки, помогая найти свой путь в науке. В начале 50-х годов, сияя доброй улыбкой, Александр Львович как-то сказал: «Знаете, появился человек, который решил заняться буржуазной историографией Китая. Он прекрасно знает страну, и поэтому успех обеспечен». Речь шла о Б. Н. Занегине, ныне докторе исторических наук.

Прошли годы студенчества, аспирантуры. Александр Львович для большинства своих учеников стал старшим товарищем, другом. Тогда еще больше раскрылись обаяние личности учителя, его поразительная скромность, доброта, высочайшая культура.

Мне посчастливилось жить неподалеку от Александра Львовича. После работы (Институт востоковедения находился в Армянском переулке) мы обычно шли пешком на наш любимый старый Арбат. По дороге велись бесконечные беседы, обсуждались самые различные вопросы. В конце 50-х годов Александра Львовича выдвигали в члены-корреспонденты Академии наук СССР. Он отнесся к этому спокойно, иронически, считая, что ученого красят только его труды, а не звания, чины. Он был совсем не тщеславен и ценил только возможность спокойно трудиться.

Часто я бывала в гостеприимной семье Гальпериных. Он жил в одной комнате большой, густонаселенной квартиры в Кривоарбатском переулке. Комната служила столовой, спальней, библиотекой, кабинетом ученого. Книги (более четырех тысяч) лежали повсюду: на обеденном и на письменном столах, на стульях, подоконниках. Прежде чем сесть, надо было найти свободный стул. Александр Львович не замечал неудобств быта: шума в коридоре, пьяного соседа. Комнату постоянно наполняли ученики, друзья. Гостеприимство хозяина и его жены Киры Николаевны скрадывало эти неудобства.

Казалось, Александр Львович всецело поглощен работой в Институте востоковедения, преподаванием в университете и не замечает ничего вокруг. Но это было только внешнее впечатление: он видел и замечал все.

И помогал каждому в беде. Такой оказалась его соседка по квартире Рика Ефремовна. Молодая женщина в 1937 г. была арестована и выслана из Москвы. Она была одинока, без родных, без средств существования. Александр Львович отправлял ей в лагерь деньги, посылки. В 1946 г. с поселения Рика Ефремовна приехала в отпуск в Москву, где оказалась в довольно бедственном положении. В доме Гальпериных ее тепло приняли, обогрели, снабдили деньгами.

В середине 50-х годов я познакомилась с Рикой Ефремовной (к этому времени она была полностью реабилитирована) и узнала от нее о помощи и моральной поддержке Александра Львовича. Сам он никогда не говорил об этом, как и о многом другом, а ведь он буквально спасал людей, попавших в беду. В те годы нужно было обладать мужеством, силой духа, чтобы помогать жертвам репрессий. Позднее я встречала Рiku Ефремовну на праздновании дней рождения Александра Львовича, и она говорила о своей бесконечной благодарности ему.

У Александра Львовича не было понятия «выходной день». Но он и его жена любили людей, и хлебосольный дом Гальпериных не пустовал. Приходили просто «на огонек». Помню среди их друзей Н. И. Конрада, которого Александр Львович любил и которым восхищался, К. М. Попова, Н. К. Вайнцвайга, О. И. Забозлаеву, Б. М. Данцига, Ф. И. и А. И. Куликовых, писателя Л. Э. Разгона. Особенно уютно и тепло проходили дни рождения, праздники, встречи Нового года. Александр Львович пел русские классические романсы, у него был прекрасный баритон.

Смерть наступила внезапно, на XXV конгрессе востоковедов, проходившем в 1960 г. в здании МГУ на Ленинских горах. Александр Львович должен был делать доклад на японской секции. Он поднял руку, чтобы пойти на трибуну, и умер. Наверное, прекрасная смерть для ученого. Но столь преждевременная, в расцвете творческих сил. Не хотелось верить, что не стало друга, учителя. Трудно было представить дальнейшую жизнь без него, без его участия, советов, общения с этим замечательным человеком.

Сейчас, по прошествии почти трех десятилетий после безвременной смерти Александра Львовича, особенно явственно проступают его высокие нравственные принципы, глубина и цельность его личности, талант ученого.

Талант историка? Вероятно, в среде представителей каждого поколения востоковедов он проявляется и воспринимается по-разному, особенно если иметь в виду специфику творчества, содержание и форму исторических трудов. Одно остается неизменным — любовь к своему делу, преданность лучшим традициям русской востоковедческой школы и, конечно, огромный труд. В начале 20-х годов, когда молодой Александр Гальперин закончил историко-филологический факультет Петроградского университета, ряды востоковедов пополнялись теми немногими молодыми специалистами, которые готовили себя к упорному труду.

Мне довелось встретиться с Александром Львовичем, когда он уже получил широкую известность как видный ученый-востоковед и международник не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. С первой его научной работой советский читатель познакомился в 1927 г., когда ее автору шел 31-й год. С той поры вся его жизнь, вплоть до последних ее минут, являла пример преданности любимому делу, необыкновенной стойкости перед лицом разных невзгод. Мы, все те, кто хорошо знал Александра Львовича и ценил дружбу с ним, навсегда запоем тот трагический для всех нас день, когда во время работы конгресса востоковедов случилось непоправимое: ослабленное сердце ученого не выдержало нервных перегрузок. А ведь врачи так советовали бросить все, уехать на лоно природы, чтобы продлить годы жизни. Нет, Александр Львович не мог быть вне окружавшей его научной атмосферы, без архивов, без своих учеников. Он ушел рано, оставив богатое наследие талантливого историка, видного японоведа, известного международного.

Чему мы, аспиранты 50-х годов, могли научиться у своего руководителя А. Л. Гальперина?

Прежде всего он поражал способностью сконцентрировать свои творческие силы на главном направлении исследований. Помню, как свое согласие на научное руководство моей диссертацией он оговорил одним условием — не выходить за определенные хронологические рамки. Так была выбрана тема: «Корея в планах США в годы второй мировой войны». Целеустремленность в исследовании неизбежно способствовала мобилизации творческих возможностей научного руководителя, его

учеников, приводила к оптимальным результатам научного поиска.

Наш руководитель отличался гигантским трудолюбием. Ему неведомо было то, что в наше время называют «информационным бумом». Передо мной лежат несколько толстых тетрадей А. Л. Гальперина (любезно переданных мне вдовой ученого — Кирой Николаевной Жуковской). Страницы исписаны мелким почерком, обилие цифр, фактов, аккуратно вклеены вырезки из газет и журналов и самое главное — подробные выписки из архивов, сопровождаемые собственными пометками, замечаниями. На этих страницах, как в зеркале, отражен кропотливый поиск исследователя, необыкновенное трудолюбие, недюжинные творческие способности.

Разве можно забыть скромность, которая присуща истинным ученым? Александру Львовичу чужды были показуха, славословие, он никогда не выделял свои работы, не любил говорить о своих житейских проблемах, хотя их было немало. Ученики приходили к автору капитального, снискавшего мировую известность труда «Англо-японский союз» в небольшую комнатку в коммунальной квартире в одном из арбатских переулков. Здесь, под нависшими над головами томами профессорской библиотеки, работал, проводил часы досуга этот необыкновенный ученый и настоящий человек. Отсюда мы и проводили Александра Львовича Гальперина в его последний путь.

С. В. Чугров

«ВРЕМЯ ЛЕТИТ ПОДОБНО СТРЕЛЕ...»
О ЖИЗНИ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. М. КОНСТАНТИНОВА (1903—1967)

«Случилось это тринадцать лет тому назад...»

Да, примерно тринадцать лет тому назад, на предпоследнем курсе института я впервые прочел эти строки. Было это вот как. Историю Японии в Московском государственном институте международных отношений преподавала Эсфирь Яковлевна Файнберг, прекрасный специалист в области русско-японских отношений. Она настоятельно советовала нам, студентам, почитать «Сны о России», переведенные и изданные Владимиром Михайловичем Константиновым¹.

Так впервые я услышал это имя. Взял книгу в библиотеке, но раскрыл лишь поздно вечером, еще не будучи уверенным, что она подходит для чтения на сон грядущий. Но первые же строки, исполненные эпического спокойствия и неповторимого аромата приключенческого повествования, захватили меня: «Случилось это тринадцать лет тому назад. В 1-м году Тэммэй, то есть в год Быка, младшего брата Металла, в 13-й день 12-й луны из бухты Тоба, что в провинции Сисю, отправился в плавание корабль „Камиясу-мару“, принадлежащий Хикобэю из села Сироко провинции Сэйсю, имея на борту груз риса каймай из провинции Кисю, который сопровождал уванори Сакудзиро; [экипаж корабля состоял из] капитана Кодаю и матросов общим числом двенадцать человек».

Как вы, наверно, почувствовали, понять текст без разъяснений просто невысказимо. Недаром В. М. Константинов только на этот первый абзац дает восемь примечаний.

«Так прошла ночь. Рассвело, но не было ничего, что помогло бы определить направление,— со всех сторон только гряды волн и облаков. Не пролетало ни одной

птицы. Весла и руль были давно сломаны и смыты, и было трудно куда-нибудь направить корабль: оставалось голько нестись по воле волн...»

Так прошла ночь, наполненная описаниями скитаний капитана Кодаю и его друзей по разным уголкам Российского государства конца XVIII в. Уже рассвело, когда я закрыл эту удивительную книгу. Собственно, чтение текста «Оросиякоку суймудан» много времени не занимает. Именно комментарии к нему наполняют японскую рукопись живым современным смыслом.

Владимир Михайлович корректно поправляет летописца, ведет с ним научную дискуссию. «Сия рукопись, как видно из заглавия, есть запись рассказов во сне,— предупреждает летописец.— В этих рассказах имеется и такое, что стоит послушать, а коли что окажется и не так, то отнеситесь к этому, как к сонному бреду, и не посетуйте на него». Такая прическа сделана, по мнению японского исследователя Ёсино Сакудзо, летописцем, чтобы избежать придинок властей, которые отнюдь не приветствовали публикаций сведений о чужих странах. Комментатор уверенно и с большим тактом ведет нас по страницам исторического памятника, разъясняя скрытый смысл недомолвок, намеков, умолчаний. Для меня эта книга — образец исследовательского труда. Донести всю информационную насыщенность памятника (до коллег-ученых), всю непосредственность и богатство его стиля (до читателей) подчас бывает гораздо труднее, чем написать пухлую монографию о нем.

Пришлось столь пространно рассказать о своей первой встрече с научным наследием Владимира Михайловича Константинова, чтобы объяснить скрытую причину проявившегося впоследствии обостренного интереса к его личности.

Это случилось много позже, в начале 80-х годов. Конкретный повод к тому — выход в свет в Японии книги писателя Моримурэ Сэйити «Акума-но хосёку» (в переводе моего учителя С. В. Неверова эта книга вышла на русском языке в мае 1984 г. под заголовком «Кухня дьявола»). В книге идет речь о чудовишных опытах, которые проводил печально известный «отряд 731» японской Квантунской армии над военнопленными в оккупированной Маньчжурии. Их заражали чумой, сибирской язвой и другими страшными болезнями, подвергали вскрытию заживо, длительному облучению рентгеновскими лучами, высушиванию горячим воздухом.

Крупная заслуга Моримуры состоит в том, что он проследил дальнейший путь начальника «отряда 731» генерал-лейтенанта Исии и его подручных, раскрыл их циничную сделку с Пентагоном. Книгу Моримуры по достоинству оценила печать. Но, читая многочисленные статьи в нашей печати, посвященные «конвейеру смерти» под Харбином, ловишь себя на мысли, что к заслугам Моримуры относят и раскрытие перед общественностью содержания преступной деятельности «убийц в белых халатах».

Как известно, наиболее полно преступления «отряда 731» описаны в «Материалах судебного процесса», который проходил в Хабаровске в декабре 1949 г. Эти материалы были переведены и изданы в Японии, на это издание постоянно ссылается и сам Моримура. А между тем одной из ключевых фигур, раскрывших замыслы японской военщины против Советского Союза, был Владимир Михайлович Константинов. При расшифровке секретных документов Квантунской армии, попавших в руки Советской Армии, не раз обращалось внимание на частое повторение слов «токуи-ацукаи» (особые отправки) и «марута» (брезня). Что имелось в виду под этими терминами? Как утверждают очевидцы, Владимиру Михайловичу первому удалось разгадать страшный смысл — эти слова означали военнопленных, которых привозили на станцию Пинфань близ Харбина, в расположение «отряда 731» в качестве «человеческого материала» для медицинских опытов.

Разгадка этой тайны привела к быстрой расшифровке множества документов, из которых со всей определенностью следовало: Япония активно готовилась применить против Советского Союза бактериологическое оружие и накопила бактериологические средства в большом количестве. Эти документы и стали потом основой для подготовки и проведения Хабаровского открытого судебного процесса.

Так знакомство с материалами «отряда 731» опять-таки привело меня к личности В. М. Константинова. В истории остается много белых пятен; она, к сожалению, о многом умалчивает. Так ли уж редко случается, что заслуги человека остаются не то чтобы забытыми, а просто неизвестными. Сделанное Владимиром Михайловичем в годы войны и в ходе подготовки Хабаровского процесса оставалось неизвестным по хорошо понятным причинам — по условиям секретности военного вре-

мени. Да и потом, когда стало возможным все рассказать, Владимир Михайлович не любил говорить на эту тему.

Исторические умолчания можно и должно ликвидировать. Теперь уже можно и должно сказать, что заслуга расшифровки этих важных секретных документов Квантунской армии принадлежит В. М. Константинову. Конечно, он работал не один, бок о бок с ним трудились опытные эксперты, расшифровка документов — достижение всех этих людей. Но его знания, целеустремленность, интуиция, как утверждают его коллеги, во многом определили успех общего дела.

Что же это за удивительный человек, сочетавший в себе качества практического работника и ученого, оперативность конкретного мышления и склонность к глубокому, взвешенному анализу?

Историк, филолог, переводчик, консультант по военным вопросам, этнограф... Разговаривая с учеными, товарищами по работе Владимира Михайловича, знакомясь с его архивами, проникаешься не только чувством уважения к этому человеку, но и восхищением человеческими возможностями вообще.

Жизненный путь В. М. Константинова можно с полным основанием назвать научным подвигом. Труды, принесшие ему известность, созданы на последнем, коротком отрезке его жизни. Но все предшествовавшие достижения и испытания — это кропотливая подготовка заключительного этапа его биографии.

Владимир Михайлович Константинов родился в Иркутске 1 августа 1903 г. Родители его учительствовали. Отец еще в 1907 г. был осужден за принадлежность к РСДРП на восемь лет каторги с последующей ссылкой на вечное поселение в Якутскую губернию. Освободила его только революция.

Сын продолжил славные традиции. В партархиве Иркутска сохранилась такая запись о Владимире Михайловиче: «Был добровольцем в отряде 1-го Иркутского коминструкторского полка, оперировавшего против белобандитов в Балаганском уезде Иркутской губернии в марте и апреле 1921 года». В тот же год он был принят в партию.

Выбор своего пути в жизни не был прост. За плечами В. Константинова к тому времени было уже окончание Иркутского коммерческого училища. Но не о коммерции он мечтал. Судьба забросила Владимира

Михайловича в Кузбасс. Там он получил журналистское крещение: увлеченно работал литературным редактором одной из местных газет. Трудился по ночам, много писал, шлифовал свой литературный стиль.

В то время Владимир Михайлович сильно увлекся музыкой, играл на скрипке, приехал в Москву поступать в Консерваторию. Правда, оказалось, он опоздал. Раздумывал, не стать ли врачом, но в райкоме сказали, что стране нужны прежде всего инженеры. Он поступает в Московское высшее техническое училище имени Баумана. Проучился всего год. И не потому, что трудно давались технические дисциплины: математикой он по-настоящему увлекался еще раньше. Просто он не чувствовал удовлетворения и всерьез стал задумываться о своем призвании. Ему в руки попались книги по Востоку. И это оказалось его призванием.

Людей, встречавшихся с В. М. Константиновым поражала глубина и энциклопедичность его познаний, феноменально широкий круг его интересов. Он владел японским, китайским, несколькими европейскими языками, блестяще знал историю, международные отношения, классическую литературу. Но в этом нет ничего удивительного: он окончил в 1927 г. японское отделение дипломатического факультета Московского института востоковедения. Работая в 1927—1933 гг. переводчиком-референтом советского военного атташе в Токио, он прослушал курс по японской истории и литературе в университете Васэда и получил диплом этого престижного учебного заведения.

Там, в Японии, Владимир Михайлович познакомился с тогда еще молодыми, начинающими учеными — литературоведом Курахарой Корэхито и будущим профессором университета Васэда — Куродой Тацуо. Дружбу с ними он пронес через всю жизнь. Пухлые пачки переписки с японскими коллегами свидетельствуют о постоянном обмене научными идеями, мнениями, суждениями. А когда много позже, в 1967 г., Владимир Михайлович приехал в командировку в Токио, маститый Курахара ушел на три дня из больницы, прервав лечение, и устроил банкет в честь своего друга. Но это было много позже...

Тогда, будучи переводчиком-референтом в Токио, Владимир Михайлович, уже имевший прочное знание японского языка, увлеченно изучал лингвистические тонкости, нюансы, которые стольгодились ему в

дальнейшей работе. Среди сотрудников посольства он славился отменным знанием японской идиоматики и, несмотря на свою молодость, пользовался большим авторитетом. И сами японцы не раз высказывали свое восхищение его виртуозным владением языком, подчас не веря, что он выучил его в Советской России. В подобных случаях молодой переводчик позволял себе подтрунить над изумленными японцами. Он, рассказывают, прищуривал глаза, приподнимал бровь и тихо, шепотом заговорщика сообщал: «Я дитя любви». Собеседники иногда чуть ли не всерьез воспринимали этот шуточный намек на его японское происхождение и начинали растерянно кивать головой, недоверчиво вглядываясь в статного, ражего сибиряка.

Штат переводчиков в Токио был небольшой. Работа, работа, работа... Но иногда удавалось выкроить время, чтобы поиграть в волейбол, поплавать в необыкновенно ласковом — тогда еще очень чистом — океане в Камакуре. Плавать Владимир Михайлович любил, чувствовал себя «как рыба в воде».

Знание японского языка, японских реалий он продолжал оттачивать уже дома, в Академии имени Фрунзе, которую окончил в 1938 г. Занимался с увлечением, время за книгами и учебниками пролетало стремительно. Пришла пора применить на практике полученные знания. Но судьба распорядилась по-своему...

Последующие годы стали для Владимира Михайловича временем суровых испытаний. По ложному обвинению он был осужден. Лишь в годы войны он получил возможность будучи в заключении, работать по специальности. В Чите, затем в Хабаровске он ни на один день не прекращает напряженной работы. Здесь и проявилось блестящее знание японского языка. Высокая квалификация В. М. Константинова и его большой вклад в раскрытие агрессивных замыслов милитаристской Японии (расшифровка японских секретных документов) были оценены, после войны ученому разрешена работа референта по Японии и Китаю. В Хабаровске выходят его первые научные труды под псевдонимом М. Аирский.

В 1954—1956 гг. Владимир Михайлович определяет свои научные интересы, перебирает различные темы для диссертационной работы, ведет переписку с московскими востоковедами, в частности с Н. И. Конрадом и Р. Қимом. К сожалению, годы испытаний в Чите и Ха-

баровске не прошли бесследно: закалив дух ученого, они подточили его здоровье. Иногда болезнь на долгие недели отрывает Владимира Михайловича от работы.

Цена знания и опыт В. М. Константинова, востоковеда хлопочут о его переводе. И вот наконец — Москва, крутой перелом в жизни ученого. В 1956 г. он, окрыленный открывшимися перспективами, приходит работать в Институт востоковедения Академии наук СССР младшим научным сотрудником. За три-четыре года Владимир Михайлович проделал гигантскую работу. Здесь ему и пригодился прочный багаж знаний и опыта, накопленный в предыдущие годы. Николай Иосифович Конрад пишет 15 марта 1960 г. в письме Владимиру Михайловичу: «Я очень ценю хорошее искреннее чувство со стороны людей, подобных Вам: честных, умных, хороших. Вы пережили много и сохранили эти качества в полной неприкосновенности... Вы из тех, кто *работает* (курсив Н. И. Конрада.— С. Ч.), а не делает вид, что работает. Это качество Вы сохранили и донесли до сегодняшнего дня».

Научные интересы Владимира Михайловича сфокусированы в точке пересечения истории, лингвистики, источниковедения. Во многом ему помогает Н. И. Конрад. Результаты получены блестящие: за кандидатскую диссертацию решением ВАК от 8 июля 1961 года ему присуждается ученая степень доктора исторических наук.

В 1967 г. В. М. Константинов едет в научную командировку в Японию в связи с организацией выставки, посвященной Л. Н. Толстому. Его работы к тому времени уже широко известны японской общественности. Это было время творческого взлета ученого, дерзновенных научных замыслов. В бумагах Н. И. Конрада есть тому подтверждение: «Насколько я знаю, командировка была исключительно успешной. Знаю, что он вернулся радостным и веселым. С этим он и ушел из жизни».

«Жизнь летит подобно стреле» — такую строку мы находим в «Снах о России». Последние годы жизни В. М. Константинова пролетели для него стремительно, были прожиты на одном дыхании. Он слишком спешил воплотить свои замыслы. Сердце не выдержало огромной нагрузки: 8 августа 1967 г. оно перестало биться. Его похоронили на Даниловском кладбище. «Часто говорят: невосполнимых утрат нет,— сказал акад. Н. И. Конрад о Владимире Михайловиче.— Это не так.

Верно обратное: никакая утрата не перестает быть утратой. В данном случае наша утрата — тяжелая».

Владимир Михайлович отличался широтой натуры. Вокруг него объединялись друзья, коллеги, кипели дискуссии. Его дом — а последние годы он жил на улице Гримау — был всегда открыт для всех: он любил гостей. Вечерами у него обычно собирались друзья, коллеги. Собирались просто так, без всякого предлога. На столе появлялось нехитрое угощение. Вскоре шуточный тон гостеприимного хозяина, обмен «академическими новостями» уступал место вдумчивой беседе о профессиональных вопросах, новых работах, статьях, семинарах. Спорили увлеченно, совсем забывая о времени. Принято с иронией говорить, что «специалист подобен флюсу: полнота его одностороння». Однако Владимир Михайлович никогда не ограничивался кругом своих научных интересов.

В. М. Константинова любили не только коллеги по институту, но и японские филологи и историки, ласково называвшие его «Кон-сан», прибавляя гоноративный суффикс к его усеченной фамилии. Но они не отделяли успехов Владимира Михайловича от достижений советской науки. Весьма характерны в этом смысле строки из письма известного японского востоковеда Иноуэ Киёси, которое он направил Владимиру Михайловичу 22 декабря 1961 г.: «Нет ни малейшего сомнения в том, что в Советском Союзе не только сделан заметный шаг вперед в исследованиях старых японских текстов, но и внесен большой вклад в эти исследования. От всего сердца благодарю Вас за выдающиеся успехи в этом деле». Эти слова написаны после того, как японский ученый ознакомился с комментариями Владимира Михайловича к «Снам о России». С японскими коллегами В. М. Константинов поддерживал постоянную связь, живо интересуясь научными новостями, мельчайшими событиями их жизни и работы.

Общительность его привлекала окружающих. Он приходил домой из Института востоковедения, оттягивал узел галстука и, энергично жестикулируя, говорил, спорил, доказывал, возмущался, строил планы. При этом с увлечением и чутко слушал других, подсказывал интересные, перспективные направления исследований. Всегда радовался, как ребенок, когда ему удавалось натолкнуть коллегу на свежую мысль. Его верному другу, жене, помощнице, Серафиме Константиновне были

близки его научные интересы. На ее долю выпало тоже немало испытаний. Решив разделить с Владимиром Михайловичем тяготы и невзгоды его жизни, она приехала в ссылку к любимому человеку, чтобы соединить с ним свою судьбу. Как писал в одном из писем Н. И. Конрад, Серафима Константиновна создала для Владимира Михайловича «ту атмосферу, которая поддерживала в нем энергию, интерес к жизни, к науке, к людям».

Владимир Михайлович был всегда подчеркнута внимательным к людям, обладал довольно редкой способностью сопереживания. Никогда он не забывал о юбилеях, семейных праздниках своих коллег и друзей. Всем, кто его знал, памятна живость его ума, неистощимость на шутки, каламбуры, забавные розыгрыши. И сам он умел ценить шутку, заразительно смеялся, настраивал окружающих на оптимистический лад. Кажалось, он был антиподом сложившегося у многих стереотипного представления об ученом, изучающем старые тексты, как о рассеянном чудаке, роющемся в пыли архивных манускриптов. В его поведении не было ничего нарочитого, неестественного.

Широта натуры проявлялась и в работе. Владимир Михайлович нетерпимо относился к псевдонаучной многозначительности, не выносил дилетантов в науке, самозабвенно стремился обрести в работе истину. У Пастернака — помните? — «во всем мне хочется дойти до самой сути, в работе, в поисках пути, в сердечной смуте...» Он никогда не прятал свои мысли в тумане терминологического многословия, никогда не боялся, говоря словами поэта, «впасть в неслыханную простоту».

Чувство долга, требовательность к себе, целеустремленность помогли ему поднять богатейший пласт уникальных памятников по истории русско-японских отношений. В центре его исследований оказалась интереснейшая фигура Кодаю, капитана шхуны, занесенной в «северные воды» в 1783 г.

Выбору этой темы предшествовал длительный период поисков, сомнений, погружения в японское средневековье. Свою роль, как часто бывает в жизни, сыграл случай. Сложен был путь рукописи «Снов о России» на стол ученого. Долгое время она лежала, затерявшись среди пыльных манускриптов и старых книг в токийском квартале книжных лавочек. Случайно она попала на глаза профессору Владивостокского университета, который купил ее, потом передал библиоте-

ке Московского университета. Там она пролежала нетронутой под инвентарным номером, пока наконец не попала в Ленинскую библиотеку. Рукопись была обнаружена научным сотрудником библиотеки Ф. А. Тодер, которая и показала ее Владимиру Михайловичу. Интуиция для ученого — как чувствительный камертон для музыканта. В. М. Константинов сразу, с первого взгляда, понял, что перед ним уникальная находка, исторический памятник большой научной ценности.

Перевод рукописи заслонил перед ученым все другие заботы и увлечения. Вернее сказать, он не переводил, — он, как утверждают коллеги, расшифровывал текст. Часами приходилось порой биться над каким-либо «темным» скорописным иероглифом-закорючкой, сравнивать, сопоставлять тексты различных исторических памятников, докапываться до истинного смысла слов, искаженных ошибками переписчика. К примеру, имя Кирилла Лаксмана в рукописи фигурировало как «Кикуро» — переписчик вместо знака катаканы «ри» везде писал похожий на него знак «ку», до неузнаваемости искажив звучание русского имени. И подобными загадками рукопись буквально изобиловала.

По несколько раз Владимир Михайлович переписывал многие страницы, стремясь добиться тождественности японского и русского текстов, передать стиль, аромат далекой эпохи. К сожалению, ученый никогда не создавал архивов в общепринятом смысле этого слова, никогда не «дрожал» над рукописями — он попросту рвал в клочки многочисленные черновики своих трудов, наброски новых книг... Трудно сейчас восстановить те приемы, которыми ученый пользовался в своей творческой лаборатории.

Закончив работу над книгой «Сны о России» — о первых известных контактах между японцами и русскими, Владимир Михайлович с головой ушел в эту тему.

Итог многолетних изысканий — научный перевод и комментарии текста «Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных морях»², изданный уже после кончины ученого Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» в серии «Памятники письменности Востока». Этот свод записей о России был создан придворным врачом Кацурагава Хосю по повелению Иэнари, 11-го сёгуна из дома Токугава, закончен в 1794 г. и поступил на хранение в правительственный архив как материал, не подлежащий распространению.

Около полутора ста лет памятник величайшего исторического интереса был скрыт от глаз ученых.

Когда неожиданно оборвалась жизнь В. М. Константинова, работа над переводом и комментариями к тексту была им почти завершена. Подготовили труд к печати коллеги ученого, в частности его друг и единомышленник В. Н. Горегляд. Критики единодушно отмечали не только важный вклад в развитие наших представлений о русско-японских контактах того периода, но и огромный объем работы, который пришлось проделать ученому.

Владимир Михайлович подошел к работе над историческим памятником не только как историк. Именно здесь пригодились его обширные познания в области лингвистики и этнографии. Трудности возникали не столько из-за ошибок переписчиков, сколько из-за обилия старых русских слов, уже вышедших из употребления. Ученый вел поиск адекватного перевода на русский язык... названий из исконно русского быта — предметов одежды, орудий труда, утвари и т. д. Владимир Михайлович Константинов надолго погрузился в изучение старинных русских традиций и быта. Благодаря его кропотливым изысканиям перед нами встает широкая панорама жизни России конца XVIII в., увиденная глазами японцев. Тут и дальневосточная окраина империи, захолустный Иркутск, чопорный придворный Петербург...

Исследователь тщательно прорабатывал все материалы, которые имели хоть какое-то, пусть косвенное отношение к изучаемому предмету. Он всегда сопоставлял источники, выверял каждый факт, многократно перепроверял. Интересное зрелище представлял собой его рабочий стол; он был завален вавилонской башней из книг, вырезок, справочников, журналов, словарей старинных терминов. Ученый безошибочно ориентировался в этом скопище источников и материалов, мог моментально найти любую ссылку. Беспорядочность была лишь кажущаяся.

Известно, что первые европейцы, с которыми столкнулись японцы, были голландцами. В Японии тогда появились рукописи по европейской науке, которая именовалась «голландской». Учитывая значение голландских источников в японоведении, Владимир Михайлович принялся штудировать голландский язык. Пожалуй, это один из ярких примеров его стремления к доско-

нальному овладению предметом исследования, знанию всех реалий эпохи, их малейших оттенков.

В этом он никогда не изменял себе. Приехав в Японию в 1967 г., он старался останавливаться не в отелях, а в «рёканах» — маленьких гостиницах в традиционном японском стиле. И двигала им не любовь к экзотике, а желание углубить свои знания о японском быте. Принцип оставался прежним: не искусственность, а изначальность — в жизни, в науке. А жизнь и наука для него были неразделимы.

Владимир Михайлович обладал абсолютным чувством слова. Он вникал в этимологию слов, всегда старался почувствовать их глубинный смысл. Японоведы знают, сколь ценно это качество для досконального знания языка. Представители психолингвистической школы Японии не зря полюбили термин «котадама» — «душа слова». Владимиру Михайловичу была как раз доступна эта «душа слова», в которой скрыта, по выражению японского лингвиста Т. Фудзисавы, «тайна вибрирующего разума».

Удивительную слабость питал Владимир Михайлович к словарям — мог подолгу зачитываться ими, бурно радовался, когда находил новые значения, оттенки слова. Его заветной мечтой была работа над составлением полного японско-русского словаря, который отразил бы все богатство японского языка. Еще на Дальнем Востоке он кропотливо выписывал на карточки словарные статьи, обдумывал наиболее рациональные способы пользования словарем. Эти карточки он привез с собой в ящиках в Москву. Но к этому времени коллектив видных лингвистов под руководством Н. И. Конрада уже активно работал над словарем. Владимир Михайлович подключился к этой работе, но его вклад мог быть во много раз больше, если бы в течение ряда лет он не оказался оторванным от фундаментальных направлений научной мысли.

К себе он относился сверхтребовательно. Может быть, поэтому его научное наследие измеряется не количеством вышедших книг, а тщательной проработкой труднейшего материала. Двигателем его работы было отнюдь не честолюбие, а преданность науке — не как арене самоутверждения, а как жертвеннику.

Труды ученого — о прошлом, по его пытливый взгляд всегда был устремлен в будущее. Чтобы жить по-добро-соседски, надо знать соседа и его отношение к тебе.

Изучая столь тонкий предмет, как взгляд японцев на Россию, стереотипы мышления японцев, Владимир Михайлович заложил фундамент целой серии социально-психологических и историко-лингвистических исследований по проблемам отношений между странами-соседями. И в этом его главный и непреходящий вклад в науку. Время летит, как стрела. Но вклад в советскую науку, сделанный Владимиром Михайловичем Константиновым, не теряет своей актуальности.

¹ Оросиякоку суймудан (Сны о России). Изд. текста, пер., вступит. ст. и коммент. В. М. Константинова. М., 1961.

² *Кацурагава Хосю*. Краткие вести о скитаниях в северных морях (Хокуса монряку). Пер. и коммент. В. М. Константинова. М., 1978.

А. И. Динкевич

О КОНСТАНТИНЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ПОПОВЕ (1900—1982)

Константин Михайлович Попов был одним из выдающихся советских ученых-востоковедов, педагогов, общественных деятелей, он по праву считается основоположником советской школы экономического японоведения. Он прожил большую и яркую жизнь.

К. М. Попов родился 28 апреля 1900 г. в г. Порт-Артур в семье военного. С малых лет у него проявились способности в самых разных областях: он быстро усваивал иностранные языки, очень любил музыку, увлекался литературой, писал стихи, его тянуло к юриспруденции, экономике, медицине. Но учиться Константин Михайлович поступил в Институт внешних сношений в Киеве, который он окончил в 1923 г. Поскольку специализация только в области международных политических и экономических отношений не удовлетворяла молодого человека, он одновременно там же в Киеве учился в Институте народного хозяйства, окончив последний в 1924 г.

Получив такую солидную подготовку в студенческую пору, Константин Михайлович с самого начала самостоятельной деятельности обратил на себя внимание не только глубиной полученных знаний, широтой эрудиции, но и стремлением самому разобраться в том или ином вопросе, иметь свое мнение и позицию, нередко не совпадающую с общеустоявшимися представлениями. Эта самостоятельность и оригинальность суждений, отражавшая незаурядный ум и сильный характер, отличала Константина Михайловича всю его жизнь.

Интерес к Дальнему Востоку возник у него еще в студенческие годы. Этому способствовали традиционные рассказы в семье, проведенной многие годы на Дальнем Востоке, в том числе рассказы о русско-японской войне, об обороне Порт-Артура, непосредственным участ-

ником которой был его отец. Но дело не ограничивалось только этим: интерес к Дальнему Востоку питала глубокая уверенность относительно огромных перспектив развития этих районов Советской России, необходимости умелого и рационального использования их наличных и потенциальных ресурсов. Не случайно первой научной публикацией молодого Константина Михайловича стали фрагменты его дипломной работы «Дальневосточная внешняя торговля Советского Союза», напечатанные в Киеве в 1925 г. в трудах специального востоковедческого семинара. Не всякая студенческая дипломная работа удостоивалась такой чести.

Логическим продолжением изучения проблем развития советского Дальнего Востока явился переезд в Москву и работа К. М. Попова с 1925 г. в Госплане СССР. Константин Михайлович был одним из активных участников разработки первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. В Госплане он проработал до 1933 г., накопив ценный опыт практической деятельности, так пригодившийся ему в дальнейшем, когда любой изучаемый вопрос он рассматривал не только под углом зрения чисто научного анализа, но и с точки зрения интересов практики.

С 1930 г. К. М. Попов начал преподавать в Московском институте востоковедения (МИВ), где он разработал и читал лекционные курсы по географии и экономике Японии, Китая и других стран Тихоокеанского бассейна. В этой области Константин Михайлович проявил себя подлинным пионером, поскольку к подготовке и чтению этих курсов он приступил в годы, когда вопросы экономики, политики, размещения производительных сил и их основных компонентов в странах Дальнего Востока и Тихого океана в целом были еще очень слабо разработаны, а специалисты, изучавшие проблемы Дальнего Востока, насчитывались единицами. Между тем события в этом районе в конце 20-х — начале 30-х годов — резкая активизация агрессивной политики империалистической Японии, захват японскими милитаристами Маньчжурии, усиление угрозы дальневосточным рубежам нашей родины — все это требовало и систематического изучения этих проблем, и подготовки квалифицированных кадров востоковедов. Оригинальные и глубокие лекционные курсы К. М. Попова послужили основой ряда учебников для высших учебных заведений, по которым училось не одно поколение востокове-

К. М. Попов

дов. Уже тогда Константин Михайлович выдвинулся в число ведущих деятелей советского японоведения.

В 1931 г. была издана его капитальная монография «Очерки географии и экономики Японии», переработанное второе издание которой под названием «Экономика Японии» вышло из печати в 1936 г.¹ В этом фундаментальном исследовании объемом 42 авт. л. содержался глубокий историко-экономический анализ развития капитализма в Японии, роста системы производительных сил, особенностей отраслевой структуры японской экономики, места Японии в системе мирового хозяйства, в том числе в Тихоокеанском регионе. Глубоко проанализировав основные тенденции социально-экономического развития Японии, К. М. Попов неопровержимо показал, что в стране интенсивно формировалась экономическая база империалистической агрессии, угрожав-

Шая миру в этом районе планеты. Он отмечал, что «среди господствующих группировок Японии разногласия вызывает лишь вопрос о методах и сроках развязывания большой войны»⁴. И далее: «...вся эта империалистическая политика подготовки к войне ведет к резкому обострению внутренних и внешних противоречий в Японии, к чрезмерному росту целого ряда отраслей хозяйства военного значения, что еще больше усиливает неравномерность развития ее. Это лихорадочное развертывание в больших масштабах строительства средств войны и разрушения, активизация фашистских элементов являются яркими признаками происходящего загнивания японского империализма»⁵.

В 1933 г. Константин Михайлович Попов переходит на работу в Институт мирового хозяйства и мировой политики при Комакадемии, где он работал под непосредственным руководством такого корифея отечественной науки, как акад. Евгений Самоилович Варга, который был директором этого всемирно известного исследовательского центра. Помимо систематического участия в изданиях института, глубокие аналитические статьи К. М. Попова регулярно публиковались в журналах «Мировое хозяйство и мировая политика», «Тихий океан» и др.; он был в числе авторов, подготовивших большие коллективные исследования об империализме и мировых кризисах. Одновременно Константин Михайлович продолжал интенсивную работу по изучению современной Японии, и в 1934 г. вышла в свет его новая монография «Технико-экономическая база Японии»⁶, которая стала основой докторской диссертации, защищенной им в 1943 г.

В этом труде был дан глубокий анализ роли технического прогресса в развитии японской экономики и его влияния на военно-экономический потенциал этой страны. Генеральным выводом работы было положение о том, что «разрыв между уровнем техно-экономического развития и состоянием вооруженных сил является одной из характернейших черт японского империализма»⁷. Автор напоминал об особом значении противоречий между Японией и США, приводил пророческие предсказания В. И. Ленина на этот счет, в том числе его мысль о неизбежности отчаянной схватки этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем, опираясь на которые автор ставил перед собой задачу дать строго объективный анализ сильных и слабых сто-

рон японского империализма. Константин Михайлович блестяще справился с этой задачей: упомянутая книга имела не только большое научное, но и непосредственно практическое значение, в том числе она длительное время служила в качестве одного из основных учебных пособий при подготовке востоковедных кадров.

Анализируя техническую политику Японии в тот период, К. М. Попов подчеркивал особое значение импорта в страну достижений научно-технической мысли из-за рубежа (такое же положение наблюдается и в послевоенный период). Япония, писал К. М. Попов, широко использовала опыт ряда стран, она «идет прежде всего по пути весьма интенсивного использования достижений той или иной страны, усваивая и переваривая полученный материал, комбинируя его и приспособлявая в тех или иных формах (иногда в несколько видоизмененном виде, иногда в совершенно новом) применительно к японским условиям»⁶.

В 1945 г. Константину Михайловичу было присвоено ученое звание профессора.

В годы Великой Отечественной войны К. М. Попов публикует свой новый труд «Тихоокеанский театр военных действий»⁷. Эта работа явилась логическим продолжением прежних исследований ученого. Ее достоинством явился комплексный анализ всех основных компонентов военно-экономического потенциала стран бассейна Тихого океана в условиях второй мировой войны. Автор пришел к выводу о неизбежности полного поражения японского империализма, об авантюристическом характере его внутренней и внешней политики, не способной элиминировать структурный разрыв между целями осуществляемой японским империализмом агрессивной программы на Дальнем Востоке, в Азии в целом и на Тихом океане и ее несравненно узкой и неадекватной военно-экономической базой. Впрочем, авантюризм был и оставался имманентной чертой реакционных правящих кругов Японии на протяжении всей новой и новейшей истории.

В годы войны К. М. Попов внимательно следил за развитием социально-политической обстановки в Японии, и после войны вышла из печати его новая работа, посвященная проблемам военной экономики Японии, опубликованная в форме послесловия к русскому изданию книги Г. Треварта «Япония»⁸. Прежде всего в этой работе была показана ответственность японской финан-

совой олигархии за развязанную агрессию и бедствия, обрушившиеся на японский народ и не только на него. «Политика японской финансовой олигархии вела экономику страны к развалу», — с полным основанием писал автор⁹. И далее он подчеркивал: «Японский монополистический капитал всегда был посетителем реакционных тенденций и, в частности, проводником антисоветской политики»¹⁰. В работе содержался развернутый анализ структурных сдвигов в основных отраслях экономики страны, прослеживались изменения в положении армии наемного труда, рассматривались новые тенденции в размещении производительных сил Японии в годы войны, в том числе давалась характеристика всем экономическим районам, включая новые экономические центры. Обращает на себя внимание, что анализ и выводы автора опирались не только на новые статистические и общеэкономические материалы, появившиеся после разгрома Японии в войне, но «также на личные впечатления и материалы, собранные автором, посетившим Японию в конце 1946 г.»¹¹.

Комплексный подход к анализу исследуемых проблем и в целом методологические вопросы исследования все больше привлекают внимание ученого. Это, в частности, подчеркивалось в его предисловии в книге Э. Л. Аккермана «Природные ресурсы Японии»¹², вышедшей в переводе на русский язык в Издательстве иностранной литературы в 1955 г. К. М. Попов особо указывал на недопустимость анализа экономической проблематики в отрыве от социально-экономических и исторических процессов, отмечал неосновательность отождествления госмонополистического регулирования экономики с действительно плановым ведением всего хозяйства, прослеживал глубокие расхождения коренных интересов японского народа и политики США в отношении Японии.

В конце 1944 г. К. М. Попов был приглашен в Министерство внешней торговли СССР, где в качестве эксперта министра по странам Востока проработал до 1952 г. Он активно участвовал в разработке важных практических вопросов, в частности обсуждавшихся на сессиях Экономической комиссии ООН для стран Азии и Дальнего Востока, которые состоялись в Индии, на Цейлоне, в Бирме, Сингапуре, Таиланде, Австралии, Японии. Неизменный член советских делегаций на этих сессиях, К. М. Попов активно содействовал последова-

тельному осуществлению внешнеэкономической политики нашего государства, проявил незаурядные качества искусного дипломата и опытного практика, опирающегося на глубокие знания и широкие научные исследования.

Одновременно К. М. Попов продолжал интенсивную научную деятельность. Среди работ этого периода следует выделить его книгу «Минеральные ресурсы Японии»¹³, развивавшую одно из его прежних направлений исследований, но уже на новых материалах, появившихся в послевоенный период.

С 1950 по 1966 г. К. М. Попов заведовал Отделом географии капиталистических стран Института географии АН СССР. По его инициативе и под его редакцией была выпущена многотомная «География зарубежных стран», включавшая 35 книг, написанных преимущественно молодыми исследователями. В этой фундаментальной серии применительно к ряду развивающихся стран (Индия, страны Юго-Восточной Азии, Африки и др.) впервые в мировой науке были поставлены проблемы экономического районирования, что имело несомненное научное и большое практическое значение. Серия этих публикаций, равно как и все предыдущие работы К. М. Попова, получила широкое признание как у нас в стране, так и за рубежом.

В этот период Константин Михайлович подготовил и в 1964 г. опубликовал новую большую монографию «Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли»¹⁴. Эта книга вышла в 1969 г. вторым изданием в Москве на английском языке, а в 1970 г. третьим изданием на японском языке. Комплексное исследование основных проблем развития национальной культуры японского народа дано в ней на фоне историко-экономического развития страны. Как отмечалось в предисловии автора, он «стремился исследовать историю взаимоотношений между возрастающими успехами науки и техники и развитием общества — от его зарождения до наших дней»¹⁵. Этот грандиозный по сложности замысел Константин Михайлович реализовал с присущим ему мастерством. При этом автор указывал на благотворное влияние учения марксизма-ленинизма на развитие мировой, в том числе японской, научной мысли и, в частности, ссылаясь на труды прогрессивных японских ученых. Заключительный раздел книги был посвящен вопросам развития культурных и науч-

ных связей между Советским Союзом и Японией, причем К. М. Попов особо отмечал общность объективных интересов народов СССР и Японии в сохранении и упрочении мира, в укреплении и развитии добрососедских, взаимовыгодных отношений между двумя странами.

С большим вниманием следил К. М. Попов за развитием теоретической мысли в среде востоковедов. Его сразу же насторожили попытки некоторых ученых преувеличить специфику стран Востока, фактически подменить ею действие общих закономерностей развития общества, открытых и обоснованных основоположниками научного социализма. Он решительно выступал против взглядов, согласно которым на Востоке налицо какие-то особые, не укладывающиеся в рамки теории исторического материализма, общества, то ли застойно многоукладные, то ли конгломератно неопределенные. Он специально отмечал, что «увлечение» специфическими проявлениями местного колорита приводит к противоположному — к ослаблению внимания и к игнорированию общих социально-экономических и исторических закономерностей¹⁶.

К. М. Попов подчеркивал непреходящее значение и последовательно отстаивал великое наследие основоположников научного социализма. Применительно к анализу капиталистического развития Японии он писал: «Гениальные труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, выявившие общие закономерности развития капитализма, позволили вскрыть сущность процессов капиталистического развития Японии и выявить подлинную природу тех больших сдвигов, которые происходили в стране»¹⁷. В постановке этой проблемы он был един с акад. Е. С. Варгой, акад. Е. М. Жуковым, акад. А. А. Губером и многими другими исследователями.

С 1966 г. и до конца своих дней К. М. Попов работал старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР. Круг его научных интересов оставался очень широким. Отдавая много сил дальнейшим исследованиям Японии — ее истории, экономики, экономгеографии, политики и культуры, он уделял особое внимание проблемам научно-технического прогресса. Это имело первостепенное значение в обстановке научно-технической революции и особенностей ее развертывания в Японии, где импорт научно-технических достижений сопровождался значительной экономией

материальных ресурсов и времени, оперативным внедрением в производство технических новинок и усилиями по развертыванию национальных систем НИОКР. Наряду с этим он вел систематические и многосторонние исследования проблем социально-экономического развития стран Южной и Юго-Восточной Азии. В 1969 г. вышла его работа «Проблемы ЭКАДВ и Япония»¹⁸, посвященная анализу итогов двадцатилетней деятельности этой организации. В ней были убедительно проанализированы проблемы внешнеэкономических связей Японии со странами региона, вскрыты причины эволюции методов неокOLONиалистской экономической экспансии японских монополий, сдвиги в системе международного разделения труда на глобальном и региональном уровнях, освещены многие важные аспекты социально-экономического развития освободившихся стран Азии. В частности, одним из первых в нашей литературе Константин Михайлович обратился к анализу специфики промышленного переворота в странах Востока на современном этапе, в условиях НТР, с одной стороны, и интенсивных демографических процессов — с другой. Он анализировал сложный механизм взаимодействия многоукладной социально-экономической структуры с влиянием внешних факторов общественного воспроизводства на периферии мирового капиталистического хозяйства, показывая неизбежное обострение внутренних и внешних противоречий в странах исследуемого К. М. Поповым региона.

Велики заслуги Константина Михайловича в деле подготовки востоковедческих кадров. Он преподавал в Московском институте востоковедения и в Московском государственном институте международных отношений. Опытный учитель и заботливый наставник научной смены, он воспитал 10 докторов и свыше 50 кандидатов наук. Многие сотни его учеников успешно работают в различных научных и государственных учреждениях.

В 1974 г. К. М. Попову было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

До последних дней жизни Константин Михайлович был полон новых творческих замыслов, в частности упорно работал над рукописью, посвященной экологическим проблемам в Японии, планировал написать книги по вопросам научно-технической революции, а также по истории японского капитализма за более чем 100 лет, прошедших со времени революции Мэйдзи. По-

мимо Японии он продолжал следить за ходом социально-экономического развития стран Юго-Восточной Азии, намеревался написать исследование по этим проблемам. Этим замыслом, к сожалению, не суждено было осуществиться.

Константин Михайлович обладал незаурядным организаторским талантом, который со всей силой раскрылся и когда он руководил кафедрой в МГИМО, и на посту заведующего отделом в Институте географии АН СССР, и в качестве заведующего редакцией Издательства иностранной литературы, и, наконец, вице-президента общества «СССР—Япония» и председателя его комиссии по науке. О последнем хотелось бы сказать несколько подробнее.

В течение многих лет К. М. Попов принимал руководящее участие в работе общества «СССР—Япония». Убежденный интернационалист, он внес большой вклад в развитие дружественных отношений между советским и японским народами. На многочисленных встречах с японскими делегациями, участвуя во многих научных конференциях и симпозиумах, Константин Михайлович выступал с глубокими и яркими, глубоко аргументированными научными докладами, в частности по проблемам развития советско-японских экономических и культурных связей. Стараниями К. М. Попова скромная по масштабам своей деятельности комиссия по науке практически превратилась в один из центров советского японоведения, в форум междисциплинарного общения, в трибуну обмена мнениями по наиболее актуальным проблемам современного экономического и политического развития Японии и советско-японских отношений. Не было случая, чтобы заседания этой комиссии, на которых председательствовал К. М. Попов, проходили в полупустом зале, как это нередко бывает. Аудитория всегда была полна. Все знали, что если К. М. Попов проводит заседание, то не может быть не интересно. Наоборот, все в этот день откладывалось в сторону, и, как обычно, к 5 часам вечера японоведы собирались на свою очередную встречу. И действительно, эти заседания, превратившиеся в хорошую традицию, давали всем присутствующим не только сумму новых знаний, новейшей информации, но и заряд бодрости и оптимизма.

Заслуга Константина Михайловича в этом случае состояла в том, что он умело определял тематику за-

седаний, тщательно подбирал докладчиков из числа ведущих, высококомпетентных научных или практических работников и умело проводил эти встречи и обсуждения. Общение ученых и практиков приносило огромную пользу. Причем характерно, что Константин Михайлович приглашал на такие собрания не только известных востоковедов-японистов, но и студенческую молодежь и аспирантов, внося тем самым лепту в их становление как специалистов по Японии.

Но наука была не единственной страстью Константина Михайловича. Существовала и еще одна сфера духовной жизни, к которой он питал неизменную любовь и был предан ей всю свою жизнь. Это — музыка. Константин Михайлович, как правило, мало распространялся на этот предмет среди лиц, имеющих отношение к научным изысканиям; лишь некоторые, особо близкие, знали о его музыкальной деятельности, хотя в последние годы его жизни так уж получилось что эту «тайну» узнали многие.

Впервые я услышал об этом совершенно случайно, когда на квартире Константина Михайловича на ул. Чкалова, у Курского вокзала, собралась по поводу юбилея — дня рождения хозяина — достаточно разнородная публика. Некоторые были знакомы друг с другом, другие стояли особняком, внимательно, а некоторые с недоумением, оглядывая пришедших. Обычно такого не было, поскольку более или менее круг знакомых Константина Михайловича был известен и мы, за редким исключением, хорошо знали друг друга.

Когда сидели за столом, наша «научная» часть присутствовавших, стараясь «перешеголять» друг друга в красноречии, на все лады расхваливала достоинства юбиляра, живописала его заслуги, старательно и искренне перечисляла ему многочисленные пожелания — крепкого здоровья, счастья, успехов, благополучия, процветания и т. п. Сидевший по другую сторону стола, наискосок от меня, незнакомый мне человек в летах слушал все с легкой усмешкой, хотя и благожелательной, но явно показывающей, что все, что говорится в адрес юбиляра, приятно слышать, не расходится с действительностью, но все же речь за столом идет о чем-то если и не второстепенном, то во всяком случае не единственном, характеризующем интересы, деятельность и заслуги юбиляра. И, взявши слово, красиво поставленным голосом, он обратился к собравшимся:

«Любезные друзья мои! Высокоцитимый метр, учитель и властитель наших душ! (это в адрес Константина Михайловича). Надеюсь, мне будет прощена моя дерзость, если я приоткрою тайну и расскажу вам, несомненно (а ученики и сподвижники учителя должны знать, не могут не знать об этом), о музыкальной стороне жизни и деятельности юбиляра».

И стало тогда известно, что в течение 25 лет, начиная еще с 30-х годов, К. М. Попов являлся бессменным художественным руководителем экспериментального ансамбля советской оперы Всероссийского театрального общества, который его стараниями превратился в центр пропаганды и апробации произведений советских композиторов, как правило, прежде, чем их принимали к постановке крупнейшие оперные театры страны. Ансамбль был своего рода «чистилищем», и, если опера получала «добро», ее сценическая судьба фактически была предрешена. Речь шла о произведениях таких известнейших композиторов, как Д. Д. Шостакович, А. И. Хачатурян, С. С. Прокофьев, Ю. А. Шапорин и др. Константин Михайлович был очень дружен и близок с ними, он импонировал этим выдающимся музыкантам не только своей порядочностью, но и тонким вкусом, глубиной и объективностью суждений, аргументированностью трактовок либретто и партитур, т. е. своими профессиональными данными.

«Вы не знали, что Константин Михайлович выдающийся музыкант, а мы — музыканты не знали, что он такой известнейший ученый — японовед, экономист, специалист по странам Востока. Нам также это стало известно совершенно случайно. Был декабрь 1941 г. — суровая пора Великой Отечественной войны. Только-только японская военщина развязала войну на Тихом океане. Руководство ВТО решило организовать лекцию о положении на Востоке, на Тихом океане и обратилось в Академию наук, оттуда вскоре ответили, что выступить поручено крупнейшему специалисту в этой области — Попову. В назначенный день и час зал был полон, ждали докладчика, полагая, что он приедет хотя бы минут за десять до начала. В вестибюле то и дело посматривали на дверь. Никто не появлялся. Думали подождать немного, и, если этот Попов не явится, отменить лекцию. Но за две минуты до назначенного срока сверху по лестнице спустился Константин Михайлович. Дело в том, что до этого он в течение двух с половиной

часов репетировал в зале, точно закончил к 5 часам и спустился вниз, чтобы читать лекцию. Спустившись, спросил: „А карту не забыли повесить?“ — „Да повесили, конечно, но лектора вот нет!“ — „Почему нет, — сказал Константин Михайлович. — Я и есть лектор. Кажется, вам известно, что моя фамилия Попов“. — С этими словами он прошел на сцену и приступил к чтению. Слушали его, затаив дыхание, причем немалое впечатление произвела не только сама лекция, но и то, что читал ее человек, который был известен как художник, а оказался еще и знаменитым ученым).

Константин Михайлович сидел во главе стола, слушал, не перебивая, словно речь шла о ком-то постороннем, ему не известном человеке, но в первый подвернувшийся момент умело перевел разговор на другое, и к этому сюжету тогда больше уже не возвращались.

Спустя некоторое время мне удалось наедине с Константином Михайловичем расспросить его, как же случилось, что он стал интересоваться музыкой, стал музыкантом, и как ему удается сочетать такие разные виды деятельности, требующие много сил, энергии и просто времени. Хотя обычно Константин Михайлович уходил от разговоров на такие темы, но, видимо, на этот раз судьба была милостива, и он кое-что рассказал:

«Музыкой я увлекся с детства и уже на всю жизнь. Но настоящей подготовки у меня не было, и я понимал, что нужна какая-то основа, школа, система. Может, сначала даже не столько музыкальная, сколько режиссерская, а раз режиссерская, то, решил я для себя, надо попытаться как-то приобщиться к Московскому Художественному театру — вершине сценического искусства, тем более что рассказывали, что К. С. Станиславский создал оперную студию, которая в 1926—1928 гг. была реорганизована в театр его имени. Все было хорошо, одно было не ясно, как осуществить свой замысел, и хотя время шло, а дело с места не двигалось. Говорили, что нужна протекция. А где у меня, молодого человека, нашлась бы нужная протекция? Что делать? И тогда я решил на отчаянный шаг — пойти прямо к Константину Сергеевичу и попроситься к нему на учебу.

Прихожу. Станиславский, великий, огромный, очень строгий на вид, с едва приметной то ли улыбкой, то ли усмешкой, начал расспрашивать меня, кто я да откуда,

да на чем учился играть, и где получил и какое образование, в каких труппах играл, где гастролировал и т. п. И тут выяснилось, что рассчитывать мне — дилетанту, непрофессионалу абсолютно не на что, тем более что свободных вакансий, как сказали бы сейчас, в штате у Станиславского не было и в обозримом будущем не предвиделось. Что-то лепетал я в ответ на вопросы Константина Сергеевича и с ужасом ждал приглашения покинуть кабинет. Все, казалось, рухнуло. Станиславский еще больше пахмурился. А я и вовсе поник. И было отчего — будет, понимаете, каждый желающий, можно сказать с улицы, являться к великому режиссеру, морочить ему голову и отнимать время. Но мне несказанно повезло. Не знаю уж почему. Может быть, потому, что в ответ на вопрос Станиславского, а зачем вы хотите специализироваться в режиссуре, я ответил, что настает, видимо, время, и для всех станет необходимой музыка, как неотъемлемый элемент общей культуры, а без общей культуры нет и не может быть цивилизованного человека, а без цивилизованных людей нам не построить нового общества. Короче, еще примерно час говорил со мной этот изумительный человек и в результате заявил, что оставляет меня стажером. Так я получил и кров, и доступ к делу, к которому стремился. Проучился я у Станиславского всего около двух лет, но это была школа уже на всю жизнь, и после этого я до конца дней Константина Сергеевича поддерживал с ним самые добрые отношения. Это было большое, огромное счастье, я считаю, в моей жизни. Как-то я все же спросил Станиславского, а что все-таки заставило его взять меня: знал я мало, умел и того меньше, актерского, сценического режиссерского опыта и вовсе не было, да и знакомы мы также не были. Станиславский загадочно улыбнулся, морщинки разбежались по всему лицу, и он не без лукавства бросил: — Так мы же тезки!».

Особенно близок К. М. Попов был с Арамом Ильичом Хачатуряном. В кабинете Константина Михайловича в рамке стояло фото композитора с теплой дарственной надписью. Мне не раз приходилось быть свидетелем его разговоров на профессиональные темы с другими музыкантами, режиссерами, артистами. Особенно запомнилось, как Константин Михайлович в мягкой форме выговаривал кому-то, что мизансцену надо полностью переделать, так как она не гармонирует с музыкальной темой и т. п.

Независимо от сферы деятельности, будь то наука или музыка, Константин Михайлович являл для нас всех, знавших его, образец высокой морали, порядочности, изначально присущей тем представителям старой русской интеллигенции, для которых честь и непятнанная совесть всегда были превыше всего и к которым Константин Михайлович принадлежал по праву.

По натуре Константин Михайлович был очень мягким и благожелательным человеком. Двери его дома и, добавим, сердце были открыты для всех. В обиходе он был прост, доступен и демократичен. Казалось, что никаких рангов для него не существует. У него дома можно было встретить академика и студента, крупного театрального деятеля и простого, начинающего артиста. Для всех находились время, доброжелательное внимание, готовность выслушать и помочь. Здесь К. М. Попов не оглядывался на часы, причем неоднократно повторял, что человек в наше суетливое, быстро летящее время нуждается прежде всего во внимании и поддержке, в добром слове, отзывчивом отношении, чуткости, участии.

Не скроем, зная эти качества, иные ими пользовались, злоупотребляя доверием Константина Михайловича. Ему об этом говорили, и он сам знал об этом, сокрушался («Кто бы мог подумать!..» или: «Да, нехороший оказался человек, но что поделаешь»), но ничего не менялось — переделать себя Константин Михайлович не хотел и не мог.

С учениками своими при этом был неизменно внимателен, но строг, оплошностей и промахов не прощал, считал себя обязанным сказать об этом соответствующему лицу. Мне как-то пришлось слышать его рассказ о разговоре с Н. «Понимаете,—говорил Константин Михайлович,—человек ведь оп очень способный, и предыдущие книги у него интересные, я сам па них рецензии писал, а две и редактировал. Да вот незадача — последняя книга не удалась, ниже она и возможностей автора, и хуже его прежних работ. А как сказать? Ведь кругом только хвалят, может ведь не понять, а сказать придется для его же пользы, не для того, чтобы не зазнавался, ему это не грозит, а чтобы сам разобрался, что с ним произошло, и чтобы строже был сам к себе, чтобы ставил себе задачи чуть выше своего же плеча — если ниже, то расти не будет».

Его отношение к ученикам и ученым — представите-

лям младшего по сравнению с ним поколения было трогательным. Ими он гордился, их успехам радовался, но среди них прежде всего по праву выделял Якова Александровича Певзнера, талантливого ученика и сподвижника акад. Е. С. Варги, одного из выдающихся советских экономистов, который многие годы вместе с К. М. Поповым возглавлял советскую японоведческую школу, а после его кончины является признанным ее лидером.

Всю жизнь Константин Михайлович плохо видел, страдая острой близорукостью, но тем не менее много читал и обладал удивительным даром, подержав два-три часа в руках книгу, казалось, только перелистав ее, точно и четко определить ее достоинства и недостатки, дать ей общую нелицеприятную оценку. Замечания, которые он делал при этом, также были поучительны. «Не понимаю, откуда такая категоричность в выводах? Ведь разобран один из возможных многих вариантов». Или: «Это фанатик, а фанатикам место не в науке, а в церкви или какой-нибудь секте». Или: «Постулировать легче всего, труднее доказывать, аргументированно убеждать. Нам есть у кого учиться в этом отношении — это классики марксизма-ленинизма». Никогда не забывал при этом отдать должное школе советских экономистов 20-х годов, высоко ставил школу акад. Е. С. Варги, его сподвижников и учеников Бокшицкого, Вишнева, Хмельницкую, Рубинштейна, Лифа, Эйдуса и др. К труду своих товарищей и коллег по работе Константин Михайлович относился с глубоким уважением.

Страстью его была личная библиотека. Ее он собирал всю жизнь. Весь его кабинет и коридоры в квартире были уставлены шкафами с книгами, но уместить все дома было невозможно, и часть библиотеки, притом немалая, находилась на даче в пос. Челюскинская под Москвой. Пожалуй, не было ни одной сколько-нибудь значимой книги, вышедшей за последние 50—60 лет, которая отсутствовала бы в библиотеке К. М. Попова. Будучи страстным библиофилом, прежде всего и главным образом в области экономики, Константин Михайлович охотно давал пользоваться своими книгами друзьям и ученикам. После кончины Константина Михайловича, согласно воле покойного, его научная библиотека была передана в дар Дальневосточному университету в г. Владивостоке.

Периодически Константин Михайлович обзванивал

близкий ему круг людей и, посетовав на всеобщую занятость, напоминал, что пора встретиться, назначал дату. И эти встречи в его квартире, особенно в последней, на ул. Дм. Ульянова, оставляли всегда чувство приподнятой радости от всего — и от того, что твой учитель и наставник о тебе помнит, и от его неизменной приветливости и внимания, и от дружеского общения за его столом с твоими товарищами, которые образовывали какой-то негласный, но реально существующий кружок, группировавшийся вокруг Константина Михайловича. И достаточно было только этого звонка, как, несмотря на всю занятость (а времени в наших условиях всегда не хватает), все откладывалось в сторону, и мы собирались у своего учителя. И если кого-либо не было, то виной была или болезнь, или отсутствие в Москве: других причин не было никогда. И это чувство товарищества было и остается в нашей среде и поныне, когда уже Константина Михайловича нет среди нас, но всех нас связывают созданные его усилиями атмосфера и отношения доброжелательства, искреннего уважения, приязни, готовности прийти на выручку своему товарищу, порадоваться его успеху.

Многие десятилетия тесные дружеские узы связывали К. М. Попова с акад. Николаем Иосифовичем Конрадом. Поскольку мне посчастливилось учиться у Николая Иосифовича и его жены Натальи Исаевны, а впоследствии поддерживать с ними добрые отношения, время от времени судьба дарила мне радость общения с ними, и я знаю именно от Николая Иосифовича, как он относился к Константину Михайловичу, за что его глубоко уважал и высоко ценил.

«Константин Михайлович — человек, достойный не просто уважения, а пожалуй, не будет ошибкой сказать, восхищения, имея в виду его душевные качества, — сказал как-то Николай Иосифович. — Вы когда-нибудь слышали от него хоть слово жалобы? Никогда! Что бы ни случилось, а надо сказать, что жизнь его складывалась в разные периоды по-разному, были и, мягко выражаясь, недоброжелатели и просто открытые негодяи, интриговавшие против Константина Михайловича, но при всех обстоятельствах он сохранял абсолютное внешнее спокойствие, хотя, конечно, не мог не переживать в душе, но оставался ровен, тактичен, любезен, корректен. Душевная стойкость была чертой его характера.

За что я выше всего ставлю Константина Михайло-

вича,— говорил Н. И. Конрад,— это за то, что он всегда был человеком чести и никогда не уронил, да и не мог уронить, своего честного имени. Люди бывают разные: в обществе это один человек, на работе другой, дома третий. Есть, к сожалению, такие, которые тебе могут сказать одно, подумать другое, сделать третье. Константин Михайлович, будучи сам глубоко порядочным человеком, с презрением относился к людям двуличным, интриганам, лжецам. Ему претили карьеристы, ловчиль, любители закулисных махинаций. Он глубоко страдал, когда судьба сталкивала его с проявлениями социальной патологии. Характерно, что если у одной категории людей трудности, гримасы жизни, социальные отклонения вызывают нежелательные деформации в душе, в отношении к окружающим и т. п., то у других они лишь обостряют те благородные черты характера, которые отличают их, являются воплощением их идеалов и принципов жизненного поведения и которые неспособно поколебать ничто. Константин Михайлович относился именно к этой последней категории и именно это, я полагаю, снискало ему столь высокий авторитет и искреннее уважение.

Другая примечательная черта его — это необыкновенная широта интересов и высокий интеллект,— продолжал Н. И. Конрад.— Ему все было интересно; даже не будучи специалистом в отдельных конкретных областях, он потрясал порой своими точными и проницательными суждениями, не считаться с которыми было невозможно. Я сужу об этом, в частности, по интересующим меня проблемам истории и литературоведения. Мало кто знает, но многие сюжеты сравнительного анализа истории культур и литератур на Востоке и на Западе я прежде всего, еще до написания, обговаривал с Константином Михайловичем, не говоря уже о том, что именно он был первым читателем того, что выходило из-под моего пера. У него было какое-то необыкновенное чутье на правду и объективность, какая-то совершенно непонятная на первый взгляд быстрая реакция на слабости, недоработки, сомнительные или ошибочные положения. Я всегда буду благодарен Константину Михайловичу за это. Но и не только за это. Он был верным моим другом, которому можно было поведать все, что на душе, будучи уверенным, что все будет понято и понято правильно, что это человек, на которого во всех обстоятельствах можно положиться, друг, который

никогда не дрогнет и не подведет. Нет, Константин Михайлович — это изумительный, редкостный человек».

Многие другие выдающиеся ученые также высоко ценили и тепло отзывались о К. М. Попове. Об этом свидетельствовали такие известнейшие деятели науки, как Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, д-р экон. наук, проф. Николай Николаевич Любимов, д-ра ист. наук, проф-ра Александр Львович Гальперин и Хаим Тевелевич Эйдус, д-р экон. наук, проф. Лазарь Исаевич Фрей.

Н. Н. Любимов говорил, что для Константина Михайловича была характерна необыкновенная осведомленность в тех областях знания, какими он специально даже не занимался, в частности в проблемах финансов, кредита, денежного обращения, международных расчетов. Именно эта черта характера и исследователя помогла К. М. Попову столь успешно выполнять нелегкие обязанности эксперта министра внешней торговли СССР, когда решение многих оперативных вопросов предопределялось их адекватной научной трактовкой, причем трактовкой нестандартной, а с учетом тех модифицирующих факторов, которые неизбежны в ходе быстро меняющейся обстановки. «Меня,— рассказывал Николай Николаевич,— всегда поражала его почти мгновенная реакция, порой совершенно неожиданная для окружающих и потому поначалу ими отвергаемая или принимаемая с большими оговорками. Но требовалось очень непродолжительное время, чтобы всем становилось ясно, сколь был прав в своих оценках и выводах К. М. Попов. Это, конечно, не значит, что всегда и везде он был за поиск принципиально новых подходов. В случае необходимости он твердо отстаивал ранее выработанные положения и подходы или выступал за их корректировку, чтобы найти разумный компромисс».

То же подтверждал и проф. Л. И. Фрей, который многие годы, так же как и К. М. Попов, был экспертом министра внешней торговли СССР. «Работать с Константином Михайловичем было одно удовольствие. Подумайте сами — редкостное сочетание высочайшего профессионализма и абсолютной порядочности. Неизменная приветливость и четкая организованность, всегдашняя собранность сочетались в нем с исключительным трудолюбием и тем, что бы я назвал служебной сосредоточенностью. Он представлял собой образец высоко ответственного отношения к служебному долгу.

И хотя в целом по натуре он был человеком мягким, но, когда этого требовали обстоятельства, он словно преображался, становился строг, категоричен, неприступен. Тогда для него не существовало иных авторитетов кроме одного — истины. Его очень уважали».

Большим авторитетом пользовался К. М. Попов и у наших историков-японистов. С проф. А. Л. Гальпериным Константина Михайловича связывали теплые дружеские отношения еще со времени их совместной работы в Госплане СССР. В дальнейшем А. Л. Гальперин, один из крупнейших советских специалистов в области истории Японии, и К. М. Попов поддерживали то, что Константин Михайлович любил называть «контактами души». Они во многом были похожи друг на друга, эти два представителя научной интеллигенции, оба неизменно корректные, широко эрудированные, пронизательные, всегда благожелательные к окружающим. Неудивительно, что их тянуло друг к другу.

«У Константина Михайловича,— говорил Александр Львович,— много прекрасных качеств, но я бы отметил одно — силу и благородство духа. Человек, который при любых обстоятельствах не подведет, на которого можно положиться, который не отступит от своих принципов, чего бы ему это ни стоило. Знаете, таким людям и жить нелегко, да и встречаются они не так уже часто. К тому же человек, при всей его корректности и сдержанности, абсолютно нелицеприятный. И что удивительно, у него, несмотря на это, практически почти не было неблагожелателей, в нем прежде всего ценили и уважали эту бескомпромиссную совестливость, чистоту, понимали, что то, что он говорит, это все от чистого сердца».

Другую черту К. М. Попова характеризовал проф. Х. Т. Эйбус, которого К. М. Попов знал еще в то время, когда Хаим Тевелевич работал в Профинтерне. «Складывалось представление, что его познаниям нет предела. Казалось бы, специфические проблемы современного рабочего и профсоюзного движения, с одной стороны, и неясные или спорные проблемы японской истории — с другой,— что может быть общего? Он же был осведомлен, компетентен, профессионален во всем. И еще одно замечательное качество: если что-то ему было неясно или он чего-либо не знал, он не делал „вид“, не напускал „тумана“, а прямо и открыто говорил, что в этом конкретном вопросе он не компетентен. Он не

считал зазорным, если чего-либо не знал или считал, что не знает, дотошно и скрупулезно допрашивать тех, кого считал знатоками вопроса, или обкладывался книгами („мои лучшие советчики“) и искал ответа на интересовавшие его вопросы».

Талантливый ученый, опытный педагог, крупный общественный деятель, К. М. Попов всегда был простым и обаятельным человеком, неизменно благожелательным к людям, полным неистощимого оптимизма. Он пользовался огромным авторитетом в кругах научной общности, был признанным главой советского экономического японоведения, все, кто его знал, с кем сталкивалась его судьба, питали к нему самые искренние, сердечные чувства.

Он скончался от инфаркта миокарда 28 сентября 1982 г. и похоронен на Хованском кладбище в Москве. Константин Михайлович прожил долгую и достойную жизнь, оставив добрую память о себе не только как о выдающемся ученом, но и как о человеке высокого благородства, долга и порядочности. Его имя навсегда останется в летописи отечественного востоковедения.

¹ Попов К. Экономика Японии. М., 1936.

² Там же, с. 54.

³ Там же.

⁴ Попов К. Технично-экономическая база Японии. М., 1934.

⁵ Там же, с. 5.

⁶ Там же, с. 10.

⁷ Попов К. М. Тихоокеанский театр военных действий. Таш., 1942.

⁸ Попов К. М. Послесловие к кн.: Треварт Г. Япония. М., 1949.

⁹ Там же, с. 492.

¹⁰ Там же, с. 495.

¹¹ Там же, с. 491.

¹² Попов К. М. Предисловие к кн.: Аккерман Э. Л. Природные ресурсы Японии. М., 1955.

¹³ Попов К. М. Минеральные ресурсы Японии. М., 1949.

¹⁴ Попов К. Япония. Очерки национальной культуры и географической мысли. М., 1964.

¹⁵ Там же, с. 7.

¹⁶ Там же, с. 18.

¹⁷ Там же, с. 297.

¹⁸ Попов К. М. Проблемы ЭКАДВ и Япония. М., 1969.

Г. И. Подпалова

ВETERАН СОВЕТСКОГО ЯПОНОВЕДЕНИЯ
Х. Т. ЭЙДУС (1896—1972)

Хаим Тевелевич Эйдус, доктор исторических наук, профессор, один из зачинателей советского японоведения, талантливый ученый, опытный педагог, участник большевистского подполья прошел большой и достойный жизненный путь.

Родился Хаим Тевелевич в живописном местечке Краслава Двинского уезда Витебской губернии. Вскоре родители переехали в город Двинск (ныне Даугавпилс Латвийской ССР). Отец работал кладовщиком на лесопильном заводе, мать вела сложное хозяйство большой семьи, включавшей родителей и трех сыновей: Хаима, Петра и Якова. С большим трудом родители поместили своего старшего сына в частную гимназию. Он числился в первых учениках и 13-летним мальчиком давал уроки, своим заработком помогая семье.

Уже в детстве и юношестве Х. Т. Эйдус видел тяжелый труд, нелегкие условия жизни рабочих лесопильного завода и вседозволенность хозяев.

В 1914 г. Х. Т. Эйдус окончил гимназию. Тяга к науке привела его в далекий Петербург. Семья мечтала, чтобы старший сын стал врачом, и ему самому нравилась медицина, нравилась благородная профессия врача. Пришлось немало приложить сил и труда для подготовки к экзаменам. Помогали неплохие знания латыни и некоторых других предметов, полученные в гимназии. Ему удалось поступить в Психоневрологический институт и успешно закончить три курса.

Февральская революция всколыхнула революционные силы России. Бурлила молодежь. Студент Эйдус оставляет институт и выезжает в Витебск, чтобы вести политпросветительную работу среди еврейских рабочих в профсоюзе кожевенной промышленности. Но, столкнувшись с национализмом и меньшевистскими взгляда-

ми бундовцев, главенствовавших в профсоюзе, он после июльских дней 1917 г. оставил работу в профсоюзе. В 1917 г. Х. Т. Эйдус женился на Иде Марковне Мейерович, ставшей его верной подругой на всю жизнь, и переехал в Смоленск, где жили родители жены. Здесь он стал работать в Комитете по делам пленных, возвращавшихся из Германии, и беженцев («Пленбеж»), соприкасался с революционно настроенными солдатами, окунулся в гущу политической борьбы.

В августе 1918 г. Х. Т. Эйдус вступил в члены РКП(б) вскоре же был мобилизован в Красную армию и назначен зам. начальника политотдела Реввоенсовета Литовско-Белорусской Советской республики в Минске, а затем в Вильно. Он вел пропагандистскую работу среди солдат и командного состава только что созданной рабоче-крестьянской армии.

Но созидательная жизнедеятельность молодого Советского государства вскоре была нарушена. В 1919 г. белополяки захватили Вильно и бесчинствовали в городе. Постановлением партийных органов Х. Т. Эйдус, как хорошо знакомый с обстановкой, людьми и всем этим районом, был оставлен в Вильно для подпольной работы. Бывший первый секретарь Виленского подпольного комитета большевиков, позднее доцент Л. Вишеров писал: «Тов. Эйдус Хаим Тевелевич, находясь в Вильно в 1919—1920 годах при белополяках, работал в большевистском подполье. Тов. Эйдус вел беседы с рабочими и распространял нелегально литературу. На его квартире часто происходили заседания Комитета подпольной организации. Распоряжения подпольного Комитета и его поручения тов. Эйдус Х. Т. выполнял активно и хорошо, не жалел трудов своих и самой жизни для дела партии Ленина. В Вильно он жил на нелегальном положении и был известен под партийной кличкой Адам».

Вплоть до прихода Красной армии в 20-м году Хаим Тевелевич самоотверженно вел эту ответственную работу, не останавливаясь перед опасностью для своей жизни и жизни близких. После освобождения Вильно он как зам. главного редактора некоторое время возглавлял газету Виленского ревкома, а после передачи города Вильно Литве был откомандирован на учебу в Москву в Военную академию РККА (ныне им. Фрунзе).

Зачисление слушателем японского отделения Восточного отдела Академии определило дальнейшую судьбу Х. Т. Эйдуса. Он с увлечением занялся изучением

Х. Т. Эйдуc

Японии, всего дальневосточного региона, международной политики. Кипучая энергия и недюжинные способности вдумчивого исследователя, стремившегося понять события с точки зрения марксистской методологии, проявились у Х. Т. Эйдуca уже в то время. И, постигая курс наук Военной академии, он одновременно на общественных началах работал сначала секретарем-референтом Дальневосточного отдела МИД (1921—1922), затем — заведующим восточным сектором Профинтерна (1922), а потом редактором РОСТА (1922—1925). Работа в Дальневосточном отделе МИД дала ему возможность глубже узнать изучаемую страну — Японию, ее политику и экономику, взаимоотношения с СССР и другими странами, а также и иные государства региона. Будучи заведующим восточным сектором Профинтерна, он максимально подробно ознакомился с со-

стоянием рабочего движения в странах Востока, которое тогда, впервые в международной практике, изучалось на методической основе марксизма-ленинизма специальным органом — Профинтерном. Наконец, став редактором в РОСТА, он получил доступ к самой последней и разнообразной информации о событиях мировой политики и экономики.

Эти исключительные условия в сочетании с природным даром Х. Т. Эйдуса к творческой исследовательской работе открыли перед ним прекрасные возможности глубоко и органически освоить марксистскую методологию, придали широту его научным интересам и взглядам, приучили к точности и краткости формулировок, ясности языка, воспитали в нем выдающегося ученого-марксиста и вместе с тем мастера научно-популярного жанра.

Уже тогда печатаются его первые статьи о рабочем движении в Турции¹, о борьбе японского пролетариата², а потом выходит книга с кратким обзором современного рабочего движения в странах Востока³ — первая в советском востоковедении и международной ориенталистике, специально посвященная изложению этой важнейшей проблемы.

В 1925 г. после окончания Военной академии Х. Т. Эйдус назначается консулом СССР в г. Осака — японском промышленном центре. Здесь он знакомится с рабочим и профсоюзным движением, с жизнью страны, со своеобразием Востока. Он полон новых впечатлений, разнообразных научных замыслов, но в связи с болезнью сердца получает разрешение в 1926 г. вернуться в Москву, где вскоре собралась вся семья Эйдусов. В 1926 г. приехал из Латвии младший брат Яков, а в 1930 г. родители. Хаим Тевелевич любил свою семью. Он был добрым, но взыскательным старшим товарищем своих братьев, помогал им стать убежденными коммунистами, хорошими специалистами; оба получили высшее образование, внесли свой вклад в советскую науку. Хаим Тевелевич всегда оставался внимательным сыном, заботился о тяжело заболевшем отце (умер в 1930 г.), бережно относился к матери до последних дней ее жизни (умерла в 1955 г.). Он очень любил дочь Беллу и сына Лазаря, всегда помогал жене в воспитании детей. Семья жила дружно. Размещались в небольшой комнатке «Кремлевского подворья», занимавшего старый дом за храмом Василия Блаженного

(этот дом потом снесли), а летом по праздникам выходили с одеялами на травянистый склон возле Спасской башни Кремля, грелись на солнышке, дети играли.

В течение пяти лет (1926—1931) Х. Т. Эйдус работал в Профинтерне заместителем заведующего колониальным сектором. Он внимательно следил за японским рабочим движением, видел его особенности — существование множества мелких профсоюзов и благодаря этому — распыленность профдвижения; вскрывал раскольническую деятельность некоторых профсоюзных лидеров, а анализируя раскол Содомэй, крупнейшего профцентра того времени, отмечал углубляющуюся дифференциацию в профдвижении Японии, рост его левого крыла. Он был одним из первых японоведов, который писал о влиянии Октябрьской революции на японский пролетариат. В итоге изучения Х. Т. Эйдусом японского рабочего движения появились две полезные брошюры о профдвижении в этой стране, а также в колониальных странах Востока. Им был подготовлен специальный курс о международном профсоюзном движении, который он читал в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Свою научно-исследовательскую работу Эйдус старался увязывать с практикой, анализируя состояние японского профдвижения в свете подготовки к Тихоокеанскому конгрессу профсоюзов и позднейших решений V конгресса Профинтерна. Он откликнулся на новые явления в жизни японского пролетариата — такие, как влияние экономического кризиса, обострение классово-борьбы.

Состояние крестьянского движения в Японии после Октябрьской революции и происходившие в нем изменения, в частности рост движения арендаторов, стали предметом пристального изучения советских исследователей-марксистов. Х. Т. Эйдус написал об этом содержательную статью, помещенную в органе советских востоковедов — журнале «Новый Восток»⁴, уделявшем много внимания аграрной проблеме.

Усилившаяся в 30-е годы напряженность на Дальнем Востоке тревожила советский народ. Советские исследователи писали о сложной обстановке на Тихом океане, отмечая обострение противоречий; Х. Т. Эйдус также предупреждал об опасности возникновения войны на Востоке.

В сентябре 1931 г. в жизни Х. Т. Эйдуса произошел новый поворот. Он был зачислен старшим научным со-

трудником в Институт мирового хозяйства и мировой политики при Комкадемии, где впоследствии (1931—1948) занимал посты ученого секретаря, а затем заведующего Восточным сектором института. В этом институте, руководимом Е. С. Варгой, ученым с мировым именем, перед Хаимом Тевелевичем открылись большие возможности изучения истории и экономики Японии, современного состояния страны, ее международной политики. Уникальная подготовка, полученная им на разнообразных постах в прежние годы, дала возможность таланту ученого развернуться с новой силой и широтой.

В 30-е годы советское японоведение много внимания и сил уделяло разработке марксистско-ленинской концепции всего исторического развития Японии с древнейших времен до наших дней. Предварительным итогом этой работы стала большая статья «Япония», написанная в 1931 г. Н. И. Конрадом, Е. М. Жуковым и др. с учетом итогов проходившей в те годы дискуссии об общественно-экономических формациях и научной периодизации истории. Одним из соавторов этого труда был Х. Т. Эйдус.

В эти годы круг научных интересов Х. Т. Эйдуса еще более расширяется. Он занимается также изучением некоторых общих проблем гражданской истории Японии, генезиса, характера и политики японского империализма. Прежде всего он углубился в изучение экономики Японии, ее кризисного состояния, положения и борьбы рабочего класса, а также деятельности пролетарских партий. В итоге было опубликовано немало статей и книжка о современном японском империализме. Через четыре года появилась новая, более подробная работа⁵, ставшая по тому времени ценным пособием для ознакомления с действительным положением современной Японии и получившая высокую оценку советской общественности.

Кроме того, Хаим Тевелевич не оставлял своей любимой главной темы — развитие рабочего и профессионального движения в Японии за 20 лет после Октябрьской революции. В первой в советском японоведении монографии, посвященной этой теме⁶, он описал положение японского рабочего класса, историю рабочего движения за 20 лет, деятельность Коммунистической партии Японии, а также роль и значение реформизма в профдвижении Японии. В связи с изучением рабочего движения Японии Хаим Тевелевич интересовался япон-

ской социал-демократией и социалистическим движением в этой стране⁷.

Наблюдая рост агрессивности японского империализма, фактически захватившего три северо-восточные провинции Китая (Маньчжурию) в 1931 г. и развязавшего японо-китайскую войну в 1937 г., понимая важность борьбы антивоенных сил, исследователь начал уделять пристальное внимание зарождавшемуся протесту патристических сил страны.

Новому расширению научного кругозора, формированию более четких представлений по всему периоду гражданской истории Японии, систематизации знаний во многом содействовало и то, что вплоть до начала Великой Отечественной войны Х. Т. Эйдус сочетал научно-исследовательскую работу с педагогической деятельностью в учебном Московском институте востоковедения, где читал курс политической истории Японии. Его яркие содержательные лекции хорошо помнят многие советские японоведы. В 1940 г. Х. Т. Эйдусу была присвоена ученая степень доктора исторических наук, а в 1941 г. — звание профессора.

Война нарушила нормальное течение жизни советского народа. Институт мирового хозяйства, как и другие научно-исследовательские организации, был эвакуирован. Х. Т. Эйдуса назначили одним из уполномоченных по эвакуации. В октябре 1941 г. он выехал в Горький, затем в Казань. Это была долгая и трудная поездка. В конце концов Институт мирового хозяйства разместили в Ташкенте. Семья Эйдусов оказалась разбросанной в разных местах: Хаим Тевелевич с матерью находились в Ташкенте, жена с дочкой — в Боровом (Казахстан), сын — в армии, брат Петр — под Москвой в народном ополчении, где погиб при защите подступов к столице, младший брат Яков, впоследствии известный советский химик-органик, находился с семьей в эвакуации в Казани как научный сотрудник Института органической химии АН. Хаима Тевелевича сильно угнетала разлука с семьей, он тревожился о состоянии здоровья близких, об учебе дочери, о сыне и братьях, часто им писал.

Хлопотливая работа по эвакуации и размещению Института мирового хозяйства в Ташкенте подошла к концу, и 26 декабря 1941 г. он написал жене: «Уже начал работать, писать, читать лекции, доклады и т. д.». И действительно, Х. Т. Эйдус ведет интенсивную науч-

ную и пропагандистскую работу, выступая перед ташкентской общественностью, в вузах, на предприятиях и разоблачая агрессию японского империализма в Китае, в странах Юго-Восточной Азии, на Тихом океане, рассказывая о войне Японии против США и ее подготовке к нападению на Советский Союз. Будучи в эвакуации, он опубликовал научно-популярную брошюру о войне Японии на Тихом океане (1943).

По возвращении из эвакуации семья Эйдусов снова собралась в скромной двухкомнатной квартирке на Ульяновской улице в доме № 45. Дочь Хаима Тевелевича Белла рассказывала: «Отец был очень скромным и даже порой застенчивым человеком. Он не претендовал быть „главою семьи“. Но каждый из ее членов глубоко уважал его, считался с его мнением, следовал советам. Отец никогда не говорил, что он занят, ему некогда, что у него полно работы. Это было глубоко противно его натуре. Он все делал без лишних слов, как бы исподволь. Но за этим скрывалась строгая самодисциплина, организованность, точность, аккуратность. Не было случая, чтобы он сдал с опозданием плановую работу или нарушил свои обязательства перед издательствами или редакциями журналов, ссылаясь на непредвиденные обстоятельства.

Никогда не отказывал он коллегам в совете, консультации, прочтении написанной рукописи. Эта обязательность была одной из его характерных черт. Работал он всегда с 8—9 утра и до 16 часов. Все книги, досье, выписки, бумаги были аккуратно разложены на столе, строго по порядку. Никакого „творческого беспорядка“ он себе не позволял. У отца никогда не было „профессорского“ кабинета. До середины 50-х годов он работал за нашим общим обеденным столом, причем меньшую часть стола занимала я, готовясь к урокам. Все члены семьи были приучены не мешать ему, не отвлекать. Только после смерти бабушки и переезда семьи младшего брата Якова Тевелевича в отдельную квартиру, отец стал работать в спальне, где стоял настоящий письменный стол с ящиками, заполненными его папками, вырезками и другими материалами. Он прекрасно владел английским и немецким языками, французский и японский языки знал слабее.

Отец много читал, ценил и глубоко понимал художественную литературу, любил писателей Гашека, Шолом-Алейхема. Интересовался новинками науки и тех-

ники, часто беседуя на эти темы с братом Яковом Тевелевичем, а позже с сыном Лазарем. У отца было свое маленькое хобби. Он любил кино и порой, чтобы отключиться, неожиданно заходил в кинотеатр, просматривал картину. Возвращался смущенный, так как пошел неожиданно, не успел предупредить домашних, а они беспокоились. Отец имел немало добрых друзей, круг их был широк... Он искренне уважал и любил своих коллег... Они отвечали ему тем же. Но на „ты“ он был лишь с двумя-тремя из них».

Сын Лазарь Хаимович, доктор биологических наук, профессор, вспоминал о своем отце: «Он всегда был добрым, но строгим другом, интересовался моей учебой, комсомольскими делами. Как коммунист, он старался воспитать достойную комсомольскую смену. В 1941—1945 годах, находясь в армии и на фронте, я часто получал от него письма, полные мужества, бодрости, непоколебимой веры в нашу победу и отеческой заботы обо мне. В трудные минуты жизни он неизменно поддерживал меня, вселял настойчивость в достижении поставленных задач. Несмотря на различие специальностей, отец находил со мной общий язык и в науке. Благодаря почти законченному медицинскому образованию он знал биологию, интересовался ее большими проблемами, близкими мне, и порой поражал широтой мысли и каким-то логическим пониманием глубинных процессов биологической науки. Наши беседы никогда не исчерпывались, всегда были нам интересны. Отец прекрасно относился ко всей моей семье, горячо любил обоих внуков, а правнук Юра стал его любимцем».

Х. Т. Эйдус был выдающимся востоковедом-политологом. Он никогда не уходил от важнейших, часто острых проблем современности. Обладая умением быстро нащупать и сформулировать актуальную тему, он нередко был первым, кто разрабатывал ее, глубоко вникая, сопоставляя и анализируя материалы.

После окончания войны перед советским японоведением встала задача изучить и подвергнуть анализу причины поражения Японии в войне и положение, сложившееся в стране после краха японского милитаризма. Одним из японоведов, взявшихся за выполнение этой важной задачи, был Х. Т. Эйдус. Его книга⁸ оказалась первой монографией на эту тему. В ней кратко излагалась политическая история Японии от первой ми-

ровой войны до окончания второй и обрисовывалось послевоенное положение в стране. Автор показал закономерность крушения агрессивных планов Японии, оказавшейся в полной международной изоляции. Война привела к тяжелейшему истощению ее национальной экономики, невосполнимым людским потерям, глубокому моральному потрясению народа. Сжато и четко, не упуская ни одного важного факта, освещал автор события, отчетливо и кратко формулировал безрадостные послевоенные итоги господства японских правящих классов.

Хаим Тевелевич нередко выступал перед московской общественностью с публичными лекциями о Японии по линии Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (1947—1949).

В феврале 1948 г., после слияния Института мирового хозяйства с Институтом экономики АН СССР и изменения профиля института, Х. Т. Эйдуc стал работать (1948—1953) внештатным радиобозревателем в Радиокomitee и одновременно — сотрудником Совинформбюро. Характер новой работы был не такой, который мог дать ему полное удовлетворение. Тем не менее, как всегда, он выполнял ее ответственно в краткие, напряженные сроки, диктуемые характером передач в эфир. Каждый день он знакомился с разнообразными материалами в Совинформбюро, ТАСС, Радиокomitee, писал обзоры, не чураясь черновой работы, накапливал знания о современной Японии. В эти же годы Хаим Тевелевич подготовил новую монографию по новейшей истории Японии, включавшую краткий очерк новой истории Японии начиная с середины XIX столетия⁹. Книгу перевели в Японии, КНР, Чехословакии. В те же годы Х. Т. Эйдуc читал курс лекций по истории Японии в Высшей дипломатической школе Министерства иностранных дел СССР.

С 1954 г. и до последних дней жизни Х. Т. Эйдуc работал в Отделе Японии Института востоковедения АН СССР. Здесь его зрелый талант ученого проявился с полной силой. За время с 1954 по 1972 г. им было выпущено немало монографий и других трудов, прочно вошедших в фонд советского японоведения. С неослабеваемой энергией работал он над различными проблемами истории Японии, печатал части своих исследований в академических журналах; участвовал в редактировании почти каждой работы, выходящей из Отдела

Японии; живо откликался рецензиями на важнейшие публикации советских, западных и японских исследователей.

Он сразу же включился в состав коллектива авторов фундаментального труда «Очерки новой истории Японии (1640—1917)», в котором им была написана глава III в третьей части («Эпоха империализма. 1896—1917 годы»), где глубоко раскрывались экономическое и политическое положение Японии в период от завершения японо-китайской войны 1894—1895 гг. до первой мировой войны, нарастание японской агрессии и усиление империалистических противоречий на Дальнем Востоке.

В процессе этого нового, более глубокого коллективного изучения и обсуждения узловых проблем новой истории Японии его особое внимание привлекла японская буржуазная революция 1868 г. Анализируя ее сущность, Хаим Тевелевич утверждал, что это одна из буржуазных революций, которая осталась незавершенной из-за сохранения многих феодальных черт. На эту тему он сделал доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г.

Х. Т. Эйдуc всегда интересовался влиянием революционных событий в России на японский пролетариат. Он с увлечением изучал все доступные материалы о том, как откликнулись японский рабочий класс, крестьянство, прогрессивная интеллигенция на революционные события 1905—1907 гг. в России и как воспринималась ими победа Октябрьской революции 1917 г.

Положительно встретила советская научная общественность новое исследование ученого, посвященное развитию и укреплению государственных отношений между СССР и Японией после второй мировой войны¹⁰. На большом и разнообразном материале советских архивов и других источников автор показал улучшение этих отношений, расширение политических, экономических и культурных связей между обеими странами.

Последняя монография Х. Т. Эйдуca¹¹ является как бы квинтэссенцией его знаний по японской истории, мастерски изложенных в предельно краткой форме научно-популярного очерка. Это — блестящая работа, своего рода маленькая энциклопедия по истории Японии. Хаим Тевелевич хотел, чтобы эта книга стала справочником по разным вопросам истории Японии для студентов, японоведов различного профиля и для всех, интересующих-

ся этой страной. И действительно, книга стала незаменимым научным справочником.

В конце 60-х — начале 70-х годов он разрабатывал теоретические проблемы марксистско-ленинской методологии применительно к Японии, рассматривал узловые, решающие этапы истории Японии в свете ленинской теории империализма. Это было весомым вкладом в теоретический фонд японоведения.

Всего Х. Т. Эйдусом написано около 180 работ, из них 18 монографий. Многие ранние работы публиковались под псевдонимом У. Хаяма. Его труды известны в Японии. Переводились они также и в других странах. Уменье убедительно изложить материал, аргументированность выводов, точность и краткость формулировок, живой язык — таковы некоторые характерные черты печатных трудов Х. Т. Эйдуса.

Зарубежные специалисты ценили научные труды Х. Т. Эйдуса. Например, в предисловии к его «Новой и новейшей истории Японии», переведенной известными японскими русистами Енэкава и Аита, отмечалось: «Если посмотреть в широком плане, то книга как бы систематизирует историю Японии за 100 лет, чего еще не сделали мы, японцы. Это выполнено убедительно, на основе ясного и точного анализа и строго логичных теоретических построений. И это не просто работа, написанная на уровне интереса иностранца к новейшей истории Японии, а выдающийся научный труд».

Он всегда участвовал в организации науки, являясь в 1958—1961 гг. заведующим Отделом Дальнего Востока Института и членом его ученых советов, вел теоретические семинары в отделе, никогда не оставался в стороне от воспитания научно-исследовательских кадров японоведов, укрепляя в них лучшие качества научного работника: дерзание, научный поиск, точность и глубину анализа, партийность. Он был оппонентом на защите шести докторских и многих кандидатских диссертаций. Хаима Тевелевича любили и глубоко уважали все, кому довелось с ним работать, ценили его твердую принципиальность, широкую эрудицию, сочетавшиеся с доброжелательным отношением к коллегам, неизменной жизнерадостностью и мягким юмором. Эти его качества вызвали ответные чувства теплой дружбы и искренней симпатии.

Советское правительство оценило научные заслуги Х. Т. Эйдуса, удостоив его высоких наград: ордена Тру-

дового Красного Знамени и медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

2 июня 1972 г. из-за тяжелой болезни сердца оборвалась жизнь Х. Т. Эйдуса. Он похоронен на Введенском (б. Немецком) кладбище в Москве. Советская японоведческая наука потеряла стойкого коммуниста, крупного ученого, человека многогранных дарований, широкой эрудиции. У него осталось немало научных планов, осуществление которых, несомненно, способствовало бы прогрессу советского востоковедения. Фундаментальные работы Х. Т. Эйдуса не потеряли своего значения и в настоящее время. Высокая политическая сознательность и партийность в подходе к науке, неизменное применение марксистско-ленинской методологии к любому, самому малому исследованию всегда раскрывали действительные корни, причины и следствия событий, давали возможность прогнозирования на будущее и делали каждую его работу одним из существенных элементов общего развития науки.

Труды Х. Т. Эйдуса останутся незаменимым источником при изучении соответствующих периодов японской истории и этапов развития отечественного японоведения.

¹ Эйдус Х. Рабочее движение в Турции.—Красный Интернационал профсоюзов. М., 1921, № 8, с. 303—306; Э. Х. Рабочее движение в бывших провинциях Турции (Сирия, Месопотамия, Палестина, Египет).—Красный Интернационал профсоюзов. 1921, № 10.

² Эйдус Х. Борьба японского пролетариата.—Красный Интернационал профсоюзов. 1921, № 11.

³ Эйдус Х. Т. Очерки рабочего движения в странах Востока. М., 1922.

⁴ Эйдус Х. Т. Крестьянское движение в Японии (1917—1926 гг.).—Новый Восток. М., 1927, № 16—17.

⁵ Эйдус Х. Т. Япония. М.—Л., 1936 (2-е изд. 1938 г.).

⁹ Хаяма У. Рабочее движение в Японии. М., 1937.

⁷ Хаяма У. Социалистическое движение и социал-демократия в Японии.—Тихий океан. М., 1937, № 2(12).

⁸ Эйдус Х. Т. Япония от первой до второй мировой войны. М., 1946 (пер. на польск. яз. в 1950 г.).

⁹ Эйдус Х. Т. Очерки новой и новейшей истории Японии. М., 1955.

¹⁰ Эйдус Х. Т. СССР и Япония. Внешнеполитические отношения после второй мировой войны. М., 1964.

¹¹ Эйдус Х. Т. История Японии с древнейших времен до наших дней. Краткий очерк. М., 1968.

Ф. А. Тодер, М. Ф. Юрьев

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ
ПРОФЕССОРА Г. С. КАРА-МУРЗЫ
(1906—1945)

Неизгладимый след в советском востоковедении оставил, несмотря на недолгую творческую жизнь, Георгий Сергеевич Кара-Мурза (21 апреля (4 мая) 1906 г.—22 августа 1945 г.)¹. В 1927 г. выпускник Московского института востоковедения Георгий Кара-Мурза стал сотрудником кабинета китаеведения при Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК). С 1 января 1928 г. кабинет был преобразован в НИИ по Китаю. Кара-Мурзе тогда пошел 22-й год.

С детских лет в доме родителей собирались друзья и знакомые, приносившие читать свои литературные произведения отцу Георгия — Сергею Георгиевичу Кара-Мурзе — литературному критику и театроведу, которого И. Г. Эренбург охарактеризовал как «верного и бескорыстного друга писателей»². Вокруг него создавалась атмосфера творческих поисков, там к литературе относились с благоговением, и все, связанное с писательством, «было овеяно поэтической дымкой». Так о «вторниках» С. Г. Кара-Мурзы отзывался писатель В. Г. Лидин. «...Невысокий, милейший по своим душевным качествам хозяин. С мальчишески румяными блестящими щеками, с живыми глазами на круглом лице, весь какой-то уютно сбитый, Сергей Георгиевич умел создавать высокое литературное настроение на своих „вторниках“»³.

Большое влияние на развитие будущего востоковеда оказала его мать Мария Алексеевна, широко образованная женщина, вспоминая впоследствии, насколько Георгий еще в юности увлекался Китаем. Действительно, это было закономерно. Советская молодежь середины 20-х годов не могла не проявлять огромный интерес к Китаю. Победа китайской революции казалась близка.

Развитая с детства интуиция к исследованию и примеры публицистической страстности литературных споров укрепили в юноше желание посвятить себя изучению Востока. И именно Китая. Ощущение времени определило этот шаг.

Четыре года учебы в Московском институте востоковедения были годами духовного возмужания Георгия Кара-Мурзы. Институт возглавлял тогда Михаил Павлович Павлович (1871—1927) — профессиональный революционер, ученый, организатор советского востоковедения тех лет. В работах Георгия Сергеевича чувствуется влияние идей, выдвигавшихся ректором его института. «Отличительной чертой молодого советского востоковедения,— говорил Павлович,— несомненно является то, что оно стремится объяснить все социальные, политические, культурные процессы, происходящие в странах Востока, характер развития этих процессов, их формы классовой структурой населения этих стран, основными чертами хозяйственной жизни их, влиянием прошлой истории и т. д...»⁴.

Современный Восток изучался в курсах института под углом зрения освободительной борьбы угнетенных народов. Наряду с серьезной языковой подготовкой преподавались политическая экономия, исторический материализм, история партии, империализм и колониальная политика, ленинизм и национально-колониальный вопрос, послевоенная экономика империалистических держав, международное право, консульская служба, статистика, внешняя торговля СССР, экономическая политика СССР. Из 350 студентов «громадную часть» составляла рабоче-крестьянская молодежь, 75% были членами партии⁵.

Потребность реализовать себя как личность для студента Георгия Кара-Мурзы, ощутившего свою ответственность и сопричастность к делам страны и общества, соответствовала настрою всего института. Вся атмосфера была пропитана духом борьбы за знания, беззаветного служения делу революции, верой в благородные идеалы коммунизма.

Контакты с товарищами разных возрастов и уровней культуры накладывали свой отпечаток. В студенческих слоях тех лет с горячей заинтересованностью реагировали на события в стране и за рубежом.

Вслед за подъемом китайской революции в середине 20-х годов, породившим надежды на приближение но-

Г. С. Кара-Мурза

вого этапа мировой революции,— антикоммунистические перевороты 1927 г., совершенные вчерашними союзниками Коммунистической партии Китая (КПК). Нападки оппозиции на политику ВКП(б) и Коминтерна, в том числе по китайскому вопросу, общепартийная дискуссия в ВКП(б) — все это будоражило умы востоковедного студенчества. В кипении страстей, в полемических статьях и выступлениях тех лет выпускники и студенты института востоковедения, как и других вузов, нередко «восполняли» нехватку аргументов словами: «Чуждые марксизму поклепы», «Фальсификаторы ленинской диалектики» и т. п. Неоправданно резкие и не всегда справедливые оценки встречались и в некоторых публикациях Г. С. Кара-Мурзы того времени. Впоследствии он критиковал подобные полемические выпады, требуя от своих учеников и слушателей доказательных оценок, на-

дежной источниковой базы и умения использовать в полемике и пропаганде логику и научные труды, а не хлесткие ярлыки. Именно это было свойственно школе Павловича, и именно это стало сильной стороной школы Кара-Мурзы и других историков-востоковедов МГУ.

Но в 1927 г., когда Георгий Кара-Мурза пришел в кабинет китаеведения при УТК, его характеру не были чужды черты, присущие многим молодым людям тех лет. Запальчивость, потеряв былые крайности, сохранилась в нем в течение всей его, увы, недолгой жизни. Ему были свойственны горячность в отстаивании своих взглядов, эмоциональность, которую он старался контролировать, отрабатывая логику доказательств, готовность принять доводы оппонента, если они представлялись убедительными. В этом он был принципиален и честен.

В НИИ по Китаю большинство научных сотрудников были старше его и богаче жизненным и политическим опытом. Здесь работали участники большевистского подполья и гражданской войны, чья подготовка к научной работе складывалась на прочной базе марксистской учебы и практики борьбы, рядом с ними работали недавние дипломаты и журналисты, а среди них и те, кто получил образование в старинных университетах Европы. Спектр различных судеб и разных профилей образования объединялся одной целью — познания Китая, углубленного изучения революционных процессов и рассмотрения проблем его развития, помощи китайской революции. Здесь сосредоточились силы марксистских историков Китая.

Георгий Сергеевич Кара-Мурза проработал в этом коллективе восемь-девять лет. Эти годы в его жизни были временем напряженной работы. Он неустанно трудился и находился в непрерывном поиске. Новые контакты с коллегами по работе — высокообразованными интернационалистами расширяли диапазон полученной подготовки и были дальнейшей школой для молодого ученого. Надо было учиться и осмысливать происходящее, делать выводы, вносить свой вклад в науку. Георгию Сергеевичу это было уже по плечу.

В то время прошел ряд конференций по крупным проблемам общественных наук: конференция научно-исследовательских институтов, включая востоковедные центры (март 1928 г.), Всесоюзная конференция историков-марксистов (с конца декабря 1928 г. до первых

чисел января 1929 г.), а через год — Всесоюзная конференция аграрников-марксистов. Наряду с ними осенью 1928 г. проходила дискуссия о «тайпинской революции», обсуждались экономические и социально-политические причины возникновения и поражения восстания, его классовый состав, характер и общая оценка⁶. С мая 1929 по февраль 1931 г. проходила дискуссия об азиатском способе производства⁷. Ряд вопросов, связанных с этой дискуссией, не прояснен до наших дней⁸. Г. С. Кара-Мурза не мог пройти мимо столь серьезных дебатов того времени.

Одному из авторов этой статьи он запомнился во время сессии Института мирового хозяйства и мировой политики, проходившей с 25 июня по 3 июля 1934 г., на которой стоял доклад П. А. Мифа «Борьба за гегемонию пролетариата в колониальной революции»⁹. В те годы по молодости лет и слабой осведомленности, не разбираясь в самом существе вопросов, я не очень удачно реагировала на происходившую дискуссию и обратилась к разговоривавшим со мной А. Я. Канторовичу и М. И. Казанину с какими-то нелепыми словами о лохматом спорщике — Г. С. Кара-Мурзе, а получила в ответ укоризненно-снисходительный упрек, из которого уяснила, что это многообещающий ученый, на которого возлагаются серьезные надежды. Этот урок я оценила много времени спустя.

Г. С. Кара-Мурзе в то время было 28 лет. Он казался суровым, несколько жестковатым, стиль одежды был подчеркнута демократическим. С нахмуренным видом, который придавали ему сросшиеся брови, углубленный в себя, он появлялся утром у библиотечных полок и, просмотрев поступившие книги и журналы, исчезал. В обращениях с нами он выдерживал официальный тон — товарищ такая-то, следовала фамилия, хотя нам привычнее были имена, а чаще и без отчества. Много времени спустя это внешнее впечатление рассеялось, хотя самые теплые письма во время войны упорно начинались с обращения: «Привет, тов. Тодер!».

Научную работу Кара-Мурза начал еще на студенческой скамье. В 1926 г. он подготовил «Русско-китайский толмач», изданный в следующем, 1927 г.¹⁰. Литературные и редакторские данные молодого ученого проявились с первых лет его работы. Эпизодически он входил в редколлегия журнала «Проблемы Китая», был редактором первого издания «Библиографии Китая»

П. Е. Скачкова (1932), ставшей эталоном для всех советских библиографий в области востоковедения¹¹.

Огромный труд, вложенный в освоение столь многоплановой информации, получал выход и в самостоятельных творческих решениях. В опубликованной «Краткой информации о работе Научно-исследовательского института по Китаю (с января 1928 по май 1930 г.)» Г. С. Кара-Мурза упоминается как автор докладов о сущности суньятсенизма, о принципах китайской транскрипции, об аграрном вопросе в Китае в 1929 г.¹², о социально-экономическом укладе в районах наименьшинств Юго-Западного Китая.

Георгий Сергеевич активно участвовал в обсуждении коренных проблем Китая и внес заметный вклад в выработку марксистско-ленинского подхода к учению вождя национально-революционных сил Китая, друга Советского Союза Сунь Ятсена, критиковал сектантское отношение к его взглядам и деятельности. Кара-Мурза сделал первый перевод главного труда Сунь Ятсена «Три народных принципа», снабдив его примечаниями, и написал к нему предисловие.

Значительную часть научного наследия Г. С. Кара-Мурзы составляют работы о революционном движении в Китае, статьи и брошюры о знаменитой Кантонской коммуне, о вооруженной борьбе народных масс Китая во главе с Компартией против сил реакции, о советах в Китае как органах революционно-демократической диктатуры трудящихся. Он написал ряд статей по китайской проблематике для Большой Советской Энциклопедии.

Г. С. Кара-Мурза одним из первых среди марксистских исследователей приступил к изучению этнических процессов и национального вопроса в Китае. В начале 1931 г. он отправился в Монгольскую Народную Республику, пробыл там полгода и на основе бесед с выходцами из Внутренней Монголии и других материалов опубликовал в «Проблемах Китая» две статьи¹³. Работа о Внутренней Монголии была переведена на монгольский язык. В 1934 г. в «Проблемах Китая» (№ 13) была напечатана его большая статья «К постановке национального вопроса в Китае». Хочется подчеркнуть проницательность ученого, взявшегося за анализ этой темы, значение которой особенно проявилось уже после образования Китайской Народной Республики.

Особое место в научном творчестве Георгия Сергее-

вича занимали произведения, посвященные анализу трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, документов Коминтерна о Китае.

Вот уже более 50 лет для каждого китаиста, занимающегося новейшей историей, революционным движением, ролью международного коммунистического движения в развитии Компартии Китая, настольной книгой служит вышедший в свет в 1934 г. сборник документов «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая». Это издание подготовил в качестве составителя и автора пяти вводных статей Г. С. Кара-Мурза (редактор П. Миф). Данному сборнику предшествовали две статьи о марксистской и антимарксистской интерпретации истории Китая и китайской революции¹⁴. В 1932 г. Кара-Мурза на основе собранных им высказываний классиков марксизма-ленинизма о Китае написал большую работу «Китайский вопрос в истории марксизма», которая была переведена на китайский и корейский языки¹⁵.

Значение этих трудов не ограничивается историографическими рамками: работая над данными произведениями, Г. С. Кара-Мурза готовился к изданию и комментированию документов Коминтерна о национально-колониальной революции, и прежде всего о китайской революции. Сейчас, более чем через полвека после выхода в свет книги «Стратегия и тактика Коминтерна...», когда китаеведам стало доступно большое количество источников, других материалов и исследований, относящихся к данной проблематике, видны недостатки некоторых документов, отразившиеся и на вводных статьях (прежде всего недооценка роли национальной буржуазии колониальных и полуколониальных стран, свойственная и другим востоковедам того времени).

В этой ошибке проявилась реакция на антикоммунистические перевороты, совершенные лидерами гоминьдана в 1927 г., разрыв ими единого фронта. Сказалась и позиция И. В. Сталина, в выступлениях которого по вопросам национально-освободительного движения, относящихся к середине 20-х годов, встречались высказывания, свидетельствовавшие о пересмотре некоторых правильных выводов, вошедших в документы II и IV конгрессов Коминтерна¹⁶. В ряде документов начала 30-х годов содержалась преувеличенная оценка уровня революционного движения, роли и перспектив китайских Советов, влияния компартии на массы.

Вместе с тем Коминтерн сыграл важную роль в становлении и росте коммунистического движения в Китае, выработке совместно с Компартией Китая ее стратегии и тактики, подготовке партийных кадров. В документах Коминтерна указывалось на неравномерность развития в различных районах страны освободительной борьбы, на отставание в конце 20-х — начале 30-х годов работы партии в городах, среди пролетариата, подчеркивалась необходимость усиления влияния партии на крестьянство, партийного руководства Красной армией Китая, улучшения ее социального состава, привлекалось внимание китайских коммунистов к восстаниям некитайских народов против национального гнета. Все эти позитивные моменты (как и отмеченные выше недостатки) содержались в документах Коминтерна, собранных и прокомментированных Г. С. Кара-Мурзой.

Но дальнейшая его работа по изданию документов и материалов, относящихся к истории Китая и китайской революции, не была завершена. Подготовленные в 1934—1935 гг. сборники «Маркс и Энгельс о Китае» и «Советы в Китае. Материалы и документы. Сборник второй» не были изданы. Вот как об этом писал сам Георгий Сергеевич в письме во время войны, требуя от адресата — своей ученицы — собранности и стойкости даже при жизненных затруднениях: «У меня ведь хуже было (вы наверное знаете, мне формально запретили заниматься своим делом, причем самая высокая инстанция). Три с половиной года к работе не допускали, а я знал, что буду работать, хотел, стремился к этому и, как видите, дождался»¹⁷.

Второй период активной творческой жизни Г. С. Кара-Мурзы начался в 1939 г. Георгий Сергеевич уже работал в Институте истории Академии наук. Одновременно он с большим увлечением отдался педагогической деятельности в Московском университете и Высшей дипломатической школе (ныне Дипломатическая академия), опираясь на опыт преподавания (с 1932 г.) истории Китая в Московском институте востоковедения. Проф. Кара-Мурза сразу снискал себе широкую популярность среди студентов. Его лекции по истории Китая на историческом факультете МГУ приходили слушать с других курсов и факультетов.

Когда Георгий Сергеевич появился на истфаке на кафедре колониальных и зависимых стран, он выглядел значительно старше своих 33 лет. Но оживленный, под-

тянутый, деловитый, он сразу располагал к себе своей эрудицией и благожелательностью к студентам. Будучи моложе своих коллег, он снискал их уважение работоспособностью, неустанными поисками нового и стремлением к познанию. Товарищи по кафедре быстро оценили молодого талантливую соратника и считались с его мнением, поручая ему ответственные задания.

О преподавательском даре Георгия Сергеевича Кара-Мурзы хочется сказать особо. Он обладал способностью вызывать у слушателей не только доверие к лекциям, но и сопереживание, увлечение ходом его мыслей. Для этого мало было владения искусством слова, мало было и обширных знаний, которыми он обладал. Нужна была еще и убежденность в необыкновенной важности и необходимости для студентов того, о чем говорилось в лекциях — будь то восхищение подвигами китайских революционеров, любовь к народным массам Китая, уважение к их борьбе за свободу или отвращение к любым проявлениям шовинизма, ненависть к иностранным поработителям и представителям китайской реакции. В своих лекциях и на семинарах Г. С. Кара-Мурза воспитывал в учениках марксистско-ленинское понимание истории.

Свое отношение к изучению мировой истории и истории Китая в частности Георгий Сергеевич выразил в письмах к друзьям в период Отечественной войны, опубликованных в журнале «Новый мир» № 4 за 1950 г.

Проф. Кара-Мурза хотел, чтобы события и людей китайской истории знали так же, как историю любой европейской страны. Надо показать, писал он, как страны Востока подчинила капиталистическая Европа и теперь они снова поднимаются, чтобы, как предвидел В. И. Ленин, принять участие в решении судеб всего мира. Своими публикациями, содержательными и эмоциональными лекциями, поощрением первых шагов студентов в научной работе на семинарах и в научном студенческом обществе (а в его кружке по истории Китая участвовали не только китайцы) Георгий Сергеевич добивался того, что истфаковцы самых разных специальностей проявляли большой интерес к истории освободительной борьбы китайского народа. До сих пор историки, окончившие Московский университет перед Отечественной войной или в самом ее начале, вспоминают проф. Кара-Мурзу, его лекции, организованные им научные конференции как выдающийся образец препода-

давательского мастерства. А ведь с тех пор прошло почти полвека и какие полвека!

Г. С. Кара-Мурза воспринимал учеников как младших коллег, относился к ним внимательно, доброжелательно и требовательно. Он мог послать студента на заседание редколлегии «Правды», на котором под руководством «самого» Е. М. Ярославского обсуждалась рецензия на учебник по «Новой истории колониальных и зависимых стран», мог подарить свою книгу о тайпинах с лестной надписью, но это не мешало строго оценивать и неллицеприятно критиковать курсовую работу гордого этой надписью ученика. Однако Георгию Сергеевичу было чуждо менторство, он спорил на равных, убеждая не профессорским авторитетом, а фактами, был готов признать аргументацию младшего, не опасаясь за свой престиж.

Два предвоенных года были заполнены напряженной педагогической деятельностью, подготовкой курсов лекций и учебников. Кара-Мурза стремился как можно скорее закончить разработку и издание полного вузовского курса истории Китая. Выступая на траурном заседании Отделения Востока исторического факультета МГУ, посвященном памяти Г. С. Кара-Мурзы 5 октября 1945 г., его коллега, известный индолог и афганист проф. И. М. Рейснер говорил: «А с какой поспешностью, быстротой, стремительностью раскрывал он один период истории Китая за другим, как будто он торопился, ему некогда было жить».

В 1940 г. в МГУ были напечатаны на стеклографе «Лекции по истории Китая в средние века»; в 1939—1941 гг. в Московском институте востоковедения — три раздела «Очерков по новой истории Китая»; в 1941 г. в Высшей дипломатической школе — машинописные «Лекции по новейшей истории Китая». В 1939 г. в журнале «Историк-марксист» (№ 5—6) была опубликована глава «Китай в 1918—1924 годах» из подготавливавшегося в то время учебника по новейшей истории колониальных и зависимых стран. Китаеведы хорошо знают и ценят эту работу, основанную на использовании различных материалов, включая архив М. М. Бородина — главного политического советника Сунь Ятсена.

Образцом литературы для студентов, да и для преподавателей школ и вузов был изданный в 1940 г. учебник «Новая история колониальных и зависимых стран». Составление учебника стало в то время главной науч-

ной задачей историков-востоковедов. Эта работа создавалась в секторе истории колониальных и зависимых стран (сектор возглавлял С. Н. Ростовский) Института истории АН СССР¹⁸. Вместе с С. Н. Ростовским в редколлегия вошли И. М. Рейснер, Г. С. Кара-Мурза и Б. К. Рубцов. Оптимальный состав руководящего ядра авторского коллектива был одной из главных предпосылок успеха, причем вклад Георгия Сергеевича как автора и соредактора всей книги был очень существенным. Главы по Китаю (как и другие разделы) не были свободны от отдельных неточностей или недоказанных положений, но в них особенно ярко проявились достоинства всего учебника — сочетание марксистского анализа исторических процессов и событий с живым, выразительным стилем изложения.

Дружная коллективная работа над учебником (не исключавшая горячих споров) способствовала сплочению членов университетской кафедры и академического сектора истории колониальных и зависимых стран, их профессиональному росту, ускоренному приобщению аспирантов, участвовавших в обсуждениях, к самым серьезным научно-педагогическим проблемам.

Традиции коллективной работы востоковедов были продолжены после Отечественной войны в процессе написания новых трудов. К ним прежде всего относился двухтомник по новой истории стран зарубежного Востока¹⁹, редакторами которого являлись два члена редколлегия учебника 1940 г. (И. М. Рейснер и Б. К. Рубцов), а две главы по Китаю принадлежали Г. С. Кара-Мурзе и его многолетнему товарищу по работе Г. Б. Эренбургу.

Начиная преподавание марксистской истории Китая, Г. С. Кара-Мурза считал себя ответственным за утверждение этого нового направления советского высшего образования. И в армии, находясь за тысячи километров от Москвы, он жил как бы в двух измерениях. Прежде всего он был политработником, который выполнял свой воинский долг. В то же время он не переставал ощущать себя профессором Московского университета, научным сотрудником Академии наук, обеспокоенным будущим советского китаеведения. До войны на историческом факультете МГУ не так много студентов специализировались по кафедре истории колониальных и зависимых стран, среди них китаистов были единицы. В письме из Читы от 14 сентября 1943 г.

Георгий Сергеевич спрашивал: «Где все наши аспиранты, студенты, выпускники 41-го года? Неужели все наши педагогические труды пропали и все разбрелись или погибли?» В других письмах (от 26 октября 1943 г., 4 января 1944 г.) он также писал о своих учениках. Действительно, некоторые из них погибли, кое-кто после войны сменил специальность, но все же несколько человек продолжили работу по истории Китая. Это направление сохранилось благодаря усилиям Георгия Борисовича Эренбурга и Ларисы Васильевны Симоновской, работе китаистов следующих поколений, принадлежащих к синологической школе Московского университета, основы которой заложил Г. С. Кара-Мурза.

В 1941 г. Георгий Сергеевич опубликовал свою работу об одном из крупнейших событий новой истории Китая — тайпинском восстании²⁰. Эта небольшая книжка, выпущенная в свет педагогическим издательством как пособие для учителей, была после войны опубликована 2-м (в 1950 г.) и 3-м (1957 г.) изданиями с предисловием Г. Б. Эренбурга, ее перевели и напечатали в Чехословакии (1953) и Венгрии (1954). Документы и другие источники, ставшие доступными советским исследователям только в 50-е годы, привели к пересмотру ряда оценок, данных Г. С. Кара-Мурзой в его книге (и в главе о тайпинском восстании в учебнике по новой истории колониальных и зависимых стран). Но характеристика духа эпохи, определение восстания тайпинов как крестьянской войны (а не революции, как считали некоторые другие авторы), его общая позитивная оценка сохраняются в наши дни, давая историкам стимул для дальнейшей углубленной разработки проблем тайпинского движения.

«Тайпины» были написаны как пособие для учителей. Забота о школьном образовании была особенно присуща Георгию Сергеевичу. Он писал, что с точки зрения борьбы против европоцентризма самым ценным из всего, что им сделано, считает главы о Китае в школьном учебнике истории средних веков. Традиция писать для школы была продолжена в 50-е годы университетскими китаеоведами, создавшими ряд книг и статей в качестве пособий для учителей и школьников.

Г. С. Кара-Мурза был не только одним из лучших в нашей стране знатоков истории Китая, проблем идеологии, национального вопроса. Он активно участвовал в качестве автора и консультанта в подготовке «Дипло-

матического словаря», плодотворно работал в области изучения китайской культуры, написал ряд статей о китайской литературе, предисловие к большой работе о китайском искусстве, редактором которой он являлся²¹. Профессор исторического факультета М. О. Косвен говорил о нем: «Когда мне пришлось быть редактором задуманного многотомного издания по истории культуры, мы привлекли Георгия Сергеевича в качестве автора глав по истории культуры Китая... Он сразу выделился из всех остальных участников этой работы исключительной добросовестностью, исключительной аккуратностью. Но гораздо существеннее было то, что главы, написанные Георгием Сергеевичем, были поистине блестящими, история культуры Китая была представлена так увлекательно, так содержательно, с таким литературным блеском! Они, конечно, стали самыми лучшими главами в «Истории культуры». Эта работа осталась в виде макета первого тома и мало кому известна»²².

Когда началась Великая Отечественная война, Г. С. Кара-Мурза вместе со многими другими (1065 человек) добровольцами — членами университетского коллектива вступил в ряды 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения, сформированной в числе 12 московских ополченских дивизий в начале июля 1941 г. В ее состав вошли также рабочие и служащие «Трехгорной мануфактуры» и других предприятий, консерваторы, артисты театра Революции, писатели. Как и видный историк М. С. Зоркий, профессор политэкономии А. Ф. Кон, Георгий Сергеевич был назначен инструктором политотдела дивизии²³. Через некоторое время его, как крупного специалиста по Китаю, перевели в Забайкальский военный округ. При оформлении на вопрос, как он относится к своей предстоящей роли военного-востоковеда, Георгий Сергеевич сказал: «Вся моя прошлая деятельность педагога и исследователя была направлена на укрепление дружбы советского и китайского народов. К выполнению этой задачи я отношусь исключительно серьезно»²⁴.

Служа в политуправлении Забайкальского фронта (в звании майора), Георгий Сергеевич продолжал научную деятельность, собрал большой материал о положении в оккупированном японскими империалистами Северо-Восточном Китае и написал крупную работу, названную им «„Новый порядок“ в Маньчжурии». 18 вы-

пусков этого труда (от 24 до 106 страниц в каждом) были изданы в Чите с июля по декабрь 1944 г. В одном из писем Георгия Сергеевича читаем: «Я не был под Москвой, не дрался под Сталинградом. Я не виновен в этом. Но мне как гражданину хочется ведь что-то оставить в армии и именно для армии. И кажется, что эта книга будет книгой для солдата. У нас не знают Маньчжурию, о ней очень мало написано, вот и хочется положить на стол новый труд»²⁵.

Фактический материал и выводы, содержащиеся в этой работе, уже давно являющейся библиографической редкостью, представляли значительную ценность как пособие для командиров, политработников, всего личного состава наших войск, расположенных на границе с Северо-Восточным Китаем. Б. Г. Сапожников вспоминал, что брошюры Г. С. Кара-Мурзы о «Маньчжоу-го», которые печатались большими тиражами, пользовались большим спросом у офицеров и рядовых²⁶. Об этом же писал генерал-майор А. И. Ковтун-Станкевич, являвшийся в августе 1945 — марте 1946 г. комендантом Мукдена (Шэньяня) — главного города Маньчжурской наступательной операции, он отмечал: «Наиболее ценные сведения черпаю из книг профессора Г. С. Кара-Мурзы и брошюр разведуправления»²⁷.

Китаеведы знают этот незаурядный труд Георгия Сергеевича. Но им, разумеется, не ограничились результаты его деятельности в политуправлении Забайкальского фронта. Доцент Института стран Азии и Африки при МГУ японист И. М. Сырицын, служивший в 1945 г. стажером—военным переводчиком на Забайкальском фронте, вспоминает, что майор Кара-Мурза изучил и обобщил опыт политработы на западных фронтах по разложению войск противника и на основе этих материалов (преимущественно листовок, обращенных к немецким солдатам) написал книгу, служившую теоретическим и практическим пособием (применительно к условиям Забайкальского фронта), которое широко использовалось офицерами, участвовавшими в работе по разложению японских войск.

О том, как Георгий Сергеевич относился к созданию пособий по спецпропаганде, говорит следующий отрывок из его письма (ноябрь 1943 г.): «Такие бы, казалось, простые вещи — листовки, лозунги, а сколько тут надо продумать, прежде чем их создать. Здесь должна

быть словесная теплота и глубина, ничего лишнего. Тут первая фраза должна повести за собой, звать, требовать дальнейшего чтения. В связи с этим много пришлось думать над лексикой... Ведь в листовке, например, каждое слово должно стрелять. Тут надо много думать над тоном, над точностью словаря, над тем, как сделать текст лаконичным»²⁸. Георгий Сергеевич действительно добивался, чтобы его перо действовало как штык.

Как вспоминал Г. К. Меклер, работа Г. С. Кара-Мурзы была создана на базе лекций, читавшихся им для политработников и офицеров штаба Забайкальского фронта: «Следует особо отметить труд китаеведа майора Г. С. Кара-Мурзы — старшего инструктора отдела политуправления Забайкальского фронта. В 1942—1944 гг. с помощью группы китаеведов отдела он подготовил и прочитал для офицеров политуправления, отделов штаба округа курс лекций об экономике, политике, военном строительстве, идеологии и культуре на территории северо-восточных провинций Китая (Маньчжурии), а также о колониальной политике Японии в этом регионе, о ее вооруженных силах и военном строительстве. Тексты лекций были затем отредактированы, дополнены фактическим материалом и отпечатаны соответствующим тиражом на типографской базе отдела спецпропаганды и редакций учебных газет на иностранных восточных языках»²⁹.

Общую оценку отношения майора Кара-Мурзы к своей службе в армии дал Б. Г. Сапожников: «В 1941—1945 гг. мне приходилось эпизодически по заданию командования выезжать на Дальний Восток. В ходе инспекторской работы в политуправлении Забайкальского округа я встречался с Г. С. Кара-Мурзой. Обращала на себя внимание его личная ответственность и исключительно высокая работоспособность. Георгию Сергеевичу было присвоено высокое воинское звание майора, и, чтобы оправдать его, он уделял немало времени овладению общевойсковой специальностью: аккуратно посещал лекции и занятия по общевойсковой командирской подготовке (тактической, строевой и стрелковой), хотя это ему давалось, прямо скажем, трудно. Он был непременным участником — в составе отдела политуправления — учений и маневров войск³⁰, при этом использовал каждый удобный момент для выступлений с лекциями о Китае, его народе, о борьбе китайского на-

рода против японских колонизаторов³¹. Он составлял сводки о положении в Маньчжурии, о деятельности японских оккупантов и их марионетки — „правительства“ Маньчжоу-го. Командование округа высоко оценило деятельность майора Кара-Мурзы, офицера-востоковеда... Знания и способности Георгия Сергеевича развернулись в период Маньчжурской наступательной операции и разгрома японской Квантунской армии в августе 1945 г. Он с исключительной настойчивостью и самоотверженностью вел пропаганду среди японских и марионеточных китайских войск; особенно полезна была его работа среди китайского, корейского и монгольского населения на территории Маньчжурии, освобожденной нашей армией от многолетнего японского ига»³².

«„Новый порядок“ в Маньчжурии» был не только практическим пособием для спецпропагандистов, но и крупным научным трудом. Особенно важным было высказанное автором фундаментальное положение о новом типе колониальной политики, проводившейся японскими империалистами в Маньчжурии. Всегда очень требовательно относившийся к своей научной деятельности, Г. С. Кара-Мурза намеревался защищать эту работу в качестве докторской диссертации. «Тема моей диссертации „Манчжоу-го — колония „нового порядка“, — писал он. — Это прообраз того, что сейчас создается в Индонезии, Бирме, на Филиппинах и пр. Интересно со многих точек зрения. Ряд теоретических проблем возникает о колониях вообще, о закономерностях развития, о так называемом „новом порядке“, его сущности»³³.

В другом письме Г. С. Кара-Мурза возвращается к значению разрабатываемой им темы, «совсем новой в нашей науке»: «Политически это очень важно, об этом говорит опыт фашизма. А научно это интересно, как новый метод колониального господства, раньше этого не бывало. На то и „новый порядок“». К сожалению, диссертация Георгия Сергеевича не была защищена. Получив в марте 1945 г. командировку в Москву, он привез свою работу, но отзывы задерживались, надо было возвращаться в часть. На Дальнем Востоке приближались крупные события.

Перед отъездом Георгий Сергеевич зашел к своей довоенной аспирантке домой проститься. Он взял гитару и запел «Случайный вальс», потом другие военные песни. Любовь к песне, к стихам, способность остро чувствовать красоту природы («в моей архиерейской

келье стоят три букета багульника. Чудные цветы») были свойственны этому строгому профессору и целеустремленному ученому. В его письмах читаем: «Пел песню „Ты ждешь, Лизавета“, запевал хоровые песни, с Читой расстаемся весело, спели на прощание „Прощай, любимый город“». В одном из писем Георгий Сергеевич цитирует Стендаля: «„И записываю только вздох“... Нет, видимо, словами нельзя выразить чувства. Язык беден для этого. Слова — инструмент разума, сознания, а чувства должны иметь свои формы проявления: улыбки, жесты, звуки, песни». В другом письме: «По вечерам спорим, читаем стихи, поем песни... Будущий историк не сможет не сказать о песнях и поэтах, их написавших. Такое созвучие со временем, с настроением народным, такая глубокая лирическая сила в них звучит, что не знаешь, где народ — автор, и где поэт — автор. Поистине народные песни! Вот мы и поем. Поем и ожидаем. Поем и верим, и мечтаем»³⁴. Песни, стихи, споры не мешали, а помогали работе, если вспомнить, сколько было сделано.

Работы Г. С. Кара-Мурзы это не только неотъемлемая часть истории советского китаеведения. Их исследовательский уровень, методологическая основа, научно-политическая актуальность обеспечили им долгую жизнь.

Значение вклада Г. С. Кара-Мурзы в развитие советского востоковедения, сделанного всего лишь за полтора десятилетия активной научной деятельности, определяется не только числом опубликованных и неопубликованных трудов и даже не только их качеством. Его синологические научные и педагогические достижения связывают труды первых советских востоковедов — его учителей с современными заботами и свершениями китаистов СССР, с перспективами научного познания Китая, развития связей между нашими странами, поскольку эти задачи наследуются новыми поколениями специалистов, учеников тех, кто учился у профессора Г. С. Кара-Мурзы.

17 апреля 1945 г., в соответствии с планом командования войсками на Дальнем Востоке, политорганы были выведены на полевые базы, чтобы в условиях, приближенных к боевым, готовиться к участию в предстоящих военных действиях против Квантунской армии»³⁵.

«В общем, прошедшие четыре года оказались репетицией, только „введением“, а главное начинается толь-

ко сейчас,— писал Г. С. Кара-Мурза.— Прощай Чита, прощай, четырехлетнее читинское сидение! Я ведь знал, что надо будет принять участие в ликвидации „нового порядка“... Мне на Читу жаловаться грешно. Работал много, все, что писал, издавалось. Лежит на столе большая пачка книжек, за 4 года здесь сделанных, ими пользуются, их читают. „Мне с тобой дружно“,— говорила мне раньше моя маленькая дочка. Вот и мне в армии было дружно, был коллектив, любимая работа, нужное дело. Было счастье. А сейчас и вовсе начинается интересный период... Я увижу страну, о которой вот уже пятнадцать лет читаю лекции, пишу книги, приму участие в освобождении народа, который люблю, талантливого, сильного, угнетенного веками народа.

— И что бы со мной ни случилось — война есть война,— я счастлив, что так сложилась жизнь. Начинается новый этап. Шагнем в это новое»³⁶.

22 августа 1945 г. самолет, на котором летел, выполняя задание командования, Георгий Сергеевич Кара-Мурза, разбился недалеко от г. Ванъемяо, над китайской землей, которую в те дни освобождали советские воины от 14-летнего японского ига.

Г. С. Кара-Мурза оставил после себя более ста научных работ, большие замыслы («написать серию книжек о Китае»³⁷), родных, товарищей по Академии наук, по Московскому университету, по Москве, боевых друзей по Чите, по Забайкальскому фронту, учеников.

В августе 1967 г. в Чите состоялось открытие памятника, на котором высечены имена Г. С. Кара-Мурзы и тех, кто погиб вместе с ним. Газета «Забайкальский рабочий» писала: «Всегда и во всем деятельность этого ученого отличали оригинальные разработки важнейших проблем Китая, подлинно научное дерзание, глубина теоретического анализа и смелые обобщения»³⁸.

Вся жизнь Георгия Сергеевича — коммуниста, ученого, воспитателя молодых востоковедов, армейского политработника — являла собой пример полного единства слова и дела. Мысль В. И. Ленина: «...приятнее и полезнее „опыт революции“ проделывать, чем о нем писать»³⁹ была воспринята Г. С. Кара-Мурзой и выражена словами: «Историк должен делать историю, а потом ее писать»⁴⁰.

¹ В статье использованы некоторые сведения из кн.: Милибанд С. Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1975, с. 241—242.

- ² *Эренбург Илья*. Люди, годы, жизнь.— Собрание сочинений. Т. 8. М., 1966, с. 126.
- ³ *Лидин В.* Друзья мои — книги. М., 1976, с. 149.
- ⁴ *Павлович М. П.* Восток в борьбе за независимость. М., 1980, с. 245—246.
- ⁵ Там же, с. 260.
- ⁶ См.: *Проблемы Китая*. 1929, № 1, с. 403—430; *Никифоров В. Н.* Советские историки о проблемах Китая. М., 1970, с. 192—196.
- ⁷ Дискуссия об азиатском способе производства. М.—Л., 1931.
- ⁸ См.: *Никифоров В. Н.* Советские историки о проблемах Китая, с. 210—258.
- ⁹ См.: *Колониальные проблемы*. 1935, № 3—4. В обсуждении доклада участвовали, в частности, Е. С. Варга, А. А. Губер, Г. С. Кара-Мурза, В. М. Миросшевский.
- ¹⁰ См.: Стенограмма траурного заседания Отделения Востока исторического факультета МГУ, посвященного памяти профессора МГУ Г. С. Кара-Мурзы, 5 октября 1945 г., с. 4; *Скачков П. Е.* Библиография Китая. М., 1960, с. 489.
- ¹¹ Эта книга была полностью переведена в США в 1948 г. (см.: *Скачков П. Е.* Библиография Китая, с. 5).
- ¹² *Кара-Мурза Г.* Аграрный вопрос в Китае в первой половине 1929 г.— *Проблемы Китая*. 1930, № 2.
- ¹³ *Кара-Мурза Г. С.* Китайский торгово-ростовщический капитал во Внутренней Монголии.— *Проблемы Китая*. 1933, № 11; *он же*. Особенности капиталистического развития Внутренней Монголии.— *Проблемы Китая*. 1935, № 15.
- ¹⁴ *Кара-Мурза Г. С.* Марксизм и буржуазная синология.— *Проблемы Китая*. 1930, № 4—5; *он же*. Карл Маркс и китайская революция.— *Коммунистический Интернационал*. 1933, № 7—8.
- ¹⁵ Стенограмма траурного заседания..., с. 5.
- ¹⁶ См. об этом: *Глушин В. И.* Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае.— *Коминтерн и Восток*. М., 1969, с. 286—292; *Панцов А. В.* Из истории подготовки в СССР марксистских кадров китайской революции.— *Революционная демократия и коммунизм Востока*. М., 1984, с. 319.
- ¹⁷ Письмо Г. С. Кара-Мурзы от 3 января 1944 г. Полевая почта 34675Н.— Личный архив Ф. А. Тодер.
- ¹⁸ Учебник был издан под грифом Института истории АН СССР, где работали почти все авторы, одновременно являвшиеся членами кафедр истории колониальных и зависимых стран истфака МГУ.
- ¹⁹ *Новая история стран зарубежного Востока*. Т. I, II. Издательство Московского университета. М., 1952.
- ²⁰ *Кара-Мурза Г. С.* Тайпины. Великая крестьянская война и тайпинское государство в Китае. 1850—1864. М., 1941.
- ²¹ Стенограмма траурного заседания..., с. 6.
- ²² Там же, с. 9.
- ²³ *Московский университет в Великой Отечественной войне*. М., изд-во МГУ, 1985, с. 141—142.
- ²⁴ *Оружием слова*. Статьи и воспоминания советских востоковедов. 1941—1945. М., 1985, с. 223—224.
- ²⁵ *Кара-Мурза Г. С.* Из писем ученого.— *Новый мир*. 1950, № 4, с. 193. В письме от 5 марта 1945 г. Г. С. Кара-Мурза писал: «Книжка о Маньчжурии разрослась. Вышло 4 тома, 73 печатных листа, издали их здесь хорошо и быстро и разослали по частям. Несмотря на большой тираж, даже не всем частям хватило» (там же, с. 195).
- ²⁶ *Оружием слова*, с. 225.

²⁷ На китайской земле. М., 1977, с. 417.

²⁸ *Кара-Мурза Г. С.* Из писем ученого, с. 188.

²⁹ Оружием слова, с. 146.

³⁰ В письме из Читы от 4 августа 1944 г. Г. С. Кара-Мурза упоминает об этом: «Военное учение в лагерях закончилось. Пробыл почти месяц, очень доволен, хотя и устал, осунулся (сейчас выгляжу так, будто, по выражению одного товарища, меня только что с креста сняли), но зато стал настоящим майором, выдержал испытания на командира батальона по тактике и оружию на отлично. Чувствовал себя там отлично. Все-таки я очень люблю людей, коллектив, прекрасно чувствую себя на людях, бодро, весело... Как хорошего пловца меня даже назначили дежурным по реке на случай, если кто будет тонуть и пр. А река там быстрая, горная и довольно широкая. И один товарищ действительно стал тонуть, занесло его течением на середину реки и выплыть не может. Пришлось плыть спасать, и спас!» (Из писем ученого, с. 193).

³¹ «Последнее время пошло так густо, что даже не по одной, а по две лекции в день читаю, и то многим отказываю» (там же, с. 197).

³² Оружием слова, с. 225.

³³ *Кара-Мурза Г. С.* Из писем ученого, с. 192.

³⁴ Там же, с. 188—194, 198.

³⁵ Оружием слова, с. 147.

³⁶ *Кара-Мурза Г. С.* Из писем ученого, с. 198.

³⁷ Там же, с. 197.

³⁸ Забайкальский рабочий. Чита. 25.08.1967.

³⁹ *Ленин В. И.* Государство и революция.— Полное собрание сочинений. Т. 33, с. 120.

⁴⁰ *Кара-Мурза Г. С.* Из писем ученого, с. 194.

М. Ф. Юрьев, А. В. Панцов

УЧИТЕЛЬ КИТАЕВЕДОВ Г. Б. ЭРЕНБУРГ
(1902—1967)

С фотографии на нас смотрят глаза удивительно доброго, умудренного опытом человека. Это Георгий Борисович Эренбург — ученый, педагог, оставивший глубокий след в истории советского китаеведения. Особенно значительный вклад внес Георгий Борисович в изучение проблем китайской революции, в подготовку высококвалифицированных синологов-марксистов университетского уровня и тем самым в продолжение традиций марксистского востоковедения.

Среди специалистов по новой и новейшей истории Китая, работающих ныне в Академии наук, Московском университете, других учреждениях и ведомствах СССР и в большой мере определяющих уровень синологии в нашей стране, немало его учеников и учеников его воспитанников. К ним относится ряд членов кафедры истории Китая Института стран Азии и Африки при МГУ, профессор МГИМО МИД СССР А. В. Меликсетов. В академических институтах — востоковедения, Дальнего Востока, международного рабочего движения, научной информации по общественным наукам также работают ученики Георгия Борисовича, в том числе проф. А. М. Григорьев, проф. В. Н. Никифоров, д-ра ист. наук Т. Н. Акатова, Л. Н. Борох, О. Е. Непомнин, М. А. Персиц. Если же иметь в виду востоковедов, подготовка которых шла не в последнюю очередь под воздействием замечательных лекций и семинаров Георгия Борисовича, его книг и статей, то их число определяется по меньшей мере трехзначной цифрой.

Г. Б. Эренбург принимал непосредственное участие и в обучении большого числа научных и практических работников невостоковедного профиля, преподавая не только в Московском университете, но и в Академии общественных наук при ЦК КПСС, Институте философии,

литературы и истории им. Н. Г. Чернышевского (ИФЛИ), Высшей дипломатической школе, Московском государственном институте международных отношений, Военном институте иностранных языков, Московском областном педагогическом институте, читая лекционные курсы в Киеве, Минске, Краснодаре, Саратове.

Георгий Борисович Эренбург — один из тех ученых, которые закладывали основы марксистской синологической исторической науки. Много лет он работал вместе с профессором Георгием Сергеевичем Кара-Мурзой — как исследователь и педагог, а после гибели Г. С. Кара-Мурзы перенял у него эстафету, развивая дух и традиции московской университетской китаеведческой школы: «Вкус к теории, любовь к яркой, интересной форме изложения, к метким характеристикам»¹. Преподавательская работа была для Георгия Борисовича не службой, а служением, не должностью, а долгом, составляла смысл существования.

Г. Б. Эренбург родился 24 ноября (7 декабря) 1902 г. в Иркутске. Его родители Борис Григорьевич и Софья Борисовна, люди небогатые, приложили немало сил и старания, чтобы дать каждому из троих сыновей основательное образование. В этой семье культивировалась любовь к искусству, науке, литературе. Атмосфера добра, взаимного уважения и стремление к творчеству, царившие в семье, оказали существенное влияние на становление молодого Георгия, так же как и на формирование личностей его братьев.

В 1911 г., в возрасте 9 лет, Георгий Борисович был принят в Иркутское коммерческое училище, которое окончил в 1919 г. Учеба в старших классах совпала со временем ожесточенного противоборства революционных и контрреволюционных сил, проходила в обстановке гражданской войны. К началу 20-х годов Иркутск стал одним из главных центров революционной борьбы за Советы в Сибири и на Дальнем Востоке. Здесь в начале января 1920 г. был взят в плен «верховный правитель России» царский адмирал А. В. Колчак. 7 февраля того же года он был расстрелян по приговору Иркутского военно-революционного комитета. Здесь в январе 1921 г. был создан по решению Исполкома Коммунистического Интернационала Дальневосточный секретариат Коминтерна, в составе которого действовали секции — китайская, корейская, монголо-тибетская и японская. В китайской секции с марта 1921 г. в тече-

ние нескольких месяцев работал один из организаторов коммунистического движения в Китае Чжан Тайлэй.

Среди большого числа китайцев, находившихся тогда в Иркутске, было много сочувствовавших Советской власти и желавших бороться против белогвардейцев и интервентов с оружием в руках. Учитывая их настроения, иркутские большевики образовали из добровольцев-китайцев инструкторский батальон, который нес гарнизонную службу в городе. 630 китайцев были зачислены в состав Интернационального полка 5-й армии Восточного фронта. В полку действовала специальная инструкторская школа для подготовки командных кадров, среди слушателей которой было 200 китайских бойцов. Немало китайцев-красноармейцев обучалось и в Интернациональной партийной школе, функционировавшей в 1921 г. при объединенном политическом управлении 5-й армии и Восточносибирского военного округа. Летом 1922 г. по решению Отдела агитации и пропаганды ЦК РКП(б) в Иркутске было открыто отделение Коммунистического университета трудящихся Востока, в котором наряду с представителями других народов Дальнего Востока также стали обучаться китайцы².

12 июля 1920 г. в Иркутске был проведен грандиозный митинг 2 тыс. китайских граждан, организованный интернациональным отделением политотдела 5-й армии. На митинге, по сообщению иркутской газеты «Власть труда», выступил Ярослав Гашек, руководивший этим отделением³.

Именно в Иркутске после разгрома Колчака представитель НКВД на Дальнем Востоке Я. Д. Янсон направил 3 марта 1920 г. в китайское консульство обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР от 25 июля 1919 г. к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая⁴. Находившийся в Иркутске же руководитель Дальневосточного секретариата Коминтерна Б. З. Шумяцкий по поручению В. И. Ленина послал в Монголию обращение правительства Советской России от 3 августа 1919 г. к трудящимся Монголии и автономному правительству⁵. В 1920 г. в Иркутске находились вожди монгольской революции Сухэ-Батор и Чойбалсан. В Иркутске осенью 1921 г. встречали и провожали монгольскую делегацию на ее пути в Москву и при ее возвращении на родину⁶.

Иркутск был одним из центров строительства новой, советской культуры. Здесь Николай Охлопков начал в

1918 г. сценическую деятельность (ему было тогда 18 лет, на 2 года больше, чем Георгию Борисовичу, который с ним общался в то бурное время). В 1920 г. Н. П. Охлопков участвовал в создании Иркутского «Молодого театра», а в 1922 г. поставил здесь «Мистерию-буфф» В. Маяковского. В Иркутской гимназии учился молодой Иосиф Уткин, «Комсомольская песня» и другие стихи которого о гражданской войне в Сибири остро выражали и дух эпохи, и чувства революционно настроенного юношества.

В этой атмосфере борьбы за социальную справедливость, за торжество дела интернациональной солидарности учился и воспитывался Георгий Эренбург. Вскоре после Октябрьской революции он с головой окунается в водоворот революционных событий, со всем жаром молодости отдает себя борьбе за революционные идеалы. О доверии, которое оказывали молодому интеллигенту революционеры Иркутска, свидетельствует такой факт, сообщенный Г. Б. Эренбургом авторам этой статьи: вступив добровольцем в милицию, созданную для охраны общественного порядка, Георгий Борисович был в январе 1920 г. одним из тех, кто караулил арестованного Колчака.

В 1920 г. Г. Б. Эренбург поступает на факультет общественных наук Иркутского университета, откуда в 1922 г. переводится на правовое отделение Московского университета. Одновременно он работает литературным сотрудником органа ЦК РКСМ журнала «Юный коммунист»⁷.

Но уже в 1923 г. произошло событие, определившее всю дальнейшую жизнь и деятельность Георгия Борисовича: по рекомендации иркутских большевичек сестер Мосиных⁸ один из руководителей Дальневосточного отдела ИККИ, Г. Н. Войтинский, направляет его в Китай и Монголию.

Покинув Москву в начале августа 1923 г., Георгий Борисович вместе с женой, Евой Иделевной, через Иркутск отправился в Харбин, куда прибыл примерно во второй половине сентября. В Харбине в условиях подполья он ведет агитационно-пропагандистскую работу среди рабочих и служащих КВЖД, выступает с лекциями и беседами не только в русской, но и в китайской аудиториях⁹. Для выполнения ряда ответственных конспиративных заданий неоднократно выезжал в районы Северного Китая.

Весной 1924 г. Георгий Борисович приезжает в Монголию. По решению 4-го заседания Президиума ЦК Монгольской народной партии (с марта 1925 г. Монгольская народно-революционная партия) он назначается советником ЦК МНП по партийной пропаганде. Вскоре его перевели на работу в организационно-инструкторский отдел ЦК МНП. Одновременно Георгий Борисович продолжал оказывать помощь монгольским революционерам в налаживании агитационно-пропагандистской и идеологической работы. Наряду с этим по просьбе ЦК МНП он исполнял обязанности советника комитета по печати ЦК.

По словам товарища Ч. Мижеху — заведующего Центральным партийным архивом при ЦК МНРП, высказанным в беседе с одним из авторов данной статьи, Г. Б. Эренбург фактически в течение полугода (с 15 марта по 15 августа 1924 г.) работал в качестве одного из помощников Центрального комитета МНП.

Г. Б. Эренбург участвовал в разработке ряда письменных рекомендаций монгольским революционерам по активизации организационной, идейно-воспитательной и пропагандистской деятельности, в частности «Положения об организационно-инструкторском отделе ЦК МНП» и «Инструкции для местных партийных организаций». В последней были охарактеризованы узловые принципы строительства низовых организаций Монгольской народной партии¹⁰. Эти документы способствовали укреплению организационной структуры МНП.

Работая в Урге (ныне Улан-Батор), Георгий Борисович прямо участвовал в осуществлении ленинского указания о том, что победивший пролетариат развитых государств должен помочь трудящимся отсталых стран и районов перейти от докапиталистических отношений через ряд промежуточных ступеней к строительству социалистического общества.

Идея некапиталистического пути развития была обоснована В. И. Лениным в ряде произведений и выступлений дооктябрьского и послеоктябрьского периодов. Еще в 1916 г. В. И. Ленин, полемизируя с П. Киевским (Г. Л. Пятаковым), писал: «Когда сами будем правительством... мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и слиться, мы считаем своим долгом и своим интересом сделать это, ибо иначе социализм в Европе будет не прочен. Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетен-

ным, более чем мы, народам „бескорыстную культурную помощь“, по прекрасному выражению польских социал-демократов, т. е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму»¹¹. После победы Великого Октября вопрос о возможности некапиталистического развития народов от феодализма и дофеодалных отношений к социализму стал практической проблемой применительно ко многим областям нашей страны.

Победа народной революции в Монголии, одержанная в июле 1921 г. при непосредственной поддержке Советской России, перевела и для монгольского народа в практическую плоскость вопрос о некапиталистической перспективе.

В тот период Г. Б. Эренбург оказывал большое содействие деятельности и Монгольского революционного союза молодежи, переживавшего тяжелый период организационной и идейно-политической неустойчивости. В 1923—1924 гг. в ревсомоле довольно заметной была тенденция к авангардизму, к некой самостоятельности от партии. В августе 1924 г. состоялся III съезд МНП, на котором противники некапиталистического пути развития потерпели поражение. В сентябре 1924 г. прошел III съезд ревсомола, который одобрил генеральную линию партии, осудил тенденцию к авангардизму, принял решение об усилении работы по политическому просвещению и ликвидации неграмотности среди членов союза¹².

Вскоре после завершения работы III съезда МНП Г. Б. Эренбург был откомандирован из Монголии на учебу в Московский институт востоковедения: страна испытывала острую потребность в марксистски подготовленных научных работниках и преподавателях, и Георгий Борисович, уже имевший за плечами опыт практической работы в странах Востока, с энтузиазмом принялся за изучение теоретических проблем их развития. Особое внимание он уделял изучению вопросов революционного движения в Китае.

Окончив в 1927 г. институт, Г. Б. Эренбург начал работать научным сотрудником кабинета китаеведения Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. Этот университет был организован в Москве в конце ноября 1925 г. для подготовки высокообразованных политических кадров китайской революции. Он помещался в здании бывшей мужской гимназии на улице Волхонка, в

доме № 16 (ныне там находится Институт философии АН СССР). Кабинет китаеведения, созданный в Университете вскоре после открытия последнего, довольно быстро превратился в крупный научный центр. Вместе с Георгием Борисовичем Эренбургом в кабинете работали известные китаеведы: С. А. Далин, исполнявший обязанности заведующего кабинетом, М. Г. Андреев, А. А. Иванов (Ивин), а также молодые синологи: Г. С. Кара-Мурза, В. В. Вишнякова, А. А. Штукин и др.¹³ К научной работе активно привлекались и китайские студенты, которые наряду с советскими специалистами участвовали в создании терминологического словаря китайского языка, обработке новейших работ по истории Китая, подготовке обзоров по материалам прессы и др. Под руководством одного из ведущих сотрудников кабинета В. С. Колоколова и при участии китайских студентов в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена был подготовлен и отпечатан в 1927 г. литографским способом китайско-русский словарь, несколько десятилетий являвшийся одним из лучших в этом роде.

1 января 1928 г. кабинет китаеведения был преобразован в Научно-исследовательский институт по Китаю при Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. Научные сотрудники кабинета, в том числе Г. Б. Эренбург, перешли во вновь образованный институт.

Основное внимание в институте уделялось разработке узловых проблем новой и новейшей истории Китая, анализу опыта и современного состояния китайского революционного движения. Большую роль в развитии этих направлений советской науки и общественной мысли играли регулярно организовывавшиеся в НИИ по Китаю дискуссии (при всех их издержках, связанных с крайне резкой критикой оппонентов, обвинениями в отступлении от марксизма и линии партии). Активное участие в дискуссиях принимал и Г. Б. Эренбург.

В эти же годы Георгий Борисович начал публиковать работы о борьбе трудящихся масс Китая за свое национальное освобождение и классовые интересы, страстно пропагандируя идеалы дружбы народов Советского Союза и Китая. В 1929 г. вышла первая книга Г. Б. Эренбурга — «Правда о событиях на КВЖД», в следующем году вторая — «Рабочее движение в Китае» (объем последней составлял 320 страниц). О политической значимости и актуальности этих публикаций сви-

детельствует тот факт, что они были изданы в Москве на китайском языке, причем первая в то время, когда Особая Дальневосточная армия под командованием В. К. Блюхера давала отпор войскам китайской реакции и русским белогвардейцам, пытавшимся захватить КВЖД и совершившим провокационные налеты на советскую территорию. Публикации Георгия Борисовича помогали китайской общественности понять единство интересов Китая и СССР в борьбе против милитаристов и империалистов.

Характерная черта Георгия Борисовича, как и многих других советских китаеведов,— оперативно откликаться на важные события жизни Китая — проявлялась в его последующих трудах.

В 1930—1932 гг. он работал старшим научным сотрудником НИИ по Китаю. Одновременно он являлся секретарем редакции журнала «Проблемы Китая» — печатного органа института. За эти три года он опубликовал десять значительных работ¹⁴. Написанные ярким, образным языком, эти работы были рассчитаны на самую широкую аудиторию: они знакомили советских трудящихся с героической борьбой многострадального народа Китая, в них выразительными красками описывались хищнические методы эксплуатации китайского трудового народа со стороны милитаристов, землевладельцев и империалистов. Гневом и болью за судьбу китайских крестьян и рабочих проникнуты эти книги, особенно последняя из них, в которой речь идет об оккупации японскими империалистами Маньчжурии и их попытке захватить Шанхай, о борьбе против агрессора и о международной пролетарской солидарности с китайским народом и Советским Союзом. Этой же теме посвящена и статья Г. Б. Эренбурга «Японская оккупация Маньчжурии и активность белогвардейцев»¹⁵. Разоблачение враждебности антисоветских эмигрантских сил не только строительству социализма в нашей стране, но и китайскому народу также привлекало внимание Георгия Борисовича¹⁶.

В 1932 г. Г. Б. Эренбург начал преподавательскую деятельность в Московском институте востоковедения. В 1935 г. Ученый комитет ЦИК СССР присвоил ему ученое звание доцента. За четыре года работы в МИВ Георгий Борисович вместе с Г. С. Кара-Мурзой много сделал для подготовки квалифицированных китаеведов, для постановки лекционного курса новой и новейшей

истории Китая. Выступая на заседании, посвященном памяти Георгия Сергеевича Кара-Мурзы, Георгий Борисович вспоминал: «Когда в 1931—1932 гг. Георгий Сергеевич впервые приступил к составлению курса новой истории Китая для Института востоковедения, он привлек к этой работе меня для помощи ему в этом совсем новом деле. Он тогда ставил впервые курс, разрабатывал совершенно новую для вузов дисциплину — марксистскую историю Китая. Именно тогда, в процессе подготовки этого курса, складывалась у него концепция новой истории Китая. Занятия со студентами проходили так: Георгий Сергеевич читал лекцию. Я — что-то вроде ассистента — присутствовал на всех лекциях. Затем следовали два практических занятия, которыми руководил я. Задача заключалась в проработке со студентами того материала, который на лекции давал Георгий Сергеевич»¹⁷.

Преподавательскую работу Георгий Борисович активно сочетал с научной. В Московском институте востоковедения он продолжает начатое еще в НИИ по Китаю изучение важнейших проблем, связанных с советским движением в Китае. В 1932—1935 гг. выходит в свет целая серия книг, брошюр и статей Г. Б. Эренбурга о китайских Советах¹⁸.

В данной книге несколько раз отмечалось, что в свете исторического опыта, новых источников и материалов, ставших доступными в последние два десятилетия, видна уязвимость некоторых положений, содержащихся в публикациях востоковедов 20—30-х годов. Это относится и к упомянутым работам Г. Б. Эренбурга. Но было бы неверным на этом основании не учитывать их значения. Написанные по горячим следам событий, эти произведения стоят в ряду первых работ, которые прокладывали путь марксистско-ленинского изучения освободительной борьбы китайского народа. Они закладывали основу для дальнейшего, углубленного исследования данных проблем и сыграли важную роль в пропаганде интернационализма, идеи единства интересов Советского Союза и революционных сил Китая. На книгах и статьях Г. Б. Эренбурга, как и других китаеведов той поры, целое поколение советских людей воспитывалось в духе горячей солидарности с героическим китайским народом, глубокой ненависти ко всем его угнетателям.

В 1936 г. Георгий Борисович перешел на преподавательскую работу в ИФЛИ и на исторический факультет

Г. Б. Эренбург

МГУ. В начале Отечественной войны ИФЛИ слился с Московским университетом, так что можно говорить о тридцатилетнем едином периоде жизни и деятельности Г. Б. Эренбурга в МГУ.

После начала Великой Отечественной войны основная часть Московского университета была в октябре 1941 г. эвакуирована в Ашхабад, а в июне 1942 г. переведена в Свердловск, где имелись более благоприятные условия для педагогической и научной работы. Сотрудники университета развернули также большую пропагандистскую деятельность. С октября 1942 по май 1943 г. университетские пропагандисты прочитали 731 лекцию, которые прослушали около 130 тыс. человек. Профессора, доценты, преподаватели МГУ выезжали в другие города Урала, читали лекции в созданном по инициативе университетского

парткома вечернем университете марксизма-ленинизма при Уралмашзаводе, в госпиталях и воинских частях Свердловского гарнизона¹⁹.

Активнейшее участие в этой патриотической деятельности принимал Георгий Борисович Эренбург, о чем свидетельствует приказ и. о. ректора МГУ проф. И. С. Галкина от 20 мая 1943 г. В нем, во-первых, выражается благодарность сотрудникам, отличившимся своей работой по оказанию научно-технической и хозяйственной помощи Уралу (среди них — доценту Г. Б. Эренбургу), а во-вторых, объявляется письмо Окружного дома Армии Уральского военного округа от 13 мая 1943 г., в котором с благодарностью отмечается «активное участие Университета в развертывании агитационно-пропагандистской работы среди бойцов и командиров воинских частей и госпиталей Свердловского гарнизона силами профессорско-преподавательского состава»²⁰. Упомянуты были историки — профессора В. Е. Мотылев и И. М. Рейснер и доценты Г. Б. Эренбург и А. Г. Бокщанин.

Условия военного времени, пребывание в Ашхабаде и Свердловске затрудняли завершение Г. Б. Эренбургом кандидатской диссертации. Поэтому ее защита состоялась лишь 18 июля 1945 г., уже после возвращения МГУ из эвакуации. В отзывах официальных оппонентов, наиболее авторитетных советских китаеведов, профессоров Г. Н. Войтинского и Г. С. Кара-Мурзы была дана высокая оценка научной значимости и политической актуальности исследования Георгия Борисовича, названного им «Революционное движение в Китае в годы между первой и второй мировыми войнами». Тема диссертации была вполне естественна, ибо данной проблематикой Георгий Борисович занимался всю свою жизнь, опубликовав к моменту защиты свыше 75 научных, научно-популярных и пропагандистских книг, брошюр, статей в журналах, научных сборниках и газетах²¹. Процедура защиты лишь оформила юридически тот факт, что Г. Б. Эренбург был одним из ведущих специалистов в нашей стране по истории китайской революции.

Как уже отмечалось в других статьях данного сборника, в 1944 г. на истфаке МГУ было создано Отделение Востока, а в 1956 г. на базе Отделений Востока исторического и филологического факультетов был образован Институт восточных языков (с 1972 г. Институт стран Азии и Африки) при МГУ. Еще более углубилась

специализация, преподавание восточных языков было нацелено на активное владение ими. Эти и другие изменения способствовали повышению уровня востоковедной, в том числе китаеведной, подготовки кадров. Была создана кафедра истории Китая, которую возглавила известный специалист по средневековой китайской истории Л. В. Симоновская.

Георгий Борисович Эренбург был основным преподавателем новой и новейшей истории Китая на историческом факультете и в Институте восточных языков. В условиях углубленной, но и более узкой специализации студентов по истории изучаемой страны особенно важны были широкая эрудиция, умение подойти к развитию той или иной страны в контексте истории региона, континента, всего мира, вкус к рассмотрению общетеоретических вопросов на материале отдельной страны. Все эти качества были свойственны Георгию Борисовичу, и они в полной мере проявились при чтении им лекций. Эти достоинства лекций Г. Б. Эренбурга вместе с яркой формой изложения материала, умением подать его образно и вдохновенно делали их популярными среди студентов различных специализаций и разных учебных заведений, в которых преподавал Георгий Борисович. Они не оставляли слушателей равнодушными и надолго запоминались. Вслед за преподавателем студенты приобщались к главному: анализу фактического материала на основе марксистско-ленинской теории.

Наиболее важными публикациями Г. Б. Эренбурга послевоенного периода были «Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа в новейшее время» (1951), а также подготовленная под его руководством вместе с его учениками книга «Народная революция в Китае» (вышла двумя изданиями, в 1950 и 1953 гг.). Первая из названных работ была переведена и издана в 1952 г. в Чехословакии под названием «Народно-освободительная борьба китайского народа (1919—1949)», вторая была опубликована почти во всех европейских социалистических странах. В то же время Г. Б. Эренбург подготовил ряд глав в учебниках по новой (в некоторых главах за основу был взят текст, написанный Г. С. Кара-Мурзой) и новейшей истории стран зарубежного Востока.

В 1956 г. вышли в свет «Очерки по истории Китая» — первый обобщающий труд по китайской истории с древнейших времен до начала 50-х годов. Одним из

трех авторов и фактическим организатором работы был Георгий Борисович Эренбург, перу которого принадлежит ряд глав по новой истории, а также все главы, в которых раскрываются важнейшие события революционной борьбы народов Китая за национальное и социальное освобождение.

Г. Б. Эренбург любил и умел писать научно-популярные и пропагандистские работы. Но это вовсе не означало, что он недооценивал значение «большой науки». Глубокое владение им марксистско-ленинской теорией проявилось, например, в анализе важного и активно дискутировавшегося вопроса о сущности власти, созданной в Китае в 1949 г. в результате победы народной революции. «Революция в Китае,— говорил Георгий Борисович в 1950 г. в докладе на Ломоносовских чтениях на историческом факультете МГУ,— еще и сейчас является по своим главным задачам антиимпериалистической и антифеодальной революцией... Власть, установленную в результате победы народной революции в Китае, китайская компартия характеризует как диктатуру народной демократии... В Китае мы имеем в данное время известный переходный период к строительству социализма, причем переходный период не от развитого капитализма, а от полукOLONИАЛЬНОГО положения и полуфеодального строя... Народная демократия в Китае имеет свои особенности, отличающие ее от народных демократий в Центральной и Юго-Восточной Европе»²². Вместе с тем он подчеркивал, что Коммунистическая партия Китая открыла китайскому народу путь к социализму.

Объективному, принципиальному подходу к историческим явлениям учил Георгий Борисович Эренбург своих аспирантов и студентов. Его отношение к ученикам — пример настоящей работы и помощи. Многие из них пользовались книгами и материалами, в том числе уникальными экземплярами, хранившимися в его обширнейшей библиотеке²³. Были случаи, когда именно в поддержке, оказанной ученикам, проявлялась принципиальность Георгия Борисовича, последовательность в противостоянии несправедливости. В начале 50-х годов один из его учеников, ныне известный востоковед, оказался вследствие ложных обвинений в крайне тяжелом моральном и материальном положении. Г. Б. Эренбург ободрял его, находил возможность привлекать к работе по специальности.

Одним из самых характерных человеческих качеств Георгия Борисовича была доброта. Можно сказать, что его главным педагогическим приемом было доверие к своим младшим коллегам. Он не боялся ставить перед ними ответственные задачи, считая это эффективным средством успешного становления молодых преподавателей и научных работников. Вот один из примеров.

1949 год ознаменовался нарастанием успехов революционных сил Китая. В связи с этим возрос интерес советских людей к соседней стране, ее истории и современному положению. Георгий Борисович вместе с референтом Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний М. Н. Крыленко организовал цикл лекций «Важнейшие этапы национально-освободительной борьбы китайского народа». Было прочитано шесть лекций (по одной в месяц) в Политехническом музее. С ними выступили Г. Б. Эренбург, его аспиранты и проф. Г. Н. Войтинский. Затем издательство «Правда» опубликовало тексты лекций (впоследствии они были изданы в Японии). На основе выступлений Г. Б. Эренбурга и его аспирантов была подготовлена и опубликована упомянутая выше книга «Народная революция в Китае» — первая после образования КНР научно-популярная работа, познакомившая и пропагандистов, и массового читателя с китайским революционным движением новейшего времени.

Еще более важной была установка Георгия Борисовича на то, чтобы как можно быстрее поручать молодым китаеведам самостоятельную педагогическую работу. Он считал своим долгом помогать ученикам и в опубликовании результатов исследований, был редактором их первых книг.

Щедрый по природе, доброжелательный и отзывчивый человек, он всегда пользовался неизменной любовью и уважением не только учеников, но и широкого круга своих коллег, многим из которых он также оказывал помощь и в редактировании, и в рецензировании их работ. «Каждый из нас,— писали в приветствии Георгию Борисовичу в день его шестидесятилетия ученики и товарищи по работе,— получил частицу Вашего душевного тепла, искренности, доброты, много знаний и отнял у Вас немало сил... Вот они — красные, синие, зеленые, толстые, средние и тонкие „труды“ Ваших бывших студентов, аспирантов, учеников. Многие тысячи машинописных страниц перелистали Ваши добрые руки, прочитали Ва-

ши внимательные и строгие глаза, еще прежде, чем отредактировать и вынести на суд читателей. А те книги, которые вот сейчас печатает равнодушный типографский станок, тоже несут Вам слова благодарности и признательности за тот огромный труд, который Вы проделали для развития советского китаеведения».

Всеи деятельности Г. Б. Эренбурга как ученого и педагога были свойственны дух социалистического интернационализма, глубокое чувство солидарности с борьбой народных масс Китая за освобождение и социальный прогресс своей страны.

В 1964 г. Г. Б. Эренбург, уже несколько лет тяжело болевший, вышел на пенсию. Но тесная связь между ним и его учениками и коллегами не прерывалась. Он продолжал щедро делиться своими обширными познаниями, богатым опытом, материалами по истории Китая, читал лекции, участвовал в заседаниях кафедры, рецензировал работы своих товарищей.

28 сентября 1967 г. Георгия Борисовича не стало, но оставленный им, говоря словами поэта Леонида Мартынова, «незримый прочный след» сохраняется в сердцах всех, кто его знал.

¹ Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970, с. 321.

² См.: Далин С. А. Китайские мемуары. 1921—1927. М., 1982, с. 39—50; Чжан Тайлэй *вэньцзи* (Сочинения Чжан Тайлэя). Пекин, 1981, с. 329.

³ См.: Новогрудский Г., Дунаевский А. Товарищи китайские бойцы, М., 1959, с. 68; Панцов А. В. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20—40-х годов. М., 1985, с. 48; Персиц М. А. Дальневосточная республика и Китай. М., 1962, с. 186; Попов Н. А. Они сражались за власть Советов. Л., 1959, с. 50.

⁴ См.: Дело трудящихся всего мира. М., 1957, с. 110—111.

⁵ См.: Капица М. С. Советско-китайские отношения. М., 1958, с. 34—35.

⁶ См.: Капица М. С., Иваненко В. И. Дружба, завоеванная в борьбе. М., 1965, с. 17—18.

⁷ Краткие сведения о биографии Г. Б. Эренбурга почерпнуты из дела о защите им кандидатской диссертации (июль 1945 г.), хранящегося в архиве МГУ.

⁸ См.: Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая, с. 81.

⁹ Сообщено вдовой брата Г. Б. Эренбурга Г. И. Эренбург.

¹⁰ Сообщено тов. Ч. Мижеху и тов. Д. Дашем — старшим научным сотрудниками Института общественных наук при ЦК МНРП.

¹¹ Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». — Полное собрание сочинений. Т. 30, с. 120.

¹² См.: История Монгольской Народной Республики. М., 1954, с. 344.

¹³ См.: *Далин С. А.* Китайские мемуары. 1921—1927, с. 365; *Ефимов Г. В.* Из истории Коммунистического университета трудящихся Китая.— *Проблемы Дальнего Востока*. 1977, № 2, с. 170—176; *Панцов А. В.* Из истории подготовки в СССР марксистских кадров китайской революции.— *Революционная демократия и коммунисты Востока*. М., 1984, с. 301, 304—330.

¹⁴ Среди них: *Эренбург Г. Б.* Как живет и борется пролетариат в Китае. М., 1930; *он же.* Империалисты в Китае. М., 1932; *он же.* Что происходит на Дальнем Востоке? М., 1932.

¹⁵ См. сборник: *Оккупация Маньчжурии и борьба империалистов*. М., 1932.

¹⁶ См.: *Эренбург Г. Б.* Китайская революция 1925—1927 гг. в оценке меньшевиков, эсеров и кадетов.— *Проблемы Китая*. 1930, № 3.

¹⁷ Стенограмма траурного заседания Отделения Востока исторического факультета МГУ, посвященного памяти профессора МГУ Г. С. Кара-Мурзы, 5 октября 1945 г., с. 3.

¹⁸ Прежде всего надо назвать книгу «Советский Китай» (Партиздат, 1933), переизданную в том же году на украинском языке, а в 1934 г. вновь на русском, а также книгу «Советское движение в Китае» (Моспартиздат, 1933) и брошюру «Под знаменем Кантонской коммуны (Кантонская коммуна и борьба за свободу и независимость Китая)» (издательство ЦК МОПР СССР, 1936). Несколько статей по этой же проблематике было напечатано в журналах «На аграрном фронте», «Пропагандист», «Юный коммунист», «Молодая гвардия», «За рубежом» и некоторых других.

¹⁹ См.: *История Московского университета*. Т. II. М., 1955, с. 284.

²⁰ Дело о защите Г. Б. Эренбургом кандидатской диссертации, хранящееся в архиве МГУ.

²¹ Там же.

²² См.: *Сборник статей по истории стран Дальнего Востока*. М., 1952, с. 8, 13.

²³ См., например, упоминание об этом в кн.: *Никифоров В. Н.* Советские историки о проблемах Китая, с. 128, 195. Один из авторов данной статьи широко пользовался библиотекой Г. Б. Эренбурга.

М. Н. Орловская

ГАРМА ДАНЦАРАНОВИЧ САНЖЕЕВ
(1902—1982)

Гарма Данцаранович Санжеев родился 8 февраля 1902 г. в бурятском улусе Тайшин Балаганского уезда Иркутской губернии (ныне Аларский район Иркутской области) в семье крестьянина-скотовода. В 1912 г. он поступил в Зонское сельское училище (Зоны Балаганского уезда). С 1917 г. продолжил образование в Черемховском коммерческом училище (ныне г. Черемхово, Иркутской обл.), где проучился до 1920 г. Но предстоящая коммерческая деятельность, по-видимому, не очень интересовала юношу, и он с 1921 г. стал учительствовать в начальной школе (Кукунорская школа 1-й ступени), работая одновременно в низовых организациях Советской власти в качестве члена сельревкома, а затем сельсовета нескольких созывов (до 1924 г.).

В эти годы Гарма Данцаранович увлекается литературой и сам пишет небольшие пьесы для самодеятельности. Мечтая стать писателем, он в 1922 г. поступил на литературное отделение педагогического факультета Иркутского государственного университета в качестве вольнослушателя. Здесь он заинтересовался народными сказками, песнопениями, шаманскими заклинаниями, но в 1923 г. вынужден был уйти с этого отделения в связи с упразднением института вольнослушателей.

Чтобы продолжить образование, Гарма Данцаранович решил отправиться в Ленинград. Прибыв в северную столицу в 1924 г., он был зачислен на монгольский семинарий Ленинградского института живых восточных языков, основателем и руководителем которого был акад. Б. Я. Владимирцов.

Б. Я. Владимирцов был блестящим представителем русской классической востоковедной школы в советский период, создателем школы советской монголистики, выросшей на традициях русского дореволюционного мон-

головедения. Он — основоположник советского сравнительно-исторического метода изучения монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков, объединяемых общим названием «алтайские языки». При нем было развернуто глубокое исследование живых монгольских языков. Созданный им монгольский семинарий в Ленинграде впервые в мире стал готовить научные кадры монголоведов из представителей трудящейся молодежи монгольских народов.

Среди них оказался и бурят по национальности Гарма Данцаранович Санжеев. В период учебы в Ленинграде он слушает лекции крупнейших ученых-востоковедов — академиков В. В. Бартольда, Б. Я. Владимирцова и других, изучает кроме монгольских языков маньчжурский, казахский, немецкий и французский. После окончания монгольского семинария его оставляют в аспирантуре по специальности «монгольская филология».

В 1928—1931 гг. Санжеев занимается под руководством Б. Я. Владимирцова, где проходит хорошую филологическую школу в духе лучших традиций отечественного востоковедения. Наряду с учебой в аспирантуре Гарма Данцаранович с сентября 1929 по август 1931 г. преподает в ЛГУ маньчжурский язык и этнологию монгольских народов. Общение с крупнейшими лингвистами и востоковедами определило его дальнейшую судьбу: он решает посвятить свою жизнь изучению языков и литературы монгольских народов.

Подобно своему учителю, Гарма Данцаранович относится к числу ученых-востоковедов разносторонних интересов, которые не замыкались в рамках узкой специальности. Избрав областью своих исследований языкознание, Гарма Данцаранович в лингвистических работах был историком, а в историко-этнографических исследованиях неизменно оставался лингвистом. Поэтому его лингвистические исследования интересны не только филологам, но и в не меньшей степени историкам, которые могут почерпнуть в них немало важных сведений о путях и закономерностях образования и развития современных монгольских языков. В одном из отзывов о научной деятельности Г. Д. Санжеева акад. Н. И. Конрад писал: «Характерной чертой научного облика Г. Д. Санжеева, в которой именно и выражается преемственность лучших традиций, идущих от его непосредственного учителя Б. Я. Владимирцова, является соедине-

ние двух направлений: во-первых, языковедения, во-вторых, этнографии и фольклористики»¹.

Гарма Данцаранович всю свою жизнь посвятил изучению языков и культуры монгольских народов, обогатив отечественную и мировую науку новыми научными идеями и открытиями. Главной областью его научных интересов постепенно стало языковедение, но в начале своего творческого пути он приобрел известность в научных кругах как фольклорист и этнограф. В этой области им опубликован ряд значительных работ. Еще студентом он издал свою первую работу «Песнопения аларских бурят»², в которой собран уникальный этнографический материал о верованиях аларских бурят, а вслед за ней большую статью «Мировоззрение и шаманизм аларских бурят», вышедшую на немецком языке в нескольких номерах венского журнала «Anthropos»³. Это первая работа о шаманстве у бурят, в которой не только ярко и образно описан бурятский шаманизм, но и дан его глубокий научный анализ.

Летом 1927 г. по предложению Б. Я. Владимирцова Гарма Данцаранович едет в Монгольскую Народную Республику в составе экспедиции АН СССР с целью этнолингвистического обследования дархатов, небольшой народности, проживающей в районе Хубсугула. Вскоре после поездки в МНР появились работы Г. Д. Санжеева по этнографии и фольклору дархатов⁴. По собранному в них материалу и по описанию его эти труды до сих пор остаются непревзойденными. Долгие годы они были единственными документальными исследованиями о дархатах, относительно этнической принадлежности которых в науке того времени не было единой точки зрения. Вывод Г. Д. Санжеева о том, что это омонголившиеся урянхайцы, т. е. тюрки по происхождению с незначительными монгольскими элементами в языке, не опровергнут до сих пор.

В 1928—1929 гг. Г. Д. Санжеев выезжал в Нукутский и Окинский районы Иркутской области, где от сказителей записал тексты пяти эпических произведений (улигеров) — в общей сложности около 26 тысяч стихотворных строк. Этот ценнейший фольклорный материал, полностью подготовленный к печати, ныне хранится в Институте общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР, и надо надеяться, будет опубликован. Два тома записей бурятских эпосов позволят полнее проследить процесс сложения и развития ге-

Г. Д. Санжеев

ронического эпоса монгольских народов в эпоху феодализма.

Г. Д. Санжеев исследовал эволюцию различных жанров устной словесности монголов. В результате длительной и кропотливой работы в этой области он пришел к выводам, что героический эпос монгольских народов в эпоху раннего феодализма сложился на базе сказочного эпоса ранних предшествующих эпох и что этот эпос прошел через несколько этапов, отражая каждый раз изменения в идеологии общества феодальной Монголии. Эти выводы подкреплены анализом мотивов героического эпоса на основе сравнительного изучения героических эпосов почти всех монгольских народов. Г. Д. Санжеев дал комментированный перевод многих фольклорных произведений монгольскоязычных народов.

После окончания аспирантуры в 1931 г. Г. Д. Санже-

ев переезжает в Москву, где получает кафедру монгольского языка в Московском институте востоковедения им. Н. Нариманова, которую он возглавлял в течение двадцати трех лет. В 1935 г. Гарму Данцарановича утверждают в звании профессора по кафедре монгольского языка. Теперь он сосредоточивает все внимание на преподавании языка и на проблемах лингвистики.

30-е — начало 40-х годов были годами огромных социальных преобразований в жизни монголоязычных народов СССР и Монголии. В Бурятии, Калмыкии, Монгольской Народной Республике ликвидировалась неграмотность, вводилось всеобщее обязательное начальное образование, начали развиваться литературные языки, расширилась деятельность по переводу художественных произведений с русского на национальные языки. Все это потребовало создания не только учебных пособий и словарей, но и научной базы для написания нормативных грамматик. Такого рода работы необходимы были как для преподавания языка, так и для нормирования новых литературных языков. Г. Д. Санжеев принимал активное участие в решении практических задач языкового строительства. С 1933 г. он неоднократно выезжал в Бурятию и Калмыкию в качестве участника или руководителя этнолингвистических экспедиций, организованных АН СССР и другими учреждениями с целью изучения монгольских языков и эпоса монголоязычных народов. Гарма Данцаранович участвовал почти во всех конференциях и совещаниях по вопросам национальных языков. При его содействии и под его научным руководством готовились национальные научные кадры в Бурятии, Калмыкии, среднеазиатских республиках, МНР.

В Бурятии он возглавлял работу по созданию и реформированию письменности, по определению принципов орфографии, по вопросам терминологии и нормирования литературного языка. При непосредственном участии Гармы Данцарановича Санжеева на лингвистической конференции в Улан-Удэ был решен вопрос о выборе хоринского диалекта как основы для современного бурятского литературного языка. Под его руководством осуществлялось в 30-х годах и такое крупное историко-культурное событие в Бурятии, как переход на новый алфавит на основе русской графики и разработка правил новой бурятской орфографии.

Монгольские грамматики, изданные в XIX в., в 30-х годах XX в. были уже не только библиографической ред-

костью, но и имели слабую сторону — недостаточную разработанность разделов синтаксиса. Восполнение этого пробела также связано с именем Г. Д. Санжеева. Первым серьезным исследованием в этой области была его работа «Синтаксис монгольских языков» (1934). Построенная на материале живого монгольского языка и предназначенная прежде всего для перевода с русского языка на монгольский, она представляла большую ценность и для исследования синтаксиса других монгольских языков.

После поездок Г. Д. Санжеева в Калмыкию и Бурятию в 1936—1939 гг. появляются его грамматические исследования⁵. Под руководством Г. Д. Санжеева и при его участии выполнялись и коллективные работы, например двухтомная академическая «Грамматика бурятского языка» (1962), в которой им написан раздел «Глагол». Ему принадлежат также очерки «Современный монгольский язык» (1959) и «Старописьменный монгольский язык» (1964). В научном наследии Г. Д. Санжеева десятки небольших по объему, но всегда интересных в научно-теоретическом плане статей, посвященных отдельным вопросам монгольского языкознания.

Многие теоретические положения, получившие развитие в трудах Г. Д. Санжеева, составляют ныне фундамент современного монгольского языкознания. Особенно значителен его вклад в изучение системы монгольского глагола. В 1948 г. за исследование «Синтаксис глагола в монгольских языках» ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук (минуя кандидатскую степень). Глагол, по образному выражению Г. Д. Санжеева, «держит в руках все нити управления всем строем предложения». В докторской диссертации нашли свое решение и теоретическое обоснование почти все категории этой важнейшей части речи. Эта работа впоследствии вошла в его итоговый научный труд «Сравнительная грамматика монгольских языков».

С именем Г. Д. Санжеева связано сравнительно-историческое изучение не только монгольских и тюркских языков, но и алтайских в целом. Он исследует три группы алтайских языков: монгольские, тюркские, тунгусо-маньчжурские. Еще будучи аспирантом, он занялся изучением лексических соответствий монгольского и маньчжурского языков⁶. На богатом фактическом материале им выявлены пути проникновения большого количества монгольских элементов в маньчжурский язык при незна-

чительном обратном влиянии, хотя это проникновение происходило преимущественно в XVII в., когда маньчжуры особенно интенсивно осуществляли захватническую политику в Монголии. Изучение монгольских элементов в маньчжурском языке имеет большое значение для монголоведения, так как «маньчжурский язык благодаря своей более совершенной графике очень точно отражает тот или иной период в истории развития монгольского языка». По мнению Г. Д. Санжеева, «письменные формы монгольских элементов в маньчжурском языке в некоторых случаях стоят любой фонетической записи» (с. 615).

Сравнительно-историческому изучению языков посвящены также статьи по монголистике (1957) и алтаистике (1966), в которых выявляется специфика сравнительного метода применительно к изучению алтайских языков. Но важнейшей работой в этой области является его «Сравнительная грамматика монгольских языков»⁷. Г. Д. Санжеев продолжил дело Б. Я. Владимирцова, не успевшего завершить свой исторический труд «Сравнительную грамматику монгольского письменного языка и халхаского наречия» (1929). Выход в свет работы Г. Д. Санжеева стал крупным событием в монголоведении. В рецензии на эту книгу венгерский ученый, академик Л. Лигети писал, что она является «первой работой, которая в такой широкой перспективе трактует все существенные вопросы монголистики»⁸. В ней дается новая классификация монгольских языков и диалектов (особенно подробно описаны диалекты бурятского языка), высказана гипотеза (хотя и не бесспорная) о существовании некогда единого монгольского языка с близкими между собой диалектами, которые после распада империи Чингисхана положили начало образованию самостоятельных монгольских языков; прослеживаются пути образования монгольских языков и их развития с древнейших времен до современного состояния. Развивая идеи Б. Я. Владимирцова в области фонетической эволюции монгольских языков и диалектов, Г. Д. Санжеев впервые подробно исследует систему именного словоизменения, а также приименные служебные слова и всю систему глагола, которому целиком посвящена вторая книга.

В 1977 г. вышло в свет монографическое исследование Г. Д. Санжеева⁹, продолжающее его сравнительно-исторические исследования монгольских языков и посвя-

шенное вопросам фонетической интерпретации и транслитерации знаков старомонгольского и ойратского алфавитов в связи с происхождением и развитием старописьменного монгольского и современных монгольских языков. Последние годы кроме написания статей по самым актуальным вопросам монголоведения Г. Д. Санжеев много работал над важнейшей и нелегкой темой — над созданием морфемно-корневого этимологического словаря монгольских языков. Этот труд завершен и ждет опубликования.

В общей сложности Г. Д. Санжеев написал свыше 120 научных работ, не считая небольших заметок. Большинство из них посвящено исследованию грамматического строя монгольских языков и сравнительно-историческому языкознанию. Но у него есть также и ряд работ по общелингвистическим проблемам: «Язык и диалект» (1951), «О специфике качественных изменений в языке» (1952), «К некоторым вопросам изучения исторического развития языков» (1951), «Образование и развитие национальных языков» (1952), «Задачи изучения языков Сибири» (1965).

Гарма Данцаранович вел большую редакторскую работу: под его редакцией опубликовано свыше 20 работ; он принимал непосредственное участие в издании литературы по истории монгольских народов, редактируя труды наших крупнейших историков-монголоведов и коллективные монографии, например однотомник «История МНР».

Г. Д. Санжеев считал, что «никакая филологическая работа невозможна, если тот или иной исследователь сам непосредственно не работает над источником, над рукописью или ксилографом, а в области востоковедения без этого вообще невозможна какая бы то ни было серьезная научная работа»¹⁰. И надо сказать, в своей научной деятельности он неуклонно следовал этому принципу. Все его труды — это образец тщательного, кропотливого и безукоризненного филологического исследования. Поэтому они и получили широкое признание не только у нас, но и за рубежом. Некоторые из них переведены на немецкий, монгольский, китайский языки.

Наряду с научной деятельностью Г. Д. Санжеев многие годы вел большую научно-организационную и педагогическую работу. Возглавляя кафедру монгольского языка в Московском институте востоковедения, с

1944 по 1952 г. он был также деканом дальневосточного факультета этого института. Примерно в эти же годы он принимал самое активное участие в работе других научных учреждений и учебных заведений. С 1931 по 1935 г. Г. Д. Санжеев по совместительству — научный сотрудник Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (Коммунистический университет трудящихся Востока); с 1935 по 1950 г. сотрудничает в Институте языка и письменности народов СССР (Московское отделение Института языка и мышления АН СССР); с 1952 по 1955 г. заместитель главного редактора журнала «Вопросы языкознания», а с 1956 г. член редколлегии этого журнала. С докладами по общему языкознанию и по востоковедным проблемам он неоднократно выезжал в наши монголоязычные и среднеазиатские республики. В 1954—1956 гг. по совместительству состоял профессором по кафедре монгольского языка в Московском институте международных отношений МИД СССР. На протяжении нескольких лет, начиная с 1968 г., читал лекции в Институте восточных языков при МГУ.

У Гармы Данцарановича прекрасно сочетался талант ученого-исследователя с преподавательским. Он был прирожденным педагогом: его лекции и занятия по монгольскому языку всегда были настолько увлекательны, материал преподносился так живо и образно, что равнодушных и скучающих слушателей не было никогда.

Гарма Данцаранович Санжеев подготовил многочисленный отряд монголоведов. Под его руководством написаны и защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций и не только по монгольскому, но и по другим восточным языкам. Многие его ученики трудятся в научных учреждениях в Бурятии, Калмыкии, Монгольской Народной Республике. Он оказывал большую помощь научным центрам среднеазиатских республик, давая консультации местным научным кадрам, принимал самое активное участие в решении вопросов языкового строительства.

С 1951 г. и до последних дней Г. Д. Санжеев работал в Институте востоковедения АН СССР, где возглавлял последовательно сектор Монголии и Кореи, сектор публикации памятников и документов народов Востока, сектор восточной филологии, сектор тюркских, монгольских и дальневосточных языков Отдела языков. Послед-

ние несколько лет он был старшим научным сотрудником-консультантом в институте.

В период насыщенной плодотворной научной и педагогической деятельности Г. Д. Санжеев неоднократно выезжал в научные командировки за границу и достойно представлял советскую науку на многочисленных международных форумах. В 1955 г. принимал участие в конгрессе польских востоковедов; в 1957 г. в Улан-Баторе участвовал в работе совещания по вопросам монгольской письменности и орфографии, созванного Комитетом наук и высшего образования МНР; в 1961 и 1971 гг. выезжал в научные командировки в Венгрию; участвовал в XII и XIV сессиях Постоянной международной алтаистической конференции (Берлин, 1969; Сегед, 1971). Многократно выезжал в научные командировки и для участия в Международных конгрессах монголоведов в МНР.

Свою научную и преподавательскую деятельность Г. Д. Санжеев совмещал с большой общественной работой. Он избирался депутатом Куйбышевского районного совета депутатов трудящихся г. Москвы, в течение многих лет был вице-президентом Общества советско-монгольской дружбы.

Заслуги Г. Д. Санжеева перед наукой были высоко оценены как в Советском Союзе, так и за рубежом. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, монгольским орденом «Алтан Гадаг» («Полярная Звезда»), несколькими медалями, в том числе монгольской медалью «Найрамдал» («Дружба»), почетными грамотами Президиума Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР и Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР. Г. Д. Санжеев был удостоен почетных званий заслуженного деятеля науки и техники Бурятской АССР и заслуженного деятеля науки РСФСР, избран «иностранным профессором» Института языка и литературы АН МНР и являлся почетным членом Венгерского общества ориенталистов им. Чома де Короши.

Вся жизнь Г. Д. Санжеева была чрезвычайно целеустремленной и наполненной глубоким содержанием. В Институте не проходило ни одной филологической конференции, заседания, дискуссии, обсуждения монографий, диссертаций или просто статей, в которых не принимал бы участия Гарма Данцаранович. Ему была свойственна живая образная речь, и его выступления всегда вызывали интерес слушателей.

В памяти своих учеников и всех тех, кто с ним работал или общался, он останется человеком, наделенным кипучей энергией, неиссякаемой любознательностью и оптимизмом, превыше всего в жизни ценившим науку, верным которой он оставался до последних дней своей жизни. Он продолжал работать, даже будучи тяжело больным. Скончался Гарма Данцаранович 6 декабря 1982 г.

¹ Из личного дела Г. Д. Санжеева, хранящегося в архиве Института востоковедения АН СССР.

² Записки Коллегии востоковедов. М.—Л., 1928, т. 3, вып. 2.

³ *Sanzhejev G. D. Weltanschauung und Schamanismus der Alaren-Burjaten.*— *Anthropos*. Wien, 1927, Bd. 22; 1928, Bd. 23.

⁴ *Санжеев Г. Д. Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 г.*— Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. М., 1930, вып. 10.

⁵ *Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М.—Л., 1940; он же. Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1941.*

⁶ *Санжеев Г. Д. Маньчжуро-монгольские языковые параллели.*— Известия АН СССР. Серия 7. Отд. гуманитарных наук. Л., 1930, № 8—9.

⁷ *Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. (Переведена на кит. яз. в 1959 г.)*

⁸ *Лигети Л. [Рец. на:] Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М., 1953.*— Вопросы языкознания. М., 1955, № 5, с. 133.

⁹ *Санжеев Г. Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.*

¹⁰ *Санжеев Г. Д. Жизнь и деятельность Доржи Банзарова. К столетию со дня смерти Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1955, с. 16.*

А. С. Кауфман

КРУПНЫЙ УЧЕНЫЙ
И ДОБРЫЙ ТОВАРИЩ С. Н. РОСТОВСКИЙ
(1903—1981)

Так уже устроена человеческая жизнь, что чем дальше уходит время, тем ярче становится личность, которая была достаточно значительной и при жизни. Нередко мы начинаем понимать это с непоправимым опозданием.

К таким людям я отнес бы Сергея Николаевича Ростовского, моего друга, которого я знал с 1946 г., т. е. с того периода, когда он, вернувшись с фронта, был направлен на ответственную работу в ВЦСПС.

С. Н. Ростовский прожил долгую и богатую по содержанию и насыщенности жизнь коммуниста, верного сына своей родины, служившего ей и в мирные, и в военные годы честно и самоотверженно буквально до последнего своего часа. Можно без всякого преувеличения сказать, что он был верным солдатом революции, поднявшей его из простой рабочей семьи на гребень политической и научной деятельности. Честное служение порученному делу он считал смыслом своей жизни. Может быть, поэтому Сергей Николаевич всеми своими делами и поступками, что называется, лично был предан революции, всегда соизмерял свое место с ее требованиями. Это постоянное соизмерение вместе с тем не делало его человеком догм, отживших схем и устаревших представлений. Наоборот, он всегда и во всем мыслил творчески, пытливо и напряженно искал новые ответы на возникавшие вопросы как в своей политической, так и научной деятельности. В нем всегда билась творческая мысль, и именно потому он высоко ценил людей со смелыми политическими и научными идеями, с симпатией относился к «лихим мужикам», как он говорил, вкладывая в это понятие теоретическую смелость и личное мужество.

Конечно, деловые и личные человеческие качества

С. Н. Ростовского были не только, так сказать, генетически заложены в нем (кстати, он всегда подчеркивал большое значение наследственных особенностей), но и развиты в нем всем ходом его чрезвычайно активной, деятельной жизни. Для этого достаточно познакомиться с основными вехами его прекрасной биографии.

С. Н. Ростовский родился 13 августа 1903 г. в Туле в семье рабочего-оружейника, в которой он получил хорошее трудовое воспитание, именно оно на всю жизнь заложило в нем чувство глубокого уважения к рабочему человеку. Он всегда восхищался результатами высокопрофессионального труда, изящно сделанными предметами и поделками. Сам он начал свою трудовую жизнь с 14 лет: работал подмастерьем у кустарей, батраком, сельскохозяйственным рабочим. Эти «университеты» не прошли для него даром во всех отношениях, но прежде всего он постигал цену человеческого труда, добросовестно и честно к нему отношения, к любому его виду.

В 1922 г. С. Н. Ростовский вступил в комсомол, который, как он сам не раз говорил, положил начало его сознательной и активной общественной жизни, отмеченной его большой энергией и инициативой. По направлению комсомола Сергей Николаевич был принят в губсовпартшколу в Туле, учебу в которой совмещал с выполнением комсомольских поручений. Одно из них мне особенно хотелось бы выделить: он был организатором избы-читальни, которая на Всероссийском конкурсе 1924 г. была отмечена премией. Одновременно С. Н. Ростовский был бойцом ЧОН (части особого назначения — военно-партийные отряды в 1919—1925 гг. при заводских ячейках, райкомах, горкомах, губкомах партии, оказывавшие помощь советским органам в борьбе с контрреволюцией).

В 1924 г. в дни ленинского призыва С. Н. Ростовский подал заявление о приеме в партию, вначале он был принят в кандидаты, а в 1925 г. в члены Коммунистической партии. Вступление в партию стало важнейшей вехой в жизни Сергея Николаевича, открыло перед ним — сыном тульского рабочего-оружейника — неограниченные возможности для активной общественной политической работы, в которую он включился с большим энтузиазмом и горячей убежденностью в справедливости дела, которому служит. Он по праву называл себя сыном Революции.

После окончания в конце 1925 г. губсовпартшколы

С. Н. Ростовский был призван в армию, в которой служил до ноября 1926 г. Будучи красноармейцем-однодичником третьего танкового полка в Москве, он окончил военную службу в звании комвзвода. Военная подготовка и полученное звание пригодились ему позже — в годы Великой Отечественной войны.

В ноябре 1926 г. С. Н. Ростовский был избран заведующим отделом агитации и пропаганды Комаревского РК ВКП(б) Тульской губернии, а в августе 1927 г. отозван в Тулу и включен в состав пропагандистской группы Тульского горкома ВКП(б). Затем в связи с усилением преподавания общественных наук в средних школах Сергей Николаевич был направлен в один из районов Тульской губернии, где преподавал обществоведение, вел пропагандистскую работу.

Все эти годы С. Н. Ростовский, работая на различных участках, куда направляла его партия, мечтал о получении высшего образования, причем у него не было сомнений в том, что он должен заниматься общественными науками. Во время наших частых встреч и бесед, возвращаясь к этому периоду и подчеркивая, что он много ему дал в смысле получения партийной закалки, он всякий раз говорил, что чувствует недостаток образования и это огорчало его.

И вот летом 1929 г. Тульский горком партии по настоятельной просьбе С. Н. Ростовского направляет его на учебу в Ленинградский восточный институт в синьцзянский сектор. Для него это были годы напряженной учебы. Наряду с учебой С. Н. Ростовский принимал активное участие в общественной работе: был членом парткома института, вел большую пропагандистскую работу в Ленинграде, неоднократно выезжал в республики Средней Азии в качестве лектора пропагандистской группы ЦК ВКП(б), был членом ряда комиссий Ленгоркома партии по обследованию работы институтов города.

Во время учебы в институте Ростовский, проявив способности к научной работе, написал исследование «Сыньцзян в эпоху империализма», которое затем стало научным пособием для востоковедов. В 1932 г. он провел в институте семинар по проблемам Синьцзяна, привлекая внимание специалистов Москвы и Средней Азии. Материалы семинара были опубликованы и высоко оценены в качестве практического и учебного пособия. Этот период учебы и работы в институте определил

круг научных интересов Сергея Николаевича, который концентрировался вокруг актуальных исторических, политических и идеологических проблем Востока. Их разработке он посвятил большую часть своей жизни.

Следующей ступенью становления С. Н. Ростовского как ученого-востоковеда стала работа в Ленинградском институте красной профессуры (1932—1934). За годы работы в этом институте Сергей Николаевич написал два серьезных труда¹, потребовавших от него изучения многочисленных источников и литературы. Работа «Проблемы некапиталистического пути развития...», до сих пор сохраняющая свою актуальность, свидетельствовала об умении автора творчески подходить к сложным вопросам теории и практики общественного процесса. В 1934 г. С. Н. Ростовский был назначен заведующим историческим отделением Ленинградского института красной профессуры. Наряду с научной и организационной работой Сергей Николаевич, как всегда, активно участвовал в общественной жизни ленинградской партийной организации: выполнял различные поручения Ленинградского обкома и горкома партии, был постоянным членом пропагандистской группы горкома партии, вел большую работу по пропаганде решений партии среди широких масс трудящихся.

Осенью 1935 г. С. Н. Ростовский решением ЦК ВКП(б) был направлен в Московский институт красной профессуры, где вначале заведовал восточным отделением, а затем — учебной частью. В институте Ростовский разработал и читал курс лекций по истории колониальной политики великих держав, лекции были застенографированы, затем размножены на ротапринте в виде отдельной книги. Этим курсом лекций, впервые разработанным в нашей стране, Сергей Николаевич гордился по праву, говоря мне: «Мы начинали на пустом месте, и это было очень трудно, но мы, хорошо потрудясь, добросовестно выполнили поставленную задачу и сделали большое дело». И он, конечно, был прав.

Одновременно с большой научной и преподавательской работой в Институте красной профессуры С. Н. Ростовский читал курс лекций по истории колониальных и зависимых стран в Государственном педагогическом институте им. К. Либкнехта в 1938—1940 гг., занимая должность и. о. профессора, в Высшей партийной школе и Высшей партийной школе парторганизаторов при ЦК ВКП(б). Лекции С. Н. Ростовского всегда отлича-

лись глубоким знанием исторического материала, творческим подходом к рассмотрению проблем рабочего, коммунистического и национально-освободительного движения, яркостью изложения.

После ликвидации институтов красной профессуры С. Н. Ростовский был назначен заместителем ответственного редактора журнала «Историк-марксист» (редактором журнала был Е. М. Ярославский). Одновременно он был приглашен в Институт истории АН СССР, где возглавил сектор истории колониальных и зависимых стран. Благодаря его усилиям этот сектор объединил многих видных тогда специалистов, которые успешно вели большую научную и преподавательскую работу.

Большой заслугой сектора было создание первого в СССР учебника для вузов «Новая история колониальных и зависимых стран», вышедшего в 1940 г. (о чем подробнее говорится в предисловии к данной книге и статье об И. М. Рейснере и Г. С. Кара-Мурзе). С. Н. Ростовский был одним из редакторов и авторов учебника. Учебник получил высокую оценку партийной и научной общественности, был переведен на иностранные языки. В течение многих лет он оставался основным пособием для студентов, изучающих историю Востока, а также для практических работников. Под непосредственным руководством С. Н. Ростовского был подготовлен и второй том учебника по новейшей истории колониальных и зависимых стран, но он не вышел в свет из-за начавшейся Великой Отечественной войны.

Великая Отечественная война прервала научную работу С. Н. Ростовского. В первые ее дни он добровольцем уходит на фронт и включается в состав отдельного батальона по осуществлению ответственных оперативных заданий. После краткой подготовки батальон в июле 1941 г. был отправлен под Вязьму, где в то время шли тяжелые бои. Вначале он был рядовым политбойцом, затем комиссаром артдивизиона, заместителем редактора армейской газеты и в конце войны ответственным работником Главного политического управления Советской Армии. Его участие в войне было отмечено орденами и медалями. Бойцы — товарищи по армии С. Н. Ростовского отмечали его высокую верность воинскому и товарищескому долгу, мужество, внимание к людям, дружелюбие.

После демобилизации из армии С. Н. Ростовский был направлен на работу в редакцию журнала «Вопро-

сы истории» в качестве заместителя главного редактора, которым был акад. В. П. Волгин. Несмотря на стремление вернуться к научной и преподавательской работе, жизнь распорядилась иначе и С. Н. Ростовскому не сразу удалось это сделать. Партия направила его на руководящую работу в профсоюзы: в 1946—1949 гг. он был заведующим международным отделом ВЦСПС, в 1949—1953 гг. являлся одним из секретарей Всемирной федерации профсоюзов (ВФП), проводя большую организационную и политическую работу вначале в Париже, а затем в Вене.

По инициативе и под руководством С. Н. Ростовского были основаны журнал «Всемирное профсоюзное движение», издававшийся на пяти языках, и специальный бюллетень для мировой профсоюзной прессы. Усилиями С. Н. Ростовского при ВФП был создан ряд международных производственных объединений профсоюзов. Обладая высокой теоретической и политической подготовкой, С. Н. Ростовский внес большой вклад в дело укрепления единства международного рабочего движения, в особенности рабочего движения в странах Востока. Вместе с тем он не прекращал научно-исследовательской работы, написав ряд трудов, посвященных актуальным проблемам рабочего, коммунистического и национально-освободительного движения.

В 1953—1955 гг. С. Н. Ростовский работал инспектором ВЦСПС. В этой должности вместе с группой ответственных работников ВЦСПС весной 1954 г. он участвовал в создании совхозов на целинных землях Казахстана, за что был награжден медалью «За освоение целинных земель».

В 1955—1958 гг., будучи главным редактором Профиздата, С. Н. Ростовский провел большую работу по подготовке многочисленных работ, посвященных мировому рабочему движению. В них большой удельный вес заняли работы по Востоку. В этот период он написал несколько брошюр и статей по проблемам Востока, а также успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Всемирная федерация профсоюзов и профсоюзное движение стран Азии в 1945—1949 гг.», которая позже была опубликована в виде отдельной книги².

На какие бы ответственные участки ни направляла партия Сергея Николаевича, он везде проявлял энергию, инициативу, верность порученному делу, большие организаторские способности, пользовался глубоким

С. Н. Ростовский

уважением и любовью товарищей за принципиальность, честность и добросердечие. Везде он не порывал с проблемами Востока. Однако по-настоящему научно-исследовательская и научно-организационная деятельность С. Н. Ростовского в этой области развернулась после его прихода в 1958 г. в Институт востоковедения АН СССР.

Он возглавил одно из ведущих подразделений института — Отдел стран Юго-Восточной Азии, которым руководил в 1959—1962 гг., а в 1968—1972 гг. руководил сектором экономики и современных проблем этого отдела. Сергей Николаевич много сделал для сплочения многочисленного коллектива сотрудников отдела, создания деловой и товарищеской атмосферы в коллективе. Это удалось ему прежде всего благодаря сочетанию требовательности, внимательности и объективности в отно-

шении к научным сотрудникам и их трудам. Он обладал, можно сказать, удивительным умением создавать творчески свободную и доброжелательную атмосферу при обсуждении самых сложных работ и теоретических вопросов. Никаких мелочных претензий и придирок, никакой резкости и категоричности — этому неукоснительному правилу Сергей Николаевич следовал строго и вместе с тем деликатно. Он любил слушать интересные, может, не всегда устоявшиеся, рассуждения, столкновения мнений, любил юмор. Самые серьезные обсуждения в Отделе стран Юго-Восточной Азии он вел свободно, демократично, с непринужденностью, умело и с уважением к выступавшим подводил итоги обсуждений работ и отдельных теоретических вопросов. Мне, другим участникам таких обсуждений навсегда запомнилась их здоровая, творческая атмосфера. Положительно сказывались при этом такие привлекательные личные черты Сергея Николаевича, как абсолютная лояльность, доброжелательность, умение слушать различные точки зрения, терпимость, уважение к оппонентам.

Важно подчеркнуть огромную роль С. Н. Ростовского в подготовке в Институте востоковедения ряда фундаментальных работ по проблемам современного Востока. В марте 1963 г. он был назначен руководителем многочисленного авторского коллектива по подготовке трехтомного обобщающего комплексного издания по истории национально-освободительного движения в странах Азии и Африки. Трудностей было много: слабая разработанность ряда страноведческих вопросов и общих проблем, отсутствие или недоступность многих необходимых источников и материалов и др. С. Н. Ростовскому удалось сплотить вокруг себя сильный коллектив. Эрудиция, понимание сложных вопросов теории и практики национально-освободительного движения, творческое отношение к новым возникавшим вопросам, удивительное умение работать с каждым автором в отдельности, с уважением к его знаниям, точке зрения, его личности, высочайшая ответственность за порученное дело, исполнительность, аккуратность — все это помогло Сергею Николаевичу преодолеть многие трудности и, прочно опираясь на коллектив ученых, успешно решить огромную задачу. В 1967—1968 гг. вышли все три тома этого издания общим объемом около 99 уч.-изд. листов³.

Эти три книги получили высокую оценку научной и партийной общественности. Они были переведены на

ряд иностранных языков и служат и в настоящее время одним из важных пособий для студентов, преподавателей и практических работников.

Во всем этом бесспорна личная заслуга С. Н. Ростовского. Помимо руководства авторским коллективом С. Н. Ростовский был членом редколлегии всех трех томов и написал несколько важных разделов для I и II томов.

Много сделал Сергей Николаевич для организации комплексного исследования актуальных проблем Юго-Восточной Азии, региона, к началу 60-х годов менее изученного, чем, например, страны Ближнего или Дальнего Востока. С. Н. Ростовский был руководителем и членом редколлегий трех важнейших работ по региону⁴. В совокупности эти три книги поднимают изучение Юго-Восточной Азии на новый качественный уровень, являясь крупным вкладом специалистов в изучение региона.

В 1977 г. С. Н. Ростовский возглавил авторский коллектив по подготовке к 60-летию СССР монографии под названием «Идеи Октября и освободительное движение народов Востока»⁵. Это было очередным достижением Сергея Николаевича в научной и научно-организационной работе.

Коллективные монографические работы, выполненные под руководством С. Н. Ростовского, являются большим вкладом в изучение проблем рабочего, коммунистического и национально-освободительного движения, и им суждена большая жизнь.

Но С. Н. Ростовский был не только многоопытным руководителем научно-исследовательских коллективов. Он сам был в полном смысле слова ученым-тружеником, любил копаться в источниках, поднять старые архивные материалы, подробно обсудить темы своих будущих работ с коллегами, с близкими товарищами. Им опубликовано более ста научных работ, из которых многие были переведены на европейские и восточные языки.

С. Н. Ростовский успешно представлял нашу страну за рубежом не только по линии Международной федерации профсоюзов, но и по линии науки. Он был активным участником ряда зарубежных научных конференций по вопросам Востока. Сергей Николаевич участвовал в работе X (Гонолулу, 1961) и XI (Токио, 1966) конгрессов Тихоокеанской ассоциации, II конгресса Научной ассоциации Индонезии в Джакарте (1965), на которых выступал с докладами.

С мая 1962 по март 1963 г. С. Н. Ростовский работал в Женеве ученым секретарем Конференции ООН по науке и технике развивающихся стран, получив тогда по линии МИД СССР ранг посланника, а по линии ООН ранг директора. Находясь на этой ответственной должности, Ростовский вместе с другими специалистами подготовил 12 научно-политических докладов по вопросам развития промышленности в странах Азии и Африки, а также сделал большой доклад на пленарном заседании указанной конференции.

В 1979 г. С. Н. Ростовский, несмотря на солидный возраст, успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Рабочий класс и национально-освободительное движение (проблемы становления марксистско-ленинской концепции в советском востоковедении)».

Как по вопросам докторской диссертации при ее подготовке, так и по другим научным вопросам мы неоднократно беседовали (благо жили почти рядом), обменивались мнениями, нередко и спорили. Сергей Николаевич отличался широтой теоретических и политических познаний, ясной и четкой мыслью, глубоким пониманием исследуемых вопросов, стремлением подойти по-новому к исследованию актуальных проблем Востока. Не случайно он любил привлекать научную молодежь к разработке новых вопросов теории, помогал ей и верил в нее.

С. Н. Ростовский был поистине общественным человеком в самом широком и глубоком смысле этого слова. В течение всей своей долгой жизни он выполнял различные общественные поручения партии: в политике, науке, обществе. Он читал лекции, вел семинары, проводил занятия кружков и политшкол. Неоднократно избирался членом парткомов и партийных бюро различных учреждений, где он работал. Он не мыслил своей жизни вне активной общественной работы. Он любил людей, и они отвечали ему тем же. Сергей Николаевич был скромным, надежным и добрым товарищем. И вместе с тем его отличали партийная убежденность и принципиальность, большая требовательность к себе и другим. Он обладал исключительной трудоспособностью, всегда работал, всегда трудился, всегда думал о порученных ему делах, относился к ним с большой ответственностью. Он умел сплачивать вокруг себя коллективы ученых, у которых пользовался глубоким уважением.

Мы много раз встречались у него дома. В домашних условиях он был приветливым, гостеприимным и сердеч-

ным человеком, мягким и деликатным. Любил меткое и острое слово, хорошую шутку.

Словом, это был крупный ученый и добрый товарищ. Именно таким он остался в моей памяти и в памяти всех, кто работал или общался с ним.

¹ Ростовский С. Н. Общий кризис капитализма; *он же*. Проблемы некапиталистического пути развития на опыте республик Средней Азии и Советского Севера.

² Ростовский С. Н. Всемирная федерация профсоюзов и профсоюзное движение стран Азии в 1945—1949 гг. М., 1957.

³ См.: Века неравной борьбы. Отв. ред. В. Н. Никифоров. М., 1967; Пробуждение угнетенных. Отв. ред. Г. И. Левинсон, Л. Р. Полонская. М., 1968; На новом пути. Отв. ред. В. И. Павлов, И. Б. Редько. М., 1968.

⁴ См.: Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности. М., 1977; Юго-Восточная Азия в мировой истории. М., 1977; Экономические проблемы стран Юго-Восточной Азии. М., 1978.

⁵ См.: Иден Октября и освободительное движение народов Востока. М., 1978.

Н. Ф. Алиева

**Л. А. МЕРВАРТ (1888—1965) — ЗАЧИНАТЕЛЬ
ИНДОНЕЗИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ В СССР**

В августе 1945 г. бывшая Голландская Индия объявила себя независимой Индонезией со своим государственным языком и вступила на путь борьбы за реальный суверенитет. В Советском Союзе возрос интерес к далекой стране, с которой предстояло налаживать нормальные межгосударственные отношения, освободительная борьба которой нуждалась в поддержке прогрессивных сил мира. Возникла необходимость иметь своих, советских специалистов, знающих эту страну и ее язык. Такая, государственной значимости задача возникла впервые.

Часто ли можно встретить женщину, которая в пятидесятишестилетнем (по-нынешнему — пенсионном) возрасте найдет в себе решимость, силы, прямо-таки отвагу начать и поставить новое для отечественной науки дело. У Людмилы Александровны Мерварт, широко эрудированного лингвиста-востоковеда (и германиста) был запас знаний и материалов по Индонезии и Малайе, по языку этих стран; ранее этот язык был известен только под именем малайского; название «индонезийский» лишь постепенно вытеснило старое название (теперь рядом с последним как название другого литературно-языкового варианта стоит «малайзийский»).

Патриотический долг, долг перед отечественной наукой — эти слова не были для Л. А. Мерварт лишь красивым оборотом речи, это был ее ведущий жизненный принцип. Так представляется, когда прослеживаешь мысленно этапы ее жизненного пути через два десятилетия после ее смерти, жалея, что не можешь спросить ее ни о чем и что не спросила, когда было можно, пытаешься понять ее, понять ее жизненную позицию, ее отношение к людям, к науке, к делу.

Познакомилась я с Людмилой Александровной Мер-

варт в сентябре 1949 г., когда, поступив в Московский институт востоковедения (закрытый в 1954 г.) на только что созданное индонезийское (сначала называвшееся малайским) отделение, я узнала, что она — наш ведущий преподаватель. За четыре года до этого, в переломном для Индонезии 1945 г., вместе с двумя эмигрантами-коммунистами из Индонезии, Муссо и Семауном, Л. А. Мерварт начала преподавать малайский язык в Военном институте иностранных языков. Муссо преподавал недолго, уехал в Индонезию и в 1948 г. погиб там. Ее ученики по тому институту, студенты четвертого курса, пришли к нам в институт в качестве преподавателей.

Л. А. Мерварт всегда видела в студентах взрослых людей, профессионалов, хотя и начинающих, и считала нормальным, чтобы студенты преподавали, работали переводчиками, помогали готовить учебные пособия, подбирали учебные материалы, в общем, применяли бы свои знания. Это никогда не мешало, не «отрывало от занятий», как принято считать. Как раз наоборот — пробуждалась самостоятельная мысль, творческое отношение к учебному процессу. Ведь готовых учебников, словарей, не говоря уже о лингафонных курсах, не существовало для первых групп индонезистов — все творилось на наших глазах, с нашим участием. Вместе мы читаем текст, и вот преподаватель останавливает наше внимание в какой-то момент. Мы открываем для себя ту или иную, иногда очень маленькую (но не вычитанную из учебника!) особенность употребления слова, формы или конструкции, оттенки в их значении, а за этим открываются явления, структуры, правила, за этим открывается необыкновенный, особенный, *по-своему* все выражающий — но выражающий *всё* — язык.

Людмила Александровна передавала нам то отношение к Востоку, к его населению, к восточным языкам, которое (как мне представляется теперь, после знакомства с разнообразными зарубежными востоковедными школами) было сформулировано русским востоковедением как составной частью русской прогрессивной науки, борющейся против феодальной отсталости и самодержавного деспотизма. Высокая гуманность, никакого чувства расового превосходства по отношению к отсталым народам колоний — тогда ведь и свой-то угнетенный и эксплуатируемый народ так мало вкусил культуры и даже простой грамотности. Такими видятся ныне принципы преподавания Л. А. Мерварт — воспитание самостоя-

тельного, творческого отношения учеников к изучаемым предметам, научный подход к восточному языку как отличному по строю, но вполне полноценному средству передачи мыслей, чувств и знаний людей, очень интересных для исследователя своей культурой, мышлением, образом жизни.

Для самой Людмилы Александровны язык, пожалуй, не был только конечным объектом изучения, объектом лингвистического исследования. Имея широчайшие лингвистические познания, она относилась к языку как к средству общения и постижения жизни и культуры народа. Наверное, этнография была основным ее научным пристрастием, хотя последние десятилетия жизни были отданы языкознанию и текстологии.

Откуда же взялись у Людмилы Александровны такие незаурядные черты характера, как были приобретены ею столь глубокие знания?

Она родилась в 1888 г. в Петербурге, в семье широко образованного и преданного своему делу врача. В семье, кроме русского, говорили на двух или трех иностранных языках. И маленькая Людмила с 5—6 лет читала интересовавшие ее книги то на одном, то на другом языке, иногда параллельно одну и ту же книгу на русском и на иностранном. Окончила классическую гимназию. Поступила на Высшие женские (Бестужевские) курсы в 1905 г. Это был период революционного подъема, и борьба женщин за равноправие и, как говорила Людмила Александровна, за «равнотрудие» шла с большим накалом. Почему высшее образование для женщин ограничено только женским учебным заведением, почему девушек не принимают в университеты? Но Людмила Левина, с детства очарованная рассказами об Индии отца-врача, боровшегося с эпидемией холеры в этой стране, не хочет ограничить свое образование романо-германским факультетом Бестужевских курсов — она посещает занятия отделения индологии в Петербургском университете, изучает санскрит.

Бестужевские курсы не были приравнены к университету: женщинам не полагалось сдавать государственные экзамены. По окончании курсов в 1910 г. трем девушкам, и ей в том числе, удалось добиться разрешения — впервые в истории России — сдавать государственные экзамены по полной университетской программе. И пристрастны же были некоторые экзаменаторы, и неприятны же тексты подбирали девушкам для перевода!

Не раз с горечью вспоминала Людмила Александровна несправедливость отдельных университетских профессоров, отнюдь не по-отечески относившихся к девицам в университете. Вместо обычных трех экзаменов в течение шести недель Людмила Левина сдавала четырнадцать в течение тринадцати дней. Ни ее, ни ее подруг «засыпать» не удалось: женщины получили университетские дипломы. Начало было положено. В следующую экзаменационную сессию еще несколько «бестужевок» сдавали государственные экзамены.

После короткого периода учительства в гимназии Людмила Александровна включается в научную работу Музея антропологии и этнографии и тут же начинает вместе со своим мужем Александром Михайловичем Мервартом, решившим посвятить свои силы дравидологии, подготовку экспедиции в Индию. Так вдвоем они и отправились морем из Одессы в Индию. В мае 1914 г. они уезжали в Индию на два года, а вернулись в Петроград зимой 1924 г.

В первые годы была приносящая высшее наслаждение ученому-востоковеду экспедиционная полевая работа — этнографическая, лингвистическая, антропологическая — среди малоизученных, изолированных народностей. Работали во внутренних районах Цейлона, в дравидийских районах Южной Индии, а затем в Калькутте и прилегающих бенгальских районах, на северо-западе — в Пенджабе и Кашмире, в Северной Индии — районах Лакхнау и Дели. Изучались обычаи людей, вплоть до самых отсталых племен — в Ассаме, на Андаманских о-вах. Везде собраны ценнейшие коллекции: предметы культа и одежды, рукописи и рисунки, ремесленные изделия и орудия труда, музыкальные инструменты и маски, снято огромное количество фотографий.

Идет первая мировая война. Не действуют почта, морской транспорт: с перебоями приходят окольными путями письма и научные отчеты в Россию, совсем нерегулярно прибывают командировочные деньги в Индию, нет возможности отправить коллекции в свой музей. Романтика научных экспедиций все больше уступает место трудностям разного рода: это болезни, смерть новорожденного ребенка, денежные затруднения, административные препятствия, особенно после Октябрьской революции в России. Англичане тогда хотели взять и русских ученых, и собранные ими материалы под свое «крыло» — причем не даром, а за большие деньги, но

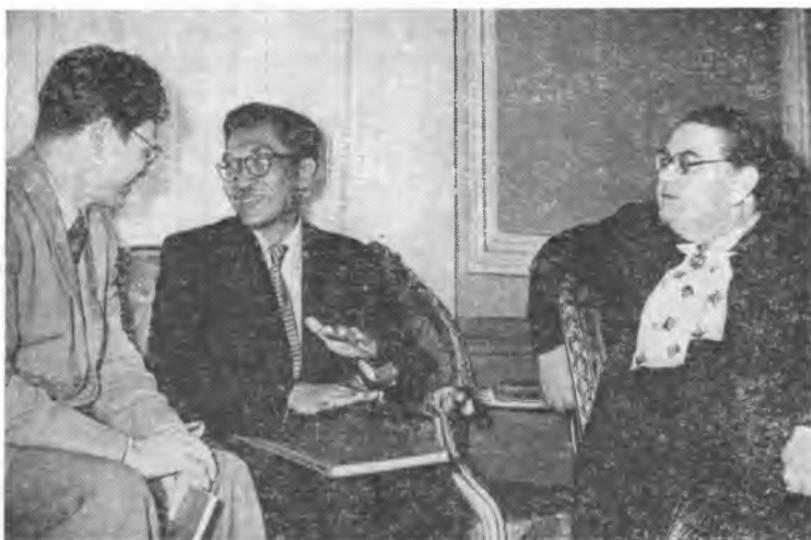
Мерварты настаивали на возвращении на родину, не допуская и мысли о нарушении долга перед своей страной. Получили наконец от Российской академии деньги, устроились членами команды на русский пароход, идущий во Владивосток. Непредвиденная задержка в Бирме: 67 дней в рангунской тюрьме по распоряжению англичан.

Двое заброшенных на чужбину людей, четыре года не слышавших русской речи... Сколько препятствий вставало между ними и родным городом на Неве! Какие революции там произошли, кто у власти — разные доходили слухи. Но мировоззрение Людмилы Александровны и Александра Михайловича формировалось в годы назревания революционных перемен в России, они готовы были принять революцию, а отречься от родной страны, поручившей им важную работу за границей, они не могли ни при каких условиях.

С пересадками, на разных пароходах, побывав по пути в Сингапуре, Пинанге, Гонконге, Шанхае, к осени 1918 г. путешественники прибыли во Владивосток. Между Приморским краем и большевистским Петроградом — фронт гражданской войны. И Приморье захлестывают война и перевороты, в которые вмешиваются японские, американские, английские интервенты, чехословацкий корпус. Власть неоднократно переходит из рук в руки. Местожительство приходится менять. За это время родились сын и дочь, их надо кормить и растить. Ища заработка, Мерварты всегда стремились применять и отдавать собственные знания: и Александр Михайлович, и Людмила Александровна занимались преподавательской деятельностью, участвовали в организации высшего образования, налаживании востоковедной и филологической работы во Владивостоке, внося свой вклад в создание Дальневосточного государственного университета.

Ни на минуту не забывают они и о хранящихся (или пропадающих) в разных местах индийских коллекциях, ведется переписка с целью выволить хотя бы часть из них. Это и в самом деле удается. И наконец открывается возможность через Читу выехать на запад.

Зимой 1924 г. семья с малыми детьми возвращается в Петроград. Здесь холодно и голодно, после разрухи жизнь только-только начинает налаживаться. Многие представители интеллигенции с согласия правительства уехали за границу. Мерварты — вернулись на родину.

Л. А. Мерварт (справа)

Они сразу включаются в университетскую и академическую жизнь. Основная задача — обработка привезенных коллекций, научное освоение материалов и оформление накопленных знаний в виде книг, статей.

Центр научных интересов Людмилы Александровны начинает смещаться в сторону языка и этнографии малайцев. Она организует соответствующую экспозицию в Музее антропологии и этнографии, а в 1927 г. едет в научную командировку в Париж и Лейден. Там она изучает малайский язык и собирает необходимые научные материалы, участвует в работе Международного конгресса антропологов в Амстердаме. Уровень ее научных познаний приносит ей звание почетного члена Международного института антропологии во Франции и звание члена-корреспондента Королевского института языкознания, страноведения и этнографии Нидерландской Индии. В 1929 г. выходит в свет ее большая работа «Малайский театр»¹, до сих пор используемая театроведами.

На смену доброму времени приходит полоса несчастий: по ложному обвинению она и муж оказались в ссылке. В 1932 г. прервалась жизнь Александра Михайловича, вынужденно остановились научные занятия

Людмилы Александровны. Трудности были ей не впервой. Озлобление, разочарование не пустили корней в ее душе: любовь к людям, науке, родине всегда спасали ее.

Новые тяжелые испытания принесла начавшаяся Отечественная война: ушел добровольцем на фронт и погиб в Подмосковье сын Владимир.

В 1944 г. Л. А. Мерварт начала работать в Москве в Издательстве национальных и иностранных словарей, где вскоре стала заведовать редакцией восточных словарей. Ее огромная эрудиция, умение выбрать людей, склонных к специфической словарной работе, были залогом успешного развертывания работы над восточными словарями. Сама она собирала картотеку по малайскому языку, мечтала с помощью своих учеников издать малайский словарь. Однако после освободительной революции в Индонезии в 1945 г. малайский язык так бурно развивался и обогащался, превращаясь в новый, современный язык с новым названием — «индонезийский», что вся работа по словарю должна была быть сделана заново. Она и была проделана авторским коллективом, собранным Людмилой Александровной из выпестованных ею и ее учениками индонезистов. Отличный объемистый индонезийско-русский словарь вышел в свет в 1961 г. Кадры специалистов со знанием этого языка становились все более многочисленными.

Людмила Александровна стремилась дать толчок к изучению и других языков Юго-Восточной Азии, например тагальского (Филиппины): она устраивала занятия кружка тагальского языка прямо у себя дома; старалась пробудить интерес к научным исследованиям в этой области лингвистики, к изучению различного рода связей и схождений между языками этого ареала. Прошло 10—15 лет — и в нашей стране, где никогда не было такой научной отрасли — индонезистики, или малаистики, оказалось большое число специалистов-индонезистов в разных областях науки, знающих современный язык, современную Индонезию и Малайзию. Советской индонезистике принадлежит заметное место в мировой науке.

Возраст и болезни брали свое, хотя Людмила Александровна как-то удивительно справлялась со своими немощами, о которых и не говорила почти; больше всего ее заботили глаза: ложечку в чайной чашке она находила наощупь, училась вслепую печатать на машинке.

Людмиле Александровне пришлось отойти от словарного дела, тогда она переключилась целиком на препода-

давание. За время преподавательской деятельности ею были подготовлены несколько курсов учебных пособий по индонезийскому языку (размноженных на стеклографе). Главная ее педагогическая задача была помочь человеку найти себя, понять свои задатки и правильно определить свой путь в жизни. Хотя она и не руководила официально аспирантами, но подводила к научным занятиям многих, а подводя — тоже не бросала, обдумывала темы исследований, подбирала литературу и проч., и проч.

Постепенно и преподавать стало тяжело, но уже есть смена — ученики продолжают ее дело: во всех московских вузах среди преподавателей индонезийского языка — ученики Л. А. Мерварт. Она же, «уйдя на покой», не сидит без дела, вспоминает, обновляет классические навыки филолога и текстолога, преподанные ей во времена молодости университетскими и академическими учеными: занимается текстологией сама, помогает литераторам-переводчикам. Работает уже с помощью секретаря, но произведения классической и современной литературы на малайском языке готовятся к изданию на русском и издаются одно за другим².

Иссякают силы, иссякает жизнь. Теперь жизнь ее переходит на страницы разных книг, посвященных и курсисткам-бестужевкам, и русским путешественникам на Цейлон, в Индию, Бирму, и Музею антропологии и этнографии в Ленинграде. И, конечно, жива она в своих учениках, в их делах — частица ее труда.

¹ Мерварт Л. А. Малайский театр. — Восточный театр. Л., 1929, с. 112—195.

² Сказки и легенды Южного Сулавеси. Отв. ред. и предисл. Л. А. Мерварт. М., 1958; Неверман Г. Голос буйвола. Малайские (индонезийские) народные песни. Ред. и предисл. Л. А. Мерварт. М., 1961; Сказание о Сери Раме. Индонезийская Рамаяна. Пер. с индонез., предисл. и примеч. Л. А. Мерварт. М., 1961; Кало Г. Бидасари. Индонезийские сказки. Предисл. и примеч. Л. А. Мерварт. М., 1967; Сказание о Санг Боме. Пер. с малайского Л. А. Мерварт. М., 1973.

П. М. Шаститко

**В. В. БАЛАБУШЕВИЧ (1900—1970) —
ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ИНДИИ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

Кабинет заведующего Отделом Индии Института востоковедения АН СССР находился на втором этаже центрального флигеля старинного особняка в Армянском переулке, в котором помещался институт. Узкую комнату освещало одно небольшое окно, находившееся за колонной и под массивным фронтоном, что делало ее полутемной и, пожалуй, больше похожей на монастырскую келью, чем на служебный кабинет ученого. У окна стоял внушительный письменный стол, явно великоватый для этого маленького помещения. Над столом висел удачный рисунок сотрудника Отдела С. И. Потабенко, скупыми, энергичными линиями черной туши изображавший Дж. Неру, стоявшего с палочкой в руках почти спиной к зрителю. К столу примыкал выдавший виды диван, который протестующе скрипел, когда на него садилась. Несколько разностильных стульев и непрезентабельный книжный шкаф довоенного времени завершали скромное убранство помещения.

Плотный невысокий хозяин энергично вставал из-за стола и радостно устремлялся навстречу визитеру. Небольшие карие глаза тонули в морщинках приветливой улыбки, но смотрели оценивающе, умно и цепко. Это был доктор исторических наук профессор Владимир Васильевич Балабушевич.

Владимир Васильевич был одним из зачинателей марксистской индологии, видным специалистом по рабочему движению и новейшей истории Индии, основателем и в течение пятнадцати лет руководителем Отдела Индии Института востоковедения — крупнейшего и авторитетного в нашей стране коллектива индологов. Он проявил незаурядный организаторский талант, чтобы при-

влекь большинство московских (и не только московских) индологов к работе в Отделе.

Владимир Васильевич тщательно отбирал, настойчиво воспитывал, неустанно побуждал к творчеству способную научную молодежь, смело давая ей самостоятельные темы для исследований, дальновидно считая, что с ней связаны будущие успехи изучения Индии. Он приглашал к активному сотрудничеству с Отделом индологов других научных учреждений и практических организаций, уверенный в том, что взаимное общение обогатит индологию новыми темами изучения страны и научными силами. Я бы сформулировал так: В. В. Балабушевич не основал научную школу, но он с коллегами создал новое направление в индологии. Наконец, с его именем связаны выход советской индологии на международную научную арену и установление чрезвычайно полезных и необходимых прямых контактов с индийскими учеными.

Формирование творчески интересного, мобильного Отдела, сотрудники которого создали ряд значительных трудов, выдвинули плодотворные концепции, провели широкие и полезные дискуссии, Отдела, ставшего в 50—60-х годах одним из ведущих в нашем востоковедении,— заслуга В. В. Балабушевича и его сотрудников.

Владимир Васильевич Балабушевич родился в 1900 г. в селе Субботы Кобринского района Брестской области в семье сельского священника. В 1915 г., когда кайзеровские войска двинулись на Белоруссию, отец, забрав большую семью (у Владимира Васильевича было четыре брата), переехал в небольшой в те годы, забытый богом городок Сухиничи Калужской губернии. Вскоре после Октябрьской революции (в 1918 г.) отец умер и молодой Володя, окончивший школу рабоче-крестьянской молодежи второй ступени, поступил работать делопроизводителем в Сухиничский Совет рабочих и крестьянских депутатов.

Здесь, в Совете, в 1921 г. он узнал, что в Москве открывается Институт востоковедения, и тогда же принял решение, которое круто изменило его судьбу: поехал в столицу. С трудом ориентируясь в путаных московских переулках, он нашел Армянский, где в старинном особняке графов Лазаревых расположилось учебное заведение. Здание было запущено. Штукатурка осыпалась, стекла окон были выбиты, по комнатам разгуливал сквозняк. В вестибюле толпились скромно и пестро одетые молодые люди. Многие были в солдатских шинелях.

Балабушевич познакомился с одним из них. «Саша Губер», — назвался он. Губер посоветовал абитуриенту из Сухиничей пойти на индо-афганское отделение. Так в сентябре 1921 г. В. В. Балабушевич и А. А. Губер стали первыми студентами этого отделения открывшегося в Москве Института востоковедения.

С тех пор и до самой смерти Владимир Васильевич и Александр Андреевич оставались верными, преданными друзьями. Их роднили молодость, совместные годы учебы, преданность одному, любимому делу. Как вспоминает дочь Балабушевича, Людмила Владимировна Тягуненко, в последние годы Владимира Васильевича, когда он был уже тяжело болен, Губер постоянно его навещал и проявлял о нем трогательную заботу.

Ректором нового института и любимым преподавателем индологов был Андрей Евгеньевич Снесарев. Выдающийся военный востоковед, бывший генерал царской армии и работник разведки ее генерального штаба, он был первоклассным индологом, автором ряда блестящих работ по Индии и сопредельным странам. Кроме хиндустани он свободно владел несколькими западноевропейскими языками, был широко образован, прекрасно знал музыку и даже одно время пел в Большом театре. Подтянутый, стройный, в складно сидящих шинели и френче, в всегда вычищенных сапогах, что называется, настоящая «военная косточка», с красивыми усами и благородной сединой, Снесарев производил огромное впечатление. Обширная домашняя библиотека ректора всегда была в распоряжении студентов, большинство из которых впервые видели такое собрание книг. Зачарованно слушали они рассказы Андрея Евгеньевича о его путешествиях по Индии. Не полюбить эту страну и ее народ после таких рассказов было невозможно. Нужно сказать, что учебников у студентов в то время не было и блестящие лекции А. Е. Снесарева были, по сути, единственным источником их познания Индии.

Вскоре ректором института был назначен один из основателей марксистского востоковедения в нашей стране, человек неумной энергии М. П. Павлович (М. Л. Вельтман). Еще находясь в дооктябрьский период в эмиграции в Париже, он сошелся с многими азиатскими, в том числе индийскими, революционерами, помогал им писать страстные воззвания к соотечественникам, призывавшие их к борьбе против колониализма. В послеоктябрьский период он сотрудничал с Наркома-

том иностранных дел, Коминтерном, был членом Наркомнаца и ряда других практических организаций. В отличие от А. Е. Снесарева, Павлович имел сугубо штатскую внешность: полный, сутуловатый с очками на близоруких глазах. Но когда Михаил Лазаревич говорил о национально-освободительных революциях, он преображался: голос его гремел, глаза сверкали, а сам он, казалось, вырастал.

Новый ректор добился перевода института в новое, более благоустроенное здание в Златоустинском переулке. Но это было не главное. Павлович решительно изменил программу курса института: в нее вошли предметы марксистско-ленинских наук. Их было много, и большинство читал сам ректор, а лектор он был превосходный. Студенты быстро поняли революционную партийность востоковедения, его связь с освободительной борьбой народов Востока.

Изучались в институте и языки. Язык урду индологам преподавал образованный индийский революционер и поэт Эс-Хабиб Вафа. К сожалению, занятий по языкам было не так много, чтобы ими хорошо овладеть. В общем, Владимиру Васильевичу Балабушевичу повезло на преподавателей. В то время, когда советское востоковедное образование делало еще только первые шаги, он имел учителей, дававших высокую подготовку.

Среди первых выпускников Института востоковедения, получившего в тот год (1925) имя скончавшегося видного революционера Наримана Нариманова, были Владимир Балабушевич и Александр Губер. В дипломе, подписанном М. П. Павловичем, говорилось, что В. В. Балабушевич в 1925 г. закончил индо-афганский сектор экономического и дипломатического отделения средневосточного факультета, прослушав курс лекций по следующим предметам: географии Индии и Афганистана, древней истории Индии, новой истории Индии, экономической географии зарубежных стран, истории дипломатических отношений, внешнеторговой политике СССР, международному праву и государственному строю СССР, хозяйственному праву СССР, истории революционного движения в Индии, развитию общественных формаций, истории рабочего движения на Западе, учению об империализме, а также занимался в семинарах по изучению рынков Среднего Востока, истории дипломатических отношений и языков урду, арабского и английского. После окончания института (а индо-аф-

ганский сектор окончили семь человек) В. В. Балабушевич получил назначение в Профинтернационал и стал референтом по Индии.

Профинтерн, или Красный Интернационал профсоюзов, был боевой организацией мирового рабочего класса, рожденной в 1921 г. в результате Великой Октябрьской социалистической революции и вызванной ею мощной волной пролетарского движения, прокатившегося по странам Запада и Востока. Это был штаб, направлявший под руководством Коминтерна деятельность революционных профсоюзов и их теоретическую работу.

Генеральным секретарем Профинтерна был крупный знаток мирового рабочего движения, талантливый публицист, способный организатор С. А. Лозовский (Дридзо). Он был членом большевистской партии с 1901 г., участвовал еще в первой русской революции, подвергался арестам и ссылке. С 1909 по 1917 г. Лозовский жил в эмиграции во Франции. В июне 1917 г. он возвратился в Россию и занимался организацией и руководством профсоюзов, а со времени создания Красного Интернационала профсоюзов был в его руководстве.

Работа с С. А. Лозовским была хорошей школой для молодого индолога. Восточным отделом руководил Л. Н. Геллер. Коллегами Владимира Васильевича Балабушевича были несколько специалистов по другим странам Востока. Все они были молоды, полны революционной романтики и желания помочь колониальным народам в их борьбе. У большинства, как и у Владимира Васильевича, еще не было опыта реферативной работы. В Профинтерне он его приобрел. Важно отметить и еще одну черту: время и работа в международной организации трудящихся сделали В. В. Балабушевича настоящим интернационалистом на всю жизнь.

Владимиру Васильевичу было 26 лет. Ему было поручено составлять справки, обзоры и рефераты по рабочему движению Индии. Нужно сказать, что ни в практическом, ни тем более в научном востоковедении этим ранее никто не занимался. Он довольно быстро научился выбирать главное, основное в большой массе сведений, поступающих из Англии и Индии, переживавшей подъем национально-освободительного движения, охватившего все слои населения. Особый интерес Балабушевич проявил к рабочему классу, вышедшему на политическую арену, превратившемуся из «класса в себе» в «класс для себя». Пролетариат зрел и мужал в антико-

лониальной и классовой борьбе, преодолевая ошибки, испытывая горечь поражений, но упорно продвигаясь вперед. Выбрав на заре своей деятельности тему исследовательской работы, став первопроходцем в ее изучении, Владимир Васильевич остался верен ей всю свою жизнь.

Свою первую статью «Очерки индийской экономики и положение рабочего класса» В. В. Балабушевич опубликовал через год после прихода в Профинтернационал в 1926 г. в журнале «Красный Интернационал профсоюзов»¹, а затем, в том же году, напечатал обзор «Рабочее движение в Индии в 1925 г.» в журнале «Международное рабочее движение»² и там же статью «Английские сахибы и индийские кули»³. Вскоре следуют одна за другой статьи о забастовках бомбейских текстильщиков, мадрасских железнодорожников, о деятельности индийских профсоюзных организаций и др. Автор писал их по свежим следам событий и оперативно информировал об индийском рабочем движении советскую общественность. Статьи печатали кроме журнала «Красный Интернационал профсоюзов» журналы «Международное рабочее движение», «Революционный Восток» и «Коммунистический Интернационал». Теоретических обобщений и глубокого анализа расстановки классовых сил в Индии эти работы еще не содержали. Да они и не претендовали на это. Но в них был добротный и большой фактологический материал, добросовестно собранный и систематизированный вдумчивым автором.

В 1927 г. В. В. Балабушевич в соавторстве с Л. Н. Геллером и Х. Т. Эйдусом выпустили небольшую книгу «Рабочие организации Востока», в которой они впервые в советском востоковедении дали широкую картину организаций пролетариата в большинстве стран Азии. В этой публикации рабочее движение связывалось с общей национально-освободительной борьбой народов региона.

Вскоре следуют новые публикации статей (многие из них под псевдонимами В. Бушевич или Л. Бернс), в которых автор старался охарактеризовать отдельные отряды рабочего класса Индии, особенности его формирования и организации. От информационных статей Владимир Васильевич приходил к теоретическим работам обобщающего характера. Следует отметить, что он, как и другие индологи (и не только индологи), неправильно трактовал роль индийской национальной буржуа-

зии в антиимпериалистической борьбе, не видел всей политической сложности акций, проводимых М. К. Ганди, и неоднозначности его мировоззрения. Потребовались десятилетия, чтобы советская индология приблизилась к правильному пониманию этих проблем. Как бы то ни было, начало изучения сложных явлений индийской действительности 20-х — начала 30-х годов было положено работами первых советских индологов, включая и В. В. Балабушевича.

Однако работа в Профинтерне неожиданно прервалась. В 1937 г. Профинтернационал, в котором Владимир Васильевич проработал двенадцать лет, был распущен. Его сотрудников ждала разная судьба. Владимир Васильевич Балабушевич был направлен на работу в Отдел внешних сношений ВЦСПС. Административная работа оказалась ему не по душе, и он решил ее оставить.

В 1939 г. в его жизни начался новый период: он стал научным сотрудником Института мирового хозяйства и мировой политики, которым руководил выдающийся специалист по этим проблемам, крупный ученый академик Е. С. Варга, видный деятель Коммунистического Интернационала, умевший сочетать глубину научного исследования с практикой советских международных отношений. Его работы по проблемам экономики и политики социализма были заметным явлением в общественных науках.

Владимиру Васильевичу (в который раз!) повезло с руководителем. Ему шел сорокавый год. За плечами был большой опыт изучения рабочего класса Индии и его организаций. Более того, знакомство с материалами, показывавшими борьбу народа Индии, давало ему ощущение живого дыхания его борьбы, чуждого академической отстраненности. Руководство института пошло навстречу исследователю и сохранило ему тему работы: «Рабочее движение Индии». Но интересы В. В. Балабушевича расширились. В 1940 г. он вместе с Алексеем Михайловичем Дьяковым опубликовал небольшую книгу «Индия», в которой был дан краткий очерк индийского национально-освободительного движения с середины XIX в. до конца 30-х годов XX в. По существу, это была вторая работа на данную тему после лучшей для того времени книги И. М. Рейснера «Очерки классовой борьбы в Индии», вышедшей еще в 1932 г. Следует, конечно, отметить, что авторы этих книг не избежали некото-

рых ошибок, которые бытовали в то время в оценке политических сил Индии.

Владимир Васильевич чувствовал себя готовым написать значительную работу, чтобы обобщить все, накопленное за долгое время деятельности в индологии. Однако осуществить этот замысел ему не удалось. Началась Великая Отечественная война. Вместе с другими сотрудниками Института В. В. Балабушевич эвакуировался в Ташкент. Его дочь Людмила Владимировна Тягуненко вспоминает о том суровом времени: «В начале войны, когда гитлеровцы стали бомбить Москву, папа, как и многие мужчины в то время, проводил все ночи, а иногда и дни, на крышах нашего дома — на ул. Герцена. Летом 1941 г. отец ушел в народное ополчение, но вскоре тяжело заболел и был отправлен на лечение в Москву. В ноябре 1941 г. вместе с другими сотрудниками института отец эвакуировался в Ташкент. Отправились с ним и мы с мамой... Ехали в набитом до отказа вагоне из Москвы в Ташкент ровно три недели. В Ташкенте сотрудники и их семьи были размещены в здании балетной школы им. Тамары Ханум по 20—30 человек в одной комнате. Начались болезни, унесшие многие жизни, в том числе и Л. Н. Геллера, которого отец мой глубоко чтил, считая его своим учителем. В этих трудных условиях, всегда бодрый, доброжелательный и энергичный, мой отец был выбран председателем профсоюза института (в то время это была почетная и ответственная выборная должность). Я помню, как он самоотверженно боролся за улучшение условий жизни сотрудников, их детей, доставал продукты, дрова, медикаменты. Организовал столовую. Думал и о том, чтобы в борьбе с тяготами военного времени мы не отставали от культурной жизни — организовывал концерты, вечера. Помню, как зимой 1942 г. у нас в общежитии выступали А. Н. Толстой, А. Ахматова, И. Уткин, С. М. Михоэлс и др.»

В Ташкенте в 1943 г. В. В. Балабушевич был призван в ряды Советской Армии и в звании капитана направлен в распоряжение Политуправления Туркестанского военного округа. Л. В. Тягуненко рассказывает: «А. М. Дьяков и мой отец, впервые тогда одевшие военную форму, представляли собой довольно забавную пару. Мы шутя называли их Дон Кихот и Санчо Панса... Алексей Михайлович, высокий и еще более похудевший во время войны, никогда не мог найти себе по росту ни гимнастерки, ни сапог — все ему было коротко и мало. Мой

отец, наоборот, небольшого роста и все еще довольно упитанный — все ему было велико или узко...

Работали оба много, увлеченно, дружно, продолжая и дома спорить, работать, мечтать. Тогда и в этом глубоко ташкентском тылу ковалась победа над врагами».

Характер политической работы в армии предоставил Владимиру Васильевичу возможность заниматься публицистической деятельностью, и он этим воспользовался. В 1943 г. снова вместе с А. М. Дьяковым он написал злободневную важную работу «Народы Востока против фашизма», а вскоре вышла его остроактуальная брошюра «К вопросу о Пакистане». Особенность этой работы состояла в том, что именно тогда мусульманские лидеры Индии при поддержке реакционных сил Великобритании повели атаку на единство страны, требовавшей свободы. В. В. Балабушевич показал в этой брошюре истинную подоплеку проблемы Пакистана.

В январе 1944 г. Владимир Васильевич был приглашен руководством Совинформбюро работать в качестве старшего редактора по Индии. В конце этого же года Владимир Васильевич был приглашен для чтения спецкурса на кафедру истории Индии только что созданного Отделения Востока на историческом факультете Московского университета. Временно он продолжал военную службу. Демобилизовался он из рядов Советской Армии в 1946 г. и сразу же вернулся в Институт мирового хозяйства и мировой политики на должность старшего научного сотрудника. В марте 1946 г. Ученый совет этого института присвоил В. В. Балабушевичу ученую степень кандидата исторических наук. Кстати сказать, запоздалое «остепенение» в те годы не было исключением — многие востоковеды-практики, пришедшие в науку, защищали диссертации уже в зрелом возрасте.

В то время, когда В. В. Балабушевич возвратился из Ташкента в Москву, у индологов — специалистов по новейшему времени возникло множество острейших проблем. Индия бурлила. Народ под руководством Национального конгресса во главе с М. К. Ганди и Дж. Неру решительно требовал независимости. Она была завоевана в августе 1947 г., но страна была разделена на два государства: Индийский Союз и Пакистан. Начался ответственный и сложный выбор путей дальнейшего развития обоих государств. Индия провозгласила себя республикой. Первым премьер-министром страны еще в 1946 г. стал Джавахарлал Неру. Он был признанным

вождем, с уверенностью взявшим штурвал государственного корабля. Во внешней политике важным фактором стало установление дипломатических отношений с СССР. В Москву приехал посол Индии — сестра премьер-министра Виджая Лакшми Пандит. Создались предпосылки установления добрых отношений во всех сферах советско-индийских связей.

Революционная волна прокатилась и по другим странам Востока.

Жизнь требовала радикальной перестройки востоковедения. В 1950 г. Советское правительство приняло решение перевести Институт востоковедения АН СССР в Москву. 9 августа 1950 г. его директор профессор С. П. Толстов подписал приказ о создании сектора Индии в следующем составе: зав. сектором А. М. Дьяков, старшие научные сотрудники К. А. Антонова, В. В. Балабушевич, С. М. Мельман, В. М. Бескровный.

Вскоре последовала новая реорганизация института. Его директором был назначен чл.-кор. АН СССР Александр Андреевич Губер (с 1966 г. академик), сектор истории и экономики Индии с 1953 г. возглавил Владимир Васильевич Балабушевич. Институту было предоставлено здание в Армянском переулке. Так десятилетия спустя в родной «альма матер» встретились старые одноклассники.

Владимир Васильевич упорно и много работает и публикует капитальные статьи: «Индия после раздела»⁴, «Новый этап национально-освободительной борьбы народов Индии»⁵ и др.⁶, в которых была сделана попытка дать оценку сложных политических событий в Индии того времени. Сейчас, по прошествии многих лет, имея огромное количество источников и литературы, зная, какими неожиданными путями развивалась история, и в частности история Индии, легко судить, в чем ошибались авторы, взявшие в 40—50-е годы на себя смелость (именно смелость!) анализировать полное драматизма и резких колебаний индийское национально-освободительное движение и события в стране. За это брались и во многом удачно делали А. М. Дьяков и В. В. Балабушевич. Конечно, в их работах были неизбежные ошибки и заблуждения, но именно они первыми попытались объяснить и проанализировать события в Индии. Недаром работа Владимира Васильевича была отмечена в 1953 г. медалью «За доблестный труд».

В середине 50-х годов в советско-индийских отноше-

В. В. Балабушевич (в центре) и сотрудники Отдела Индии
(60-е годы)

ниях наступил новый этап. Поездка Джавахарлала Неру в СССР в июне 1955 г., а затем ответный визит советских руководителей Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина в Индию в ноябре—декабре 1955 г. привели к заметному улучшению дружественных отношений между двумя странами. Советская индология получила новый мощный стимул развития.

В 1956 г. Институт востоковедения АН СССР возглавил опытный политический деятель, бывший первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, академик Таджикской Академии наук (с 1968 г. академик АН СССР) Бободжан Гафурович Гафуров. Новому директору была свойственна масштабность мышления и большой организаторский талант. Институт стремительно вырос. В нем были объединены лучшие востоковедные силы, изменилась проблематика исследований, современность стала главной темой. Было создано, как говорилось выше, Издательство восточной литературы, и начал издаваться новый журнал «Современный Восток».

В сентябре 1956 г. был образован Отдел Индии, на-

считывавший около 60 человек. Исполняющим обязанности заведующего был назначен В. В. Балабушевич, а в 1958 г. он был утвержден в этой должности. В отделе стали работать маститые ученые: А. М. Дьяков, И. М. Рейснер, Н. М. Гольдберг, С. М. Мельман, К. А. Антонова, Р. П. Гурвич, молодые, способные, полные смелых замыслов А. И. Левковский, Л. Р. Гордон-Полонская, Г. Г. Котовский, В. И. Павлов, Ю. В. Ганковский, К. З. Ашрафян, Э. Н. Комаров, В. Г. Растяников, Т. Ф. Девяткина, Ю. П. Насенко, Н. И. Семенова, А. Д. Литман, М. Н. Егорова, А. М. Мельников, Л. И. Рейснер, Г. К. Широков, С. И. Потабенко, М. П. Бабкина и др., а несколько позднее, к началу 60-х годов пришли готовые о себе заявить Л. Б. Алаев, А. И. Чичеров, В. Н. Москаленко, С. Ф. Левин, М. А. Дробышев, А. Х. Вафа, О. В. Маляров, А. П. Колонтаев.

В 1957 г. в жизни Отдела Индии произошло значительное событие: после долгих лет разлуки с Родиной возвратился из Индии индолог и знаток Центральной Азии Юрий Николаевич Рерих. Важно отметить, что он быстро нашел общий язык и общее дело с индологами.

Вскоре после образования в 1958 г. Отдел выпустил первую капитальную работу «Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б. Г. Тилака». Ее ответственными редакторами стали И. М. Рейснер и Н. М. Гольдберг, авторами — сотрудники Отдела Н. М. Гольдберг, Г. Г. Котовский, И. М. Рейснер, В. И. Павлов, Э. Н. Комаров, А. И. Левковский и индологи, приглашенные из университета: А. И. Чичеров и Л. А. Гордон, причем А. И. Чичеров был еще молодым аспирантом.

Известно, что Б. Г. Тилак был яркой, но сложной фигурой индийской истории начала XX в. Анализ национально-освободительного движения под руководством Б. Г. Тилака явился серьезным успехом Отдела Индии. И еще. Совместная и дружная работа сплотила коллектив Отдела, показала его большие творческие возможности, придала уверенность в своих силах. Строго говоря, это был первый и успешный опыт в создании коллективного монографического исследования советских индологов.

Выпуск этой монографии, многочисленные предыдущие исследования отдельных сюжетов истории Индии, творческая обстановка, сложившаяся в Отделе, желание

взяться за большую работу привели к важному решению создать прежде всего силами Отдела с привлечением других индологов фундаментальную четырехтомную историю Индии. Это был смелый, но продуманный и взвешенный эксперимент, свидетельствующий о высоком уровне советской индологии, творческой зрелости отдельных исполнителей и уверенности в коллективе организаторов.

За работу взялись дружно, «всем миром». Ответственными редакторами «Новейшей истории Индии» были В. В. Балабушевич и А. М. Дьяков. В авторский коллектив, кроме самих редакторов, вошли Л. Р. Гордон-Полонская, Н. Д. Гаврюшина, Т. Ф. Девяткина, А. И. Левковский, С. М. Мельман, А. М. Мельников, Ю. П. Насенко, С. И. Потабенко, Ю. Н. Рерих, М. И. Рубинштейн, С. И. Тюляев, всего тринадцать человек, причем сотрудниками Отдела были 11 человек. Ответственными редакторами «Новой истории Индии» были К. А. Антонова, Н. М. Гольдберг и А. М. Осипов; авторов насчитывалось 16 человек, «Историю Индии в средние века», вышедшую под редакцией Л. Б. Алаева, К. А. Антоновой и К. З. Ашрафян, писало 10 человек, и только «Древнюю Индию» (ответственный редактор А. М. Осипов) писали двое — Г. М. Бонгард-Левин и Г. Ф. Ильин — сотрудники Отдела Древнего Востока. Здесь уместно отметить, что в авторских коллективах этих книг было много молодых ученых.

Дружная работа коллектива принесла свои плоды: в 1959 г. вышла «Новейшая история Индии», в 1961 г. — «Новая история Индии», в 1968 г. — «История Индии в средние века», в 1969 г. — «Древняя Индия». Таким образом, в основном усилиями Отдела за 10 лет была опубликована первая марксистская история Индии с древнейших времен до наших дней. Общий объем четырехтомника составлял почти 200 авторских листов. Исследование состояло из анализа экономических факторов, изучения истории, литературы, науки, культуры, искусства. Это был единый, цельный, последовательный труд с общей архитектурой и единым стилем. Книжки получили благожелательную прессу и сразу нашли своего читателя.

В. В. Балабушевич не только искусно руководил сложнейшей работой по созданию и сплочению авторского коллектива, организовав из отдельных специалистов дружный союз единомышленников, не только участ-

вовал в выработке общей концепции, но и сам был автором глав книги «Новейшая история Индии», в которых подводил итог долголетнего изучения индийского рабочего и коммунистического движения в новейшее время. В то же время ряд проблем в них трактовался по-новому, с учетом того, что внесла практика политической борьбы в Индии в те годы. Получилась цельная картина эволюции характера и особенностей индийского рабочего и коммунистического движения, его места в национально-освободительном процессе.

Творчество большой группы авторов оказалось не сложением, а умножением интеллектов. «Коллективный разум» породил колоссальный рост творческого потенциала. Осознать это было неожиданно и радостно.

Невольно задаешь себе вопрос: в чем была сила В. В. Балабушевича как организатора науки? Во-первых, он вместе с коллегами сумел наметить стратегию развития индологии, определить направление важнейших исследований, в котором разумно сочеталось изучение дисциплин классического цикла с приоритетным вниманием к изучению современности. Это позволило приступить к созданию капитальных трудов, а значительность тем была способна вдохновить и увлечь сотрудников.

Во-вторых, Владимир Васильевич тщательно подбирал кадры, учитывая подготовку, научные интересы и психологические особенности сотрудников, а затем давал им задания, взвешивая, где они лучше всего могли себя проявить; в зависимости от компетенции и опыта людей стремился, чтобы их личные интересы и интересы Отдела совпадали.

В-третьих, он создавал широкие возможности для творческого роста, поощряя и помогая молодым ученым публиковать работы и защищать диссертации, никогда не ревновал, не завидовал успеху, а умел радоваться вместе с ними. А. И. Левковский и Л. Р. Полонская стали докторами наук раньше, чем руководитель их Отдела, хотя по возрасту он был много старше их. (Ученую степень доктора наук В. В. Балабушевич получил в феврале 1965 г.)

В-четвертых, в Отделе была создана творческая, дружеская и, если можно так сказать, бодрая обстановка. Владимир Васильевич ни в коем случае не хотел расслабляющего благодушия и всепрощения в Отделе. Он побуждал боренье научных страстей. Обсуждение мно-

гих работ превращалось в бурную, но доброжелательную дискуссию. Причем начиналась она, как правило, так: первыми задиристо выступали аспиранты, потом, старательно демонстрируя свою осведомленность в проблеме, сотрудники без степеней, потом огонь креп и вступали в бой «орудия главного калибра». Страсти бушевали долго. Владимир Васильевич не поддавался соблазну подвести итог дискуссии авторитетом своей должности. Часто это делали Алексей Михайлович Дьяков или Игорь Михайлович Рейснер.

Нужно сказать, что заведующий отделом никогда не вставал в позу метра, поучающего других. Владимир Васильевич часто советовался и даже учился у других, в том числе и у своих учеников. Он был из тех людей, которые являются советчиками, а не указчиками. Его опыт подсказывает вывод: до тех пор пока научный работник не разучился учиться, он остается и ученым, и организатором науки. Одно из главных достоинств организатора — уважение к личности сотрудника. Балабушевич этим достоинством владел в полной мере. И еще: он строил свои отношения с коллективом на поощряющем творчество принципе доверия. Говоря о В. В. Балабушевиче, хочется привести слова К. И. Чуковского, который, добрым словом вспоминая об одном писателе, отмечал, что у него нет «такого гнусного качества, как маститость»⁷.

С руководством института заведующий Отделом Индии старался отношения не осложнять, но тонкими дипломатическими пассажами свою позицию, как правило, отстаивал, особенно когда это касалось кадровых вопросов. Каждый свой шаг он тщательно обдумывал и действовал по поговорке «семь раз отмерь, один отрежь». Крайние мнения оставляли его равнодушным: он знал — они не проходят. Мудрость — это не только интеллект, но и опыт. А Балабушевич его имел. Он не был баловнем судьбы и поэтому был осторожным. Риск и бездумная отвага были не его качествами.

Тамара Филипповна Девяткина, в течение нескольких лет бывшая при Балабушевиче секретарем парторганизации Отдела, вспоминая о нем, сказала, что одним из качеств, наиболее свойственных Владимиру Васильевичу, было искусство общения. С ним хотелось встретиться для разговора, он располагал к доверительности, будь то научные проблемы или домашние неурядицы. Причем обычно разговор с ним не дозировался разни-

дей в возрасте или положении. Может быть, поэтому Владимир Васильевич знал о каждом сотруднике если не все, то очень многое. И не только научные планы и служебные трудности, но и условия жизни, семейные дела, здоровье и многое другое. У него, как у всякого человека, были свои симпатии и антипатии, но это никак не проявлялось в его отношениях с сотрудниками. Преданный индологии, он жил интересами Отдела, первым приходя на работу и последним покидая ее. Отдел для него был настоящий «второй дом». Иногда говорят: творил в «тиши кабинета», но это никак не подходило к служебному кабинету заведующего Отделом Индии. Его комната больше походила на некий шумный клуб индологов, где были и сотрудники и гости из многих городов и учреждений, где говорили все и обо всем. Владимир Васильевич оратором не был, но он обладал важным даром — он умел слушать.

Созданию бодрой атмосферы в Отделе помогали шуточные представления на свои, отделские темы, так называемые «капустники», которые устраивали тогда молодые сотрудники Саша Чичеров, Леня Алаев, Володя Москаленко, Лева Рейснер, Миша Дробышев, Слава Потабенко и автор этой статьи. В «капустниках» одним из главных «героев» был Балбал (как звали за глаза Владимира Васильевича). Тексты «капустников» часто были сатирически острыми, но он поощряюще улыбался и не допускал, чтобы кто-нибудь пытался одернуть «артистов». Иногда вслед за молодежью свои стихи читали К. А. Антонова и Л. Р. Гордон-Полонская. Владимир Васильевич знал, что такие веселые встречи тоже важны как фактор, сплачивающий Отдел. Как бы то ни было, за всем многообразием жизни Отдела чувствовалась осторожная, ненавязчивая, но достаточно крепкая воля В. В. Балабушевича.

Авторитет Владимира Васильевича Балабушевича как ученого и организатора науки рос и вскоре получил признание не только его коллег, но и ученых Индии и других зарубежных индологов. Путь к этому был непростым.

Сейчас многим может показаться неправдоподобным, но большинству советских индологов середины XX в. не приходилось бывать в Индии. Впервые делегация индологов Института востоковедения АН СССР выехала в Индию в 1956 г. Во главе ее был В. В. Балабушевич, а в состав входили М. Н. Егорова, Э. Н. Ко-

маров, Г. Г. Котовский, В. Г. Растянников и Н. И. Семенова. Прямого сообщения с Дели еще не было, летели через Рим и с помощью иностранной авиакомпании. Глава делегации Владимир Васильевич волновался страшно: тревожила лингвистическая подготовка, пугали чужое окружение и необходимость обращаться по делам полета к иностранным фирмам. Неизвестно было, как встретят и воспримут делегацию индийские ученые. Но опасения не оправдались. Визит прошел успешно: знакомство с индийскими коллегами состоялось, приняли делегацию прекрасно. Владимир Васильевич впервые приехал в страну, которой он посвятил жизнь, когда ему было 56 лет.

Сотрудничество СССР с Индией в сфере науки и культуры расширялось семимильными шагами. Народы обеих стран как будто старались наверстать упущенное в годы колониального господства англичан над Индией. В. В. Балабушевич в этом благородном деле проявлял завидную инициативу и старание. Со дня организации Общества советско-индийской дружбы он становится вице-президентом этого общества и принимает активное участие в его деятельности.

В 1957 г. по его инициативе предпринимается первый и удачный опыт создания совместной работы советских и зарубежных прогрессивных ученых, посвященной столетию народного восстания в Индии 1857—1859 гг. В сборнике было семь статей советских индологов, четыре — индийских авторов, одна статья английского автора и одна китайского.

В этот период резко возрастают переводы книг индийских писателей, ученых и политических деятелей на русский язык. Когда готовились к выпуску в русском переводе имевшие шумный успех у советского читателя книги Джавахарлала Неру «Открытие Индии» и «Автобиография», В. В. Балабушевич выступил в качестве одного из консультантов.

Естественно, дружеские отношения связывали Владимира Васильевича с лидерами индийского рабочего движения. Как только представилась возможность, он пригласил в Отдел генерального секретаря Коммунистической партии Индии тов. Аджоя Гхоша. Владимир Васильевич предложил организовать встречу так: сотрудники Отдела подготовили наиболее, на их взгляд, интересные и сложные вопросы, относящиеся к расстановке и характеристике основных политических сил Индии.

Вопросник был отнесён Аджою Гхошу, он тщательно подготовился к ответам и пришел в институт.

Встреча состоялась 29 февраля 1956 г. в большой комнате приемов на первом этаже здания. В помещение вошел высокий, худощавый, смуглый индеец с огромным сократовским лбом, перерезанным глубокими морщинами, губы узкие, подбородок волевой, энергичный. Глубоко сидящие глаза из-под развитых надбровных дуг смотрели улыбочиво и доброжелательно. Одет гость был в светло-серый костюм и красный галстук.

Адждой Гхош отметил, что исследования советских ученых помогают индийским коммунистам в их борьбе, а потом без тени менторства ответил на предварительные вопросы. Затем завязался долгий дружеский разговор. Беседа шла на английском языке. И. М. Рейснер, Э. Н. Комаров переводили, а К. А. Антонова и Ю. П. Насенко вели запись, которую позднее сопоставили друг с другом и подготовили общий текст.

После этой беседы состоялись новые встречи с Аджем Гхошем и другими руководителями КИИ. Встречи оставили незабываемое впечатление; дело не только в личной привлекательности Адждой Гхоша, они зримо показали полезность нашего труда, интерес к нему прогрессивной индийской общественности, и это вдохновляло⁸. В 1960 г., когда Владимиру Васильевичу исполнилось 60 лет, Адждой Гхош прислал ему поздравительную телеграмму, в которой говорилось: «Вы настойчиво и исчерпывающе исследовали развитие демократического движения в Индии и весьма часто Ваши работы оказывали нам значительную помощь»⁹. Другой ветеран индийского рабочего движения, П. Ч. Джоши, писал: «Мы очень благодарны Вам за хорошую работу по изучению Индии и для ее блага»¹⁰.

Индийские ученые также знали и ценили труды В. В. Балабушевича, как и других ведущих индологов. Он был избран почетным членом Института исторических исследований Индии (Общество индийских историков) и доктором одного из крупнейших в Индии Калькуттского университета. Известный историк Индии К. М. Ашраф охарактеризовал научную и общественную деятельность В. В. Балабушевича как «неустанную работу, которая служит лучшему пониманию истории и жизни народов Индии и развитию культурных связей между СССР и Индией».

Часто индийские ученые и деятели рабочего движе-

ния бывали у В. В. Балабушевича дома. Л. В. Тягунейко вспоминает, что «отец неукоснительно требовал от всех, и в первую очередь от мамы, Надежды Николаевны, и всех близких быть предельно внимательными к индийским друзьям. Вся наша семья, — а это мама, которую папа очень любил, мой муж, я, наши дети — все мы жили вместе, как полагалось в русских семьях, должны были быть готовыми к приему индийских гостей в любой день. Все знали особенности индийской кухни и вкусы индийцев и должны были по знаку папы сервировать стол. Малейшая оплошность или невнимательность огорчала и сердила отца».

В свою очередь В. В. Балабушевич часто бывал гостем индийских ученых. Его принимали многие государственные деятели Индии, в том числе Дж. Неру и Индира Ганди. Он знакомил их с деятельностью советских индологов, рассказывал об интересе нашей общественности к жизни и истории братского индийского народа. (Владимира Васильевича характеризует такой факт: Индире Ганди он преподнес в подарок книги советских индологов со словами: «Это вам, госпожа премьер-министр, как государственному деятелю», а потом — советские духи «Красная Москва», добавив: «А это — как очаровательной женщине!») В 1969 г. за заслуги в работе по оказанию помощи зарубежным странам в развитии образования, науки и культуры В. В. Балабушевич был награжден орденом «Знак Почета», а в следующем году (1970) за содействие в укреплении дружбы индийского и советского народов он был удостоен международной премии им. Дж. Неру. Этой наградой он особенно гордился.

Международная востоковедная общественность узнала В. В. Балабушевича по докладу на XXIV Международном конгрессе востоковедов в Мюнхене (1958). На XXV конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г. он совместно с А. М. Дьяковым руководил одной из самых крупных секций конгресса — индологической. На XXVI конгрессе востоковедов в Дели (1964) он прочитал доклад о некоторых проблемах истории Индии. В. В. Балабушевич достойно представлял советское востоковедение на различных конференциях и симпозиумах в Германской Демократической Республике, Чехословакии и Шри-Ланке.

В начале 1970 г. Владимир Васильевич тяжело заболел. Он чувствовал обидную невозможность осуществить

волновавшие его замыслы. 14 ноября 1970 г. В. В. Балабушевич скончался.

Ушел из жизни В. В. Балабушевич, но продолжает работать большой отряд советских индологов — коллег и учеников Владимира Васильевича.

¹ Балабушевич В. В. Очерки индийской экономики и положение рабочего класса.— Красный Интернационал профсоюзов. 1926, № 8.

² Балабушевич В. В. Рабочее движение в Индии в 1925 г.— Международное рабочее движение. 1926, № 3.

³ Балабушевич В. В. Английские сахибы и индийские кули.— Международное рабочее движение. 1926, № 24.

⁴ Балабушевич В. В. Индия после раздела.— Мировое хозяйство и мировая политика. 1947, № 12.

⁵ Балабушевич В. В. Новый этап национально-освободительной борьбы народов Индии.— Вопросы экономики. 1949, № 8.

⁶ Например: Балабушевич В. В. Национально-освободительная борьба народов Индии.— Углубление кризиса колониальной системы империализма. М., 1953; он же. Рабочий класс и национально-освободительное движение Индии в 1923—1927 гг.— Ученые записки Института востоковедения. Т. 10. М., 1954.

⁷ Воспоминания о Корнсе Чуковском. М., 1983, с. 461.

⁸ После смерти А. К. Гхоша в Институте был подготовлен сборник его статей и речей (*Гхош Аджой Кумар. Статьи и речи. М., 1962*).

⁹ Архив Института востоковедения АН СССР. Личное дело В. В. Балабушевича.

¹⁰ Там же.

К. А. Антонова

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ ИНДОЛОГОВ
Н. М. ГОЛЬДБЕРГ (1891—1961)

В Отделе Индии Института востоковедения АН СССР в Москве висят на стене портреты основателей московской школы индологии, ставшей в 50—60-е годы передовым отрядом советского востоковедения. Сейчас ученики этих первых индологов заведуют различными отделами, секторами и кафедрами в востоковедных (и не только) учреждениях. Среди этих портретов можно увидеть и лицо Николая Максимовича Гольдберга, воспитавшего многих учеников, как числящихся таковыми в документах, так и молодых людей, просто обращавшихся к нему за помощью, консультацией, советом, учившихся у него анализу исторического документа, тонкости стиля и просто интеллигентности в высшем понимании этого слова.

А между тем Николай Максимович не блистал при всей энциклопедичности его знаний внешними признаками учености: он был всего лишь кандидатом исторических наук. По степени же вклада Николая Максимовича в советскую индологию он заслуживал звания мастера, а не кандидата. Хотя он никогда не занимал руководящих должностей, его роль в коллективе индологов была очень велика. Человек сердечный, отзывчивый и вместе с тем требовательный, Николай Максимович был неизменным советчиком и консультантом всех, кто к нему обращался. А к нему приходили за советом не только индологи, но и востоковеды других специальностей. Он умел настолько тактично указать на ошибки, что его замечания вызывали чувство искренней благодарности.

Николай Максимович любил редакторскую работу, которая в научном мире незаслуженно недооценивается, а редактор считается чем-то вроде литературного обслуживающего персонала. Между тем после его прав-

ки рукописи преображались. Н. М. Гольдберг умел выжать из авторов все, что они знали, и по существу, если было надо, перерабатывал всю статью или монографию.

Наставнические черты Н. М. Гольдберга особенно проявились в МГУ, где Николай Максимович вел педагогическую работу и помог многим своим ученикам стать учеными.

Биография Николая Максимовича не совсем обычна. Родился он 23 апреля 1891 г. Очевидно, кто-то из его предков крестился, потому что он вырос не в «черте оседлости», где в царской России позволялось жить евреям, а в Лялином переулке в Москве. Он получил образование русского интеллигента. Его отец, рабочий на каком-то заводе, сделал изобретение, и инженер-англичанин этого завода предложил ему стать партнером и завести собственное дело: англичанин вкладывал свой капитал, а отец Николая Максимовича свое изобретение и свой труд. Тот согласился, и вместе они построили небольшую фабрику.

Н. М. Гольдберг часто бывал в семье партнера-англичанина, выучился без акцента говорить на трех европейских языках и получил хорошее образование. В 1908—1912 гг. он был сначала студентом Петровской сельскохозяйственной академии в Москве, а потом учился в Лозаннском и Гейдельбергском университетах. Однако его влекла романтика путешествий, и он отправился в плавание юнгой на небольшом английском парусном корабле, который вез груз в Бразилию. По дороге их застиг штиль, они очень долго добирались до места назначения, и Николай Максимович заболел цингой. В Бразилии моряки решили обучить местных жителей футболу, показали правила игры и провели два матча. Может быть, отсюда начинался Пеле? На обратном пути Николай Максимович, убирая каюту помощника капитана, нашел на столе интересную книгу. Когда владелец этой каюты вошел, он увидел красивого юнгу в небрежном помещении, сидящего на его койке и читающего запоем. Помощник капитана начал с крика, но Николай Максимович отвечал так мягко и деликатно, что хозяин каюты постепенно сменил гнев на милость и стал даже вызывать этого образованного юнгу к себе и вести с ним разговоры «за жизнь». Образованность и деликатность Николая Максимовича и в дальнейшем привлекали к нему сердца.

Н. М. Гольдберг потом странствовал по европейским

странам. Эти путешествия расширили его кругозор. Своим знакомым он любил рассказывать забавные истории из своей жизни.

Участвуя в первой мировой войне, Николай Максимович был бомбардиром и получил медаль, по его словам... за «бегство». Весь его отряд был вынужден быстро отступить, и Николай Максимович попросил разрешения офицера, ехавшего верхом, держаться за его стремя и так бежал наравне с конем. Офицер был в восторге от этого «спортивного достижения» и под благодарным предлогом представил Н. М. Гольдберга к награде.

Во время гражданской войны Н. М. Гольдберг благодаря своим демократическим устремлениям примкнул, конечно, к красным. После Брестского мира он работал на Украине переводчиком с немецкого языка.

В 1921 г. Н. М. Гольдберг был переводчиком в Баку на Первом съезде трудящихся Востока. Его увлекла красочность восточного окружения, и с тех пор он стал интересоваться Востоком, много читал и знал по этому предмету. В 1923 г. в Ташкенте Николай Максимович подружился на всю жизнь с индологом Игорем Михайловичем Рейснером, и тот привлек своего старшего товарища к занятиям именно Индией.

Позднее, в 20-е годы, Николай Максимович был в течение двух лет корреспондентом РОСТА в Турции. Он рассказывал, как рано утром в тумане, переходя через площадь, он увидел впереди какие-то высокие, узкие силуэты. Когда туман поднялся, это оказались виселицы с повешенными Кемаль-пашой (будущим Ататюрком) противниками. Они производили ужасное впечатление.

В Турции же Николай Максимович познакомился с очень красивой сотрудницей нашего посольства — Галиной Александровной, которая потом стала его женой.

До 1935 г. Н. М. Гольдберг проработал сотрудником Наркомата иностранных дел и восточного отдела Исполкома Коминтерна. Он участвовал в подготовке к печати материалов VI конгресса Коминтерна по национально-колониальному вопросу, конгресса, впервые так полно осветившего роль Востока в международном революционном движении и проанализировавшего социально-экономические различия отдельных восточных стран. Работа была адская: записи речей иностранных делегатов велись несовершенно, приходилось говорить с участниками конгресса, чтобы уяснить себе не только приведен-

ный в речах материал, но и суть споров, происходящих порой между докладчиками. Часто приходилось работать ночами, и от переутомления у Николая Максимовича появились головные кризы, от которых он очень страдал.

В то время Н. М. Гольдберг познакомился со многими деятелями коммунистических партий Азии и Европы и стал другом Юлиуса Фучика.

По болезни Николаю Максимовичу пришлось уйти с работы в ИККИ. Когда после длительного периода он несколько оправился от болезни, то начал усиленно заниматься редакторской работой по Востоку, сначала в Издательском товариществе иностранных рабочих, а с 1939 г. в Институте истории АН СССР. Вместе с И. М. Рейснером, А. А. Губером, Г. С. Кара-Мурзой, Б. К. Рубцовым, С. Н. Ростовским и другими востоковедами он принимал активное участие в создании первого вузовского учебника по новой истории колониальных и зависимых стран, который вышел в свет в 1940 г. Н. М. Гольдберг был литературным редактором книги. Конечно, отдельные главы отражали метод изложения и стиль каждого автора, но в целом и аналитические и литературные достоинства этого учебника были высокими. Кроме того, на Николае Максимовиче лежала задача подобрать весь иллюстративный материал, и он блестяще с этим справился. Не только повествовательно, но и зрительно студенты и периферийные преподаватели смогли ознакомиться с совершенно новым для них, никогда раньше не читавшимся в вузах предметом.

В том же, 1940 г. Николай Максимович опубликовал свое первое серьезное индологическое исследование — статью «К вопросу о возникновении пенджабских контингентов индийской армии и их социальном составе»¹. В этой статье выявились особенности творческого метода Н. М. Гольдберга. Он любил небольшие, до тех пор не затронутые пикетом темы, которые можно исчерпать в одной работе, а вместе с тем на их примере намечал путь решения проблем большого социально-исторического масштаба. Поэтому коллеги называли его мастером исторической миниатюры.

Так, в статье о пенджабских контингентах разбирался вопрос о формировании индийской колониальной армии, в частности объяснялось, почему британские власти в Индии отдавали предпочтение рекрутам из Пенджаба, где среди сикхов, веками борющихся против

Н. М. Гольдберг

власти мусульманских феодалов, выработались боевые традиции. Кроме того, посылаемое солдатами в деревню жалованье и привилегии, предоставляемые их семьям, позволяли сохранять относительно крепкое крестьянское хозяйство. Вместе с тем, подробно анализируя данные о дифференциации сельского населения в Пенджабе, Николай Максимович доказывал, что индийская армия уже перестала быть надежной опорой британских властей в Индии. До Николая Максимовича этот вопрос вообще не затрагивался в советской индологической литературе.

Все последующие работы Н. М. Гольдберга также поднимали новые вопросы; трактовка проблем, затронутых Гольдбергом, безоговорочно принималась советскими индологами и служила отправным пунктом во всех последующих исследованиях этих проблем. Сейчас, через 40 с лишним лет после опубликования, эти

вопросы кажутся как бы общеизвестными, и стерлось то чувство новизны, которое испытали мы, прочитав впервые статьи Николая Максимовича.

В 1941—1943 гг., оказавшись в эвакуации в Ташкенте, Николай Максимович работал в Узбекском филиале Академии наук СССР. Там он основательно отредактировал двухтомную «Историю народов Узбекистана», вышедшую в Ташкенте в 1947 г., написав для нее раздел о памирском разграничении 1887—1895 гг.

Тогда же он ознакомился с персоязычными рукописями по истории Индии, находившимися в Ташкенте в библиотеке им. Навои, и в 1944 г. опубликовал в «Известиях Академии наук СССР» сообщение «Индийские персоязычные историки в собрании Института изучения восточных рукописей Узбекской Академии наук»². В этой работе он впервые привлек внимание индологов к имеющимся в Ташкенте рукописям по истории Индии, дав краткое описание 27 важнейших рукописей и оценив их значение для изучения истории Делийского султаната и Могольской империи. Если учесть, что первый том каталога ташкентского собрания персидских рукописей вышел в свет только через 8 лет (в 1952 г.), то станет понятным значение сообщения Н. М. Гольдберга для изучения истории Индии в средние века. Недаром оно было почти сразу же переведено и опубликовано в Индии.

В Ташкенте Николай Максимович поступил на работу в эвакуированный туда из Ленинграда Институт востоковедения АН СССР. Вернувшись в Москву, Николай Максимович работал в Институте мирового хозяйства и мировой политики (ИМХ) АН СССР и одновременно участвовал в работах Московской группы Института востоковедения АН СССР. В 1948 г. Н. М. Гольдберг окончательно перешел в Институт востоковедения АН СССР, который в 1950 г. был переведен из Ленинграда в Москву. При этом, однако, Н. М. Гольдберг был зачислен не старшим научным сотрудником, каким он работал в ИМХ, а младшим, очевидно по кадровым соображениям. Николай Максимович огорчился, но потом утешил себя тем, что по возрасту и состоянию здоровья не может выполнять официальную норму старшего научного сотрудника (10 печ. л. в год), а норму младшего будет перевыполнять. В этом тоже сказались исключительная честность и несколько «старомодная» добросовестность Николая Максимовича: он считал недопу-

стимыми для себя те «маленькие хитрости», которые порой применяются научными работниками. Так, он не мог записать, что идет в библиотеку, а на самом деле отправиться по своим личным делам, не мог сдать статью, не «вылизанную до последней шерстинки».

Еще в период работы в ИМХ Н. М. Гольдберг, идя по следам писавших в конце XVIII в. А. Ф. Малиновского и в середине XIX в. В. А. Уляницкого, просмотрел описанные ими документы в Архиве древних актов и использовал также статью Н. Н. Пальмова, работавшего в советское время в астраханских архивах. Своей статьей «Русско-индийские отношения в XVII в.»³ Н. М. Гольдберг привлек внимание к этому интересному периоду в отношениях России и Индии.

Позднее, в 1956 г., Николай Максимович вернулся вновь к этой тематике и совместно с работниками Архива древних актов подготовил к изданию большой сборник документов «Русско-индийские отношения в XVII в.»⁴, где вместо двух с половиной десятков документов, исследованных Малиновским и Уляницким, было приведено свыше 260 групп документов, собранных в архивах Москвы, Ленинграда и Астрахани. В обширном предисловии к этому изданию Н. М. Гольдберг подробно проанализировал все имеющиеся исторические прямые и косвенные свидетельства о торговых, дипломатических и культурных связях между Индией и Россией начиная с X в. и выяснил роль индийских купцов в русской торговле с Востоком в XVII в. Впоследствии, когда у нас установились тесные дружественные связи с Индией, на эту тему было выпущено много статей и брошюр, однако работы Н. Н. Пальмова, который исследовал лишь торговую деятельность астраханских индийцев, и Н. М. Гольдберга, привлекшего еще материалы о попытках царского правительства установить непосредственные связи с Индией, были первыми в советской исторической литературе по этим вопросам. Предисловие Николая Максимовича к упомянутому сборнику документов и сейчас выделяется своей научной скрупулезностью и тщательностью исследования. Теперь астраханские архивы хорошо исследованы А. Юхтом.

Николай Максимович давно интересовался мировоззрением Рабиндраната Тагора и в 1945 г. напечатал во французском издании журнала «Интернациональная литература» статью о творчестве Тагора и о его отношении к национально-освободительной борьбе в Индии⁵.

Эта статья была плодом многих раздумий Н. М. Гольдберга. Вообще идеи своих статей он вынашивал долго, часто делясь своими мыслями с широким кругом друзей, ученых и аспирантов, проверяя при этом свои положения.

Когда в 1961 г. Институт народов Азии (как в течение некоторого времени назывался Институт востоковедения АН СССР) готовил юбилейный сборник статей о Рабиндранате Тагоре, Н. М. Гольдберг, один из ответственных редакторов, провел большую работу с авторами. Многие мысли Николая Максимовича, сложившиеся в ходе многолетнего раздумья над творчеством Тагора, нашли отражение в статьях ряда авторов этого сборника.

Одновременно Николая Максимовича интересовало, как сложились взгляды индийского революционного демократа — Бала Гангадхара Тилака. Для сборника о Тилаке, задуманного в 1956 г. в связи со столетием со дня его рождения, Н. М. Гольдберг написал большую статью, в которой характеризовал деятельность Тилака до 1897 г. — на первых двух этапах развития его взглядов и политической деятельности⁶. (Статья о третьем этапе — роли Тилака в первые два десятилетия XX в. — была написана И. М. Рейснером.) Николай Максимович показал, как тесно было связано мировоззрение Тилака с положением на его родине — в Махараштре, какое воздействие на формирование взглядов молодого Тилака оказало не только настроение маратхской интеллигенции, высказывавшейся против английских колониальных властей, но и крестьянские выступления в Махараштре. Именно стремясь соединить национальную борьбу маратхской буржуазии с крестьянскими бунтами против земельно-налоговой политики британских колонизаторов, Тилак призывал сохранять и поддерживать традиции индуизма, иногда и не прогрессивного характера. Это была апелляция к массам на понятном для них языке и в доступной им области. Николай Максимович объяснил и причины противоречивого мировоззрения Бала Гангадхара Тилака.

В Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве Николай Максимович обнаружил ряд английских брошюр о положении в Пенджабе, помеченных грифом «секретно». Это были донесения о выступлениях различных сект и о крестьянских волнениях в последней трети XIX в. Н. М. Гольдберг хорошо изучил эти мате-

риалы, до тех пор не вовлеченные в научный оборот. Положив их в основу, Николай Максимович написал главу⁷ для созданной коллективом сотрудников Отдела Индии Института востоковедения АН СССР «Новой истории Индии». Как всегда у него, это было сделано на совершенно новом для историков материале.

Таким же подходом к источникам отличалась и чрезвычайно интересная статья Н. М. Гольдберга «Индийские журналы Яснополянской библиотеки как один из источников изучения национально-освободительного движения в Индии»⁸. До тех пор к присланным Л. Н. Толстому материалам, касавшимся Индии, обращались лишь исследователи творчества русского писателя. Николай Максимович первый подошел к этим журналам как историк Индии. Л. Н. Толстому, известному борцу против всяческого угнетения людей, дарили свои, опубликованные за границей и потому редкие издания свободолюбивые индийцы, которые, будучи за пределами Британской империи, могли значительно свободнее излагать свои устремления. Николай Максимович проанализировал журнал «Свободный Хиндустан», издававшийся в Канаде и США (в Яснополянской библиотеке есть неполные комплекты этого издания за 1909 и 1910 гг.), выходившие в Лондоне журналы «Индийский социолог» и «Индия» за 1908 г., а также один номер изданного М. К. Ганди в Южной Африке журнала «Индийское мнение» за 1910 г. Гольдберг пришел к выводу, что между издателями этой периодики было единство взглядов на необходимость массового действия в Индии, на желательность установления национального республиканского правления в стране, на этапы революционного движения и т. п. Другими словами, четко вырисовывается политическая программа «крайних» в отличие от либерализма «умеренных». Для установления направленности и значимости рассматриваемых журналов Николай Максимович проделал большую работу по выявлению биографий и политических связей редакторов этих периодических изданий. Здесь опять проявилась та эрудиция и безупречная добросовестность исследования, которые всегда отличали его труды.

Николая Максимовича погубил слишком быстрый темп нашей жизни. Живя на даче за городом, он бежал из последних сил, стремясь попасть на электричку, и у него начался острый сердечный приступ, который привел его в больницу, а 29 октября 1961 г. его не стало.

Три его большие работы — о народных движениях в Индии в последней трети XIX в., о Тилаке и об индийских журналах в библиотеке Льва Толстого — были по-смертно изданы в виде книги под названием: «Очерки по истории Индии. Национально-освободительное движение в новое время»⁹.

Николая Максимовича помнят не только вследствие его новаторских научных изысканий, но и потому, что он был душевным человеком, всегда готовым прийти на помощь молодым, не считаясь с собственным временем, хорошим и верным товарищем, на которого можно было полностью положиться.

Основатели советской индологической группы в Москве — И. М. Рейснер, А. М. Дьяков, Н. М. Гольдберг и А. М. Осипов — создали определенный климат в индологии, благоприятствовавший развитию этой отрасли науки и росту молодых новых сил. По свидетельству индонезиста А. Б. Беленького, который работал в 40-х годах в редакции Дипломатического словаря, привлекавшего очень широкий авторский коллектив историков, московских индологов отличала прекрасная черта: «Удивительный народ эти индологи. Все остальные авторы стараются нас уверить, что именно он, автор, и никто другой, является крупнейшим специалистом в своей области, а у индологов наоборот: приходит Н. М. Гольдберг и восхваляет до небес И. М. Рейснера, приходит А. М. Дьяков и самым лестным образом отзывается о знаниях и компетенции Н. М. Гольдберга и т. п.».

Все это старейшее поколение московских индологов всячески помогало продвижению своих учеников, которым, по выражению И. М. Рейснера, надлежало стоять на плечах своих учителей. Ныне эти ученики сами стали маститыми учеными, руководителями разных отделов Института востоковедения, кафедр МГУ и т. п. Они чтят память своих руководителей и благодарны этому первому поколению московских индологов за помощь и поддержку, оказанную им в самом начале их научной деятельности.

Роль Николая Максимовича при этом была отнюдь не малой, и потому портрет Н. М. Гольдберга висит на стене Отдела Индии в том Институте, где он проработал долгие годы, вплоть до своей смерти.

¹ Гольдберг Н. М. К вопросу о возникновении пенджабских контингентов индийской армии и их социальном составе.— Историк-марксист. 1940, кн. 6.

² Гольдберг Н. М. Индийские персоязычные историки в собрании Института изучения восточных рукописей Узбекской Академии наук.— Известия Академии наук СССР. Серия «История и филология». 1944, т. I, № 5.

³ Гольдберг Н. М. Русско-индийские отношения в XVII в.— Ученые записки Тихоокеанского института. М.— Л., 1949, т. II.

⁴ Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958.

⁵ В журн. «Интернациональная литература» на фр. яз. 1945 г.

⁶ Гольдберг Н. М. Бал Гангадхар Тилак — вождь демократического крыла национального движения в Махараштре.— Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б. Г. Тилака. М., 1958.

⁷ Гольдберг Н. М. Народные движения в последней трети XIX в.— Новая история Индии. М., 1961.

⁸ Гольдберг Н. М. Индийские журналы Яснополянской библиотеки как один из источников изучения национально-освободительного движения в Индии.— Советское востоковедение. 1955, № 4.

⁹ Гольдберг Н. М. Очерки по истории Индии. Национально-освободительное движение в новое время. М., 1965.

Л. Р. Полонская

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ДЬЯКОВ (1896—1974) —
РЕВОЛЮЦИОНЕР И УЧЕНЫЙ

Алексей Михайлович Дьяков был удивительным человеком, сумевшим пронести через всю свою жизнь, а умер он в возрасте 78 лет, чувство прекрасного, способность увидеть это прекрасное в необозримых просторах России, горах Памира, среднеазиатских пустынях, в природе сказочной Индии, в любом растении, любой живой твари, в творениях рук и ума человеческого, главное — в самом человеке. Его отличало глубокое уважение и любовь к людям: в отношениях с ними он был предельно корректен и искренне интересовался судьбой каждого, с кем ему приходилось встречаться, — будь то неоперившийся студент, памирский горец, индийский революционер или маститый ученый. Он сохранил до конца своих дней душевную чистоту и непосредственность, открытое неприятие любой фальши, лицемерия, ханжества, высокомерия и лести, способность к бурной реакции на любое проявление несправедливости, непорядочности, человеческой подлости, бесстрашие в борьбе с ними. В то же время нас — его учеников, а мы стали ими, когда Алексей Михайлович был уже зрелым ученым, всегда поражали его человеческая мудрость, политическое и научное чутье и бескомпромиссность подлинного революционера. Он умел ненавидеть зло, беспощадно высмеять порок, но проявить снисходительность и терпимость к человеческим заблуждениям и слабостям.

Высокий и немного нескладный, с доброй усмешкой в глазах и всегда с приветливой улыбкой (фотографию Алексея Михайловича см. в статье об И. М. Рейснере), он был необычайно щедр в своем общении с людьми, легко делился с каждым своими буквально энциклопедическими знаниями, мыслями, своим временем, своими материальными благами (кстати, очень скромными).

И люди тянулись к нему. В его городской квартире на улице Чкалова и на даче в поселке «Старых большевиков» в Челюскинской всегда было много его учеников и друзей из Института востоковедения Академии наук и Высшей партийной школы, из Таджикистана и Узбекистана, индийцев, живущих в Москве, и приезжавших в СССР коммунистов из далекой Индии. Жена Алексея Михайловича Муза Николаевна, его верный друг, бережно и заботливо опекавшая мужа всю его долгую и нелегкую жизнь, рассказывала, что редко садились они за стол своей семьей — всегда был с ними кто-нибудь из учеников или друзей Алексея Михайловича (да и мы, его ученики, сами были тому свидетелями).

И текли за круглым столом под большим абажуром неторопливые беседы — воспоминания о суровых днях борьбы за установление Советской власти в Средней Азии, обсуждение самых жгучих проблем современной Индии, споры по проблемам языкознания — о живых и мертвых языках Востока и, конечно, разговоры о птицах, потому что Алексей Михайлович не только был среди тех, кто помогал установлению Советской власти на Памире, не только крупным востоковедом, но и страстно любил и профессионально знал орнитологию. В его доме нас всегда встречало птичье пение: по стенам кабинета Алексея Михайловича висело множество клеток с разнообразными певчими птицами. Он очень гордился и восхищался редкими экземплярами соловьев, жаворонков, пеночек или варакушек, с самозабвением слушал их пение, сам кормил птиц и убирал клетки, с этого начинался его день.

Скромным был кабинет Алексея Михайловича, не было там модной мебели, хрусталя и других дорогих вещей. Но в ящиках стола хранились письма и фотографии из разных уголков нашей необъятной страны, из Индии и других стран. С ним делились своими радостями и горестями, к нему обращались за советом самые различные люди: индологи, орнитологи, индийские ученые и политические деятели-коммунисты, его соратники по революционной работе 20-х годов, их дети и внуки. А в книжных шкафах стояли словари и книги на европейских языках, фарси, урду и хинди, с дарственными надписями от только начинающих востоковедов и крупных ученых и политических деятелей. Алексей Михайлович очень любил книги, но и в этом он был так же щедр, как во всем другом, и стремился к тому, чтобы

как можно больше людей имели возможность ознакомиться с находящимися у него письменными и рукописными источниками, среди них встречались и уникальные.

А. М. Дьяков воплотил лучшие черты русской интеллигенции, к которой принадлежали его родители, деды и прадеды. Его семейная хроника — это хроника жизни русской интеллигенции XIX — начала XX в., это версты пути, пройденные лучшими ее представителями через все этапы революционного движения в России, от декабристов до марксистов-большевиков.

Алексей Михайлович родился в 1896 г. в Луганове (Тверская губерния), в поместье своего деда Александра Николаевича Дьякова*. Мать Александра Николаевича, Варвара Александровна, урожденная Бакунина, старшая и любимая сестра Михаила Александровича Бакунина, происходила из семьи, тесно связанной с движением декабристов: ее отец А. Бакунин состоял членом Московской управы Северного общества, а мать Варвара Муравьева была близкой родственницей декабристов Муравьевых. Прабабка Алексея Михайловича, Варвара Александровна, долгое время находилась под сильным влиянием Михаила Бакунина. Своего единственного сына Александра Николаевича она воспитала в традициях самой прогрессивной части русской дворянской интеллигенции того времени и в духе глубокого почитания его знаменитого дяди.

Александр Николаевич блестяще окончил естественный факультет Московского университета, но не остался в нем для продолжения научной работы, а поступил преподавателем естествознания в Ржевскую мужскую гимназию, откуда вскоре был уволен без права преподавания за распространение учения Дарвина. Александр Николаевич поселился в своем поместье Луганово, продолжая вести большую научную работу. Он также принимал активное участие в общественно-политической жизни России того времени: при подготовке к отмене крепостного права состоял членом ряда специальных комитетов и требовал, чтобы крестьян освободили без выкупа и с полными земельными наделами. После создания земских учреждений в течение почти двух десятков лет А. Н. Дьяков занимал должность мирового судьи 1-го участка Тверской губернии. Местные губер-

* В части статьи, относящейся к семье и ранним годам жизни А. М. Дьякова, использованы материалы, предоставленные его дочерью Натальей Алексеевной Дьяковой.

ские власти и полиция были очень недовольны деятельностью Александра Николаевича в должности мирового судьи, в полицейских донесениях неоднократно отмечалось, что он «всегда выставляет виновной полицию и в прочих отношениях пристрастен к ней»¹.

А. Н. Дьяков не состоял ни в какой политической партии, но глубоко сочувствовал революционному движению. В его поместье постоянно скрывались люди, подвергавшиеся преследованиям со стороны царского правительства. В 1905—1907 гг. в нем находилась подпольная типография, была создана боевая дружина, скрывалось много революционеров, некоторые из них были приговорены к смертной казни. Полиция в то время называла Луганово «осиным революционным гнездом».

В силу обстоятельств большая часть детства Алексея Михайловича и его младшего брата Таричана Михайловича прошла в Луганове, под непосредственным влиянием деда, которого внуки очень любили. Там зародилась страсть Алексея Михайловича к ботанике и орнитологии. Мальчики под руководством деда работали в парке, где росли редкие виды деревьев и кустарников. В гостиной дома была отгорожена громадная вольера, в которой постоянно жили разные певчие птицы. Внуки вместе с дедом ухаживали за ними, вели дневники о их содержании в неволе, читали специальную литературу.

Не менее деда Алексей Михайлович любил и уважал своего отца, Михаила Александровича Дьякова, врача и революционера, считавшего себя членом РСДРП с 1898 г. Революционная деятельность Михаила Александровича началась еще в годы его учебы на медицинском факультете Московского университета, из которого он был исключен без права поступления в какое-либо высшее учебное заведение Центральных губерний Российской империи за участие в студенческих волнениях, предварительно отбыв несколько месяцев заключения в Бутырской тюрьме. После исключения из Московского университета Михаил Александрович поступил в Дерптский университет. Там он вступил в один из первых марксистских кружков.

По окончании университета Михаил Александрович стал земским врачом. И хотя он был хорошим врачом, основные силы и время он отдавал нелегальной революционной работе. За свою революционную деятельность М. А. Дьяков попал под надзор полиции, ему часто при-

ходилось менять места своей работы, но на каждом новом месте он вел нелегальную марксистскую пропаганду и создавал социал-демократические кружки. После II съезда РСДРП Михаил Александрович последовательно выступал как большевик.

В годы юности Алексей Михайлович и его брат жили в основном вместе с отцом (родители к этому времени разошлись), который работал частнопрактикующим врачом в селе Абдулино Самарской губернии. Здесь Михаила Александровича застала Великая Октябрьская социалистическая революция. После революции М. А. Дьяков некоторое время был председателем Льговского комитета РКП(б), а затем заместителем начальника отдела здравоохранения г. Троицка Челябинской области, где вместе с Алексеем Михайловичем, тогда еще студентом медицинского факультета Томского университета, работал по ликвидации эпидемии тифа. В декабре 1919 г. Михаил Александрович сам заболел сыпным тифом и скончался в январе 1920 г.

«Я очень тяжело переживал смерть отца,— писал Алексей Михайлович в своих мемуарах.— По своим политическим взглядам и по своим интересам он был самым близким мне человеком. Он очень интересовался изучением природы, особенно ботаникой, а также этнографией и языками, но на первом месте у него была политическая борьба за социализм».

Любовь к природе, интерес к жизни и быту различных народов, населявших самые отдаленные уголки земного шара, увлечение сравнительной лингвистикой, а главное, неистребимый дух революционности, веру в правоту марксизма и в неизбежность его торжества в будущем — все это Алексей Михайлович, по его собственным словам, унаследовал от своих отца и деда.

Влияние духа свободомыслия, царившего в доме Дьяковых, на формирование личности Алексея Михайловича и его брата Таричана проявилось еще в детстве. Так, зимой 1905 г. Алексей и Таричан некоторое время жили со своей матерью, Александрой Петровной, в Петербурге. Мать отдала мальчиков в частную школу, но вскоре их пришлось забрать оттуда. «Мы наслушались в доме деда всяких вольнодумных разговоров,— писал А. М. Дьяков,— в это время недавно окончилась русско-японская война, у нас в доме критиковали царское правительство. Кроме того, мы получили антирелигиозное воспитание. И когда нас вызвали на молитву, то мы за-

явили, что в бога не верим, а когда стали говорить о царе, сказали, что он дурак».

От «стихийной революционности» к сознательному постижению революционных идей Алексей Михайлович пришел в годы учебы в Тверском реальном училище, куда мальчишки поступили в 1907 г. От отца они уже знали о существовавших в то время в России революционных партиях, знали, что он состоит в РСДРП и считает себя большевиком. Иногда они выполняли несложные поручения отца, связанные с его нелегальной работой. Позже он начал знакомить их с марксистской литературой. С пятого класса реального училища Алексей Михайлович, по его словам, стал считать себя марксистом.

В 1913 г. он окончил реальное училище и в 1914 г. поступил на медицинский факультет Томского университета. После Февральской революции в марте 1917 г. Алексей Михайлович был принят в томскую организацию РСДРП(б). В апреле того же года по заданию томской организации он проводил подготовку к выборам в крестьянские комитеты.

В мае 1917 г. Алексей Михайлович уехал на каникулы к отцу в село Абдулино Самарской губернии. Еще до Февральской революции в Абдулине была создана при участии М. А. Дьякова местная партийная организация, в которой Алексей Михайлович стал активно работать. Здесь его и застала Великая Октябрьская социалистическая революция. В октябре 1917 г. в качестве делегата абдулинской партийной организации А. М. Дьяков участвовал в первом губернском съезде социал-демократов большевиков, созванном по инициативе Самарского губернского комитета, возглавлявшегося в то время В. В. Куйбышевым.

В феврале 1918 г. Алексей Михайлович вернулся в Томск для продолжения учебы, но вскоре Томск попал под власть белогвардейцев. Все страшное время власти Колчака А. М. Дьяков работал в томской подпольной организации, выполняя ряд довольно опасных поручений: помогал скрываться руководителям подпольной большевистской группы, выполнял роль связного этой группы. Очень долго на его полуподвальной квартире, полученной им от ботанического сада, куда он устроился рабочим, скрывался заведующий высшими учебными заведениями Западной Сибири т. Михельсон, заочно приговоренный колчаковцами к повешению.

В 1920 г. после решения Совета труда и обороны о предоставлении возможности всем медикам, не закончившим образование, окончить его А. М. Дьяков поступил на последний курс медицинского факультета второго МГУ. В 1921 г. Алексей Михайлович сдал государственные экзамены. В этом же году произошло еще одно событие, которое он расценивал как более важное для него, чем окончание университета: ему удалось попасть на собрание Кремлевской первичной партийной организации и прослушать доклад В. И. Ленина о новой экономической политике. Выступление Ленина, его манера держаться, чрезвычайное внимание ко всем вопросам присутствующих произвели на Алексея Михайловича глубокое впечатление.

По окончании медицинского факультета второго МГУ А. М. Дьяков по своему желанию был направлен на работу в Среднюю Азию. Это решение он принял еще на первых курсах, учась в Томском университете. Он специально прослушал курс лекций о тропических болезнях и, прибыв в Ташкент, был назначен на один из малярийных пунктов в кишлаке Той-Тюбе. В это время он совершенно случайно встретился в Ташкенте со своим братом Таричаном. Годы революции разлучили братьев, и они почти ничего не знали друг о друге. Оказалось, что Таричан Михайлович должен был возглавить Чрезвычайную военно-политическую комиссию, стоящую во главе особого пограничного отряда, которому предстояло обеспечить организацию охраны границ и создать органы Советской власти на Западном Памире. Алексей Михайлович добился назначения врачом в этот отряд.

В это время на территории Туркестана, Бухарского эмирата и Хивинского ханства шла ожесточенная вооруженная борьба с силами феодально-байской реакции, белогвардейцев, английскими интервентами. Басмачи получали поддержку из Ирана и от правых группировок Афганистана. Граница с Афганистаном, проходившая по территории Восточной Бухары и Памира, в 1921 г. фактически не охранялась. Басмаческие банды хозяйничали в Дарвазе, пытались захватить пограничный центр Памира — Хорог.

Памирцы послали делегацию к В. И. Ленину с просьбой помочь им установить Советскую власть и защитить от басмачей. В спешном порядке на Западный Памир был послан особый пограничный отряд, врачом которого и стал Алексей Михайлович. В руководство от-

ряда входил молодой шугнанец, Шириншо Шотемор, уроженец Западного Памира, он уже был членом партии и учился на факультете общественных наук в Ташкенте. Шириншо стал большим другом Алексея Михайловича, а также его наставником в области языков, обычаев и нравов народов Памира.

Отряд шел на Памир почти сорок дней. Тяжелым был путь через горы, на отдельных отрезках по горным тропам мог пройти только пеший и конь без всадника. У людей и лошадей началась горная болезнь, валившая с ног даже молодых бойцов. А за скалами прятались басмачи, обстреливавшие отряд. Молодой доктор замыкал шествие. Он был обвешан винтовками, которые забирал у больных, чтобы им было легче идти. Он давал лекарства, подбадривал отстающих, убеждал бессиленых людей в том, что единственный выход — идти вперед.

Во время привала на Ольгином лугу отряд А. М. Дьякова встретил возвращающийся из Хорога отряд Гладышева. В отряде был Раджа Махендра Пратап — известный революционер, борец за независимость Индии, возглавивший в те годы эмигрантский революционный центр — так называемое временное правительство Индии. Пратап сообщил, что, хотя сам не принадлежит ни к какой партии, он сотрудничает с М. Ганди, Дж. Неру и другими лидерами Индийского национального конгресса. Так состоялось первое знакомство А. М. Дьякова с Индией.

Почти два года (1921 и 1922) Алексей Михайлович прожил в Хороге и вместе с другими русскими бойцами отряда в необычайно сложной политической обстановке и трудных, непривычных для русского человека условиях горного Таджикистана помогал памирцам устанавливать Советскую власть. Он не только лечил их, но и занимался с ними в кружке политпросвета, давал первые уроки политграмоты. Многие его ученики стали потом видными советскими работниками и политическими деятелями Таджикистана. Для самого же А. М. Дьякова Памир стал первой школой востоковедения. Благодаря своим исключительным лингвистическим способностям он очень быстро научился говорить на таджикском и шугнанском языках, изучил привычки, обычаи и обряды горных таджиков. Здесь же он ознакомился на практике с организацией мусульманской исмаилитской общины на Памире, что очень помогло ему впоследствии при изу-

чении влияния ислама на общественную жизнь народов Востока.

«С большим интересом познавал я обычаи и условия жизни памирских народов, которые мне очень нравились,— писал в своих воспоминаниях А. М. Дьяков.— Говорят, что за зиму я и сам стал похож на шугнанца, да я и старался как-то слиться с народом, не выглядеть, насколько это было возможно, инородцем. Помимо знания языка этому стал способствовать мой внешний вид. Чтобы не бриться, я отрастил рыжую бороду лопатой, а гимнастерку с нижней рубашкой отдал нищему афганцу, за что отсидел на гауптвахте. Пришлось отданную часть туалета заменить ватным халатом, на голове я носил белую папаху».

Безотказно спешивший на помощь каждому, не страшившийся ни больших расстояний, ни опасных перевалов, ни засад басмачей, готовый поделиться с каждым последним куском хлеба, проявлявший искренний интерес к обычаям таджиков и относившийся к ним с большим уважением, А. М. Дьяков стал одним из самых популярных русских советских деятелей в Таджикистане, особенно на Памире. Легенды о русском докторе передавались здесь от отца к сыну и внуку и дожили до наших дней.

Покидая в октябре 1922 г. с Хорогским отрядом Памир, А. М. Дьяков верил, что скоро вернется в этот любимшийся ему и заинтересовавший его край. Но судьба распорядилась иначе, он никогда больше не был на Памире, хотя еще в течение нескольких лет работал в Средней Азии и до последних дней своей жизни сохранял связь с памирцами.

«Памир сыграл чрезвычайно важную роль в моей жизни,— писал А. М. Дьяков.— Там я глубоко заинтересовался Востоком, познакомился с ним, выучил фарси, таджикский, шугнанский и стал по учебникам, найденным в библиотеке поста, учить английский язык. Там же я перечитал все книги о Востоке на русском, французском и немецком языках, оставленные прежними командирами поста. Вероятно, именно Памир был той ступенькой, с которой начался мой путь в востоковедение».

По возвращении с Памира А. М. Дьяков был избран председателем врачебной секции Медсантруд Сырдарьинской области. Ему было поручено провести мобилизацию врачей на эпидемию холеры в одном из кишлаков Амударьинского округа. Он провел эту мобилизацию,

сам поехал туда и прожил там до окончания эпидемии. Отличительной чертой А. М. Дьякова было то, что, где бы он ни трудился — в области здравоохранения, на партийной работе, позднее на научной ниве, — если ему нужно было поднять людей на какое-то трудное дело, он всегда действовал прежде всего личным примером: всегда шел туда, где было всего труднее, никогда не думая о карьере, о продвижении по служебной лестнице. Так он понимал свой долг партийного руководителя.

В 1924 г. Алексей Михайлович был назначен первым наркомом здравоохранения Таджикистана и проработал на этом посту до конца 1926 г. Затем свыше пяти лет (с 1927 по 1932 г.) он находился на ответственной партийной работе, преимущественно в органах партийной пропаганды и агитации Средней Азии, в аппарате Средазбюро ЦК ВКП(б) в Ташкенте, в Среднеазиатском комуниверситете. Он был среди тех, кто нес ленинские идеи, основы советской культуры народам бывших окраин царской России, был проводником на советском Востоке ленинской национальной политики.

В 1967 г. ЦК КП Таджикистана, Президиум Верховного Совета и Совет Министров Таджикской ССР в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции наградили А. М. Дьякова Почетной грамотой за активное участие в становлении и укреплении Советской власти в Таджикистане. В обращении к А. М. Дьякову Горно-Бадахшанского обкома КП Таджикистана и Исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся области в связи с празднованием в 1968 г. 50-летия образования органов Советской власти на Памире говорилось: «Отмечая полувековой юбилей создания первых органов Советов в стране, трудящиеся Горно-Бадахшанской автономной области с гордостью и особой теплотой вспоминают Вас и тех безымянных героев, которые принимали участие в борьбе за создание и упрочение органов Советской власти на „крыше мира“. Вы являетесь представителями того поколения, которое по зову партии и велению Ленина пришло в наш край и помогло ранее угнетенным народам начать новую жизнь. Вы учили молодое поколение тому, как надо бороться с врагом, перестраивать хозяйство и культуру на социалистических началах».

За свою самоотверженную работу в Средней Азии А. М. Дьяков был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Начал А. М. Дьяков самостоятельную трудовую жизнь с лечения физических недугов людей. Во время пребывания в Средней Азии он стал врачевать общественные недуги, помогая народам советского Востока покончить с тяжелым наследием феодального и колониального прошлого и встать на единственно народный и кратчайший путь общественного прогресса — путь социализма. Проработав свыше десяти лет в Средней Азии, Алексей Михайлович почувствовал, что наступил момент, когда он как человек, обладающий большим политическим опытом работы на Востоке и практическим знанием языков, культуры, образа жизни и социальной психологии отдельных народов Востока, может теоретически обобщить свой опыт и знания и применить их к решению общественных проблем тех народов Востока, которые еще не сбросили цепи колониального рабства и борются за свое освобождение.

Выбор его пал на Индию. Это было не случайно. После встречи с Махендрой Пратапом он не переставал интересоваться этой страной. В Средней Азии Дьяков встречался потом и с другими индийцами, которые шли тогда — в 20-е годы — в далекую Советскую Россию за правдой к Ленину. От них он узнал о борьбе индийцев за свою независимость, о политических партиях Индии, о различиях между индусами и мусульманами, между индусскими кастами, между населявшими Индию народами; у них он обучался и языку урду.

Летом 1932 г. в Ташкент приехал представитель Института красной профессуры. Он убедил А. М. Дьякова подать заявление о направлении его для учебы в Москву. В сентябре 1932 г. А. М. Дьяков был принят в Институт красной профессуры, который закончил в 1936 г.

Сразу по приезде в Москву он был направлен для преподавания в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), где работал до его ликвидации в 1938 г. Здесь Дьяков получил возможность более широкого общения с индийцами. Будучи наставником большой группы индийских революционеров, учившихся в КУТВ, он смог узнать не из письменных источников, а от живых людей о всех трудностях, с которыми столкнулось молодое коммунистическое движение Индии. Многие индийские коммунисты старшего поколения до последних дней жизни А. М. Дьякова считали его своим старшим другом и любовно называли своим учителем — гуру. В КУТВ и происходит окончательное становление

А. М. Дьякова как индолога. Связи А. М. Дьякова с индийскими революционерами не прекращались в течение всей его жизни. Через работающих в Москве индийцев, через приезжающих из Индии коммунистов, через индийских ученых тянулись живые ниточки, связывающие замечательного советского индолога с изучаемой им страной.

С 1939 до 1942 г. А. М. Дьяков работал в Институте мирового хозяйства и мировой политики АН СССР.

В годы Отечественной войны Алексей Михайлович служил в рядах Советской Армии. Как только началась война, он сразу пошел добровольцем в Коммунистический батальон Киевского района Москвы, где прослужил рядовым до конца октября 1941 г. Затем он был откомандирован для призыва по своей специальности. Он прибыл в Ташкент по месту эвакуации его института, а оттуда был отозван в Москву и прикомандирован к Радиокomiteту для налаживания передач на Индию на языке урду. Там на него была также возложена обязанность главного редактора отдела английского вещания на Индию. Здесь он тоже работал с индийцами. Кроме того, он обучил большую группу дикторов и редакторов языку урду. Можно с полным правом сказать, что благодаря его усилиям, знаниям и таланту впервые было организовано вещание на Индию не только на английском, но и на живых индийских языках.

С 1944 г. А. М. Дьяков получил разрешение работать по совместительству в Тихоокеанском институте АН СССР и на Отделении Востока исторического факультета МГУ. В том же, 1944 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «К вопросу о национальном составе населения Индии».

В 1946 г. Дьяков был уволен из рядов Советской Армии, ушел из Радиокomiteта и перешел на постоянную работу в Тихоокеанский институт. В 1947 г. он защитил диссертацию на степень доктора исторических наук [«Национальная политика Англии в Индии (1935—1945)»], а затем получил звание профессора.

В 1950 г. в связи с присоединением Тихоокеанского института к Институту востоковедения АН СССР А. М. Дьяков вместе с другими учеными перешел в Институт востоковедения, где работал до конца своих дней: долгие годы заведовал сектором истории Индии, затем сектором Пакистана. Одновременно Алексей Михайло-

вич читал лекции в Высшей партийной школе и был профессором МГУ, вначале на Отделении Востока истфака, а затем в Институте восточных языков при МГУ (ныне Институт стран Азии и Африки).

В свою любимую Индию А. М. Дьяков смог поехать только после завоевания ею независимости. Он был там дважды — в конце 1956 — начале 1957 г. и в 1963 г.

В 1954 г. он был награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени, а в 1967 г. орденом «Знак Почета».

В 1967 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки.

Вклад Алексея Михайловича в развитие советской индологии трудно переоценить. По существу, он заложил основы изучения важнейших проблем общественного и политического развития народов Индостана *в новейшее время*. И сегодня, когда Индия решает нелегкие проблемы своего независимого развития, когда созданный в 1947 г. Пакистан распался на два государства (Пакистан и Бангладеш) и правящие круги Пакистана стремятся превратить его в оплот реакции на Среднем Востоке и в Южной Азии, многие научные выводы и научные гипотезы А. М. Дьякова кажутся буквально пророческими.

Исследования А. М. Дьякова были сосредоточены вокруг следующих узловых проблем: 1) национальный вопрос и национальные движения в Индии; 2) влияние религии, касты, других традиционных факторов на общественное развитие ее народов и социально-классовую структуру индийского общества; 3) характер политических движений Индии и колониальная политика английского империализма в новейший период, особенно во время и после второй мировой войны; 4) особенности образования Пакистана и характер пакистанского государства.

Исследования и теоретические обобщения А. М. Дьякова по национальному вопросу имеют огромное значение не только для Индии, но и для Востока в целом. Сегодня важность для общественного прогресса народов Востока решения национальной проблемы общепризнана в советском востоковедении; ее изучением занят многочисленный отряд советских историков и этнографов, специалистов по различным странам и регионам. Но тогда, в 40-е годы, она была одной из второстепенных

проблем, а о значении национального вопроса для исторических судеб Индии почти ничего не говорилось. Между тем еще в 1939 г. в своей большой статье «Национальная политика британского империализма в Индии»² А. М. Дьяков показал, сколь опасно игнорировать проблемы становления различных наций в Индии, не учитывать их стремления к национальной самоидентификации, обеспечения возможности для развития своего самоуправления, своей экономики и культуры.

Вышедшая в 1948 г. монография А. М. Дьякова «Национальный вопрос и английский империализм в Индии»³, в основу которой была положена его докторская диссертация, заставила по-новому взглянуть на общественное развитие современной Индии и позволила прогнозировать многие из тех трудностей, с которыми столкнулась Индия на пути своего независимого развития. «Эпохальной» назвал эту книгу основатель советской индологии, выдающийся советский ученый И. М. Рейснер. Я помню, как он говорил нам, своим ученикам, что отныне ни один серьезный ученый не сможет изучать историю и современное развитие Индии, игнорируя проблемы, поставленные в труде А. М. Дьякова.

А. М. Дьяков дал применительно к Индии диалектическую постановку марксистско-ленинского тезиса о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. На богатом фактическом материале он в своей первой монографии, а также в книге «Национальный вопрос в современной Индии», вышедшей в 1963 г., показал неразрешимость в условиях капиталистического развития противоречия между тенденцией к централизации Индии и ограничению прав отдельных ее народов, присущей крупной индийской буржуазии, и тенденцией к национальному самоопределению отдельных народов. «Национальный вопрос может быть разрешен лишь в результате борьбы демократических сил Индии во главе с индийским рабочим классом»⁴, — писал он. А. М. Дьяков творчески развил применительно к Индии тезис В. И. Ленина о том, что марксисты, признавая право всех народов на самоопределение вплоть до отделения, всегда должны учитывать, в каких случаях осуществление этого права способствует революционному процессу, а в каких может быть использовано реакцией. А. М. Дьяков показал, что в условиях Индии выдвигаемое отдельными группировками местной буржуазии требование осуществить право на самоопределение угрожает госу-

дарственному единству и политической стабильности в стране и создает благоприятные условия для маневров империализма и внутренней реакции. Сегодня, когда рост сепаратистских тенденций отдельных этнических групп населения достиг опасных размеров, можно сказать, что прогноз А. М. Дьякова блестяще подтвердился.

И тем не менее путь Алексея Михайловича в науке отнюдь не был усыпан розами. В самой Индии правящие круги, все больше руководствующиеся в своей идеологии и политической практике принципами государственного национализма, выдвигали на первый план не тезис о многонациональном составе населения Индии, а тезис о единой индийской нации. Это не могло не сказываться на отношении к концепции А. М. Дьякова в Индии и затрудняло перевод его работ на английский и индийские языки.

Отдельные наши востоковеды обвиняли Алексея Михайловича в недостаточном академизме, вменяя ему в вину чрезмерную политическую направленность его работ. Впоследствии были и такие, кто, продолжая фактически исследование проблем, на значение которых впервые обратил внимание А. М. Дьяков, искали у него прежде всего отдельные фактические ошибки и высокомерно поучали его на основании источников, которых во времена А. М. Дьякова либо еще не было, либо они были ему просто недоступны. Так за деревьями не видели леса, а с водой выплескивали младенца — саму концепцию А. М. Дьякова.

Говоря о роли Дьякова в изучении национального вопроса на Востоке, хотелось бы еще раз отметить его вклад в изучение малых народов и языковой ситуации в Индии. В последние годы своей жизни А. М. Дьяков много занимался изучением проблем так называемых адиваси (малых народов Индии), исследуя формирование их национального сознания, пробуждение сознания политического, их верования, социальное и экономическое развитие⁵. Кончина безжалостно прервала его работу в этой области.

Теперь у нас много прекрасных специалистов по языку и литературе урду. Пусть не забывают они, что постановкой изучения в СССР живых языков Индии, и прежде всего урду, они обязаны во многом А. М. Дьякову, который был смел, решителен и настойчив, когда нужно было утвердить новое полезное начинание, но ро-

бок и нерешителен, когда следовало утвердить свой собственный приоритет в какой-нибудь области.

Сегодня у нас много говорят и пишут о влиянии традиционных факторов на общественное развитие народов Востока. Выдвинуто немало интересных идей и концепций. А между тем применительно к Индии впервые эту проблему поставил А. М. Дьяков.

Он заложил основы исследования индуско-мусульманской проблемы, показав социальные и политические аспекты коммуналлизма в Индии. Он обратил внимание на то, что глубина противоречий между различными религиозными общинами во многом связана с совпадением в ряде случаев в условиях Индии социальных и религиозных различий. Анализируя современное политическое положение в Индии, особенно важно вспомнить замечания А. М. Дьякова о своеобразии религиозной ситуации в отдельных штатах Индии, о тесном переплетении национальных и религиозных противоречий, специфике каждого религиозно-этнического конфликта. Особую актуальность приобретает сегодня критика А. М. Дьяковым теории двух наций в Индии — индуской и мусульманской. Постановка им вопроса о псевдонациональных движениях может быть применена к анализу сикхского движения за создание Халистана. И не стоит ли в связи с анализом современного политического движения сикхов задуматься над замечанием А. М. Дьякова о незавершенности процесса формирования пенджабской нации и о влиянии на этот процесс религиозного фактора. Дьяков писал о Центральном Пенджабе: «...Нет оснований сомневаться, что если бы не английская политика разжигания религиозно-общинной розни и противопоставления друг другу мусульман, индусов и сикхов, то население этой основной, наиболее развитой экономически и однородной в этническом и языковом отношении части Пенджаба сформировалось бы в нацию. Именно к этой народности и следует применять название панджаби, или пенджабцы. Сикхи, литературным языком которых является панджаби, составляют ядро этой народности»⁶. В то же время А. М. Дьяков подчеркивал, что сикхи являются религиозной, а не этнической общностью и что противоречия между сикхами, индусами и мусульманами тормозят формирование национального сознания.

Среди традиционных факторов, оказывающих влияние на общественное развитие народов Индии, важное

место занимает кастовая система. Одним из первых, обративших внимание на политический аспект проблемы каст, и прежде всего проблемы неприкасаемых, был А. М. Дьяков. Он отметил влияние и роль кастовых различий в политических и социальных движениях, в первую очередь в деревне.

Нельзя забывать и о том, что А. М. Дьяков занимался и такими вопросами, как влияние традиционных институтов на социально-классовую структуру Индии; различная религиозная и кастовая принадлежность отдельных групп буржуазии и использование этих различий в конкурентной экономической и политической борьбе; классовый аспект проблемы неприкасаемых и т. п. Кастовая структура индийской буржуазии была впоследствии разработана его талантливым учеником В. И. Павловым, глубокое исследование кастовой системы Индии, ее исторических, социально-экономических и политических аспектов содержится в работах Г. Г. Котовского, Л. Б. Алаева, А. А. Куценкова и некоторых других советских индологов. Идеи А. М. Дьякова оказали мне большую помощь в исследовании новых социальных и политических проблем мусульманского движения в Индии и феномена идеологии «мусульманского национализма». В книгах Р. Б. Рыбакова разработан новый подход к освещению индусского реформаторства и индусского коммунизма, но Алексей Михайлович был первым, кто показал политическую значимость этих проблем, привлек к ним внимание исследователей.

Важное место в научных трудах А. М. Дьякова заняло исследование политики английского империализма в Индии. Он первый раскрыл механизм английской политики «разделяй и властвуй», использование английскими властями индийских княжеств, индусско-мусульманской проблемы, института каст. Он убедительно показал, что именно в результате английской политики коммунизм пустил столь глубокие корни в Индии, что и сегодня продолжает оказывать огромное влияние на положение в стране. В то же время А. М. Дьяков подчеркивал, что, несмотря на эту политику, религиозную форму принимали и антиколониальные движения, а английским властям были присущи и политические просчеты. Им далеко не всегда удавалось расколоть национально-освободительное движение; так, им не удалось использовать в своих интересах движение неприкасаемых, поскольку это было движение, как писал

А. М. Дьяков, во многом классовое, преимущественно пролетариев и полупролетарских низов индийской деревни.

Большое значение сохраняет по сегодняшний день раскрытие А. М. Дьяковым роли политики английских колонизаторов в разделе Индии в 1947 г. на два государства — Индию и Пакистан. Правда, учитывая исследования индологов и пакистанистов 60—80-х годов, вряд ли можно согласиться с тем, что английский империализм сыграл решающую роль в образовании Пакистана. В распоряжении А. М. Дьякова в конце 40-х — начале 50-х годов еще не было источников, позволявших судить о внутренних причинах мусульманского национализма и движения за создание мусульманского государства. В настоящее время мы располагаем серьезными работами наших пакистанистов (Ю. В. Ганковского, В. Н. Москаленко, С. Ф. Левина, В. Я. Белокреницкого и некоторых других) о национальном составе населения Пакистана, его социально-классовой структуре, проблемах государственного единства и экономической консолидации. Однако именно А. М. Дьяков первым дал общую характеристику Пакистана, а время подтвердило правильность его вывода об искусственном, антинациональном характере государства, провозглашающего в качестве своей основы религиозную общность. Об этом убедительно свидетельствует отделение от Пакистана в 1971 г. его восточной части и образование государства Народная Республика Бангладеш под лозунгами секуляризма и бенгальского национализма.

Что касается общей постановки А. М. Дьяковым вопроса о политике английских колонизаторов на последнем этапе борьбы индийских народов за независимость, то она сохранила свое значение по сегодняшний день и получила одобрение прогрессивных индийских ученых и политических деятелей.

В начале 50-х годов среди советских индологов происходили серьезные дебаты о характере политических процессов в Индии накануне завоевания ею независимости и классовой природе пришедшего к власти Индийского национального конгресса (ИНК). Различные подходы при решении политических проблем вытекали из существовавших в то время разных оценок уровня социально-экономического развития Индии. Тогда по всем этим вопросам были две точки зрения. Ученые Института востоковедения АН СССР во главе с А. М. Дьяко-

вым, И. М. Рейснером, С. М. Мельман, В. В. Балабушевичем, Н. М. Гольдбергом считали, что с конца XIX в. капиталистический уклад в Индии стал ведущим, у руководства Индийским национальным конгрессом стояла накануне достижения страной независимости индийская национальная буржуазия в блоке с помещиками и что именно она пришла к власти в 1947 г.

Представлявший противоположную точку зрения доцент учебного Института востоковедения (МИВ в Сокольниках) Г. А. Шмидт утверждал, что Индия — феодальная страна, определяющим ее экономическое развитие является «господство феодальных пережитков» (?!), что во главе ИНК в течение всего периода борьбы за независимость стояли феодалы, что буржуазия была слаба, самостоятельной политической роли не играла, находилась в политическом подчинении у феодальных и полуфеодальных помещиков и в сговоре с империалистами. А следовательно, к власти в 1947 г. пришли феодалы, представлявшие опору империализма, и подлинной независимости Индии не получила.

Главное острое своей критики Г. А. Шмидт направил против А. М. Дьякова — общепризнанного авторитета по важнейшим проблемам развития Индии в новейшее время. Жонглируя цитатами из трудов классиков марксизма-ленинизма, Шмидт обвинил А. М. Дьякова в ревизии марксизма. Однако А. М. Дьяков не испугался. Он добился от партийного и научного руководства Института востоковедения АН СССР организации открытой дискуссии.

Актовый зал Института востоковедения АН СССР, находившегося тогда на Кропоткинской улице в здании будущего Государственного музея А. С. Пушкина, был переполнен. А. М. Дьяков и Г. А. Шмидт выступили с докладами. Как оратор А. М. Дьяков уступал Шмидту. Однако на его стороне были прекрасное знание страны, опыт исследовательской работы и научное чутье. Его логика была железной. Любому непредвзятому слушателю было очевидно, что А. М. Дьяков анализирует реальные факты, а Г. А. Шмидт подгоняет их под свою концепцию. А. М. Дьякова единодушно поддержали его коллеги и молодые востоковеды — ученики его самого и И. М. Рейснера. Все единомышленники А. М. Дьякова также опирались на факты и серьезные научные обобщения, а его противники во главе с Г. А. Шмидтом, не имевшим серьезных научных работ, больше оперировали цита-

тами и демагогией. Слушателей убедили аргументы А. М. Дьякова. Последующее развитие независимой Индии подтвердило правоту его оценок. Постановка проблем национально-освободительного движения на XX съезде КПСС закрепила эту научную и политическую победу А. М. Дьякова.

Следует сказать, что в этот же период (конец 40-х — начало 50-х годов) проходила кампания «борьбы с космополитизмом», и Алексей Михайлович на открытых заседаниях с редкими в то время бесстрашием, мужеством и принципиальностью защищал ученых, аспирантов, ставших жертвами этой кампании, не думая о возможных для себя тяжелых последствиях.

Оценка А. М. Дьяковым расстановки классовых сил в Индии легла в основу разработанной им общей концепции истории Индии в новейшее время, которая нашла отражение в опубликованных им в начале 50-х годов первых учебных пособиях по новейшей истории Индии, изданных как лекции, прочитанные в Высшей партийной школе и Академии общественных наук при ЦК КПСС. Многие из них были переизданы в ГДР, Болгарии, Венгрии, Чехословакии.

В 1952 г. вышла монография А. М. Дьякова «Индия во время и после второй мировой войны», а затем под руководством его и В. В. Балабушевича была подготовлена и издана в 1959 г. коллективная монография — первая в мировой индологии «Новейшая история Индии»⁷. Эта книга была в 1964 г. опубликована в английском переводе в Индии. Содержащаяся в книге постановка важнейших экономических и политических проблем общественного развития в Индии была встречена с одобрением как в научных кругах Индии, так и среди прогрессивной индийской общественности.

Авторитет А. М. Дьякова в нашей стране и за рубежом был очень высок.

Большим уважением и любовью пользовался А. М. Дьяков среди своих коллег-индологов и своих учеников. Долгие годы совместной партийной и научной работы связывали его с Софьей Моисеевной Мельман много интересных научных гипотез и оригинальных идей обсудил он с Игорем Михайловичем Рейснером, к которому испытывал настоящий научный пиетет, во многом считая своим учителем; немало потрудился он совместно с Владимиром Васильевичем Балабушевичем при создании капитальной «Новейшей истории Индии».

Надо признать сегодня, что мы, индологи второго поколения, в долгу перед нашими учителями.

За последние два десятилетия вышло немало хороших работ по экономике и социально-экономической структуре Индии, работ, анализирующих современное политическое положение в стране и в отдельных штатах, исследований отдельных политических партий, прежде всего ИНК; новых рубежей достигло изучение общественной мысли Индии. А вот нового капитального обобщающего исследования по новой и новейшей истории Индии в целом нет, хотя давно пора и в этой области продолжить дело, начатое нашими учителями. Тем более что по-новому можно взглянуть на социально-экономическую и политическую историю Индии в свете теорий запоздалого периферийного развития капитализма на Востоке, концепций синтеза элементов различных общественных формаций и некоторых других новых научных подходов.

Конечно, сегодня не со всеми положениями концепции развития национально-освободительного движения народов Индии, разработанной А. М. Дьяковым в 50—60-е годы, можно согласиться. Мы отказались от чрезмерной прямолинейности при анализе влияния политики английского империализма на общественное развитие Индии, на характер раздела Индии в 1947 г. и образование Пакистана; не подтвердились и некоторые оценки отдельных политических деятелей и партий, данные в свое время А. М. Дьяковым в свете господствовавших в то время подходов. И иначе не может быть. Мы идем вперед. Но при этом не только мы сами не имеем права забывать первых научных гипотез и их авторов, мы должны рассказывать о них молодым ученым. Мы должны быть с ними столь же щедрыми, как были щедры с нами наши учителя. Мы должны хранить память о тех, кто стоял у истоков нашего советского востоковедения, кто, как А. М. Дьяков, заложил основы изучения важнейших проблем национально-освободительного движения в новейшее время. Склоним же головы перед их памятью в знак глубокого уважения к ним. Они были первопроходцами.

¹ Тверской государственный архив, декабрь 1885.

² Дьяков А. М. Национальная политика британского империализма в Индии.— Мировое хозяйство и мировая политика. 1939, № 12.

³ Дьяков А. М. Национальный вопрос и английский империализм в Индии. М., 1948.

⁴ Там же, с. 167.

⁵ Частично эти вопросы отражены в кн.: Дьяков А. М. Национальный вопрос в современной Индии. М., 1963.

⁶ Дьяков А. М. Национальный вопрос и английский империализм в Индии, с. 125.

⁷ А. М. Дьяковым в этой монографии написаны Введение и разделы V — «Индия во время второй мировой войны (1939—1945)» и VI — «Послевоенный подъем антиимпериалистического движения и достижение Индией независимости (1945—1947)».

*К. А. Антонова, Л. Б. Алаев**

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ОСИПОВ (1897—1969).
МЫ ЕГО ЗВАЛИ ДЕДОМ

Александра Михайловича Осипова я впервые увидела году в 1932-м в Международном аграрном институте, или МАИ, которое мы произносили как «ЭМАИ», в отличие от МАИ — Московского авиационного института.

Наш «ЭМАИ» был институтом несколько особым. Возник он в середине 20-х годов при Крестинтерне (Крестьянском Интернационале) — возглавляемой коммунистами и социал-демократами международной организации, изучавшей и направлявшей революционную борьбу крестьян, на практике преимущественно в Европе. Крестинтерн издавал в Берлине на немецком языке свой бюллетень, на зеленой бумаге с ярко-красным небольшим изображением знамени у заголовка. В Москве же при руководителе Крестинтерна И. А. Теодоровиче был создан целый штат референтов, которые получали прессу со всего мира — валюты для этого не жалели. Постепенно Бюро референтов превратилось в целый Международный аграрный институт. Поскольку требовалось хорошее знание иностранных языков и обстановки в изучаемой стране, научными работниками были большей частью политэмигранты, но имелись и советские сотрудники. Когда Крестинтерн к концу 20-х годов распался в результате резких разногласий между его коммунистическим и социал-демократическим руководством, «ЭМАИ» остался уже при Коминтерне.

Помещался наш «ЭМАИ» на Воздвиженке, в доме купца Морозова, построенном в классическом стиле, где сейчас находится правление Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Соседний дом, тоже воздвигнутый для Морозова, но уже «мавританско»-модернистского типа, где в настоящее вре-

* Первая часть статьи написана К. А. Антоновой, вторая — Л. Б. Алаевым.

мя происходят различные заседания, встречи и выставки Общества дружбы, тогда был отдан японскому посольству.

При Институте была своя типография (во дворе), и, несмотря на вечные трудности с бумагой и ее весьма плохое качество, Институт выпускал много трудов. Позднее Воздвиженка была переименована в улицу Коминтерна, поскольку Коминтерн занимал тогда большой дом в ее начале напротив торца Манежа. После войны, когда Коминтерн был расформирован, улицу назвали именем «всесоюзного старосты» М. И. Калинина — по диагонали от дома Коминтерна находилась его приемная.

Поскольку Международный аграрный институт был переполнен иностранцами, мы называли друг друга только по фамилии, имен-отчеств не знали. Так на всю жизнь и остались мы друг для друга «Осипов» и «Антонова».

Осипова было трудно не заметить, он выделялся своим внешним видом: высокий, худой, как бы приплюснутый с боков. Однако знала я его тогда мало, так как мы работали в разных отделах в различных концах здания. В этом доме имелся коридор, построенный во всю его длину на двух уровнях, разнящихся примерно на метр, причем высокая часть отделялась от низкой перилами. В конце высокой части дверь вела в отдел Востока, которым заведовал И. М. Рейснер и где Осипов работал по Индии. Был он немногословен, несколько нелюдим, держался особняком. Он был бы неприметен, если бы не напечатал сначала заметку, а потом, в 1934 г., в нашем журнале «Аграрные проблемы» большую и очень хорошую статью об Альварском восстании 1932—1933 гг. в Индии¹. В то время индийские княжества были более отсталыми, чем так называемая Британская Индия, и крестьянское восстание в княжестве Альвар, значение которого нам хорошо разъяснил Осипов, было важным явлением. Хорошей, фундаментальной статьей А. М. Осипов сразу привлек к себе внимание.

Он выделился у нас в Институте еще раз, женившись на нашей же сотруднице из отдела статистики, Марии Адольфовне Коль. Коль, как и Осипов, была работником добросовестным, скромным, тихим. Однако в то время как Осипов не имел «ни кола ни двора», ел неизвестно как, одевался бог знает во что, М. А. Коль бы-

ла типичной заботливой старшей сестрой. Она жила поблизости, на той же Воздвиженке, только на другой стороне улицы, около Арбатской площади. Осипов переехал к ней и постепенно становился обихоженным. У них родился сын Мишка.

В 1933 г. в Международном аграрном институте была чистка партии, проводимая публично, как оказалось, последняя в СССР. На обсуждение того или иного члена партии мог прийти и выступить любой. Хотя председатель комиссии по чистке давал на каждое выступление только 10 минут и по-военному строго придерживался регламента, само изложение автобиографии, ответы на вопросы и всегда многочисленные выступления приводили к тому, что в течение недели мы каждый день начинали заседать днем, а кончали запоздно. Весь этот период чистки Институт лихорадило: думали, говорили и обсуждали только чистку; по существу, никто не работал. Мы с мужем выступили по некоторым вопросам против дирекции и по окончании чистки вынуждены были уйти из Института; Осипов в Институте остался. В «ЭМАИ» была проведена реорганизация, многие политэмигранты по тем или иным причинам его покинули; были введены бюрократические правила. У ворот была поставлена будка, и вахтер впускал в здание только по пропускам.

Как-то мы с мужем встретили Осипова и спросили его, что теперь делается в «ЭМАИ». «Полное затишье,— сказал он.— Типографию закрыли, поставили сторожевых собак у входа, чтобы никто из посторонних не проник на территорию и не увидел, что все спят». Юмор у Осипова часто был несколько мрачноватый.

В 1936 г. А. М. Осипов перешел преподавателем в МГУ, на кафедру колониальных и зависимых стран исторического факультета.

В самом начале войны дом, где жили Осипов и Коль, разбомбило и Осипов с семьей эвакуировался вместе с МГУ в Ашхабад. Я его видела, когда он был проездом в Ташкенте, и он рассказывал, как им срочно пришлось уехать, причем его сын Миша потерял валенок с одной ноги и так и ехал — на одной ноге валенок, другая обмотана тряпьем.

МГУ вернулся в Москву летом 1943 г. Из эвакуации Осипов приехал с бородкой, которая делала его лицо, пожалуй, еще длиннее. Эту бороду он больше не сбривал.

Их дома около Арбатской площади не существовало, жить им было негде и пришлось с семьей поселиться в одной из комнат истфака МГУ (ул. Герцена, 5) и терпеть всяческие бытовые неудобства. В этой комнате помещалась касса истфака, здесь же стояли три раскладушки, и, когда не было выплаты денег, «в кассе», как говорили студенты военных лет, специализировавшиеся по истории Индии, проводились занятия. Студенты никогда не видели ни А. М. Осипова, ни М. А. Коль унылыми. Трудности военного времени сближали студентов и преподавателей, способствовали взаимной симпатии, а юмор и обаяние Осипова особенно раскрывались в такой обстановке. Наконец, уже где-то году в 1947-м, им дали отдельную двухкомнатную квартиру в жилом доме МГУ на Песчаной. Тогда это считалось роскошью, хотя дом был построен плохо и однажды превратился, по словам Осипова, в фонтан: лопнула труба и вода начала из стены с высоты третьего этажа выливаться на улицу.

А. М. Осипову пришлось разрабатывать историю Индии в древности и раннее средневековье, так как этим периодом никто на кафедре (кроме аспиранта Г. Ф. Ильина) не занимался. Не следует забывать, что в тот период большинство источников, как и литература, были недоступны советским ученым.

Тем не менее в 1948 г. Осипов, ставший в МГУ уже доцентом, выпустил небольшую книжку: «Краткий очерк истории Индии до X века»². Эта книга, выглядевшая из-за бумажной обложки скорее брошюрой, стоила автору очень дорого. Год 1948 был скверным, гуляла «эпидемия» проработок ученых (и не только ученых) с тяжелыми последствиями, и при обсуждении в МГУ выпущенной книги А. М. Осипова обвинили в антимарксизме: в своей работе он на основе анализа текстов высказал мнение, что в Индии не было крупных рабовладельческих хозяйств; крестьяне платили государю налог-ренту. Тем самым в Индии как бы не существовало рабовладельческого строя, а был феодализм. Противники Осипова нападали на него с общеизвестными цитатами из Маркса и «Краткого курса истории ВКП(б)»: других аргументов у них не было. В конце концов Осипову пришлось «покаяться». Тогда, к удивлению, и его книгу оставили в покое.

Из Ленинграда, из Института востоковедения АН СССР, пришла критика совсем другого рода: Осипов, не

зная санскрита, пользовался иногда неточными или устаревшими переводами. Такую критику Осипов искренне признавал правильной, но говорил: «Я преподаватель, а истории Индии взятого мною периода у нас вообще нет, обычно излагается только смена религий. Поэтому я сейчас даю студенту то, что могу, а когда знатоки санскрита станут изучать историю этого периода, тогда моя книга будет не нужна; пока же она необходима». И верно, книга Осипова не только заполняла брешь, она самой попыткой самостоятельно осмыслить факты, а не подгонять их, как тогда водилось, под заранее данные установки, будила интерес и мышление студентов-индологов. Недаром через шесть лет, в 1954 г., эту книгу перевели на немецкий язык и издали в ГДР.

Вообще в работах Осипова проглядывал обычно свой, свежий взгляд. Например, когда в 1957 г. вышел в свет сборник статей о народном восстании 1857—1859 гг. в Индии (к столетию восстания), Осипов написал в нем о крестьянстве Северо-Западных провинций Индии — тема, которая в связи с этим восстанием ранее не исследовалась³. Конечно, о североиндийской общине автор писал на уровне наших тогдашних знаний.

Летом 1957 г. «три Михайловича» (индологи Игорь Михайлович Рейснер, Алексей Михайлович Дьяков и Александр Михайлович Осипов) и я поехали в Ташкент на Первую всесоюзную конференцию востоковедов. Там нас расселили строго по рангу: докторов — Рейснера, Дьякова и меня — на правительственной даче со всеми удобствами, а кандидата наук Осипова в гостинице «Ташкент». Мы привыкли быть вместе, и потому Осипов обычно с утра приезжал к нам, хотя мы находились, по тогдашним понятиям, далеко на окраине города (теперь это — густо заселенный микрорайон Ташкента). Мы проводили время вместе (я их троих несколько раз сфотографировала). В свободное время Осипов артистически играл на бильярде, объясняя, что в свои студенческие времена он таким образом нередко зарабатывал на еду.

Больше «три Михайловича» никогда уже не встречались: И. М. Рейснер в Ташкенте получил обширнейший инфаркт, от которого примерно через полгода умер. После его смерти А. М. Осипов заменил его как заведующий кафедрой МГУ. В 1963 г. он получил наконец звание профессора.

Однажды я нечаянно стала причиной конфликта между А. М. Осиповым и его лучшим, способнейшим учеником Л. Б. Алаевым. В начале 1963 г. Алаев попросил меня быть ответственным редактором его первой книги по средневековой истории Южной Индии, и я согласилась. Однако, когда я стала читать его теоретическую главу о феодальной земельной собственности, то увидела, что она написана так, что Алаев считает себя единственным истинным истолкователем учения Маркса по этому вопросу и очень хлестко (тогда это ценилось) критикует всех советских ученых, высказывавшихся по этому поводу до него, в особенности меня. Тогда я возвратила рукопись автору, отказавшись быть редактором и заявив, что, если я пропущу такую критику в свой адрес, значит, я с ней согласна, что не соответствует действительности. Алаев не удивился и отправился к своему учителю Осипову с предложением стать ответственным редактором. Тот поначалу тоже согласился, но, прочтя главу о феодальной земельной собственности, увидел, что если он ее пропустит в такой форме, то это будет неэтично по отношению ко мне, а мы с ним были в хороших отношениях свыше 30 лет. К тому же он вовсе не считал точку зрения Алаева бесспорной, менять же что-либо тот решительно не хотел. Поэтому Осипов тоже отказался от ответственного редактирования этой книги. Алаев обиделся на него: учитель, по его мнению, всегда должен поддерживать своего ученика. Сочтя отказ Осипова предательством, Алаев порвал с ним отношения. Мне это было очень жаль.

Книга Алаева вышла в 1964 г. под редакцией А. М. Дьякова⁴. Этому мягкому и мудрому человеку удалось преодолеть сопротивление Алаева, и вся резкость из главы ушла. Была только процитирована моя точка зрения, и дано объяснение, почему автор с ней не согласен. Появилось даже отсутствовавшее в первом варианте слово «по-видимому». В такой форме я против данной главы не возражала: каждый имеет право на свое мнение. Мы с Алаевым потом подружились, и он никогда не предъявлял ко мне тех же претензий, что к Осипову.

Хотя Осипов работал не у нас в Институте востоковедения АН СССР, а в МГУ, он часто приходил к нам на обсуждения, заседания и просто так, «на огонек». Помню, однажды критически обсуждали работу нашего сотрудника Александра Михайловича Мельникова. Си-

пов заглянул в дверь, минутку послушал и ушел. Я выскочила за ним и спросила, почему он не зашел в отдел. «Не люблю, когда ругают Александра Михайловича», — пошутил Осипов. И действительно, хоть и другой Александр Михайлович, а, паверное, все равно неприятно слышать.

Время, казалось, не властно над Осиповым: он поседел, но оставался таким же худым, активным, все с тем же своеобразным юмором.

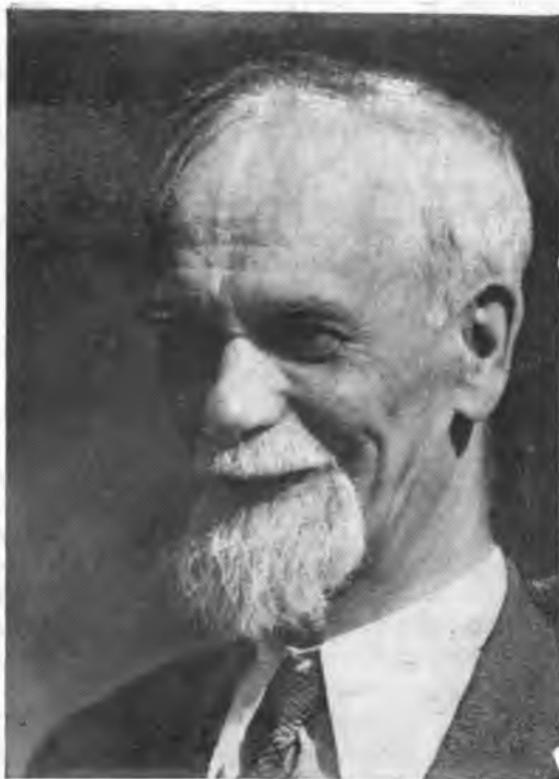
В 1969 г., 72 лет, его как-то «с ходу» не стало (он умер от рака легких), и долго еще индологами ощущалась эта утрата.

* * *

В сентябре 1949 г. на третьем этаже особняка по ул. Герцена, 5, в огромной комнате с низким потолком и полукруглыми окнами, находившимися на уровне пола, комнате, разгороженной шкафами на три части, из коих одна была книгохранилищем Отделения Востока, а две другие — импровизированными аудиториями и залами для заседаний трех кафедр, в дальней, «зашкафной», ее части собралась пугливая группка студентов, еще оглушенных вступительными экзаменами, почти незнакомых друг с другом, но ожидающих некоего чуда — начала приобщения к Индии. Вошел человек — длинный, худой, в черном не новом костюме, с бородкой, тогда еще не седой, а всего лишь пегой, с минимумом волос на голове, показавшийся нам стариком (Александр Михайловичу Осипову тогда только что исполнилось 52 года. Неужели мы в наши годы кажемся студентам такими же старыми?).

А. М. Осипов был первым, кто стал знакомить нас с Индией, прежде всего с одним из ее языков — урду. Потом он читал еще историю — от древности до середины XIX в. — и экономическую географию. Преподавал он без всяких ораторских ухищрений, просто рассказывал по-домашнему, что знал. Сидел или стоял, покачиваясь с пятки на носок, не повышал и не понижал голоса. Посмеяться, правда, любил. Расскажет забавный исторический анекдот — похихикает негромко. И мы похихикаем. Громко смеяться было нельзя — за стенкой, составленной из шкафов, шли другие занятия, там обычно Петр Иванович Петров обучал персидскому.

Александр Михайлович вряд ли знал прекрасное оп-

А. М. Осипов

ределение востоковедения, данное академиком В. М. Алексеевым еще в 1922 г. («ликвидация экзотики») ⁵, но он обучал нас именно трезвой индологии. Ему претило умиление перед мудростью Востока, так же как и его уничтожение как отсталого и косного.

Отношение студентов к Александру Михайловичу было сложное. Ему было настолько чуждо чувство превосходства над нами, что в наши головы, испорченные чинопочитанием, закрадывалась крамольная мысль — а начальство ли это, а стоит ли его уважать? Но в него влюбились наши девочки: он их подкупал изысканной вежливостью. А потом и мальчики постепенно стали понимать, что этот смешливый Дед — хороший человек, с ним можно поговорить. А для некоторых он становился наставником и другом. Стиралась разница лет, у Деда оказывались очень близкие нам вкусы и привязанности

(все передовое в общественной жизни, футбол, сухое вино).

Загадка его обаяния была проста — он начисто был лишен позы. Написав эту бесспорную фразу, я стал в уме перебирать преподавателей Отделения Востока истфака МГУ конца 40-х — начала 50-х годов и обнаружил по крайней мере еще двух, о которых это можно было бы сказать с тем же правом, — Н. М. Гольдберга и А. М. Дьякова. Все остальные тоже были достаточно заметные индивидуальности: А. Л. Гальперин, Е. Ф. Лудшувейт, В. Б. Луцкий, А. Ф. Миллер, П. И. Петров, Л. В. Симоновская, Н. А. Смирнов, Г. Б. Эренбург. Но все они не просто жили и работали, а еще и пытались, как нам казалось, что-то доказать окружающим. Наиболее яркими из преподавателей были Б. Н. Заходер и И. М. Рейснер. Мы их любили. Заходера — за авантюризм и либерализм, Рейснера — за неожиданность, за красивый русский язык и постоянное размышление, напряжение мысли, которое чувствовалось. Даже его грассирование казалось нам изысканным и прекрасным. Мы прощали Заходеру самовлюбленность, совершенно очаровательную уверенность в своем (доктора наук) превосходстве над окружающими кандидатами, а уж тем более над студентами; Рейснеру — легкое ироническое отношение, которым он удостаивал весь окружающий мир, в том числе и нас. Мы сразу же увидели, что это не обидно — к другим, особенно серым и невыразительным преподавателям, он относился с еще большим скепсисом. К нашему возрасту это не имело никакого отношения. Если он видел в мальчишке искорку, он с удовольствием, хотя и несколько милостиво, дарил ему покровительство. Но три человека на одной кафедре истории Среднего Востока, все индологи, совершенно лишенные каких-либо комплексов, органичные, естественные в поведении и помыслах, слова которых можно было принимать по номиналу — господа, как же нам повезло в свое время! Напомню, что время было конец 40-х — начало 50-х!

На первых курсах А. М. Осипов был для меня просто преподавателем. Но вот я решил заняться Южной Индией, а Осипов к тому времени уже был нашим единственным специалистом по истории Юга, так что руководство моей дипломной работой, а потом и диссертацией взял на себя Александр Михайлович. И мы стали встречаться чаще.

Помню его квартиру около «Сокола» на Песчаной

улице, его кабинетик, целиком заставленный мебелью — полки с книгами, большой письменный стол, большой диван. Я располагался на диване, он — на стульчике рядом, и мы часами говорили об Индии — по теме, и вокруг темы, и совсем не по теме. Это был его метод руководства. К моим услугам были его библиотека, его выписки и его время. Но он никогда не требовал у меня планов, тезисов, отчетов.

Видимо, был период, когда он мне говорил больше, чем я ему. Но период этот был кратким. Вскоре он стал меня усердно убеждать, что по теме диплома я знаю больше, чем он, и это я должен ему рассказывать. По-видимому, это тоже входило в методику научного руководства: пусть студент (аспирант) побольше рассказывает, что он хочет написать. Глядишь, он и сам поймет кое-что. Теперь я понимаю, что его задачей было разговорить меня, заставить блуждать в лабиринте мнений, чтобы я пытался сам из него выбраться. Мы с ним не спорили! То есть он со мной не спорил, он только задавал вопросы, устную мою речь он не рецензировал. Другое дело — письменный текст. Тут он старался отметить всякую неточность и писал на полях своим вытянутым в ниточку почерком объяснения — почему это надо поправить. У меня сохранились два экземпляра одного и того же доклада, побывавшие в руках И. М. Рейснера и А. М. Осипова. На экземпляре, который читал И. М. Рейснер, несколько энергичных значков на полях — черточки, восклицательные и вопросительные знаки — и в конце общее мнение, в данном случае очень лестное. На экземпляре А. М. Осипова — поля, густо заполненные замечаниями, объяснениями, сомнениями, как мне казалось, по мелочам.

Направлял ли он меня в главном, концептуально? Я не чувствовал, но одним из положений диссертации я целиком обязан ему. Как-то на Песчаной разговор зашел о сравнении индийской общины с русским миром. Я, как обычно самоуверенно, стал излагать общеизвестные понятия, почерпнутые из самой общей, учебной литературы.

— Тут вот у меня есть книжка, — сказал Александр Михайлович и поискал на полке. — Вам надо ее посмотреть. Может быть, что-нибудь окажется полезным.

И он дал мне монографию Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в удельной Руси» издания 1910 г., растрепанные листы без обложки.

Надо сказать, что тогда нас учили, а может быть, учат студентов до сих пор, что в конце XIX — начале XX в. российская историческая мысль находилась в упадке и кризисе. Учившие нас профессора действовали, наверное, из самых лучших побуждений — им хотелось ярче подчеркнуть значение марксистской историографии, появившейся в России в это же время. Ясно, что отношение к этой растрепанной книжке было у меня сперва крайне скептическое. Но в ней сначала четко и логично доказывалось, что институты Руси периода раздробленности соответствовали институтам феодальной Западной Европы (потом уже я узнал, что это — первое в российской историографии доказательство феодальности Руси, да к тому же и последнее, другого не потребовалось), а потом содержался столь же четкий анализ возникновения общины-мира. И вот я, к своему восторженному ужасу, узнал (именно узнал, потому что это оказалось вне споров), что русская передельная община возникла только в XVII в., что передел земли вообще редкое явление, требующее для своего возникновения ряда исторических условий. Что община живет, а не иллюстрирует схему перехода с этапа на этап. Эта мысль, на которую меня натолкнул А. М. Осипов в содружестве с замечательным российским историком Н. П. Павловым-Сильванским, положила начало превращению меня из ученика в ученого.

Метод руководства, основной принцип которого «не мешать!», не для всех аспирантов подходит, только для тех, кто полагается прежде всего на себя, а не на научного руководителя. Это, а еще то, что средневековая история Индии привлекает немногих, объясняет, почему у А. М. Осипова было мало аспирантов: Ю. Я. Цыганков, я, да Е. М. Медведев, а потом еще Л. Д. Розенберг (Брегель). Можно ли говорить о «школе Осипова»? Она могла бы быть, если бы индологов было побольше, если бы счастливее сложилась судьба Ю. Я. Цыганкова, если бы те, кого подготовили Е. М. Медведев и я, не переходили бы к другим темам и типам работы, если бы Женя Медведев не ушел из жизни так рано. Эти воспоминания мы хотели писать вместе с ним. Но не получилось.

А. М. Осипов родился 24 августа 1897 г. в селе Симбирской губернии в бедной семье. Он сумел поступить в гимназию в Самаре, но вынужден был ее бросить — не было денег. Работал учеником в аптеке, разнорабочим

на заводе, в театре. Наконец в 1917 г. ему удалось окончить реальное училище. В 1918 г. А. М. Осипов уехал в Сибирь и в Барнауле устроился провизором в аптеке. Этот период его жизни служил ему поводом для шуточных воспоминаний. Бывало, он, ссылаясь на должность провизора, подчеркивал свою духовную близость к А. М. Дьякову (который был по образованию врачом) или же уничижительно замечал:

— Спросите у Дьякова, он ведь врач, а я всего-на-всего провизор.

Или же объяснял свою приверженность к сухому вину:

— Свою долю спирта я выпил, когда был провизором.

В Сибири А. М. Осипов принял активное участие в создании профсоюза медицинских работников, встал во главе его Алтайского губернского отделения. По путевке ЦК профсоюза Медсантруд в 1921 г. он поехал в Москву поступать в Московский институт востоковедения. Был зачислен на индо-афганский сектор среднево-сточного факультета, который и окончил в 1926 г.

Почему он решил стать индологом, я не знаю. Очень может быть, что случайно. Но его эволюция как специалиста по истории Индии подчинялась довольно интересной закономерности — он любил быть первооткрывателем. Но об этом потом.

Что Саша Осипов хорошо учился, я могу судить лишь по его товарищам по учебе, а также по тому, как он преподавал. Вместе с А. М. Осиповым учились В. В. Балабушевич, сыгравший в конце 50-х — начале 60-х годов выдающуюся роль в формировании и сплочении кадров советских индологов, А. А. Губер — впоследствии зачинатель советского изучения истории стран Юго-Восточной Азии, а затем академик, А. Ф. Миллер — основатель школы в туркологии, Р. А. Ульяновский — затем ответственный работник ЦК КПСС, одна из ярких личностей в индологии и в востоковедении в целом. Не все эти люди были друзьями, но по крайней мере с В. В. Балабушевичем и А. А. Губером А. М. Осипова связывали теплые чувства.

Я упомянул содержание его преподавания как свидетельство прилежности во времена студенчества. Я имею в виду конкретную вещь. Через много лет, подготавливая к печати книгу А. Е. Снесарева «Этнографическая Индия», я обратил внимание, что мне знакома об-щая канва рассуждений о касте и общине и даже неко-

торые факты и выражения. А. Е. Снесарев был совершенно самобытным мыслителем, и этот его текст я ранее не видел. До меня постепенно дошло, что А. Е. Снесарев преподавал в Московском институте востоковедения как раз в годы, когда писал «Этнографическую Индию» и когда там учился А. М. Осипов. Собираемый и анализируемый Снесаревым материал входил, конечно, и в его лекции. Осипов донес до нас, до меня, слова своего учителя, донес через годы и через официальное забвение. А. Е. Снесарев был арестован в 1930 г., освобожден по состоянию здоровья в 1934 г., умер в 1937 г. не реабилитированным. Набор его книги «Этнографическая Индия» был рассыпан, его имя нельзя было упоминать. А. М. Осипов и не упоминал. Но эстафета науки не прервалась. Мой интерес к общине и касте был пробужден Осиповым благодаря всему тому, что он узнал от Снесарева, и именно этот мой интерес сделал для меня жизненно важным подготовить к изданию книгу Снесарева, не увидевшую свет при его жизни⁶.

Окончив МИВ, А. М. Осипов поступил в аспирантуру того же института, с 1932 г. стал в нем преподавать новейшую историю и экономику Индии. Он изучал современные аграрные отношения, крестьянское движение, функционирование иностранного капитала в частных плантациях и т. д., опубликовал несколько глубоких работ по этим проблемам (см. первую часть статьи, написанную К. А. Антоновой). В 1936 г. он поступает на кафедру истории колониальных и зависимых стран исторического факультета МГУ — зародыш будущего Отделения Востока истфака, «предок» исторических кафедр современного Института стран Азии и Африки при МГУ. Таким образом, в 1936 г. окончательно определилось поприще ученого — подготовка кадров индологов в Московском университете.

В 1941 г. А. М. Осипов, как и сотни других преподавателей университета, движимый чувством патриотизма, вступил в народное ополчение. Однако в том же году был уволен из армии по болезни сердца и остальное время находился в эвакуации в Ашхабаде. Он продолжал научную и педагогическую работу и в 1942 г. защитил кандидатскую диссертацию «Национально-освободительное движение в Индии в 1918—1940 гг.».

После войны начался новый период творческой жизни А. М. Осипова. Его «перебросили» на древность — поручили написать учебник по ранним периодам исто-

рии Индии. Конечно, этого бы не произошло, если бы сам А. М. Осипов не тянулся к новому, непознанному. Он любил первым открывать какие-то пласты материала. Он не знал санскрита, поэтому не мог изучать древние источники в оригинале, но кто-то должен был начать, кто-то должен был освоить хотя бы материал, лежащий на поверхности, и поставить вопросы для дальнейших изысканий. (Санскритом он занимался самостоятельно, а с 1954 г. стал брать уроки у Т. Я. Елизаренковой — сел за парту вместе со своим аспирантом.)

Его книжка, выглядевшая очень скромно и названная как-то странно — «Краткий очерк истории Индии до X века», вышла в 1948 г., подверглась резкой критике, так как концепция автора не совпадала с общепринятой (подробнее об этом см. у К. А. Антоновой), но все же по ней учились мы и еще несколько поколений студентов. Книга эта достойна отдельного разбора, но мне не хотелось бы превращать данные заметки в историографическую статью. Сейчас важно отметить, что с момента выхода этой книги и до конца своей жизни А. М. Осипов признавался одним из знатоков древнего и ранне-средневекового периодов истории Индии. Именно он направил Ю. Я. Цыганкова, меня, а затем Е. М. Медведева на изучение надписей.

Но ему самому нужны были новые пути и новые знания. Он понял, что историю Индии нельзя изучать только на североиндийских материалах. Южная Индия обладала своей спецификой, надо было браться за историю «забытой империи», как когда-то называли государство Виджаянагар. А. М. Осипов воспользовался случаем. Ему, В. А. Александрову и Н. М. Гольдбергу заказали учебное пособие об Афанасии Никитине. Главы А. М. Осипова в этой книге — это, по существу, первые на русском языке очерки истории Бахманидского государства и Виджаянагара. Написанная формально для школы, эта книга⁷ стала пособием для востоковедов и оставалась им до издания учебника по средневековому Востоку в 1957 г. Популяризаторский характер издания не должен затмить то, что оно было результатом серьезного научного исследования.

Интересен следующий поворот научных интересов А. М. Осипова. Читая лекции по истории Индии XIX в., он обратил внимание на то, что сипаи (солдаты англо-индийской армии), восставшие в 1857 г., пользовались определенной поддержкой в деревне средней части до-

лины Ганга. В то же время было известно, что англичане набирали эту армию из высоких каст — раджпутов и брахманов. Возникал вопрос, а к каким кастам принадлежали «крестьяне»? Ответ был не так уж глубоко запрятан, но его опубликование вызвало маленькую сенсацию. «Крестьяне»-общинники Северо-Западной провинции оказались в массе членами высоких каст, тех самых, из которых набирали в армию. Это открытие стало темой нескольких статей А. М. Осипова и «изюминкой» его книги «Великое восстание в Индии. 1857—1859» (М., 1957). Понятнее стало само восстание — его причины, его размах и его ограниченность, различные конкретные события и т. п. Но яснее стало и многое другое — особенности индийского сельского социального строя, характер столь знаменитой в историографии индийской общины, в частности положение, что многие общины были коллективами эксплуататоров. Это открытие А. М. Осипова послужило одним из наиболее сильных толчков, приведших к полному переосмыслению проблемы сельской общины в Индии.

Александр Михайлович сыграл большую роль в моей жизни и просто как старший друг, как человек, готовый оказать личную услугу. Не хочется размазывать такие чисто личные воспоминания, но нельзя и не упомянуть о его роли в том, что моя личная судьба была прямой и ровной, как Невский проспект. Я перечислю то, чем я лично обязан А. М. Осипову. Во-первых, оставление в аспирантуре. В то время это было событие из ряда выдающееся. Нас распределяли в основном учителями в школы. Многие мои товарищи, гораздо способнее меня, потеряли по 2—3 года для научной работы, получив распределение в школу, далекую от Москвы. Вопрос о том, кому дать рекомендацию в аспирантуру, решался на Ученом совете совместно с партбюро факультета. Именно А. М. Осипов, прочитав мой диплом, понес его к И. М. Рейснеру, буквально взял того за руку и привел на заседание Ученого совета, где Игорь Михайлович стал яростно отстаивать мою кандидатуру. И отстоял.

Потом А. М. Осипов устроил меня в Институт востоковедения АН. В 1956 г. Институт расширился, места были. В. В. Балабушевич (заведующий Отделом Индии) почему-то не хотел меня брать. Почему — видимо, я уже никогда не узнаю. А. М. Осипов разговаривал обо мне с Балабушевичем раз десять и все же убедил его

принять меня. В этом институте я и работаю, вот уже пошел четвертый десяток лет.

Диссертацию я защищал в июне 1959 г. Это был очень мокрый, дождливый июнь. Кворум Ученого совета был под угрозой. Первый оппонент, А. А. Губер, жил на даче, и было неизвестно, знает ли он о дате заседания, не болен ли и т. п. И вот А. М. Осипов и я едем на автобусе куда-то далеко по Калужскому шоссе на дачу А. А. Губера. Слава богу, дождя нет, не холодно, но небо серо, а трава — влажная. Александр Михайлович в своем неизменном черном костюме и штиблетах. Я — в мятой спортивной паре, которая, впрочем, лучше подходит к погоде. И Александр Андреевич в элегантном пастельных тонов костюме «для дачи» — полуспортивном, полупижамном. Возможно, Александр Михайлович решил на эту поездку, в частности, и потому, что ему было приятно лишний раз встретиться со старым другом-однокурсником. Но не каждый научный руководитель будет «собирать» кворум для защиты диссертации своего аспиранта.

Я написал выше, что к моим услугам была библиотека Александра Михайловича и его время. Это не пустая фраза. Я не встречал отказов, хотя все же, положив руку на сердце, не злоупотреблял ни тем, ни другим. Кроме того, А. М. Осипов брал на свой номер для меня книги в библиотеке Института востоковедения (когда я еще там не работал), сидел со мною в библиотеке, если мне нужна была справочная литература, которую не выдавали на дом.

Он старался быть дедом для моего сына. У меня в гостях он был раза три, но каждое его посещение было необыкновенным событием, праздником. В первый свой приход он подарил сыну «на зубок» серебряную ложечку, ручка которой была сделана в виде разноцветного попугая. Это любимая ложка моего старшего сына до сих пор.

Летом 1955 г. мы снимали дачу в Пушкине. Сын кричал, казалось, день и ночь. Я пытался сосредоточиться и что-нибудь написать. Мы с женой падали с ног. Александр Михайлович приехал неожиданно, и это было как праздник среди тяжелых будней. Он привез каких-то продуктов, которые тогда не были дефицитом, но для нас по бедности были недоступны. И сын замолчал, и солнце выглянуло. Мы гуляли с Александром Михайловичем по полянам и откосам, ели землянику и говорили,

говорили. О собственности на землю, об общине и о футболе. Он, соответственно его темпераменту,— рассудительно, я, как полагается возрасту,— горячо.

Александр Михайлович и Мария Адольфовна сами жили летом в Тарусе. В 1963 г. мы с женой выбрались к ним. Я только что впервые побывал в Индии, приехал полный впечатлений, хотелось поделиться. Мы прожили несколько дней вместе. Утром мы с Александром Михайловичем ходили на базар, пока наши женщины готовили завтрак. Гуляли по лесам. Съездили в Поленово. Как все было хорошо!

Но вскоре наступило охлаждение и даже разрыв. Существо дела описано в воспоминаниях К. А. Антоновой, помещенных выше. Сейчас мне кажется, что я был прав, настаивая на публикации параграфа, вызвавшего противоречия. Но я не имел никакого права обижаться на А. М. Осипова. Я проявил тогда ужасную душевную черствость и фанатерию, не попытавшись понять своего старшего друга. Не оправдывая себя, объясняю случившееся тем, что воспринимал к тому времени Александра Михайловича именно и главным образом как друга, совершенно забывая о разнице в возрасте, жизненном опыте, взгляде на мир. Мы бывали так единокорны во всех вопросах, я был так безгранично уверен в его поддержке, что даже не представлял себе, что у него могут быть иные взгляды, скажем, на вопросы научной этики. Я не понимал тогда, какую травму я ему нанес. Конечно, я также переживал наш разрыв, но он переживал больше. Отцу труднее, чем сыну в подобных ситуациях.

Мысль о том, что надо прийти и повиниться, появлялась все чаще. И вдруг жестокая весть. 19 февраля 1969 г. его не стало.

Но он думал обо мне перед смертью. Мария Адольфовна попросила меня позвонить и сообщила, что Александр Михайлович просил передать мне сверток. Я пришел. На пакете стояла моя фамилия, написанная рукою А. М. Осипова. В пакете лежали три тома «Истории и культуры индийского народа», которые я когда-то подарил Александру Михайловичу к 60-летию. Тут нужны разъяснения. В то время научная литература из Индии поступала еще очень плохо. Эти начальные тома десяти томного фундаментального издания мне привез отец из Китая в 1955 г. Александру Михайловичу, занимавшемуся древностью и ранним средневековьем, они были

нужнее, чем мне, и я считал, что эти тома — хороший подарок к юбилею. Александр Михайлович проворчал, что ему, старику, уже ничего не надо, но обижать меня не стал, подарок взял. Все же он, видимо, считал себя временным владельцем книг и перед смертью подумал о том, чтобы книги эти остались у меня. Он вообще навел в своих делах порядок: пакеты с рукописями и книгами были приготовлены и для Е. М. Медведева, и для В. И. Павлова, и для других, которым, по его мнению, он должен был что-то вернуть.

К. А. Антонова правильно передала впечатление о смерти А. М. Осипова. Он был так вынослив и энергичен, в его фигуре не было ни грамма лишнего веса, он так мало менялся с годами, что казался обреченным на долгую жизнь. И вдруг он исчез, оставив Марию Адольфовну, которая без преувеличения посвятила ему жизнь, и нас с Медведевым, которым он, в свою очередь, отдал часть себя.

¹ *Осипов А. М.* Альварское восстание 1932—1933 годов и британский империализм.— Аграрные проблемы. Кн. 3—4. М., 1934.

² *Осипов А. М.* Краткий очерк истории Индии до X века. Изд-во МГУ, 1948.

³ *Осипов А. М.* Крестьянство Северо-Западных провинций накануне восстания 1857—1859 гг.— Народное восстание в Индии 1857—1859 гг. М., 1957.

⁴ *Алаев Л. Б.* Южная Индия. Социально-экономическая история XVI—XVIII веков. М., 1964.

⁵ *Алексеев В. М.* Наука о Востоке. М., 1982, с. 332.

⁶ Она вышла в 1981 г. См.: *Снесарев А. Е.* Этнографическая Индия. М., 1981.

⁷ *Александров В. А., Гольдберг Н. М., Осипов А. М.* Афанасий Никитин и его время. М., Учпедгиз, 1951.

В. И. Павлов

ВЫДАЮЩИЙСЯ СОВЕТСКИЙ ВОСТОКОВЕД
ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ РЕЙСНЕР
(1899—1958)

Было несколько обстоятельств, побудивших Игоря Рейснера стать востоковедом. Его отец, профессор Михаил Андреевич Рейснер, примкнувший в 1905 г. к большевикам, среди многочисленных научных и общественных обязанностей находит время и силы написать исследование «Идеологии Востока. Очерки восточной теократии»¹, а сестра, Лариса Михайловна, за свою короткую жизнь успевает поработать в первой, ленинской, «миссии в Кабуле», в которой участвовал и Игорь Михайлович. Это объяснение достаточно убедительно, поскольку идейное родство душ с отцом и сестрой, старшей по возрасту и опыту, входило в круг их родственных отношений.

И. М. Рейснер был и по воспитанию, и по образованию, и по образу мыслей историком-марксистом сравнительно-исторической школы. И не случайно он выбрал именно этот путь исторического познания — сопоставление огромного накопления европейской, в первую очередь русской, революционной энергии с не менее мощным потенциалом социально-классовых противоречий на Востоке, раскрытию которых содействовали революции в России.

Трудовой путь И. М. Рейснера отражает этапы его практической, научной и педагогической работы: в 1917 г. — секретарь Д. З. Мануильского, большевистского депутата в Петроградской думе между Февралем и Октябрем; в 1918—1919 гг. — работа в Народном комиссариате юстиции и Коммунистической академии; в 1919—1921 гг. — в советском посольстве в Афганистане; в 1924 г. окончил восточный факультет Военной академии РККА; в 1923 и 1925 гг. — служебные поездки в Скандинавские страны и в Германию по линии Нарко-

миндела; с 1925 по 1935 г. — преподаватель Московского института востоковедения и в те же годы — заведующий отделом Востока Международного аграрного института; с 1934 г. — преподаватель, а затем профессор исторического факультета Московского государственного университета, где в 1944—1955 гг. возглавлял кафедру Среднего Востока, а с 1956 по 1958 г. — кафедру истории Индии в Институте восточных языков при МГУ; с 1938 по 1958 г. работал также в Академии наук СССР, где к концу жизни заведовал сектором истории и философии Индии Отдела Индии Института востоковедения.

Именно И. М. Рейснер вместе с другими молодыми востоковедами, участвуя в дискуссиях, печатая статьи в журналах, закладывал в 20-е годы основы *советского* востоковедения. Его наиболее значительными статьями тех лет можно считать: «Братство борцов за веру („Джамаат-уль-Муджахедин“)» (о ваххабитском движении в Индии). — Новый Восток. 1924, № 6; «Экономические предпосылки политической борьбы в современной Индии». — Новый Восток. 1922, кн. 1; «Землевладение и аренда в Индии». — Аграрные проблемы. 1928, кн. 3(7).

Первая книга И. М. Рейснера «Независимый Афганистан»² и сегодня остается столь же актуальной, как и во время выхода ее в свет. Второе издание книги, которым мы далее будем пользоваться, вышло через год под заглавием «Афганистан». В авторском предисловии, датированном маем 1929 г., Игорь Михайлович писал: «Спешный характер выхода в свет 2-го издания и краткость срока, который был установлен для переработки, не дали автору возможности провести работу со всей той тщательностью, какой она заслуживала. Автор пользуется случаем выразить благодарность акад. Н. И. Вавилову, любезно разрешившему использовать карту земледельческих районов, помещенную в его книге «Земледельческий Афганистан»³.

В этом кратком (полстраницы) предисловии — весь молодой И. Рейснер с его готовностью и способностью немедленно выполнить «социальный заказ» (речь шла об ориентации в сложнейшей политической ситуации в Афганистане весной 1929 г.). Не случайны и слова благодарности великому генетику Н. И. Вавилову.

Уже в «Афганистане» проявилось умение И. М. Рейснера оптимально сочетать неповторимую и, увы, невозпроизводимую широту своего мышления с тем качест-

вом, которое он сам называл умением «работать в одной упряжке». Он трудится плечом к плечу с географами, этнографами, экономистами и политиками. И книга служит достойным памятником всей блестящей плеяде советских афганистов 20-х годов — А. Е. Снесареву, М. С. Андрееву, В. А. Обручеву и другим первоисследователям. Научный коллективизм, корректность, благожелательная готовность отметить вклад в исследование любого из коллег — старшего или младшего — неотъемлемая черта творчества И. М. Рейснера на протяжении всей его жизни.

Впечатляют многообразие и разнотипность использованных источников: афганская официальная документация и фетвы духовенства, донесения русских и английских дипломатических чиновников, свидетельства прессы, налоговая, поземельная и таможенная статистика и многое другое. Привлечение их в комплексе было по тем временам новшеством. Наконец, и это главное, монография представляет собой один из первых опытов применения марксистско-ленинской теории и востоковедных трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина при исследовании конкретного азиатского общества. Непосредственные наблюдения свидетеля и участника некоторых из описанных в книге событий вплетены в исследование с таким тактом, что читатель почти не замечает причастности автора к происходившему.

Основное внутреннее противоречие афганского общества И. М. Рейснер усматривал в конфликте замедленно оформлявшегося феодально-абсолютистского государства с силами как родо-племенной и полуфеодализованной, преимущественно афганской, знати, так и с сопротивлявшимся абсолютизму крестьянством, главным образом неафганских народностей. На это внутреннее противоречие налагался конфликт всего или почти всего афганского (точнее — афганистанского) общества с двумя колониальными державами — Англией и Россией, раздираемыми, в свою очередь, взаимными противоречиями.

Безупречный интернационализм научной позиции позволяет И. М. Рейснеру, исходя из ленинских положений об империалистическом соперничестве британского империализма и российского царизма, дать строго объективную характеристику их колониальной политики. Сложнее было молодому ученому-коммунисту избежать чрезмерно прямолинейных оценок воздействия Октября на афганское общество. Но, верно выбрав отправную

точку, исследователь нашел и правильную перспективу нарастающего влияния революционного процесса в нашей стране на соседнее государство. «Лозунги самоопределения народов, провозглашенные Лениным, уже успели проникнуть во все уголки Азии, расчищая почву для общей борьбы революционной России и народов Востока против их общего врага. Афганистан получил в лице РСФСР не случайного попутчика, но союзника, связанного длительной общностью интересов и принципиальным их сознанием»⁴.

Большая часть книги посвящена политическим, социальным, экономическим и культурным процессам, развернувшимся в Афганистане в первые двенадцать лет после Великой Октябрьской социалистической революции. Их анализ подводит читателя к суждению — только суверенитет обеспечивает народам Афганистана осознание и преодоление накопленных веками социально-классовых конфликтов, но, добавим, суверенитет миролюбивый.

Страницы, наполненные драматическими эпизодами борьбы афганской монархии с сепаратистскими выступлениями племенной знати и крестьянскими восстаниями, сменяются в книге разделами, в которых профессиональной рукой военного историка четко и монументально изображено героическое сопротивление Афганистана британской агрессии. И каждый раз И. М. Рейснер приводит убедительные доказательства неспособности монархии полностью использовать объединенный боевой потенциал для нанесения решающего поражения агрессору.

В завершающей главе события доведены до лета 1929 г. Несмотря на скудость информации, И. М. Рейснер убедительно вскрывает реакционную суть восстания Бача-и-Сакао. Военно-административный аппарат младоафганского абсолютизма потерпел поражение от Бача-и-Сакао, поддержанного консервативным духовенством, частью ханов племен и британской агентурой, и практически распался. Попытки эмира-реформатора опереться на «свое» племя баракзаев и обрести поддержку духовенства кончились неудачей, и Аманулла покидает страну. На этих тревожных событиях и кончается «сюжетная» часть исследования. Но неопределенность ситуации не помешала ученому прийти к некоторым фундаментальным, исторически перспективным заключениям.

На социально-культурное несоответствие военно-адми-

нистративного персонала офицерско-бюрократическому эталону абсолютизма даже при Аманулле в монографии указывается многократно. «Афганский абсолютизм не успел еще создать себе верных и преданных слуг из числа городских разночинцев и мелкой буржуазии, и в этом также сказалась общая отсталость Афганистана, прямое следствие его давней зависимости от империализма»⁵. За давностью лет «Афганистан» стал библиографической редкостью и вполне заслуживает переиздания.

В 1932 г. вышла в свет монография И. М. Рейснера «Очерки классово-борьбы в Индии. Часть I. От распада Могольской империи до империалистической войны», с которой, собственно говоря, и началась советская историческая школа в индоведении. Ее автору минуло тридцать лет. Но не только молодость питала революционный пафос, которым проникнута каждая страница книги. Нетерпеливое ожидание революционного взрыва и на пролетарском Западе, и на крестьянском Востоке, в равной мере, хотя и по-разному, раздираемых кризисом 1929—1933 гг., было присуще многим из той коминтерновской среды, в которой жил, трудился и мечтал Игорь Михайлович.

Эта книга концептуально едина и подчинена одному социальному заказу — анализу ожидавшейся индийской революции. Вероятно, с этим связано и преувеличение революционных возможностей и темпа революционного процесса на Востоке, который мыслился тогда как цепная реакция трех последовательных, сближенных во времени, взрывов — национально-освободительной, антифеодальной и социалистической революции.

Понятно, что подобная «перманентная» иллюзия была бы быстро преодолена столь образованными марксистами, как И. М. Рейснер, Р. А. Ульяновский и их коминтерновские коллеги — и друзья, и оппоненты (тем более после VII конгресса Коминтерна). Однако еще в мае 1925 г. (за полгода до образования Коммунистической партии Индии) «сверху» была провозглашена установка для коммунистов таких стран, как Индия: «Создать революционный антиимпериалистический блок и обеспечить в этом блоке гегемонию пролетариата — такова задача» (*Сталин И. В. О политических задачах Университета народов Востока.* — Сочинения. Т. 7, с. 148) (т. е. «гегемония пролетариата» без пролетарской партии!). И эта «установка» была выдвинута всего через пять лет после того, как на II конгрессе Коминтерна

В. И. Ленин, полемизируя с индийским революционером М. Н. Роем, сказал: «Было бы утопией думать, что пролетарские партии, *если они вообще могут возникнуть в таких странах* (курсив мой.— В. П.), смогут, не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле, проводить коммунистическую тактику и коммунистическую политику в этих отсталых странах» (Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала.— Полное собрание сочинений. Т. 41, с. 243).

Вместо того, чтобы выполнить трудную, но единственно реальную ленинскую программу укрепления зарождавшегося коммунистического движения в Индии (создание пролетарской партии, союз с крестьянским движением), была выдвинута сектантская схема «подготовить пролетариат (в Индии.— В. П.) к роли вождя освободительного движения, шаг за шагом оттирая с этого почетного поста буржуазию и ее глашатаев» (Сталин И. В. О политических задачах Университета народов Востока, с. 148). О самой национальной буржуазии было сказано, что она раскололась на революционную и соглашательскую и последняя вступила в сговор с империализмом.

Демагогически подогретое «революционное нетерпение» не могло не сказаться на научных концепциях советских востоковедов, в том числе и И. М. Рейснера. В «Очерках классовой борьбы в Индии» внимание исследователя сосредоточено на наиболее динамичных силах индийского общества. В предколониальный период такая сила усматривается в движении сикхов, которое, однако, не смогло расчистить пути формационно иному развитию⁶. Автор исходит из представления, что в XVIII в. исторические потенции Индии в рамках феодального развития были уже исчерпаны и прогресс мог состоять лишь в переходе к капиталистическим отношениям, а не на следующую стадию феодализма.

Отрицание возможностей развития в рамках феодализма логично приводило к негативной упрощенной трактовке места и роли различных феодальных слоев Индии в освободительной борьбе. В нее не вписывались многочисленные факты героического сопротивления отдельных феодальных вождей и особенно землевладельческих низов сельской общины британским завоеваниям, колониальному режиму и его земельно-налоговой политике. Именно это сопротивление заставило британ-

скую администрацию изыскивать взаимно приемлемое соглашение о перераспределении ренты с землевладельческими слоями Индии. Между тем в книге такой компромисс толкуется исключительно как «союз колониального режима с феодалом-помещиком против крестьянства»⁷.

Не приходится отрицать, что в ряде районов (особенно в княжествах) и с некоторыми землевладельческими слоями в Британской Индии такой союз сложился. И все же нельзя обойтись без двух оговорок: во-первых, землевладельческие верхи общины сохраняли и использовали традиционные связи с крестьянством «своих» или сходных каст и религиозных общин для противостояния как колониальному режиму, так и деревенской бедноте из неприкасаемых; во-вторых, налоговые и арендные уступки и послабления колониального режима (сначала бенгальским заминдарам, а после восстания 1857 г. и другим категориям заминдаров и райятов Северной Индии) способствовали фиксации частновладельческих тенденций и переходу аграрного строя Индии на позднефеодалную стадию — пусть в урезанном виде и деформированных вариантах.

Впрочем, перейдя к анализу мировоззрения и деятельности Б. Г. Тилака, И. М. Рейснер частично «реабилитирует» землевладельческие слои Индии, признав существование и в их среде патриотических и даже демократических устремлений⁸.

Размышления И. Рейснера побуждают нас вернуться к вопросу о правомерности применения при социальной характеристике участников освободительного движения Индии таких категорий и терминов, как «дворянско-феодалные верхи», «мелкая буржуазия», «разночинная интеллигенция». Эти термины, в частности, наводят на мысль о том, что в какой-то мере И. М. Рейснер считал возможным прямое наложение ленинской периодизации революционного движения в России на историю освободительной борьбы в Индии. Для нас поучительно противоречие, которого не смог избежать И. М. Рейснер. Характеризуя социальный состав террористических организаций, он констатирует: «Бросается в глаза отсутствие рабочих, крестьян и даже ремесленников» (с. 154). И далее он пишет: «Наряду с деклассированными сынами дворянско-помещичьих верхов выступает представительница и другого течения в лице мелкобуржуазной разночинной интеллигенции. Она также далеко не безгреш-

на по части связи с помещичьим землевладением и в особенности со средними звеньями помещиков-арендаторов в Бенгалии. Она также питается отчасти остатками ренты, выжатой из крестьян». Итак, среди «мелкобуржуазной интеллигенции» нет крестьян и ремесленников, зато широко представлены мелкие рентополучатели. Что же до ее «разночинности», то в среде индийской интеллигенции до последнего времени сохранялись достаточно четкие религиозно-общинные, кастовые и национальные разграничения, что, понятно, задерживало демократизацию ее социальной психологии.

Не уместается исследовательская мысль ученого и в жестких рамках тогдашних определений роли национальной буржуазии. Наряду с преобладающими в книге разоблачениями «дурных» свойств и деяний индийской буржуазии встречается и такое фундаментальное заключение: «Чем больше осознает себя индийская буржуазия именно в качестве таковой, тем быстрее выступают отовсюду противоречия, разрывающие призрачное единство интересов Англии и Индии. Усиление буржуазных элементов индийского общества имеет своей основой укрепление капиталистических элементов индийской экономики»⁹. В этом научно объективном обобщении уже заложена перспектива для более сложной и разносторонней оценки индийской буржуазии в будущем.

Более того, процесс становления и укрепления капиталистических элементов в промышленности колониальной Индии исследован и теоретически обобщен в книге на уровне, который послужил надежной основой для последующих работ. Непреходящей заслугой И. М. Рейснера было расчленение развития капитализма в Индии на последовательные стадии и соответствующие типы производства и обращения. Приходится удивляться, сколь много методологических подходов, предложенных в «Очерках», сохраняет свою значимость в современном индоведении: периодизация новой истории Индии, анализ колониальной политики по периодам ее воздействия на социально-экономическое положение страны, социально-классовая характеристика освободительных движений.

Рубежом научной зрелости для И. М. Рейснера стала его работа над учебником для вузов «Новая история колониальных и зависимых стран» (М., 1940) (подробнее см. в Предисловии к данной книге). Для востоковедов моего поколения этот труд превратился в настоль-

ную книгу, из которой мы сначала черпали наши студенческие познания, а затем — и по сей день — извлекаем поучительные уроки преподавательского мастерства, яркости и четкости стиля, ясности и убедительности научного мышления. Со светлой печалью и благодарностью еще и еще раз восстанавливаешь в памяти образы творцов этой книги, которые уже ушли от нас. Не всегда у них было согласие во мнениях и концепциях, да и востоковеды нашего поколения по-разному обязаны каждому из них.

Но, не отрешаясь от личных склонностей и привязанностей, будем им всем равно благодарны за то, что они смогли подчинить свои столь несхожие таланты созданию труда, поразительно целостного по идейной направленности, научному содержанию и педагогической методике. Особая заслуга в достижении этой целостности принадлежит редакторам И. М. Рейснеру, Г. С. Карамурзе, Б. К. Рубцову, С. Н. Ростовскому, а также ближайшему другу и сподвижнику Игоря Михайловича Н. М. Гольдбергу, выполнившему литературную редакцию, которая, впрочем, у него всегда перерастала в научную.

Нет сомнения, что за последующие пять-семь лет И. М. Рейснер поднялся бы на новый этап в своем познании индо-афганской истории. Но началась война, и «кабинетный», библиотечный период работы ученого был прерван, его силы сосредоточились на другом. Научно-политический талант исследователя-марксиста, коммуниста органично сомкнулся с блестящим даром лектора, пропагандиста и агитатора, который использовал каждую возможность — от выступлений по радио на англоязычные страны антигитлеровской коалиции до доклада студентам МГУ, занятым заготовкой леса для прифронтовой Москвы, — чтобы разить сарказмом врага и утверждать непоколебимую уверенность в нашей победе.

Именно таким встает в памяти автора этих строк И. М. Рейснер осени 1943 г., когда мне, студенту второго курса, довелось стать членом лекторского коллектива исторического факультета МГУ во главе с Игорем Михайловичем.

В его изложении самые очевидные, порой лапидарные положения тогдашних сводок, корреспонденций и приказов приобретали более глубокий смысл, который ранее был как бы скрыт от нас. Нам оставалось одно —

по возможности дословно пересказать в своих группах то, что мы слышали от него.

Никакими, понятно, конспектами или даже планами ни в этих своих лекциях, ни в учебных Игорь Михайлович не пользовался. Поэтому для неискушенного слушателя его выступления выглядели блестящими импровизациями. Лишь позже, сам приступив к чтению лекций, я понял, какой тщательный мыслительный труд предшествовал кажущейся легкости его неповторимой, поистине завораживающей лекционной манеры. Именно потребность сохранить общение с Игорем Михайловичем и побудила меня (и не только меня, как свидетельствуют многие его ученики) избрать востоковедную специализацию, о которой до этого я и не помышлял.

Но вернемся к И. М. Рейснеру — ученому и преподавателю. Будучи в годы войны невольно лишен широкой читательской аудитории и ее реакции, И. М. Рейснер обратил свою научно-просветительскую энергию на студентов, слушателей общих и специальных востоковедных курсов. Он — один из главных участников основания в 1944 г. Отделения Востока на историческом факультете МГУ. С этого времени и вплоть до своей кончины он возглавлял кафедру истории стран Среднего Востока на истфаке, переведенную затем под названием кафедры стран Южной Азии в ИВЯ при МГУ. Именно в последние военные годы и сразу после них формируется поколение учеников рейснеровской школы. Уже на новом этапе и с новыми учениками подтверждается способность профессора И. М. Рейснера работать с ними по принципу «больше давать — меньше брать».

Под непосредственным научным руководством И. М. Рейснера мне довелось трудиться только над курсовой работой на третьем курсе, посвященной освободительной борьбе пуштунских племен в конце XIX в. Затем я стал специализироваться по историко-экономической тематике (формирование индийской буржуазии), и руководителем моей дипломной работы стала С. М. Мельман. В аспирантуре Тихоокеанского института АН СССР меня опекал А. М. Дьяков. Я очень обязан своим учителям экономическим и политическим образованием. И все же как историка я причисляю себя к школе И. М. Рейснера.

Постепенно советское индоведение освобождалось от элементов догматизма, но процесс этот шел медленно и не прямолинейно и окончательно завершился только

И. М. Рейснер и А. М. Дьяков

после XX съезда партии. Понадобились еще годы испытаний и стойкости, на протяжении которых творческие и личные судьбы многих востоковедов складывались не просто. Под вздорным предлогом — официальный оппонент А. М. Дьяков оказался «приятелем» соискателя — была отменена защита тщательно подготовленной докторской диссертации И. М. Рейснера. Даже многолетний статус заведующего кафедрой и профессора становился ненадежным.

Вспоминаю вторую половину марта 1953 г. Я на «шмидтовской квартире» Игоря Михайловича. Только что он вернулся из редакции журнала «Новое время», где окончательно отклонили его статью (написанную им по его предложению с моим участием — он хотел деликатно, без займов, поддержать меня во время вынужденной пезантности). Он мечется по комнате, говорит, что все к черту, он уходит на пенсию и начинает писать книги. Его слушатель, молодой циник, сомневается: кто будет издавать эти книги? Постепенно оптимизм берет верх, и мы, старый и малый, соглашаемся, что появились ободряющие признаки и следует еще совсем немного подождать.

И вот, 30 ноября 1953 г., без малого 54 лет от роду, Игорь Михайлович наконец-то защищает свою докторскую. Зал переполнен. Помимо ученого совета присутствуют почти все ученики Игоря Михайловича, давно кончившие истфак, и нынешние. И «по-приятельски», но очень взыскательно ему оппонирует старый большевик, один из основателей Советской власти на Памире и вообще в Средней Азии, Алексей Михайлович Дьяков... Через пару дней коллеги и ученики И. М. Рейснера — у него дома. Чувствуется, как он расслаблен и «раскован» (тогда так не говорили). Было весело, было сказано много умного и остроумного, как всегда, дома Игорь Михайлович гостеприимный хозяин, а все стараются «блеснуть» перед ним, но я ничего не запомнил, кроме одного... Вдруг Игорь Рейснер стал читать Блока, «Итальянские стихи» — «Благовещение».

С детских лет — видения и грезы,
Умбри ласкающая мгла...
...Слишком резвы милые подруги,
Слишком дерзок их открытый взор.

Не буду цитировать далее — думается, что все читатели помнят это гениальное, многократно прокомментированное и самое опоэтизированное из известных мне описание утраты девственности. Но вот почему Игорь Рейснер в эту позднюю осень 1953 г. прочел именно это и только это стихотворение? Может быть, добившись наконец-то этой искомой степени, Игорь Рейснер вспомнил свой уже далекий, блоковский Петербург?

А может быть, потому, что у него в комнате сумеречно блистал портрет его знаменитой сестры Ларисы, исполненный в манере Возрождения (не берусь судить, какого века)? А может быть, и того проще, ему понадобилось именно этими гениальными и непритязательными стихами снять стрессовые перегрузки предшествующих лет? Кто может это знать? Тогда, постеснявшись, я не спросил, а теперь не спросишь.

Попытаемся проследить ход научной мысли И. М. Рейснера в послевоенный период его научного пути. Его методологию в самом абстрактном выражении можно представить как последовательное расчленение общеформационных явлений и соответствующих категорий на их стадиальные подразделения. Так, в общий формационный стереотип классовой конфронтации феодализма «феодал — крестьянин», ранее рассматривавшийся как нечто заранее данное, вносятся стадиальные

уточнения относительно типа и землевладельца и земледельца. Уже одно это позволяло видеть в феодальном обществе на Востоке потенцию развития в пределах феодализма. В этом смысле причины постоянных возвращений И. М. Рейснера к истории Афганистана следует искать не только в широте научных устремлений и эрудиции ученого, но и в том, что параллельное изучение Индии и Афганистана нового времени позволяло проводить типологические сопоставления двух феодальных обществ — одного уже застойного, другого еще развивающегося, одного утратившего суверенитет, другого его отстаивавшего.

Послевоенные исторические исследования И. М. Рейснера были обобщены в его докторской диссертации «Народные движения в Индии в XVII—XVIII вв. и распад державы Великого Могола»¹⁰. Вторая часть диссертации «Развитие феодализма и образование государства у афганцев»¹¹ помимо вклада в афганистику занимает достойное место среди трудов его коллег по историческому факультету МГУ, таких корифеев медиевистики, как Е. А. Косминский, Н. П. Грацианский, А. И. Неусыхин, С. Д. Сказкин, разработавших марксистскую концепцию феодализма на европейском материале. Если исходить из сложившихся уже в 60-е годы представлений о двух путях генезиса феодализма, то его афганский вариант следует отнести к типологической разновидности пути синтезного, поскольку афганский феодализм складывался в процессе взаимодействия родо-племенного строя афганцев с рабовладельческими и раннефеодальными отношениями преимущественно неафганских народностей.

Хотя И. М. Рейснер не проводит прямых сравнительно-исторических сопоставлений с европейским феодализмом, уже то обстоятельство, что он опирается на известные оценки Ф. Энгельса и ведет анализ афганского материала в русле единой марксистской медиевистской методологии, делает его труд примером сравнительно-исторического метода. Этот метод позволяет обнаружить сходные явления, наблюдавшиеся и в других странах, особенно в сопредельных. Как в афганской, так и в индийской части своей диссертации И. М. Рейснер последовательно и успешно осуществлял подход, ныне именуемый комплексным. Обе книги построены по единой четкой системе — кризис и разложение родо-племенных (у афганцев) или раннефеодальных (у маратхов) отношений, народные движения переходного периода и их иде-

ологии, образование государства как итог складывания классов и их столкновений, внутренняя и внешняя политика новых государств — афганского, маратхского, сикхского — и их непримиримая конфронтация со сверхмощной по виду, но разваливающейся деспотией Великих Моголов.

И. М. Рейснер сформулировал фундаментальную мысль, которая отвергала стереотипное представление о низкой производительности земледелия на Востоке: «Соотношение необходимого продукта, шедшего на воспроизводство рабочей силы крестьянина, его семьи и хозяйства, и продукта прибавочного, отнимавшегося феодалами, было здесь более благоприятным для эксплуататоров, чем в естественно-географической среде умеренного климата. Нет никаких сомнений, что более высокая норма феодальной эксплуатации являлась дополнительным источником силы и власти феодалов над крестьянами (и нарождающимися буржуазными элементами), обстоятельством, способствовавшим сохранению феодальной эксплуатации и затруднявшим переход к отношениям капиталистического порядка, обстоятельством, питавшим тенденцию к застою в феодальных обществах Востока»¹².

Итак, высокая норма прибавочного продукта при феодализме — предпосылка застойности этой формации. Эту линию размышлений И. М. Рейснеру не пришлось проследить до конца.

Вскоре после кончины Игоря Михайловича в индоведении (и не только в нем) возобновилось оживленное обсуждение процесса феодализации общинников-земледержателей (под ним мы понимаем двуединый процесс превращения общинных верхов в низший слой феодалов и отбрасывания основной массы земледержателей в ряды феодально-зависимого крестьянства). Интерпретация этого процесса — ключевая понятийная позиция при анализе как основных тенденций социальной истории Индии в новое время, так и современной ситуации в индийской деревне. Непреходящей заслугой И. М. Рейснера была постановка и исследование этой проблемы в ряде выступлений, статей и в докторской диссертации.

Первым в нашем индоведении И. М. Рейснер определяет стадиальный уровень индийского феодализма исходя из форм землевладения и иерархии господствующего класса. По его мнению, в середине XVIII в. «маратхское общество находилось в стадии перехода к развитым феодальным отношениям». Очень четко устанавли-

вает И. М. Рейснер взаимосвязь: военно-ленное землевладение — иерархия феодальных землевладельцев — феодальный сепаратизм. Причем речь идет о превращении прежней «иерархии военных и гражданских чинов», получавших «свою долю прибавочного крестьянского продукта через налоговый аппарат феодального государства, в иерархию феодальных землевладельцев, которые непосредственно эксплуатировали бы тяглых крестьян»¹³.

Итак, И. М. Рейснер еще в середине 50-х годов положил в основу периодизации феодализма в Индии прежде всего анализ самой формации, а не наличие в ней элементов капитализма.

Так, обретая зрелость и глубину, исследовательская мысль ученого все более преодолевала извечный соблазн выдавать желаемое за действительное, передовое, но частное — за универсальное и уже возобладавшее, а инертность системы — за деформированные пережитки. Но, выделив в историческом прошлом Индии его действительные стадияльно-формационные рубежи, исследователь получал возможность правильно соизмерить дистанцию, темп и формы последовавшего продвижения, объем уже свершившегося и еще предстоящего. Индийский феодализм — во всяком случае в пределах нового времени — был освобожден от репутации абсолютно застойного образования, а народные движения предстали как самые жизнеспособные силы индийского общества, сбрасывавшего вериги восточнофеодального деспотизма. На смену ему шла та же феодальная, но уже военно-ленная система, которая «открыла новую страницу в истории маратхов».

Творческим озарением стал для И. М. Рейснера XX съезд КПСС, который отменил многие застоявшиеся догматические оценки политических и экономических процессов, развернувшихся в суверенных государствах Востока. Так, начиная с 1925 г. политическая линия буржуазии Индии и Национального конгресса, возглавляемого М. К. Ганди, изображалась лишь как цепь капитуляций, предательств и демагогических маневров. Но после VII конгресса Коминтерна (1935) и с учетом опыта единства действий в самой Индии взгляды многих советских индологов стали существенно меняться. Не снимая принципиальной критики, А. М. Дьяков, И. М. Рейснер, их коллеги и ученики переходят к более углубленному анализу деятельности Индийского нацио-

нального конгресса и его лидеров. Уже на рубеже 40—50-х годов А. М. Дьяков, И. М. Рейснер, С. М. Мельман, В. В. Балабушевич и их единомышленники пролагали путь к подлинно научному изучению процессов, развернувшихся в суверенной Индии. И опубликованная вскоре после XX съезда статья А. М. Дьякова и И. М. Рейснера¹⁴ была подготовлена годами углубленного переосмысливания взглядов, ранее не подлежавших сомнению.

Не случайно к концу этих заметок сблизились имена Игоря Михайловича Рейснера и Алексея Михайловича Дьякова. Трудно подыскать двух людей, которые внешне так мало походили бы друг на друга: один по-спортивному подтянутый, весь заряженный на мгновенную реакцию, саркастичный, с ним всегда было явственное ощущение интеллектуальной дистанции, второй — грузный, неторопливый, открыто доброжелательный, с активно притягательной обаятельностью. Не схожи были у них и малые приязни и привязанности. Редко они встречались домами (может быть, потому, что пути их сошлись, когда обоим было под сорок и круг личных друзей уже замкнулся). Тем более приходится ценить их никогда не омрачавшуюся творческую дружбу, взаимные симпатию и уважение.

Последние четыре года жизни Игоря Михайловича были заполнены напряженным, порой лихорадочным трудом. Он вдохновляет и направляет два фундаментальных труда: сборник, посвященный Б. Г. Тилаку¹⁵, и «Новую историю Индии». Остается только гадать, что И. М. Рейснер еще создал бы, проживи он дольше. Самый молодой из индологов того поколения, самый спортивный, казалось, самый здоровый, он ушел первым.

¹ Рейснер М. А. Идеологии Востока. Очерки восточной теократии. М., 1927.

² Рейснер И. М. Независимый Афганистан. М., 1928.

³ Рейснер И. М. Афганистан. М., 1929, с. 2.

⁴ Там же, с. 147.

⁵ Там же, с. 192.

⁶ Рейснер И. М. Очерки классовой борьбы в Индии. Ч. I. М., 1932, с. 21.

⁷ Там же, с. 80.

⁸ Там же, с. 153.

⁹ Там же, с. 137.

¹⁰ Первая часть была издана посмертно. См.: Рейснер И. М. Народные движения в Индии в XVII—XVIII вв. М., 1961.

¹¹ *Рейснер И. М.* Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954.

¹² *Рейснер И. М.* К вопросу об отставании стран зарубежного Востока.— Вопросы истории. 1951, № 6, с. 78.

¹³ *Рейснер И. М.* Народные движения в Индии в XVII—XVIII вв., с. 154.

¹⁴ *Дьяков А. М., Рейснер И. М.* Роль Ганди в национально-освободительной борьбе народов Индии.— Советское востоковедение. 1956, № 5.

¹⁵ Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б. Г. Тилака. М., 1958.

Л. И. Рейснер

ПОРТРЕТ ОТЦА

Отец был человеком трагическим и глубоко жизнедеятельным, радостным и легким по своей человеческой натуре. Трагической была его личная судьба, я бы сказал, биография, ибо в конце 20-х годов он потерял самое дорогое и драгоценное: семью Рейснеров, которая была в чем-то подобна маленькому культурному очагу, литературному салону, родственному клану. Неумолимо, год за годом, смерть уносила всех старших — отец был младшим: в 1926 г. ушла Лариса Михайловна, в 1927 г. — Екатерина Александровна, в 1928 г. — Михаил Андреевич. Как тут не вспомнить: «Беда никогда не приходит одна».

Отец говорил со мной не очень часто, но это были беседы долгие, всегда очень нужные мне, оставлявшие след больше в душе, чем в памяти (обычно эти беседы происходили во время прогулок). О своих родных он почти не рассказывал, не любил касаться этой темы — позже я понял, что рана никогда не заживала. Повторял только, что Лариса (Лэри) была для него больше чем родная сестра, он ее боготворил, как, впрочем, и старшие Рейснеры. И еще они, сестра и брат, были не только друзьями, но и товарищами (у них было товарищество, если быть более точным). Отец не один раз грустно повторял: «Брюшняк подхватил я, она заразилась и умерла, а я выжил».

Семья Рейснеров выросла на совершенно определенной культурной почве, хотя очень избирательно подходила к русской культуре, брала те образцы, которые были близки, отвечали вкусу и внутреннему миру дома. Отзвуки этого мира дошли и до меня, вошли в меня: это декабристы, Герцен («Былое и думы»), Грибоедов, Лермонтов, Тургенев, Блок, акмеисты. Совсем недавно, например, я был изумлен и обрадован, когда у Осипа

Эмильевича Мандельштама прочитал знакомые с детства строчки, которые отец повторял много раз:

И плывет дельфином молодым
По морским пучинам мировым;

или другое:

Иосиф, проданный в Египет,
Не мог сильнее тосковать.

К дому Романовых семья относилась, как к личным врагам, исключая Петра (Рейснеры, к слову, были петербуржцы). Наиболее ярко это нехристианское чувство проявилось в статье Ларисы Рейснер «Чем они жили», где страница за страницей — одно сплошное издевательство над напыщенной пустотой телеграфных «домашних» депеш путешествующего последнего самодержца — Николая II. Ему Лариса противопоставляет двух предтеч: Павла — «с мальтийским крестом, осеняющим не только порывы его необычайной низости, но и редчайшего душевного благородства»; Николая I — «тяжкого, гнетущего вместе с конем могильную плиту России». «Но даже такой скудной казарменной стильности не оставил своим друзьям последний Николай», — завершает она свою романовскую увертюру¹.

Октябрь 1917 г. был для нашей семьи еще и возмездием за Декабрь 1825 г., за Пушкина (чего так жаждал Михаил Юрьевич), за самого Лермонтова, за многих других. Отсюда эти строчки, завершающие очерки Л. М. Рейснер «Декабристы» (1925 г.): «Как раз напротив Кронверкского вала и того места, где вешали декабристов, наискось через небольшой канал стоит теперь небольшой белый дом. С его балкона через сто лет после казни декабристов говорил Ленин. Когда Рылеев корчился в петле, дома этого еще не было»².

Рейснеры были русские дворяне и прибалтийские немцы — «из песни слова не выкинешь». Но в образе жизни, в мировосприятии, в трудовом воспитании интеллигента, которое отец получил и дома, и в нашем обществе, уже по существу не было ничего барского. Дворянское было в другом. В самые тяжелые минуты нелепых передраг жизни он всегда безумно жаждал немедленно отплатить именно данному обидчику, нанести ему ответный удар. Отец с горечью, в бессилии говорил не раз: «Как плохо, что подлеца нельзя вызвать на дуэль — если бы он знал о такой возможности, это за-

ставило бы его не только уважать, но и побаиваться достойных людей». Он был гордец: за это одни его недолюбливали, другие страстно хотели унижить, поставить на место.

Его любимые выражения — из грибоедовского «Горе от ума»: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Образ Лизы был ему понятен и дорог: горничная, а независима, девчонка, а умна, из московских дворовых, а личность. Еще из лермонтовского «Маскарада» — понтер Звездичу: «Что стоят ваши эполеты?» Князь: «Я с честью их достал, и вам их не купить». Ответную фразу в дым проигравшегося офицера отец произносил с нескрываемым удовольствием.

Чувство отчизны, любовь к России у отца хоронились где-то в глубине, но были неотъемлемыми. В 1941-м он просился на фронт, но ему пришлось в октябре эвакуироваться с МГУ. Находясь вместе с ним, я ничего не боялся, но, когда Гитлер подошел к Волге, мне, 14-летнему подростку, передалось ощущение, что все повисло на волоске — это было в Свердловске, где мы впервые услышали Седьмую симфонию Шостаковича. Когда немцы были разбиты под Сталинградом, отец все время повторял слова, которые сказал один из наших генералов — участников битвы: «Какая победа!». Из разных мест, куда он ездил в войну с лекциями, всегда приезжал не с пустыми руками, а с подарками: летчики ему подарили унты, которые мы долго носили (теплые, как две печки).

Отцу был совершенно несвойствен интеллигентский «нарциссизм» — будь то индивидуального или группового лада. Он охотно работал в авторском сообществе и как редактор-автор с группой пишущих людей: наиболее яркое свидетельство тому — довоенная «Новая история колониальных и зависимых стран» памятна мне творческой жизнерадостностью атмосферы, в которой она создавалась, а также незабываемым литературно-редакторским тандемом Рейснер — Гольдберг (господи, как же они потешались — по-детски, без тени надругательства, над авторской неуклюжестью Шийка, Старосельцева и других, выделяя как образец Георгия Сергеевича Кара-Мурзу!). В авторской группе отец был в такой же степени в родной стихии, как и в студенческой (и любой другой) аудитории.

Он легко общался и мог сдружиться с людьми всякого «неинтеллигентного» сословия, исключая разве бю-

рократическое — да и то в последнем случае нужна оговорка: речь идет больше об определенной породе людей, чем о должности. Но было бы грехом скрыть и другое: особое удовольствие отцу доставляла редкая возможность поблистать в обществе мужчин и женщин своего круга. Впрочем, он был человек стихийно созидательный, поскольку мог сам создавать свое непосредственное окружение по какой-то созвучности.

Был ли отец человеком мужественным, как многие о нем говорили? С какой стороны посмотреть — мне кажется, скорее смелым, быстрым и решительным в поступках. В семье он не стыдился своих слабостей, иногда малодушия, говоря: «Физически я смелый, морально трус»; «я прячу голову в песок, как страус». Он был всадником, а не гоплитом, если сказать по-древнеримски, был слабым в окопной войне нервов. Его нельзя было победить в честной борьбе, а измором взять было можно, но все равно, он не сдавался, вставал на ноги, устремлялся взять реванш. Ненавидел, когда обижали слабых, женщин — побил одного хама, который что-то заметил о матери, когда та была в положении. Сам немало перестрадав в жизни, он добрее и человечнее был к тем, кого обидели жизнь, люди, несправедливость. Вольнодумцем он был, но фрондером никогда, хотя многие его воспринимали именно так, от этого он имел кучу неприятностей по службе, по общественной жизни, по научной работе.

Печать своей «анкетной неполноценности» он нес, подобно многим, с 30-х годов: лишился до войны работы и партийного билета (был восстановлен в партии во время войны), а накануне смерти Сталина был вновь на грани увольнения из МГУ как «засоряющий кадры» Университета, но больше об этом писать не стану: другим досталось хуже, их не только «давили» морально, но высылали на долгие годы и уничтожали физически. Мой отец — и я его люблю за это больше всего — не боялся брать аспирантами детей репрессированных родителей, содействуя их превращению в «полноценные кадры» послевоенного советского востоковедения.

Я сейчас очень хорошо чувствую кредо отца: он никогда и ни в чем не признавал, не хотел признавать кого-то выше себя (это как бы суверенитет своей личности), но точно так же и ниже себя (а это — уважение к точно такому же суверенитету другого человека). Мы, дети, ощущали это острее других, ибо мы и морально, и

материально зависели от отца, но одновременно были вольны в своих маленьких решениях и поступках, в выборе друзей и занятий, в контактах с двором и улицей. Он терпел от нас всякие детские подковырки и даже издевательства так, как снисходительно и терпеливо слон позволяет индийскому мальчику дергать себя за хобот и за уши. Но когда мы переходили границы, особенно в отношениях с другими, он резко и беспощадно ставил нас на место.

Помню, до войны у нас была домработница из немок Поволжья — с зелеными глазами, курчавыми рыжеватыми волосами, краснолицая, некрасивая, ребенку только подавай таких на растерзание. Звали ее Клара. Конечно, я был глупый и стал ее поддразнивать: «немка», «немка», доводя до слез (видно, не первый был случай в ее жизни). Она пожаловалась отцу. Он меня призвал, посмотрел как на чужого и сказал медленно и отчетливо, хотя был в бешенстве: «А ты-то сам знаешь, кто ты?». Я, естественно, не знал, как Оська, брат Льва Кассиля, который после аналогичного случая долго уяснял себе собственное положение, спрашивая: «Папа, а наша кошка — тоже еврей?» Персы говорят: «Хорошей лошади довольно одного кнута» — так вот я свой кнут получил — на всю жизнь усвоил, что национальная принадлежность есть одна из глубоких, интимных сторон человеческой души, до которых никому не дозволено касаться «без спроса», как говорят дети. Были и другие кнуты: отец из нас барчуков выбивал, мы несли свою долю в домашнем хозяйстве, пусть небольшую. Когда выходила осечка, ставил на место. «Папа, что надо собирать на стол?» — «Мусорные ведра, ночные горшки», — отвечал наш рафинированный родитель. «Папа, мне нужна бумага». — «Слуги верные... а ну-ка принесите немедля». Было и стыдно и весело.

Отец, я думаю, больше всего любил общение со своими учениками, дипломниками, молодыми коллегами — не только и даже не столько в аудитории, но и у себя дома. Это давало ему возможность щедро и неформально делиться своим «капиталом», идеями, жизненным опытом и воспринимать, «додумывать» мысли других. Он был просто неравнодушен к способным и самобытным молодым ученым, даря им свои неожиданные и иногда парадоксальные, вдруг вспыхнувшие гипотезы, как бы провоцируя свободу, раскованность мысли собеседника.

Да, он всегда себя дарил, дарил охотно и радостно, может быть, безотчетно, но осмысленно — не от ума, а от сердца. Дарил нам, детям — не играл роль няньки, а был, когда надо, настоящей нежной няней. Помню, младший брат был совсем крошка, не мог уснуть: отец быстро-быстро ходил по комнате из угла в угол с Додиком (уменьшительное от Георгий), напевал из «Неоконченной симфонии» Шуберта одну и ту же фразу (слух у него был неважный).

Еще один эпизод: я маленький ползал под столом, были гости, пили чай, я потянул скатерть, чайник свалился мне на ногу и сильно обварил. Я, не помня себя от боли, визжал как резаный, ножку смазали каким-то маслом, забинтовали, а меня — в кроватку. Отец сел рядышком, стал сочинять-рассказывать сказку, он их всегда видоизменял и выдумывал, я быстро все забыл, боль и обида прошли. Понимаю теперь: отец в тот момент чувствовал себя очень виноватым перед мною маленьким — полечил мне детскую душу. Болеет гриппом, ангиной любят все школьники, а мы с братом любили особенно — отец нежно ухаживал за нами, окружал ласковой заботой, поил чаем, кормил сладким — мы, уже молодые балбесы, снова чувствовали себя «ребенками», защищенными домашними щенками (отец любил киплингское слово «сив» — детеныш человеческий и звериный).

Вообще наши детские права на него были безграничны. Так, я много лет подряд, еще с 1942 г. (все началось с «Маугли» с его исключительно богатым словарем) занимался с отцом английским. Это было как закон, практически каждый вечер, причем я был большой педант, отец всегда безропотно соглашался, а когда я хотел уклониться, настаивал он.

Лучшим, «старым» другом отца был Николай Максимович Гольдберг, самый интеллигентный, пропитанный русской культурностью человек, которого я встречал. Он мне как-то (мы с ним были тоже друзьями, и, немножечко тайком от моего отца, у нас были «свои отношения»), уже после войны, сказал об отце: «Какой, Лева, у тебя прекрасный отец — тебе повезло». Я тогда не придавал большого значения этим словам, но запомнил. Сейчас немного мучаюсь, как все нормальные дети, что «отдарить»-то отцу не смог, не успел и огорчений ему доставлял порой немало. Но он же меня и утешил в свое время: когда я стал «человеком семейным» и сам

отцом, родители мне помогали материально, а я тайно переживал и однажды признался отцу. Он очень просто развеял мои мучения, впрочем, не очень глубокие. Сказал: «Мне помогал мой отец, я с ним никогда не расплачусь, я помогаю тебе, ты — своим детям, они — своим». Он это «с ходу» придумал (в импровизации он был очень искушен), но у него это было в самой глубине мироощущения. «И не дай бог что-то с нас, детей, получить: дарите другим, у вас своя клиентура».

Однажды я понял одну вещь, которая раньше мне никак не давалась: каждый, кто имел достаточно длительное и дружественное, неформальное общение с отцом, казалось, думал, что именно к нему Игорь Михайлович подходит и относится не так, как к другим, совершенно по-особому. И мне так всегда казалось: что он от меня ждет чего-то необыкновенного, прежде всего в науке. Теперь я знаю, что могу, чего не могу. Но ощущение осталось. Он ко всем относился действительно по-особому, лично, как друг, без дистанции. От всех ждал необыкновенного, не от всех сразу, но каждый в свое время получал этот заряд: я, например, на всю жизнь. Когда вам пишут на оттиске статьи: «Другу, ученику, сыну от Игоря» — как же в это можно не поверить?

Кончить хотел бы тем, с чего начал. Отец был человеком трагическим, внутренне незащищенным — помогая другим, он как бы хотел этим опровергнуть то, что сам был в чем-то сломлен: может быть, в этом и проявлялись его мужество и жизнелюбие. Но то, что отец был несчастлив, я это всегда, еще детским сердцем, чувял, но отчета себе не отдавал. Только один раз я мог это наблюдать: как-то после войны я вошел в маленькую комнату на Пресне, которая была спальней родителей, кабинетом и библиотекой отца. Он сидел в кресле в глубокой задумчивости, лицо было несчастным, в глазах стояли слезы. Он меня то ли не заметил, то ли сделал вид, что не заметил, я буквально на цыпочках вышел, хотя готов был вылететь пулей.

Не зная этой черты, трудно понять стиль и манеру отца, как историка. Драмы и конфликты народов, сословий и классов, личностей и культур — все это его захватывало, завораживало. Он всегда выделял, резко очерчивал типы и характеры, ему близкие: воинственных и великодушных, слабых, сумевших стать сильными, сильных, повергнутых, но не потерявших мужества — будь-

то сикхи, маратхи, афганцы, раджпуты, Типу-султан, Тилак и десятки других действующих лиц на беспредельных просторах истории. Все это было живым, ошеломительным у отца, но и современность в его глазах тоже разворачивалась, как бесконечный свиток мировой истории. Я позволю себе привести лишь одно место из его посмертно изданной книги «Народные движения в Индии в XVII—XVIII вв.». Основная работа по подготовке рукописи к изданию легла на меня — в тот год я пережил заново и историю Индии, и историю собственного отца. Речь пойдет о падишахе Аурангзебе, правителе суровом и жестоком, воинственном и фанатичном, но сильном по характеру, властном по нраву, — словом, восточном деспоте до мозга костей. Вот как отец прощается со своим «нелюбимым героем»: «Последние дни жизни Аурангзеба были омрачены новыми успехами маратхов и раздорами между его сыновьями, готовившимися начать войну за престол. Перед смертью он понял, что все усилия его пятидесятилетнего царствования — спасти державу Моголов и укрепить господство крупных мусульманских феодалов над Индией — окончились полной неудачей. „Я не знаю, кто я и что я делал“, — писал Аурангзев своему сыну Азаму. И дальше: „Драгоценная жизнь ушла неизвестно на что... Все солдаты чувствуют себя беспомощными подобно мне, трепещущему, как ртуть, перед последним расставанием“»³.

История для отца была не столько общественная дисциплина, сколько Муза, непостижимая, прекрасная, недоступная. Может быть, поэтому он так любил пушкинскую «Песнь о вещем Олеге», где встретились две Музы: Клио — истории и Каллиопа — эпической поэзии. Помню и любимые строчки, гордые, как сам Александр Сергеевич под ледянящим царским окном:

Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.

Когда произошел XX съезд КПСС, исторический факультет весь гудел, состоялось партсоборание о задачах исторической науки, отец возвратился домой усталый, совершенно разбитый от переживаний. В ответ на мои вопросы — «ну что?» — сказал два слова: «Историю надо писать чистыми руками». Я продолжал приставать, спрашивать, что же он сам сказал (я знал, что отец в таких случаях никогда не отмалчивался). Получил в

ответ такое же короткое: «Сказал, что главная задача — перестать врать».

Вот каким был мой отец, самое большое человеческое счастье (личное счастье — совсем другая музыка), что выпало мне в жизни. От него я больше всего узнал такого, о чем не прочтешь в книгах. Премудрость эту можно уложить в спичечный коробок: «Личность человека всего лишь в том, что он в других людях видит личностей» — прямо противоположное самоутверждению за счет других. Отец был ревнив к славе, к успеху, равнодушен и к внешнему положению в науке — это были его собственные слабости, но он всегда искренне радовался успехам других: коллег по истфаку, ученых — гуманитариев по уму и духу, «своих» востоковедов, особенно же учеников — во всем этом он чувствовал пульс собственной жизни, динамизм науки, побуждение к труду, общению, спору. Не могу сказать, что он смотрел только вперед, это выпендренно и невразумительно: просто он не умел оглядываться, думать о последствиях, не умел бояться совершить ошибку. Жизнь его все время учила этому, а он так и не научился. И слава богу.

¹ Рейснер Л. Избранные произведения. М., 1958, с. 493—494.

² Там же, с. 486.

³ Рейснер И. М. Народные движения в Индии в XVII—XVIII вв. М., 1961, с. 176—177.

Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина

ПРОФЕССОР Б. Н. ЗАХОДЕР (1898—1960) —
ОДИН ИЗ ОРГАНИЗАТОРОВ
МОСКОВСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В период организационной перестройки научных и учебных учреждений, широкомасштабной подготовки кадров востоковедов нового профиля, становления новых направлений в науке особое значение приобретают выбор тех или иных ученых, на чьи плечи ложится основная тяжесть научно-организационной работы, их научный авторитет, организаторские способности, умение видеть перспективы развития целой отрасли знания.

Среди советских востоковедов старшего и среднего поколений было немало выдающихся ученых, обладавших большими организаторскими способностями. С их именами связаны наиболее яркие и ответственные периоды истории советского востоковедения. Невозможно представить развитие академического востоковедения, в частности Института востоковедения АН СССР, без академиков С. Ф. Ольденбурга, А. Н. Самойловича, И. Ю. Крачковского, В. В. Струве, И. А. Орбели, В. М. Алексеева, Н. И. Конрада, Б. Г. Гафурова и др., а московского востоковедения без М. П. Павловича, В. А. Гордлевского и плеяды молодых ученых, пришедших в востоковедение в конце 20-х — начале 30-х годов, — Н. А. Смирнова, А. А. Губера, И. М. Рейснера, А. Ф. Миллера, Г. Д. Санжеева, С. Н. Ростовского и др. В их числе был и Борис Николаевич Заходер.

Борис Николаевич Заходер родился 6(18) августа 1898 г. в селе Борок Костромской губернии (ныне Горьковской области) в семье земского врача. Большую часть детства и юности он провел в семье тетки — сестры матери, известной актрисы Е. К. Малиновской (Малишевской), члена большевистской партии с 1905 г., и в семье Смидовичей. В 1917 г. он окончил 7-ю московскую гимназию и начал работать в различных политико-про-

светительных учреждениях Москвы: в 1918—1923 гг. секретарем Управления государственных академических театров, в 1923—1928 гг.—управляющим делами Комитета по охране музейных коллекций Народного комиссариата просвещения. Эта служба привила ему начальные организаторские навыки, а также любовь к искусству и музейной работе и надолго связала с артистическим миром. Одновременно Б. Н. Заходер учился на ближневосточном факультете Московского института востоковедения (1923—1927), а затем в аспирантуре этого института (1927—1930). Впоследствии, в 1935—1939 гг., он работал в качестве старшего научного сотрудника в Музее восточных культур и в Московском отделении Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК).

С 1930 г. началась педагогическая работа Б. Н. Заходера — в Московском институте востоковедения (1930—1934), где он впервые получил кафедру персидского языка, в Московском институте истории, философии и литературы (1934—1939), на историческом факультете Московского университета (1934—1954). Немногочисленные востоковеды исторического факультета входили в состав кафедры новой истории колониальных и зависимых стран, а Б. Н. Заходер как медиевист — в состав кафедры средних веков, которую возглавлял акад. Е. А. Косминский. Борис Николаевич постепенно расширял свой курс лекций по средневековой истории Востока, начав его с истории стран Средиземноморья и Передней Азии и доведя до обзора средневековой истории всех стран Востока¹. Он первым в Советском Союзе стал читать полный курс по истории народов Ближнего и Среднего Востока в средние века. Затем этот курс был переработан в учебник «История восточного средневековья. Халифат и Ближний Восток» (МГУ, 1944), и Борис Николаевич стал писать общий учебник по средневековой истории Востока, который остался неопубликованным.

В это время на истфаке шло параллельное чтение лекций: средневековую историю Ближнего Востока читал Б. Н. Заходер, а общий курс средних веков Востока — Н. А. Смирнов, Г. С. Кара-Мурза и др. Б. Н. Заходер считал, что «восточное средневековье» должно стать составной частью нашего исторического образования. Он имел непосредственное отношение к выработке программы по средневековой истории Востока, к

Б. Н. Заходер

составлению которой на истфаке МГУ приступили после постановления ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школе (1934). Впоследствии программы по средневековой истории Востока коллективно неоднократно пересматривались и улучшались. После возвращения из эвакуации в Москву кафедра новой истории стран Востока (Н. А. Смирнов) разработала программу общего курса истории стран, который лег в основу лекционных курсов на Отделении Востока истфака МГУ². По этой программе читал курс средневековой истории стран Ближнего и Среднего Востока и Б. Н. Заходер.

К принципиальным вопросам истории восточного средневековья, к месту этого курса в общей вузовской программе исторической подготовки студентов Б. Н. Заходер возвращался неоднократно. В докладе «Некото-

рые спорные вопросы истории восточного средневековья», прочитанном на заседании Ученого совета истфака МГУ 29 ноября 1950 г., он утверждал, что существование двух дисциплин по истории средних веков — общего курса истории средних веков, в котором не представлен средневековый Восток, и «восточного средневековья», изолированного (по программе) от общей средневековой истории, — «вредно и для науки, и для пропаганды наших прогрессивных взглядов на прошлое человечества». Он ставил вопрос о необходимости принципиально иного подхода к изучению Востока, выяснению специфики его внутреннего развития, особенностей восточного феодализма. Он считал недопустимым копировать европейскую схему при анализе развития феодализма в Китае и утверждал, что «в Китае и Индии тоже могут быть „классические“ типы происхождения феодализма», а не только во Франции, он призывал изучать крестовые походы и монгольское завоевание не только как внешний фактор, но и как результат внутреннего развития стран Ближнего и Среднего Востока. Поднимаемые Б. Н. Заходером вопросы, наряду с научными поисками других советских востоковедов, способствовали дальнейшей разработке важнейших востоковедных проблем, выработке новых востоковедных концепций.

В начале 50-х годов, в связи с написанием учебников по истории стран Азии и Африки, востоковеды неоднократно обсуждали вопросы периодизации истории стран Востока. Свою периодизацию восточного средневековья предложил и Борис Николаевич, выступив с докладом на Ученом совете ИВ АН в 1951 г. Ученого волновал вопрос, как сочетать принятую с европоцентристских позиций периодизацию (деление истории на древнюю, средневековую, новую и новейшую) со спецификой развития стран Востока, а основные признаки формаций — с внутренними закономерностями развития восточных государств. В последнее десятилетие жизни ученого занимали проблемы развития общественно-экономических формаций на Востоке, эволюции земельной собственности в период феодализма, закрепощения крестьян и др.

Б. Н. Заходер много размышлял над вопросами философии истории и методологии исторических исследований, об абсолютном и относительном значении исторического факта, об исторической перспективе, ценности письменных источников и т. п. Он придавал большое

значение сравнительно-текстологическому анализу письменных источников средневековья, наличию часто повторяющихся в восточных текстах заимствований и выявлению первоначальной редакции памятника. Заходер увлекался вопросами научной организации труда востоковедов, созданием специальных кабинетов, коллективных картотек и досье, будучи глубоко убежден, что время кабинетных ученых-одиночек прошло и что сейчас только научные коллективы в состоянии освоить накопившийся исторический материал, все возрастающую печатную продукцию по востоковедению.

В 1938 г. Б. Н. Заходеру была присуждена (без защиты) ученая степень кандидата исторических наук, а за месяц до начала Великой Отечественной войны он защитил докторскую диссертацию «Низам ал-Мульк. Очерки по истории Сельджукского государства» (не издана). Впоследствии, в 1949 г., он издал перевод «Сисасет-наме» Низам ал-Мулька, снабдив этот важный исторический источник обстоятельным введением и тщательно сделанными обширными примечаниями.

Уже к началу Великой Отечественной войны Б. Н. Заходер пользовался большой популярностью в Москве как специалист по многим проблемам востоковедения. К нему обращались за консультациями искусствоведы, издательства, киностудия «Мосфильм». Он хорошо знал и любил мировую художественную литературу, театр, образительное искусство, музыку, которые прочно вошли в его жизнь и научные труды. На формирование его эстетических взглядов оказала большое влияние Е. К. Малиновская. В 20-е годы Борис Николаевич познакомился с начинающей художницей Марией Николаевной Протасьевой, большой любительницей музыки, живописи и иностранных языков, и вскоре женился на ней. О тяготении Б. Н. Заходера к людям искусства и литературы говорит его переписка с писателями, художниками, искусствоведами, архитекторами, например с С. Айни, А. Лахути, художником К. Коровиным и др. Искусство Б. Н. Заходер ставил на второе место после науки. Он дал «путевку в жизнь» многим историческим романам и повестям — роману К. Гамсахурдиа «Давид Строитель», драме А. Хамида «Муканна», трагедии И. Сельвинского «Бабек» и др. Произведению Сельвинского он предпослал историческую справку о Бабеке, а к роману Айбека «Навои» написал большое послесловие «Алишер Навои (опыт исторической характеристики)»³.

Персидская литература заняла видное место в творчестве Заходера. В 1934 г. в связи с юбилеем Фирдоуси он написал для журнала «Искусство» очерк «О великом памятнике иранской культуры». В 1936 г. были изданы в его переводе рассказы крупного иранского писателя Джемаль-Заде «Были и небылицы». Менее известны или совсем неизвестны его переводы из Низами, Низам ал-Мулька, Кази Ахмеда и др. В 1940 г. он подал докладную записку о подготовке к печати произведений Низами и выступил с докладом-консультацией «О костюме и элементах быта эпохи Низами» перед художниками и скульпторами, работавшими над образом Низами. (Не без влияния Б. Н. Заходера К. Коровин создал костюм Персидки для балерины Гельцер.)

Очень рано проявился поэтический дар Б. Н. Заходера. Его гимназические стихи 1913—1915 гг. написаны под влиянием античных авторов и русских декадентов. Впоследствии он пробовал писать также художественную прозу: небольшие сценки, портреты знакомых. Был он очень наблюдателен, умел удивительно точно подмечать характерные черточки в человеке, выделять типические черты, присущие целому социальному слою. В его дневниках 40-х годов сохранились небольшие рассказы, которые Заходер часто читал знакомым и своим ученикам.

Война всколыхнула преподавателей и студентов истфака МГУ. Многие обратились с просьбой отправить их на фронт. В их числе был и проф. Б. Н. Заходер. Он писал: «Заявляю о своем решительном желании пойти добровольцем на фронт или выполнять любую оборонную работу на любом участке, которая мне будет поручена. Обязуюсь порученное мне дело преданно, не щадя ни сил, ни жизни, выполнять на благо моей Родины. Очень прошу незамедлительно дать ход моему заявлению»⁴. В ополчение ушло 163 историка, но историков-востоковедов руководство университета и вышестоящие инстанции решили использовать для подготовки необходимых востоковедных кадров, чтения публичных и специальных лекций, подготовки спецматериалов, брошюр и др.

В начале войны Б. Н. Заходер вместе с частью преподавателей истфака был эвакуирован в Ашхабад, а в июне 1942 г. переехал в Ярославль, где стал читать курс по восточному средневековью в педагогическом институте. Также он входил в состав Ученого совета объ-

единенных гуманитарных факультетов МГУ в Свердловске и руководил там аспирантами. Но очень хотел вернуться в Москву и спрашивал 8 октября 1942 г. проф. К. В. Базилевича: «Не подвернется ли в Москве какая-нибудь работа? Хочется работать для общей победы над врагом». Большой интерес проявлял он к делам на истфаке МГУ, где, несмотря на тяжелое положение на фронтах, начались с осени 1942 г. занятия студентов. Его очень порадовало сообщение Базилевича о начавшемся на истфаке новом 1942/43 учебном годе и о предложении организовать Отделение Востока, для заведования которым намечено было пригласить И. Ю. Крачковского. В марте 1943 г. Заходер вернулся в Москву.

Великая Отечественная война прервала нормальную работу многих научных и учебных заведений, в том числе и востоковедных, рассеяла востоковедов по фронтам и тылам. Кроме того, во время войны выявилась большая потребность в научных востоковедных кадрах и в практических специалистах по Востоку. Имевшиеся учебные заведения, свернувшие в значительной мере свою работу, не обеспечивали возросшей потребности в востоковедах. Поэтому встал вопрос об организации новых центров по подготовке востоковедов.

Учитывая научный авторитет, преподавательский опыт и организаторские способности Б. Н. Заходера, именно ему в 1943 г. была поручена организация Отделения Востока на истфаке МГУ. Это отделение было создано на основе кафедры истории Востока (заведующий Н. А. Смирнов) и кафедры новой истории колониальных и зависимых стран (заведующий А. А. Губер) с привлечением нескольких преподавателей с других кафедр. Отделение Востока не было укомплектовано кадрами — не было специалистов по истории некоторых стран Востока, преподавателей восточных языков. Поскольку больше было историков-ближневосточников, то первые группы студентов принимались на отделение по истории Турции, Ирана, арабских стран, затем Индии. Проф. Заходеру пришлось приложить много усилий, чтобы привлечь к преподаванию лучшие кадры востоковедов из других научных учреждений⁵.

Многие годы Б. Н. Заходер был связан с Академией наук СССР. В 1944 г. он стал сотрудником Московской группы Института востоковедения, а в 1950 г. — ее председателем. После перевода Института востоковедения из Ленинграда в Москву Б. Н. Заходер заведовал секто-

ром Ирана (1950—1953, 1956—1960), сектором истории и экономики стран Ближнего и Среднего Востока (1953—1956), Отделом стран Ближнего и Среднего Востока (1956—1960).

Кроме педагогической и большой административно-организационной работы в Институте востоковедения АН Б. Н. Заходер постоянно вел научно-исследовательскую работу, был членом редколлегии журнала «Советское востоковедение» (с 1959 г.— «Проблемы востоковедения»), входил в состав экспертной комиссии Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве высшего образования, а также Библиотечного совета Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР, в которой при его активном участии в 1939 г. был создан специальный кабинет Востока.

Круг его научных интересов был чрезвычайно широк. По отзыву акад. И. Ю. Крачковского (10 июля 1947 г.), Б. Н. Заходер — «один из крупнейших историков Ближнего Востока, который получил двойную подготовку — востоковеда и историка, и перенес в область истории Востока, особенно Ирана, точные и тонкие методы славной московской школы медиевистики. Заслуга его тем более велика, что в области прямой специальности у него не было непосредственных руководителей и он больше всего обязан своей собственной инициативе и энергии. Его докторская диссертация „Низам ал-Мульк (Очерки по истории Сельджукского государства)“ сразу поставила его в первом ряду наших исследователей»⁶.

Основные исследования Б. Н. Заходера были посвящены истории Ирана, средневековой истории стран Ближнего и Среднего Востока, восточным источникам по истории народов Восточной Европы⁷.

С начала 40-х годов Б. Н. Заходер стал собирать известия мусульманских авторов о русах и других славянских племенах, а также иных народах, населявших Восточную Европу. О необходимости серьезного изучения мусульманских источников по истории народов СССР неоднократно говорил акад. И. Ю. Крачковский. По его инициативе в Московской группе ИВ АН стала разрабатываться тема «Восточная Европа в средневековой мусульманской письменности». Б. Н. Заходер стал исполнителем этой темы и написал несколько статей, первая из которых была опубликована в 1943 г. Все послевоенные годы он продолжал собирать материалы из

арабских и персидских авторов о населении Восточной Европы в домонгольский период.

Незадолго до кончины, в декабре 1959 г., он закончил первую часть исследования «Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв.». Его письма последних лет полны тревоги: успеет ли он завершить работу из-за болезни, подготовить рукопись к сдаче в издательство. Работе «Каспийский свод» предпослано большое историографическое исследование (гл. I) о трудах, в которых рассматривался вопрос о происхождении и развитии свода географических сведений о Восточной Европе. Возникновение этого свода Заходер связывал с небывалым размахом среднеазиатско-хорасанской торговой деятельности в X в., когда увлечение географией диктовалось практическими нуждами. Именно поэтому географические сочинения были популярны среди широких слоев населения Средней Азии и Хорасана. Вторую главу книги составляет ранее опубликованная статья «Среднеазиатско-хорасанская география IX—X вв. о Поволжье и Восточной Европе. Общие представления и природа», имеющая большое значение для понимания представлений мусульманских географов того времени и употребляемых ими терминов. Основная часть книги посвящена хазарам. Собранные материалы позволили Заходеру не только дать представление о стране Хазарии и ее населении, но и показать длительную борьбу за свою веру в Хазарии, зачатки городской жизни, возникновение города Итиля, а также рассмотреть вопрос о наличии двух господствующих племен в Хазарии и двоевластии. В заключительной главе Б. Н. Заходер выдвинул предположение, что под «буртасами» у восточных географов следует подразумевать не только предков современной мордвы, но и прототюрков, предков современных чувашей и татар. Книга вышла в свет уже после смерти Б. Н. Заходера.

Второй том «Каспийского свода» был закончен его ученицами Л. А. Семеновой и А. И. Фалиной по архивным материалам ученого⁸. Ему предпослана статья «Из истории изучения арабо-персидских источников по Восточной Европе», в основу которой положен доклад, прочитанный Б. Н. Заходером в октябре 1957 г. в Варшаве на симпозиуме об изучении восточных источников по истории стран Восточной и Центральной Европы. В томе опубликованы также шесть статей Заходера о раз-

ных восточных источниках о славянах и исследователях, занимавшихся выявлением этих материалов. Труды Б. Н. Заходера о мусульманских средневековых источниках по истории народов Восточной и Центральной Европы высоко оценены советскими и зарубежными специалистами.

Следует отметить также его постоянный интерес к вопросам идеологии. Это были разнообразные статьи о деятельности православной миссии в Урмии, об отношении ислама к государству, об оппозиционных течениях в раннем средневековье, о Маздаке и Бабеке.

Б. Н. Заходер уделял большое внимание проблемам историографии и источниковедения, содействуя развитию историографических исследований в те годы, когда востоковеды мало занимались этими вопросами. Он неоднократно говорил, что завидует «западникам» (т. е. специалистам по средневековой истории Западной Европы), у которых историография и источниковедение уже выделились в самостоятельные отрасли исторической науки. В его курсе «История мусульманского средневековья» значительное место занимали разделы «Историческая наука мусульманского средневековья», «Европейские путешествия на средневековый мусульманский Восток» и «Европейская историческая литература по истории мусульманского средневековья». Проф. Заходер прочитал несколько спецкурсов по историографии и источниковедению Ирана, а также по среднеазиатской историографии⁹.

Борис Николаевич Заходер принадлежал к числу немногих историков-востоковедов, которые прекрасно разбирались в важнейших проблемах всемирной истории и литературы и умело использовали эти знания для изучения сложнейших вопросов истории Востока. Широта его познаний позволяла ему с одинаковой эрудицией участвовать в обсуждении проблем Ближнего и Дальнего Востока, читать курс лекций по восточному средневековью и общий курс истории средних веков, исследовать средневековые памятники и возглавить авторский коллектив справочника «Современный Иран».

Большое значение для развития ряда отраслей востоковедения имели итоговые, обобщающие доклады Б. Н. Заходера на Отделении Востока истфака МГУ о периодизации истории Востока, наиболее важных направлениях в исторических исследованиях вообще и применительно к Востоку в частности, поскольку эти и дру-

гие проблемы имели непосредственное отношение к разработке учебных программ и к научно-исследовательским планам профессорско-преподавательского состава Отделения Востока. Еще в 1941 г. он призывал учитывать «стремительное развитие науки в самом Иране» и в других странах Востока, а также новые концепции западных исследователей (см., например, его выступление в МГУ в 1941 г.: «Культура Ирана и ее изучение в Советском Союзе») ¹⁰.

В докладной записке в ЦК ВКП(б) о востоковедном образовании (1947) он отметил наличие значительной дифференциации отдельных дисциплин в востоковедении, интенсивный процесс отпочкования специальностей. Знание современной экономики и политической жизни — это уже отдельная специальность, в которой востоковед с классическим востоковедным образованием плохо разбирается. В годы после Октябрьской революции критика классического востоковедения за незнание современности привела к недооценке филологической основы востоковедного образования. Однако нужны историки, филологи, экономисты, знающие Восток и восточные языки, подчеркивал Б. Н. Заходер. Он предлагал упорядочить востоковедную подготовку в государственном масштабе, поощрять открытие кафедр и отделений Востока в университетах, оставить восточный факультет в Ленинградском университете, а в остальных университетах ограничиться изучением сопредельных с республиками стран Востока, укрепить Московский институт востоковедения, сохранив его языковедно-страноведческий профиль.

Его постоянно волновал вопрос о будущем востоковедной науки вообще и о путях развития советского востоковедения в частности. Каким должно быть востоковедение: комплексным, как «классическое востоковедение», или наступило время его дифференциации, размежевания на отдельные дисциплины — историю, филологию, экономику. Сложность проблемы была ему ясна. Он понимал, что время «комплексного востоковеда», знатока нескольких восточных языков, истории, литературы, религии, искусства, прошло. Современный ученый уже не успеет освоить имеющуюся литературу при «взрыве информации» даже по одной дисциплине и не может выступать одинаково компетентно по древней, средневековой и современной истории. Востоковеды его поколения наблюдали, как менялась специализация во-

стоковедов, насколько отличалась подготовка востоковедов-историков или филологов от подготовки востоковедов-экономистов, так как эти последние тяготели больше к экономистам вообще, а не к востоковедам-историкам и тем более не к филологам. Б. Н. Заходер считал такую дифференциацию в востоковедных знаниях назревшей необходимостью.

В то же время, учитывая особенности социально-экономического и политического развития стран Востока, сложность общей востоковедной подготовки и необходимость специалистам по современному Востоку знать историческое прошлое его народов, чтобы не сделать ошибочных выводов по современным проблемам, Б. Н. Заходер выступал за сохранение комплексности востоковедения, объединение в страноведческих секторах специалистов по разным дисциплинам или, во всяком случае, объединение в пределах одного отдела историков и экономистов. На совещании по восточной филологии 30 марта 1955 г. он высказался за сохранение специального востоковедного образования. Признав, что «институт языкознания» более высокая форма научной организации, чем «институт востоковедения», он все же вполне определенно отстаивал мысль, что «сейчас не время дифференцировать», т. е. нельзя ликвидировать такую комплексную науку, как востоковедение, «растачив» ее по разным академическим институтам.

Своими мыслями по этому вопросу он делился с проф. В. Ф. Минорским, и 22 октября 1956 г. писал ему: «Что касается вопроса о разделении востоковедения, или комплекса, то я давно уже являюсь сторонником объединения всех дисциплин, составляющих востоковедение, с дисциплинами в правильном значении этого слова — историей, литературоведением и т. д. Представляется, что другого пути для востоковедения в его развитом виде нет. Но при таком разделении неизменно возникает опасность понижения уровня или даже ликвидации филологической подготовки. Таким образом, разделение востоковедения на историю, литературу, стоит в прямой связи с возможностью сохранения филологизма. Без решения этого основного вопроса мне представляется совершенно невозможным нарушить востоковедную комплексность. Таковы мои личные взгляды, результат длительного педагогического опыта и активной работы в нашем востоковедении»¹¹. В. Ф. Минорский в основном разделял эту точку зрения.

Перед востоковедами возглавленной им Московской группы ИВ АН СССР Заходер выдвигал важные задачи — «усилить и углубить разработку основных теоретических проблем марксизма-ленинизма в области востоковедения», активизировать тематику и максимально приблизить ее к нуждам советской науки и Советского государства, обеспечить систематическое повышение теоретического уровня всех членов группы. И для начала было намечено приступить к исследованиям (дать темы аспирантам) по основным проблемам современного Востока, по периодизации истории литератур Востока, заняться изучением причин отставания Востока. Для того времени это была весьма актуальная проблематика.

В декабре 1951 — январе 1952 гг. Б. Н. Заходера занимала проблема организации научно-исследовательской работы в области гуманитарных наук, методики исследовательской работы, выработки рациональных навыков и приемов. «Кабинетный ученый», говорил он, сегодня обозначает человека, оторванного от жизни, отсталого, нужны иные формы работы, коллективные исследования.

Большая забота и тревога за будущие пути развития советского востоковедения прозвучала в выступлении Б. Н. Заходера на открытом партийном собрании Института востоковедения АН 14 декабря 1956 г., на котором обсуждался доклад нового директора института Б. Г. Гафурова о задачах института. Проф. Заходер, в частности, отметил, что «кадры страдают малой филологичностью... робостью в области теоретической работы», им недостает общей культуры. В качестве первоочередных задач он предложил «подумать об изменении метода планирования, метода приема работ, повысить роль и значение заведующих секторов, заведующих отделами; воспитать кадры среднего командного состава»¹².

Организационная работа по руководству сектором Ирана, а затем Отделом стран Ближнего и Среднего Востока, а также исторической секцией Ученого совета Института востоковедения АН отнимала много времени и сил, но Б. Н. Заходер не считал возможным отказаться от нее, придавая научно-организационной работе огромное значение. Он писал 12 декабря 1956 г. директору Института востоковедения АН Азерб. ССР А. А. Али-Заде: «Очень мучает всякая организационная

суета, и отказаться от нее не считаю правильным. Надо помогать становлению большого востоковедения в нашей стране, а то со смертью стариков наше востоковедение не очень-то высоко летает»¹³.

В качестве председателя исторической секции Ученого совета ИВ АН СССР Б. Н. Заходер тщательно отбирал и утверждал оппонентов при защите диссертаций. Его собственные многочисленные отзывы на диссертации и переписка свидетельствуют, с одной стороны, о большой требовательности ученого, а с другой — о его желании помочь начинающим исследователям, причем это относилось как к советским востоковедам, так и к зарубежным ученым.

Возглавив Отдел истории и экономики стран Ближнего и Среднего Востока, проф. Заходер прежде всего взялся за просмотр основной советской литературы по данным дисциплинам, выделяя наиболее разработанные проблемы (например, внешняя торговля стран Востока) и совсем не изученные советскими исследователями или даже в мировой ориенталистике. 15 марта 1954 г. он доложил на отделе о результатах своего анализа этих работ за 1953 г., которые оказались не очень утешительными. Заметно было отставание по ряду проблем, некоторые виды исследований вообще не проводились, давно не издавалась справочная литература. И Заходер предложил целую программу исследований на ближайшие годы: подготовку справочника «Современный Иран» и аналогичных справочников по другим странам, всестороннее изучение аграрного вопроса, положения рабочего класса, роли национальной буржуазии, современных идеологических течений, несколько направлений в изучении средневековой и новой истории стран Востока. Вскоре под его руководством началась работа над справочником «Современный Иран», который вышел в 1957 г. и положил начало составлению справочников по другим государствам Азии.

Б. Н. Заходер успешно представлял советскую востоковедную науку за рубежом. Его первая поездка с научными целями состоялась в 1928 г. — он познакомился с культурной жизнью Ирана, иранскими учеными, поэтами, в том числе встретился с известным поэтом и ученым Малек ош-Шоара Бахаром. Основная его заслуга — налаживание научных контактов с учеными Ирана и зарубежными иранистами в 50-е годы. В апреле — мае 1954 г. он участвовал в работе конгресса, посвящен-

ного 1000-летию выдающегося мыслителя Востока Ибн Сины (Авиценны), проведенного в Иране, в мае 1956 г.— юбилейного конгресса в Иране, посвященного 700-летию со дня смерти известного мусульманского ученого Туси.

Борис Николаевич, занимаясь изучением средневековых мусульманских авторов, стал одним из инициаторов совместного с иностранными учеными изучения восточных источников по истории славян и других народов Центральной и Восточной Европы. В октябре 1957 г. на Варшавском симпозиуме востоковедов по вопросам изучения этих источников была выработана обширная программа исследований. На симпозиуме Б. Н. Заходер выступил с докладом «Изучение восточных источников по Восточной и Центральной Европе в СССР и ближайшие задачи этого изучения». Подводя итоги более чем векового изучения этой темы в нашей стране, он предложил план работы по данной проблематике, который смог бы объединить усилия ученых многих стран, занимающихся восточными источниками. В частности, он выдвинул идею издания свода (корпуса) восточных источников по определенному эталону с едиными нумерацией, транскрипцией, индексами; предложил издать серию отдельных исследований по наиболее важным вопросам, провести каталогизацию источников, отрывков, документов по истории Восточной и Центральной Европы, созывать периодически конгрессы по данной проблеме. Предложения проф. Заходера легли в основу принятых на конгрессе решений. Началась совместная работа советских востоковедов и ученых из социалистических стран Европы¹⁴.

Одним из руководителей этого направления в востоковедении и исполнителем ряда тем стал Б. Н. Заходер. В сентябре 1959 г. он участвовал в совещании по совместной работе «Восточные источники по Центральной и Восточной Европе», состоявшемся в Праге. Там же состоялся обмен мнениями и по другим проблемам востоковедения, в частности по средневековой истории стран Ближнего и Среднего Востока, средневековой «мусульманской историографии» и др.

Тяжело больным, незадолго до кончины, 14 декабря 1959 г. он писал советскому арабисту А. П. Ковалевскому: «Мы, советские ориенталисты, согласились участвовать в коллективном, совместно со странами социалистического лагеря, издании источников по Восточной и Центральной Европе. Одним из таких первых изда-

ний является текст ал-Масуди по истории Восточной и Центральной Европы. В издании ал-Масуди принимают участие со стороны Польши проф. Т. Левицкий, со стороны Чехословакии доктор И. Хрбек, с нашей стороны — Вы, В. И. Беляев и я. Недавно у нас в гостях был проф. Левицкий, и мы условились, что в июне месяце встретимся в Кракове с подготовленными критическими текстами, переводами (на русский и французский языки), комментариями отрывков ал-Масуди. На нашу долю, советских ориенталистов, выпадает вся работа по отрывкам ал-Масуди, относящимся к Восточной Европе. Проф. Левицкий собрал большую коллекцию микрофильмов рукописей «Мурудж аз-захаб» (около двух десятков) и предлагает при работе над критическими текстами воспользоваться его помощью¹⁵. Это письмо наглядно показывает, как Б. Н. Заходер собирал авторский коллектив, налаживал работу, подсказывал, чем можно воспользоваться, и т. п. В результате совместных усилий удалось издать ценнейшие материалы из средневековых восточных источников по истории славян и других народов Восточной и Центральной Европы.

В своем последнем письме к А. П. Ковалевскому от 1 января 1960 г. Б. Н. Заходер сообщал, что он собирается поехать «на будущей неделе» в Ленинград, где, как он договорился, «В. И. Беляев, А. И. Михайлов и Халидов будут работать по четырем ленинградским рукописям над сводным текстом ал-Масуди». Но этому не суждено было осуществиться. 7 января 1960 г. Борис Николаевич скоропостижно скончался.

Большое значение для налаживания научных контактов с учеными и общественными кругами Польши имели поездки Б. Н. Заходера в Польскую Народную Республику с чтением лекций в научных учреждениях Польской академии наук (сентябрь — октябрь 1956 г.) и в Ягеллонском университете в Кракове (июнь 1959 г.). Борис Николаевич состоял в переписке с рядом зарубежных востоковедов. Так, Б. Н. Заходер получил оттиски статей старейшего иранского писателя Джемаль-Заде, рассказы которого он переводил на заре своих иранистических штудий и издал в книге «Были и небылицы». В письме к Базилю Никитину в Париж 10 июля 1959 г. он отметил большие заслуги иранского ученого Иреджа Афшара по составлению иранской библиографии¹⁶.

К научно-организационной работе следует отнести

многочисленные отзывы на рукописи по востоковедной проблематике и на вышедшие книги, а также выступления на защитах диссертаций. Отзывы Б. Н. Заходера всегда базировались на точном знании предмета, учете уже имеющихся исследований, значении рецензируемой работы для науки или для практики. Одним из первых Б. Н. Заходер высоко оценил исследования И. П. Петрушевского и А. А. Али-Заде по социально-экономическим проблемам средневекового Ирана. Еще 6 июля 1945 г., задолго до выхода основных монографических исследований этих ученых, он писал А. А. Али-Заде: «Ваши работы и работы И. П. Петрушевского являются для меня чрезвычайно поучительными во многих и разных отношениях. Могу сказать, что эти работы я всегда ценил и считаю Илью Павловича одним из самых серьезных исследователей»¹⁷. Высоко оценив археологический «Трудов Среднеазиатского университета», он писал 22 января 1959 г. М. Е. Массону: «Как приятно знать, что в Ташкенте под Вашим умным руководством идет настоящая научная работа»¹⁸.

В последние годы жизни тяжело больной Борис Николаевич продолжал много работать. Его дневники конца 50-х годов отражают большое желание ученого работать, ту же широту интересов, глубину мыслей, образность языка, точность наблюдений — качества, которые были присущи ему всегда.

¹ Первые варианты курса лекций Б. Н. Заходера были опубликованы стеклографическим способом: «Средиземноморье и Передняя Азия с XI по XVIII в.» и «Средиземноморье и Ближний Восток в раннее средневековье» (1940). Им написаны также главы по истории восточного средневековья для двух учебников по истории средних веков для исторических факультетов.

² Архив МГУ, ф. I, оп. МГУ, № 34, № 36, л. 96. См. также: *Смирнова Т. Д.* Востоковеды исторического факультета Московского государственного университета. (К истории создания отделения Востока на историческом факультете.) — Оружием слова. 1941—1945. М., 1985.

³ *Кузнецова Н. А.* О некоторых малоизвестных сторонах творчества Б. Н. Заходера.— Иран. История и современность. М., 1983.

⁴ *Левшин Б. В.* Ученые-москвичи — фронту.— Беспремерный подвиг. М., 1968, с. 277—278.

⁵ *Заходер Б. Н.* Отделение Востока исторического факультета Московского университета.— Исторический журнал. М., 1945, № 1; *он же.* Отделение Востока Исторического факультета МГУ в 1945—1946 гг.— Вопросы истории. М., 1946, № 7. По отзыву акад. И. Ю. Крачковского (10 июля 1947 г.), «обладая большим организационным опытом и педагогическим талантом, он [Б. Н. Заходер] поднял на большую высоту руководимое им Восточное Отделение

Истфака МГУ, широко содействовал серьезному воспитанию аспирантов ИВАН».

⁶ Архив Института востоковедения АН СССР (Москва). Отдел кадров. Личное дело Б. Н. Заходера.

⁷ См.: Борис Николаевич Заходер (1898—1960).— Ближний и Средний Восток. Сб. статей. М., 1962; *Дуйчев Ив.* Видният с'ветски ориенталист Б. Н. Заходер починал (1898—1960).— Списание на Българската Академия на науките. Год V, кн. 2. София, 1960; *Le-wicki T.* Pamięci Borysa Zachodera.— *Przegląd Orientalistyczny*. Warszawa, 1960, № 2 (34); *Zajczkowski A.* B. N. Zachoder — garse wspomnień.— Там же.

⁸ Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967.

⁹ См.: *Кузнецова Н. А.* Б. Н. Заходер и его труды по историографии и источниковедению.— Иран. Сборник статей, посвященный памяти профессора Б. Н. Заходера. М., 1971.

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 1532, оп. 1, № 27.

¹¹ Там же, оп. 4, № 22, см. также его «Соображения о постановке востоковедения».— Там же, № 60.

¹² Дается в записи Н. А. Кузнецовой.

¹³ Архив АН СССР, ф. 1532, оп. 4, № 2.

¹⁴ Подробнее см.: *Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М.* Из истории советского востоковедения. М., 1970.

¹⁵ См.: Архив АН СССР, ф. 1532, оп. 4, № 14.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, № 2.

¹⁸ Там же, № 21.

М. С. Лазарев

ШКОЛА ПРОФЕССОРА А. Ф. МИЛЛЕРА
(1901—1973) ¹

Когда говорят о школе ученого, обычно имеют в виду новое научное направление, разработанное им лично, продолжаемое его учениками и отличающееся своими характерными признаками. Здесь налицо полная аналогия с понятием «школа» в изобразительном искусстве (фламандская школа, школа передвижников и т. д.). Но можно говорить о «школе» и в несколько ином, с одной стороны, более широком, с другой — более конкретном смысле: школа как жизненный и творческий путь, как стиль работы, как манера поведения «на людях» и в камерной обстановке, как приемы обучения учеников, передачи опыта коллегам и установления с ними взаимопользных контактов, словом, как комплекс черт, всесторонне характеризующих творческую личность в ее становлении, развитии и наиболее ярких проявлениях. Любое общение с такой личностью, как непосредственное, так и заочное, так сказать, литературное, учит, развивает, наставляет... Я лично знал Анатолия Филипповича Миллера, крупного советского историка-востоковеда, виднейшего и, смело можно сказать, наиболее талантливого знатока Турции, более четверти века, в период наивысшего расцвета его творческой деятельности, и это дает мне право попытаться воссоздать образ моего незабвенного учителя.

История — главный учитель жизни, а жизнь ученого неотделима от истории науки. Поэтому в основу рассказа о школе А. Ф. Миллера будет положена его творческая биография, которая была и типична, и в то же время во многом необычна.

А. Ф. Миллер родился в первый год XX в. в Новороссийске. Свои детские и юношеские годы он провел на Северном Кавказе. Уже с 16 лет, не окончив еще гимназию в Пятигорске, начал работать «на Советскую

власть» в различных учреждениях Северного Кавказа, а с 19 лет стал сотрудником Народного комиссариата по иностранным делам. Он работал главным образом на беспокойном Юге, где особенно ожесточенно полыхала гражданская война. Именно здесь он столкнулся лицом к лицу с будущей избранницей своей музы — Турцией, игравшей активную роль в бурных событиях, происходивших в ту пору на Ближнем Востоке.

Первые шаги А. Ф. Миллера на дипломатическом поприще (в начале 20-х годов он работал первым секретарем Управления уполномоченного Наркоминдел'а в Крыму) были непосредственно связаны с помощью, которую оказывала Советская Россия турецкому народу², поднявшемуся под руководством Мустафы Кемаля (Ататюрка) на борьбу за свою свободу и независимость.

Уже с немалым практическим опытом, отнюдь не абитуриентом пришел А. Ф. Миллер для завершения образования в Московский институт востоковедения, который он окончил по турецкому отделению в 1926 г. Естественно, что выбор института и специализации в нем были не случайными. Придя на учебу из гущи жизни, Анатолий Филиппович и в институтских аудиториях не порывал с ней, продолжая работать в аппарате Наркомата иностранных дел.

Вообще в обычном понимании образование А. Ф. Миллер получил в малоблагоприятных условиях. Во всяком случае их не назовешь ни «академическими», ни просто нормальными. «Чистого» времени для учебы, а тем более для подготовки к научной деятельности не оставалось. Да и сама подготовка в институте была нацелена на практику: в дипломе А. Ф. Миллера обозначены курсы в основном юридического и торгово-дипломатического профиля. Казалось бы, все вело к тому, что Миллера готовили к профессиональной дипломатической деятельности, ориентированной преимущественно на Турцию. И только... Но тогда бы не было ни этой статьи, ни большого имени в науке, ни школы, известной в СССР и за рубежом.

Настало время назвать один из главных признаков этой школы — тесную и органическую связь с практикой, т. е. с современной жизнью восточной страны. Сам А. Ф. Миллер, независимо от того, где он работал и чем занимался, всегда был в первую очередь практиком, иначе говоря — экспертом высшего класса по всем вопросам, касающимся Турции, а также в значительной

мере других ближневосточных и балканских стран. Он им был и когда это входило в его прямые служебные обязанности, и когда он перешел на другую стезю. Работая до 1938 г. в Первом Восточном отделе НКВД (в последние годы — заместителем заведующего), он показал себя настоящим знатоком своего дела. По свидетельствам многих, нарком М. М. Литвинов его особенно ценил и отличал. В 1936 г. А. Ф. Миллер в Монтрё — участник международной конференции, установившей режим черноморских проливов, действующий и по сию пору. Он неоднократно привлекался для выполнения правительственных заданий и после того, как он, незадолго до войны, перешел на научную и педагогическую работу; в частности, был экспертом-консультантом на Тегеранской и Ялтинской конференциях.

Живая практика, «злоба дня» были неотъемлемыми спутниками всей жизни Анатолия Филипповича до его последних дней. Его личный вклад в развитие и укрепление советско-турецких отношений высоко оценен. Здесь же особенно важно подчеркнуть, что постоянное и тесное соприкосновение с практикой чрезвычайно благотворно сказалось на научной деятельности А. Ф. Миллера, на ее становлении, развитии и расцвете. Его путь в науку был долгим и трудным, для нашего времени, пожалуй, нетипичным, но для него оказался в итоге самым плодотворным. Старая, но неувядаемая истина: творческие пути, хотя и носят приметы времени, всегда индивидуальны и нет таких, которые были бы «протоптанней и легче».

Государственная деятельность А. Ф. Миллера была полезна и конкретна; она, несомненно, может служить примером, а наверняка и школой для многих, но не мне об этом судить, а очевидцев и современников, увы, почти не осталось. Научно-педагогическое же поприще Анатолия Филипповича останется как бы на виду (отражено в его трудах) и в памяти у всех нас; именно оно дает благодатнейший материал для размышлений и обобщений.

Главная служебная обязанность А. Ф. Миллера — занятие современной ему Турцией — стала отправным моментом для его продвижения в большую науку. И вот следующая особенность миллеровской школы — не упускать тех шансов, которые дает ученому исследование той или иной востоковедческой темы, определенной страны, ибо востоковедение по самой своей природе —

комплексная, многоцелевая наука. А. Ф. Миллер своего не упустил. Он сразу осознал, какие богатые возможности не только для востоковеда-турколога, но и для историка широкого профиля таит в себе обращение к Турции.

В самом деле, в начале 20-х годов, когда А. Ф. Миллер непосредственно занялся турецкими делами, юридически еще существовала Османская империя. Но и после ее окончательного исчезновения с исторической сцены судьба этой огромной империи, некогда раскинувшейся на трех континентах и вобравшей в себя десятки народов Юго-Западной Азии, Северной Африки, Балканского полуострова, Причерноморья и Кавказа, продолжала поражать воображение. Она напоминала о себе и когда обращали взор на ее главную преемницу — республиканскую Турцию, ее наследие до сих пор заметно во всех странах Юго-Восточной Европы и арабского мира.

Поэтому обращение к турецкой истории много дает для пытливого ума. Оно расширяет диапазон исторических исследований за счет других народов и государств, входивших в орбиту Османской империи, и включает в него некоторые важнейшие международные проблемы (например, некогда гремевший «восточный вопрос», затрагивавший жизненные интересы всех великих держав XVIII — первой четверти XX в.). В лице А. Ф. Миллера османо-турецкая тема нашла талантливое исследователя. Он в равной степени умел раскрывать ее в узком, сугубо турецком аспекте и в то же время осветить ее всемирно-историческое значение, как часть исторического процесса, в который были включены в течение почти шести столетий южнославянские, другие балканские, арабские, многие кавказские и некоторые другие сопредельные народы. Пример поучительный для каждого ближневосточника, балканиста, кавказоведа...

А. Ф. Миллер, как никто другой, обладал ценнейшим качеством для историка — чувством времени. Прежде всего это означает, что он был на уровне своего времени. Эпоха, когда он начинал свою работу, была переломной не только для его родины, но и для страны, изучению которой он посвятил всю свою жизнь. Уже в начале своего творческого пути он овладел передовой марксистско-ленинской методологией, избежав длительного и мучительного процесса перековки, и всегда применял этот метод научного познания с завидным мастерством. Обращаясь к конкретному материалу своих исследова-

ний — современной ему турецкой действительности, он сразу увидел в национально-освободительном движении турецкого народа большую прогрессивную силу, пример для других народов тогдашнего колониального мира, новый важный фактор международных отношений, в особенности на ближневосточной арене. И на этой платформе он стоял всю жизнь, отстаивая ее от довольно серьезных порой попыток поставить под сомнение или преуменьшить абсолютные ценности кемалистской революции. Иначе говоря, для историка обладать чувством времени — это умение мыслить категориями эпохи, а не интересами сиюминутной конъюнктуры, умение смотреть не только назад или перед собой, но и вперед. А. Ф. Миллер был всегда против узколобого прагматизма при подходе к историческим событиям, хотя отстаивать такую позицию подчас было нелегко. Это ли не пример для всех нас?

Другая черта столь необходимого для настоящего историка чувства времени — это широта исторического кругозора, диапазона исторического мышления, умение проявлять свое профессиональное мастерство при изучении разных исторических периодов. Она тоже была в высшей мере присуща Анатолию Филипповичу. Но говорить о ней следует в контексте становления и развития его научного творчества, главного дела его жизни, составляющего основное содержание понятия «миллеровская школа».

Речь пойдет, таким образом, уже не об объективных, внешних данных, а о субъективных, «внутренних», обстоятельствах формирования Анатолия Филипповича Миллера как ученого-востоковеда, имеющих свою логику развития и обусловленных, конечно, определенными конкретными причинами.

Становление А. Ф. Миллера как исследователя-турколога приходится на середину 20-х годов. Примечательно, что это происходило одновременно и с его работой в НКИД, и с его учебой в Институте востоковедения. Первые статьи Анатолия Филипповича были посвящены молодой Турецкой республике. Они содержали яркие и точные зарисовки всего нового, что входило в повседневную жизнь вставшей на самостоятельный путь страны. Уже в этих первых популярных публикациях молодого автора чувствовалась рука знатока и стилиста. Выпущенная в 1927 г. брошюра «Республиканская Турция», переизданная два года спустя в значительно расширен-

ном виде под названием «Турция. Ее историческое прошлое и настоящее»³, содержит в сжатом и пусть еще в недостаточно аргументированном виде основные концепции А. Ф. Миллера не только по кемалистской революции, но и по некоторым ключевым проблемам истории Османской империи. Эти работы выдвинули А. Ф. Миллера в первые ряды советских туркологов, а заключенные в них идеи до сих пор широко используются в нашей науке.

В 30-е годы Анатолий Филиппович продолжает трудиться над изучением современной ему Турции. Наряду с освещением экономического и внутривластного развития страны, он начинает все больше внимания уделять изучению ее внешнеполитических связей, в особенности с Советским Союзом, и вообще международных отношений на Ближнем Востоке. Потом именно международная тематика станет ведущей в его научном творчестве. В это время завершается первоначальный отрезок его творческой деятельности, который связан преимущественно со страноведением — изучением турецкой современности во всех ее аспектах: экономическом, социальном, идеологическом, внутри- и внешнеполитическом, культурном. Эту работу достойно венчает обобщающая книга «Турция»⁴ — для своего времени образец комплексной монографии об одной стране.

Страноведение, несомненно, оказалось хорошей школой для исследовательской работы в области фундаментальной науки. И когда (в конце 30-х годов) А. Ф. Миллер окончательно перешел на научную и педагогическую работу (преподаванием по совместительству он занимался почти без перерыва с 1925 г.), он оказался прекрасно подготовленным к новым задачам.

В 1939 г. Анатолий Филиппович защищает кандидатскую диссертацию на поистине фундаментальную тему: «Национально-освободительное движение в Турции», в которой разработаны основные принципы марксистско-ленинской трактовки этого важнейшего общественного явления на Востоке первой четверти XX в. Диссертанту уже было под 40, по меркам нашего времени поздновато для кандидатской, но зато и работа была зрелая, написанная уже известным ученым. Неудивительно, что докторская диссертация была защищена А. Ф. Миллером менее чем через четыре года после кандидатской, в пору его творческого расцвета.

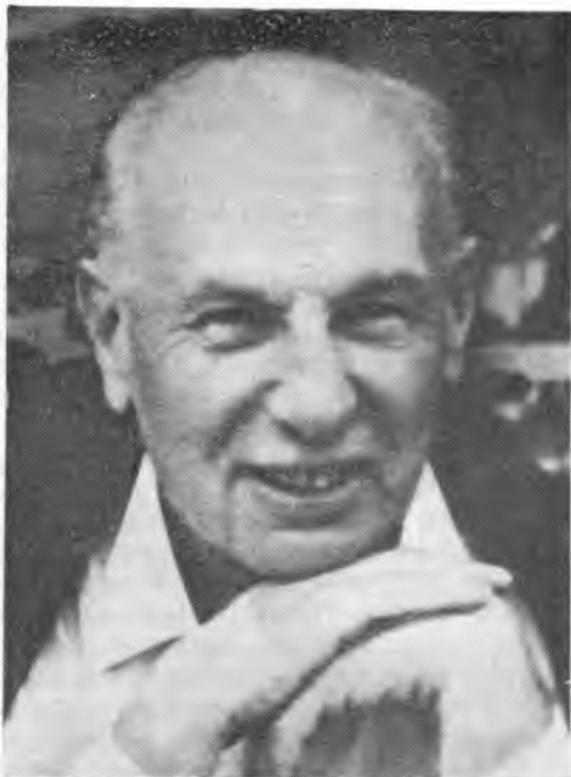
То было не самое благоприятное время для сосредото-

точной кабинетной работы историка, шла война... Но именно тогда была завершена самая значительная и самая блестящая работа А. Ф. Миллера. Еще одно опровержение известной поговорки о молчании муз, когда говорят пушки. В 1943 г. была защищена, а вскоре после войны издана его докторская диссертация «Мустафа паша Байрактар»⁵, имя, известное в основном только туркологам в связи с одной из неудачных попыток реформ в Османской империи в бурном 1808 г. Кажется, то был лишь один эпизод турецкой истории, мимо которого, едва обернувшись, прошли почти все исследователи. Но не А. Ф. Миллер. С именем и деятельностью Байрактара, стоявшего у власти менее четырех месяцев, он сумел связать и осветить события по форме драматические, а по существу — важного исторического значения не только для народов Османской империи, но и для великих держав того времени.

Эта книга (впоследствии изданная на французском языке Международной ассоциацией по изучению Юго-Восточной Европы) занимает особое, почетное место в советской историографии зарубежного Востока. И ее достоинства — не только в насыщенности новым фактическим материалом, извлеченным из первоисточников и литературы, и не только в глубине научного анализа, сочетающегося со смелыми и широкими обобщениями, с образцовым методологическим подходом к исторической действительности. Эти черты можно найти и в лучших работах других советских востоковедов. «Мустафа паша Байрактар» А. Ф. Миллера выделяется именно индивидуальными качествами, присущими ее автору.

Прежде всего обращает на себя внимание блестящая литературная форма. Перед нами не сухой трактат на заданную историческую тему, а подлинное историческое повествование, населенное героями своего времени, часто с портретами и характерами. Когда необходимо, даются и пейзаж, и топография, и даже погода. В результате автору «Байрактара» удалось добиться крайне редкого в исторических исследованиях эффекта подлинности описываемых событий, читатель как бы приглашается в свидетели воспроизводимых на страницах книги напряженных сцен одной из самых драматических эпох новой истории Европы и Ближнего Востока.

Вместе с тем «Мустафа паша Байрактар» — произведение отнюдь не беллетристического, а строго научного жанра, и автор никогда не выходит из его рамок. В

А. Ф. Миллер

книге не найти ни домысла, ни тем более вымысла. И здесь выступает еще одна грань таланта Миллера-историка — умение через малое показать большое. Частные примеры служат для освещения масштабных дел. Эта особенность видна во всех частях многопланового труда Анатолия Филипповича, будь то социально-экономические сюжеты, или анализ политических структур, или красочные, наполненные динамикой и внутренним драматизмом описания народных движений, или картины военных действий, или протокольно точное, исполненное профессионализма изложение сложнейших дипломатических переговоров.

Наконец, в «Байрактаре» наглядно присутствует еще одна черта мастерства его автора — умение делать широкие, я бы сказал, историко-философские обобщения из данного конкретного исторического материала. Книга

не только широко познавательна, не только отвечает самому взыскательному литературному вкусу, но и вносит теоретический вклад в нашу туркологию и в востоковедение вообще, ибо содержит важные выводы, касающиеся закономерностей развития восточных обществ в период всемирно-исторического процесса перехода от феодализма к капитализму. Словом, в «Байрактаре» отразились все наиболее типичные и лучшие черты таланта А. Ф. Миллера, его творческой манеры. Во многих отношениях эта книга остается непревзойденным шедевром, эталонным произведением, до сих пор привлекающим сердца и умы к турецкому Востоку. В миллеровской школе «Байрактар» останется лучшим образцом для изучения и подражания.

Из сказанного вовсе не следует, что «Байрактар» ознаменовал поворот А. Ф. Миллера к темам, далеким от современности, так сказать классическим. Не то было время и не тот был герой моего рассказа. Какая бы проблема его ни занимала в текущий момент, интерес к актуально-политической тематике всегда сосуществовал с ней. И это тоже — важный признак миллеровской школы. Увлеченный османской историей в «наполеоновскую эпоху», Анатолий Филиппович одновременно публикует работы, которые «звучали» в годы Великой Отечественной войны (турецко-германские отношения в период первой мировой войны, история советско-турецких отношений).

Последние военные и первые послевоенные годы были наиболее плодотворными именно в том аспекте его творчества, который касался самых актуальных в научном и политическом отношении вопросов. В это время он публикует свой систематический курс по новой и новейшей истории Турции, созданный на основе лекций, читанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), читает и издает публичные лекции по актуальным проблемам международных отношений на Ближнем Востоке. Эту напряженную работу венчают две книги, вышедшие в 1948 г. в Москве: «Очерки новейшей истории Турции» и «Краткая история Турции».

С той поры минуло 40 лет, и наш книжный рынок обогатился многими сводными трудами по истории Османской империи и современной Турции, написанными признанными специалистами и насыщенными значительно большим фактическим материалом. Однако книги А. Ф. Миллера в своем роде остаются непреходя-

щими. Они выделяются не только тем, что были первыми обобщающими монографиями по всей турецкой истории, изданными в советское время, но и типично «миллеровскими» качествами: единством концепции, ясностью и глубиной выводов, наконец, непревзойденным по своим литературным и научным достоинствам стилем. А. Ф. Миллера без преувеличения можно назвать основоположником комплексного изучения турецкой истории на всех ее этапах. Его фундаментальные работы по истории Турции всегда будут находиться в действующем арсенале советских туркологов. Выход в свет этих книг завершил еще один этап в творческой биографии ученого.

То, что на очередном этапе своей работы, наступившем в конце 40-х — начале 50-х годов, А. Ф. Миллер сосредоточился на изучении международных вопросов, является вполне естественным, если вспомнить его биографию. Рано или поздно это должно было произойти. В начале 50-х годов была сдана в издательство очередная монография под названием «Проблема черноморских проливов (Севр и Лозанна)», которая «вышла» из спецкурса, много лет читавшегося А. Ф. Миллером на историческом факультете МГУ. К великому сожалению, по обстоятельствам, к науке не имеющим никакого отношения, книга не увидела свет, но ее основное содержание было опубликовано в статьях⁶.

Научные достоинства их очевидны и неоспоримы, но помимо этого их отличает еще один признак: они вышли из-под пера профессионала-дипломата, не только «бывшего», но и «практиковавшего» в этой области всю свою жизнь. Вообще, для историка наличие такой (впрочем, и любой другой, связанной с социально-политической жизнью общества) практической специальности часто оказывает большую и неоценимую помощь в конкретной исследовательской работе, насыщая ее злободневностью, животрепещущей актуальностью даже при изучении давнопрошедших времен. Такой ученый уже не беспристрастный летописец, не педантичный регистратор исторических фактов; он выступает как подлинный знаток реальной жизни общества (как прошлой, так и современной) во всей ее сложности, многообразии, красочности. Таков был Миллер, и это ли не пример для наших историков, особенно международников.

Следующий этап в творчестве Анатолия Филипповича наступил примерно в середине 50-х годов. В этот пе-

риод он переключается на глубокое изучение, без сомнения, главного события турецкой истории первой четверти текущего столетия — революционного движения. Разумеется, то была не новая для А. Ф. Миллера тема. Он был одним из первых, кто еще в 20-е годы, так сказать по горячим следам, приступил к разработке на марксистской основе истории турецкой революции, в конечном итоге разрушившей старососманское общество, на развалинах которого выросла и окрепла буржуазная Турецкая республика. Но теперь, спустя 30 лет, настало время подвести под историю турецкой революции новый научный фундамент. Образовавшаяся к тому времени историческая дистанция только способствовала объективному подходу к изучению некогда злободневных, а потому и рассматривавшихся с известным пристрастием вопросов. Для творческого почерка А. Ф. Миллера было типично неоднократное возвращение к тем сюжетам турецкой истории, которые он считал наиболее важными.

Как это часто бывает, обновлению интереса к той или иной проблеме весьма способствуют юбилеи. Научная общественность нашей страны отмечала почти одновременно два разных по масштабам, но тесно взаимосвязанных исторических события — пятидесятилетие первой русской революции 1905—1907 гг., открывшей эпоху «пробуждения Азии», и младотурецкой революции 1908—1909 гг. А. Ф. Миллер откликнулся на эти памятные даты серией работ, в которых во многом по-новому, с привлечением доселе неизвестных материалов подошел к рассмотрению узловых вопросов первой турецкой революции, хотя и завершившейся лишь полууспехом, но проложившей путь к последующим важным преобразованиям социально-экономической и политической структуры Турции на буржуазно-капиталистической основе. Подобная реакция делом на особо значимые в научном и политическом отношении исторические события также была неотъемлемой чертой миллеровской школы исследовательской работы. В дальнейшем Анатолий Филиппович возобновляет углубленное изучение «кемалистской революции».

В сущности, это также было продолжением его темы, но на гораздо более высоком научном уровне. Главной особенностью этого нового подхода было то, что в фокусе научного исследования стала крупнейшая (не только по турецким масштабам) фигура Кемаля Ата-

тюрка. Миллер был первым (и до сих пор единственным) в нашей стране создателем научной биографии Ататюрка.

Подлинное и оригинальное мастерство Миллера-биографа прежде всего проявилось в том, что он не ограничился биографией своего героя. Жизненный путь Кемаля Ататюрка он дает в непосредственной связи с историческим процессом, пройденным Османской империей и республиканской Турцией с начала нашего века до второй мировой войны. Благодаря такой методологии А. Ф. Миллеру удалось воссоздать образ выдающегося деятеля эпохи во всей его полноте и правдоподобии. С другой стороны, многие существенные грани турецкой истории в указанный период становятся виднее и понятнее, когда они увязываются с именем Кемаля Ататюрка.

Другая примечательная черта работ Анатолия Филипповича о Кемале Ататюрке — их логичность и доказательность. Миллер сумел сделать то, что удается немногим, — показать исторически и психологически достоверный и убедительный процесс становления крупного государственного деятеля, «харизматического лидера», оказавшего огромное влияние на судьбу своей родины.

Автор проводит своего героя по всем этапам освободительного движения турецкого народа, начиная с зарождения первых младотурецких кружков в начале XX в. вплоть до того времени, когда под руководством президента Ататюрка Турция добилась укрепления своей экономической и политической независимости. Миллеровский цикл работ об Ататюрке создает полное представление о политической биографии самого Кемаля и турецкой истории за период всей его сознательной жизни. Перед читателями, таким образом, выпукло и зримо предстает вся эпоха Ататюрка вместе с ее подготовительным периодом — младотурецким.

Работы об Ататюрке выдвинули А. Ф. Миллера в первый ряд советских историков, создающих биографии «великих людей» разных эпох. Историко-биографический жанр — один из самых популярных, именно он чаще всего приобщает людей к исторической науке. Но это налагает на историографа особую ответственность: велик соблазн увлечься внешней занимательностью, патетикой в ущерб научности, объективности. Работы А. Ф. Миллера об Ататюрке (увы, он не успел объединить их в одну книгу) служат образцом строго научного направления в историко-биографическом жанре, пре-

красной школой для всех тех, кто пробует силы на этом поприще.

Как и прежде, параллельно с «академическими» исследованиями Анатолий Филиппович и в 50-е годы продолжает заниматься привычным делом — публицистической работой по освещению злободневных вопросов. Время того требовало, ибо в Турции к власти пришли силы, олицетворявшие крайне реакционное, антинародное направление во внутренней и внешней политике страны. На страницах нашей печати неоднократно звучал предостерегающий голос А. Ф. Миллера против реакционного режима Мендереса — Баяра.

Для публицистики Миллера этого периода характерно ярко выраженное полемическое начало. Сила его аргументации прежде всего в научной обоснованности. Особенно наглядно это проявилось при разработке Анатолием Филипповичем актуальнейшей темы — советско-турецких отношений. Предъявляя неотразимые исторические факты, он настойчиво и последовательно пропагандировал на страницах нашей общественно-политической печати традиции советско-турецкой дружбы и сотрудничества, заложенные В. И. Лениным и Кемалем Ататюрком в эпоху освободительной борьбы народов России и Турции против империализма и внутренней реакции. Доказательная и корректная полемика Миллера против буржуазных фальсификаций этой традиции и ее значения для современных международных отношений сыграла несомненную роль в налаживании в начале 60-х годов советско-турецких отношений. У Миллера можно и нужно поучиться, как следует ученому-гуманитарию вести идейно-политическую борьбу.

Во второй половине 50-х годов в творческой жизни А. Ф. Миллера наступил очередной поворот. В Институте истории Академии наук СССР ему была поручена работа по руководству изданием десятитомной «Всемирной истории». Это уже само по себе говорит об общественном признании его заслуг как историка самой высшей квалификации и широчайшего диапазона.

За свою долгую творческую жизнь А. Ф. Миллер неоднократно обращался к темам не специального, а общего профиля: главы в учебниках, статьи в энциклопедиях и т. п. Работа по «Всемирной истории» была как бы апофеозом этой многополезной общекультурной деятельности. Для нас она поучительна как наглядный пример высшей степени профессиональной компетенции, на-

ступающей у настоящего большого ученого на определенном этапе его деятельности. Тогда ученый становится способным подняться над локальным материалом до обобщений широкомасштабных, касающихся всего человечества или значительной его части в пределах одного или нескольких регионов. В период громадной по объему научно-организационной, редакторской и авторской работы над десятитомником А. Ф. Миллер, несомненно, вступил в полосу своего наибольшего творческого расцвета.

Не случайно именно в это время А. Ф. Миллер стал регулярно участвовать в работах международных конгрессов востоковедов и конгрессов турецких историков, где он выступал со своими излюбленными темами, посвященными переменам в Турции в период всемирно-исторических событий нового и новейшего времени — Великой французской революции и Великой Октябрьской социалистической революции. Одновременно перед советской и зарубежной аудиторией А. Ф. Миллер все чаще предстает как историк самого широкого профиля.

Это направление исследовательской мысли Анатолия Филипповича наиболее завершенный и совершенный вид приняло в докладе, представленном им в соавторстве с известным советским востоковедом А. А. Губером XII Международному конгрессу исторических наук в Вене (август — сентябрь 1965 г.) под названием «Политические и экономические изменения в странах Азии и Африки в XX в.»⁷. Доклад содержит квинтэссенцию достижений советской исторической мысли по вопросу о процессе так называемой деколонизации и в то же время носит печать недюжинного таланта авторов, в том числе — неповторимой индивидуальной манеры А. Ф. Миллера⁸, мастера излагать свои мысли сжато, ярко, выпукло. Этот небольшой по объему труд также можно отнести к перлам в его богатом творчестве.

Анатолий Филиппович уверенно заявил о себе и в относительно новой для него отрасли — балканистике, хотя как специалист по Османской империи он и раньше занимался историей Балкан (им посвящено, например, немало страниц в том же «Байрактаре»). Теперь же история и современное положение балканских стран и народов заняли вполне самостоятельное место в его научных интересах. Это было непосредственно связано с активной деятельностью А. Ф. Миллера на поприще международного научного сотрудничества. Он был пред-

седателем Балканской секции Национального комитета историков СССР и вице-президентом состоящей при ЮНЕСКО Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, принимал активное участие в подготовке и проведении нескольких международных конгрессов балканистов и славистов. И в балканистике Анатолий Филиппович, несомненно, стоял перед большими творческими свершениями, но не успел...

Анатолий Филиппович как никто другой подходил для работы в области международного научного сотрудничества. Тому способствовали и дипломатический опыт, и свободное владение основными западными и турецким языками, и многие другие его личные качества, о которых речь пойдет дальше.

Человек, посвятивший себя науке, в некоторых отношениях сходен с артистом; он много работает на виду, особенно если сочетает исследовательскую деятельность с педагогической. Устное слово становится важным инструментом в его деятельности. Он должен обладать даром убеждения, без чего невозможно довести до учеников содержание научных идей. Его творчество должно обладать определенными эстетическими достоинствами, выражающимися в высокой культуре «исполнения». Эти, казалось бы, внешние черты служат важным компонентом для воссоздания полного облика ученого, наставника, учителя жизни.

Анатолий Филиппович имел в высшей степени достойный вид. Его внушительная, несколько грузная фигура с годами почти не менялась. Вообще, мне кажется, он стойко противостоял воздействию времени. В середине своих сороковых годов (когда я впервые его узнал) он выглядел немного старше, позже — моложе. Но даже на склоне лет он не выглядел стариком, разве что — пожилым джентльменом, чуть понурым, с усталой походкой.

Одевался Анатолий Филиппович всегда тщательно и со вкусом, но без щегольства, неуместного для человека его положения и возраста. Привычку следить за своей внешностью он сохранил до конца жизни. Я только теперь понимаю, что это был для нас, студентов и аспирантов, наглядный урок, ибо одним из первоначальных элементов любой педагогики является эстетическое воздействие воспитателя на воспитуемого.

Но, конечно, основным по глубине и силе воздействия было живое слово А. Ф. Миллера, которым он вла-

дел с редким в наше время мастерством. Он был прирожденным оратором, но не митингового, а образцово академического стиля. Его речь учила, развивала, возбуждала интерес к научному исследованию. Природа одарила его отличными ораторскими данными: безукоризненной дикцией, приятным тембром голоса и той трудноопределимой манерой, которая характерна для хорошего и интересного рассказчика.

Блестящие лекторские качества Анатолия Филипповича происходили от его общей высокой культуры, первым признаком которой является универсальная осведомленность в самых разнообразных отраслях знания. Аудитория (в том числе и студенческая) прежде всего ценит действительно сведущего лектора. Среди профессоров и преподавателей моих студенческих лет А. Ф. Миллер бесспорно был одним из самых высокообразованных.

Подлинный успех публичных выступлений ученого любой специальности невозможен без высокой филологической культуры, в первую очередь в области родного языка и литературы. Анатолий Филиппович владел ею в полной мере. Его лекциям, докладам и даже «камерным беседам» были присущи безупречная в грамматическом и литературном отношении форма изложения, точный и выразительный стиль, богатая образность, живая увлекательность и тонкий юмор.

В то же время А. Ф. Миллер никогда не позволял себе искать популярности в аудитории посредством чисто внешних, формальных приемов, хотя сделать это ему было бы легче, чем многим другим. Чувство меры — это первейшее качество истинно воспитанного и культурного человека — было неотъемлемым свойством его ораторского таланта. Его публичная речь никогда не упускала из виду главную цель — научную, и именно ей были подчинены средства, выбираемые Анатолием Филипповичем с присущим ему тактом и умением. Поэтому его слава как лектора была закономерна и заслуженна. Он бесспорно был одним из самых популярных лекторов в течение всей своей тридцатипятилетней преподавательской деятельности. Он был популярен не только у студентов: Миллера спешили слушать и маститые. Его доклады и выступления даже на таких рутинных процедурах, как защита диссертаций, всегда вызывали живой интерес, собирали много народа. Особый и яркий колорит придавало выступлениям А. Ф. Миллера мастерское

владение искусством полемики, одним из главных приемов которой была умная и тонкая ирония.

На своем веку А. Ф. Миллеру неоднократно приходилось применять это искусство, и далеко не всегда по чисто научным поводам и в нормальной академической обстановке. В любой ситуации, даже самой неблагоприятной, он вел себя образцово, оппонентам никогда не удавалось одержать над ним верх, во всяком случае в моральном отношении. В любой дискуссии, даже самой острой, он умел бескомпромиссно отстаивать свои научные убеждения, не соблазняясь подчас спасительной капитуляцией под видом самокритики и в то же время избегая той грани, когда полемика переходит в перепалку.

Сохранение собственного достоинства и уважение к собеседнику или оппоненту, критика не личности, а мнений, свободная ориентация в предмете спора, находчивость и острота ума, тонкость и благородство в выражениях — все это делало А. Ф. Миллера неотразимым полемистом. Но злым его нельзя было назвать — мешала природная доброжелательность, хотя в иных случаях ее стоило бы проявлять выборочно.

Слушать Анатолия Филипповича было не только приятно, но и во всех отношениях полезно. Это была серьезная школа для всех нас. Она была тем более необходима, что на всех ступенях обучения у нас почему-то упущено столь важное в жизни и работе искусство красноречия, издревле считавшееся необходимым звеном в воспитании и образовании.

Многое из того, чем отличалась устная речь А. Ф. Миллера, приложимо и к его литературному творчеству, хотя между этими двумя основными формами самовыражения ученого есть существенная разница, на которую он всегда указывал. И разумеется, именно перо было основным орудием его творческой работы. В многочисленных произведениях А. Ф. Миллера с наибольшей полнотой и четкостью отразились все грани его яркого таланта историка-востоковеда, его непревзойденный стиль.

Об этом уже отчасти говорилось, поэтому дальше будет обращено внимание на те черты литературного творчества А. Ф. Миллера, которые, на мой взгляд, являются в буквальном смысле слова образцовыми, имеют несомненный воспитательный эффект.

Подавляющее большинство работ А. Ф. Миллера относится к жанрам научной и научно-популярной литера-

туры. Однако существенной разницы в манере изложения между ними не было. Он не допускал облегченного подхода к работам, предназначенным для массового читателя (это касается в первую очередь журналистских статей). В них обязательно присутствовал элемент исследования. Мастерство автора проявлялось в том, что поиск и доказательство научной истины он облачал в общепонятную форму. И напротив, в трудах узкоспециального назначения, казалось бы, представлявших интерес для немногих, Миллер добивался предельной ясности, выразительности и популярности изложения.

Эта главная черта литературного творчества Анатолия Филипповича проистекает из двух его особенностей как автора. Первая выражается в подлинно научном подходе. Он не позволял себе вольного обращения с историческими фактами во имя какой бы то ни было, пусть даже и сиюминутно оправданной цели и никогда не предлагал читателю готовых выводов, не подкрепленных убедительными и всесторонними доказательствами. Написанному Миллером можно было безусловно верить, и это делало его произведения значительными и интересными не только для историков-профессионалов, но и для широкой читательской аудитории.

Вторая особенность (и об этом уже говорилось) — совершенное владение стилем — порождена его личной одаренностью, помноженной на высокую и утонченную культуру. Этому, конечно, научить нельзя, это, как говорится, «от бога», но взять себе это за образец — можно и должно.

Если подытожить характерные черты таланта А. Ф. Миллера как историка, то они сводятся к следующему.

1. Разносторонность и универсализм, опирающийся на энциклопедические познания во всех областях всемирной истории. В то же время Анатолий Филиппович никогда не брался за темы, которые, как он считал, выходят за рамки его основной специальности. Его щепетильность в этом отношении, по-моему, даже превосходила его потенциальные возможности.

2. Принципиальность и убежденность в отстаивании своих научных убеждений. Миллер никогда не шел на сделки со своей научной совестью; компромиссы, какими бы спасительными они ни выглядели в определенных ситуациях, были чужды его натуре. Может быть, поэтому его часто считали упрямым. Наверное, не обошлось

без издержек, но последовательность в научных убеждениях в конечном счете всегда дает выигрыш.

3. Здоровый скептицизм, беспристрастие (но не безразличие) к исторической реальности. Воображению, без которого немислима вообще никакая научная деятельность, должен быть поставлен разумный предел, определяемый интуицией и опытом исследователя. Миллер был врагом всякого рода домыслов, фантазерства, спекуляций, равно как и беспредметного теоретизирования. Он был убежден, что историк всегда должен стоять на твердой почве безусловно доказанного. Его нелюбовь к субъективизму в исторических исследованиях своеобразно выражалась в известной настороженности по отношению к мемуарам как к историческим источникам, о чем он неоднократно говорил на своих лекциях.

4. Историк должен быть правильно понятым, должен уметь найти подходящую литературную форму для объяснения описываемого исторического события. Отсюда — его исключительное внимание к литературной обработке своих трудов. Благодаря этому Миллер заслуженно приобрел славу блестящего стилиста.

В советской исторической науке А. Ф. Миллер был звездой первой величины, и изучение его трудов (а его перу принадлежит 16 книг и брошюр и более 150 статей, не считая неопубликованных работ) — прекрасная школа для всех, посвятивших себя этому трудному делу.

Была еще одна сфера деятельности А. Ф. Миллера, где его влияние шло не через живое или написанное слово, а, можно сказать, непосредственно. Имеется в виду редакционная работа, занимавшая в его жизни значительное место. В ней не менее, чем в научно-исследовательской и педагогической деятельности, проявились характерные, неповторимые черты творческой природы Миллера. Он выступал здесь и как ученый, и как педагог.

Его талант редактора был уникален и общепризнан, получив окончательную шлифовку при работе над «Всемирной историей» и в качестве члена редколлегии журнала «Народы Азии и Африки». Он был строгий и бескомпромиссный «правщик», критикуя делом, т. е. посредством красного карандаша. Это была настоящая школа, и повезло тому, кто ее прошел.

Редактура Анатолия Филипповича как нельзя лучше учила труднейшему искусству исторического повествования и сама была образцом научной стилистики. Убира-

лось все лишнее, отжималась «вода», уточнялись формулировки, оживлялись образы, расставлялись акценты (на первый взгляд, может быть, и малозаметные), устанавливалась и выдвигалась на первый план причинно-следственная связь — то, что называется логикой изложения. Особенно беспощадно редакторский карандаш Анатолия Филипповича преследовал болтовню. Работа А. Ф. Миллера над рукописями демонстрировала и реализовала на практике высокую организованность мысли.

Наконец, следует назвать еще одну специфическую черту школы Миллера, без которой ее характеристика будет далеко не полной. Я имею в виду собеседование как важнейшую и далеко не всегда в должной мере оцененную в наше время форму контактов и взаимоотношений учеников с учителем. В школе Миллера ее надо поставить на одно из первых мест, ибо в ней сочетались его достоинства как ученого, педагога и редактора с чертами мудрого, опытного и доброжелательного наставника жизни. От семинаров, консультаций и других камерных видов научного общения собеседование отличается прежде всего неформальной обстановкой, нередко в домашних условиях, с минимальным числом участников (чаще всего — двое). Само общение становится более действенным и поучительным, но при обязательном условии установления взаимопонимания, невозможного без усилий обеих сторон.

Анатолий Филиппович обладал даром объяснять, разъяснять и убедить. Поэтому беседы с ним были для его учеников исключительно содержательны и полезны. О каждом предмете, представлявшем для него профессиональный интерес, он имел обстоятельное и всестороннее суждение. Кроме того, он знал уйму интересного из того, что не имело не только прямого, но подчас и вовсе никакого отношения к его основным занятиям, и охотно делился всем этим с благодарными слушателями. Рассказчик он был отменный и очень популярный. На людях остаться с ним вдвоем было нелегко: обязательно стекался народ «послушать Миллера».

Однако собеседование — процесс по крайней мере двусторонний. Анатолий Филиппович умел не только говорить, но и слушать (последнее дано далеко не всякому хорошему рассказчику). В то же время он был, если можно так сказать, «активным слушателем». Его редакторская жилка реагировала не только на написан-

ные, но и на произнесенные слова. Молодого собеседника он умело и деликатно корректировал, направлял беседу в конструктивное русло, тактично обращал внимание на неудачно или неправильно употребленные слова, на неверные ударения, не давал полезному разговору перерасти в ненужную болтовню, ценя свое и чужое время. Беседы с Анатолием Филипповичем были чрезвычайно полезными, необходимыми в жизни уроками.

Мне уже приходилось называть те из них, которые сохранила моя память⁹, поэтому здесь уже можно не повторяться. Напомню только, что суть их состояла в серьезном и ответственном отношении к порученной работе. А. Ф. Миллер искоренял у своих учеников такие недостатки, как суетливость, торопливость, легкомыслие, разбросанность и вообще всякую неосновательность. Он не любил самоуверенных, но и предостерегал против слабодушия, неверия в собственные силы. Чрезвычайно отзывчивый на жгучие проблемы современности, он резко порицал конъюнктурщину, любые попытки на актуальности сделать «бизнес». Он настойчиво прививал своим ученикам такие необходимые для научной работы историка навыки, как самодисциплина, систематичность, аккуратность и даже педантичность в обращении с историческим материалом. Нечего и говорить, какое значение для всех нас имело прохождение миллеровского «университета».

И последнее, о чем хотелось бы вспомнить. Анатолий Филиппович Миллер был чрезвычайно находчивый, остроумный и просто веселый человек. Эти мажорные черты характера прекрасно сосуществовали у него с основательностью, серьезностью, что создавало в целом весьма импозантный и привлекательный облик. Общение с ним всегда поднимало настроение, а хороший заряд положительных эмоций — большая подмога учению. В школе профессора А. Ф. Миллера было в полном смысле слова интересно, прошедшие ее вспоминают это имя с благодарностью.

¹ Настоящая статья написана в основном на материалах двух моих работ, посвященных памяти А. Ф. Миллера: *Лазарев М. С. Уроки профессора А. Ф. Миллера. — Народы Азии и Африки. 1979, № 4, с. 128—133; он же. Талант историка (Страницы творческой биографии Анатолия Филипповича Миллера). — Миллер А. Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983, с. 2—18.*

² См.: *Черников И. Ф. О некоторых материалах по истории со-*

ветско-турецких отношений.— Турция. История, экономика, политика. М., 1984, с. 126.

³ Подробнее об истории изучения в СССР Турции и о вкладе в него А. Ф. Миллера см.: *Данциг Б. М.* Изучение истории, экономики и географии Турции в СССР.— Турецкий сборник. М., 1958.

⁴ *Миллер А. Ф.* Турция. М., 1937.

⁵ *Миллер А. Ф.* Мустафа паша Байрактар. Османская империя в начале XIX века. М.—Л., 1947.

⁶ Все они собраны в упомянутой публикации: *Миллер А. Ф.* Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории.

⁷ Опубликован в журнале «Народы Азии и Африки». 1965, № 6.

⁸ Им написаны части I и II доклада.

⁹ См.: *Лазарев М. С.* Уроки профессора А. Ф. Миллера, с. 133.

М. С. Мейер

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СМИРНОВ
(1896—1983).

НЕСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВ
ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

В ряду пионеров советского востоковедения, пришедших в науку в первое десятилетие после Октябрьской революции, достойное место принадлежит Николаю Александровичу Смирнову — ученому с широким диапазоном исследований, опытному педагогу и воспитателю, одному из создателей современной системы востоковедного образования в нашей стране.

Н. А. Смирнов прожил долгую и интересную жизнь, в чем-то типичную для того поколения отечественной интеллигенции, которое появилось в 20-е годы. «Родился,— писал он лаконично в своей автобиографии,— 14 августа 1896 г. в городе Ковно (Каунас), в семье служащего. Мой отец происходил из мещан г. Костромы, был учителем математики... Окончание мною средней школы совпало с началом империалистической войны 1914—1918 гг. После призыва в армию был направлен в школу прапорщиков, а затем на фронт, где и находился до марта 1918 г., когда был демобилизован». Среди бумаг Николая Александровича удалось отыскать пожелтевшее удостоверение от 22 декабря 1917 г., свидетельствующее, что «предъявитель сего есть действительно Командир Пулеметной команды 3-го Самокатного батальона Николай Смирнов».

Сохранился и другой документ, показывающий, что Н. А. Смирнов безоговорочно принял Октябрьскую революцию и столь же решительно откликнулся на подписанный В. И. Лениным декрет-воззвание Совета Народных Комиссаров «Социалистическое отечество в опасности!», призывавший к вступлению в Красную Армию. 4 марта 1918 г. председатель и секретарь батальонного комитета 3-го самокатного батальона подписали удосто-

верение, которым подтверждалось, что самокатчик Николай Смирнов «по своему политическому убеждению сочувствует Партии большевиков и поступает добровольно в Социалистическую Армию».

Заключение Брестского мира, завершившее участие Советской России в первой мировой войне, позволило тогда провести демобилизацию солдат-фронтовиков. Среди них был и Н. А. Смирнов. Он определился на работу в Костромской губсовнархоз, где занимался постройкой дорог в Галичском уезде. Однако в октябре 1918 г. пришлось оставить мирный труд. Николай Александрович вновь добровольно вступает в ряды Красной Армии. Направленный в систему Главвсевобуча, он все годы гражданской войны был занят подготовкой кадров для Красной Армии, пройдя путь от командира взвода до начальника отделения Главного управления. Функции Всевобуча были довольно разнообразны. В них, в частности, входила организация допризывной подготовки и развитие физкультуры и спорта. От этого времени в профессорском архиве сохранился еще один по-своему примечательный документ. Датированный февралем 1920 г. и заверенный печатью Костромского стрелкового спортивно-гимнастического общества «Спартак», он сообщает нам, что Н. А. Смирнов был «основателем, организатором и председателем Костромского губернского общества физического развития „Спартак“».

Научные интересы Николая Александровича определились не сразу. По его собственному свидетельству, стать востоковедом ему помогла встреча с проф. А. Е. Снесаревым, возглавлявшим Восточный отдел Военной академии РККА. Известный военный специалист и ученый-востоковед порекомендовал молодому командиру поступить во вновь образованный (в 1920 г.) Институт живых восточных языков, переименованный затем в Московский институт востоковедения (МИВ). Принятому в 1921 г. первому составу студентов, как вспоминал Н. А. Смирнов, пришлось не только много и напряженно учиться, но и участвовать в определении учебного профиля нового института. На ближневосточном факультете, где учился Николай Александрович, преподавал целый ряд выдающихся представителей отечественной науки. Новую и новейшую историю читал В. А. Гурко-Кряжин, историю империализма — М. П. Павлович (Вельтман), международное право — Е. А. Коровин. Арабский язык студент Смирнов изучал под руковод-

ством Х. К. Баранова, персидский — Б. В. Миллера, турецкий — В. А. Гордлевского.

В 1924 г. он окончил МИВ и продолжал совершенствовать свои знания в аспирантуре института по кафедре В. А. Гурко-Кряжина. Своим ученикам 50-х годов Н. А. Смирнов с юмором рассказывал, как он и его товарищи стремились использовать все свое время для освоения восточных премудростей. Чтобы больше читать, они сводили до минимума время сна, пытались читать не только в трамвае, но и идя по улице, обедая в столовой. С гордостью он демонстрировал свои «раритеты» — уникальные издания по истории Турции и других стран Востока, разысканные им на книжных «развалах» Москвы 20-х годов.

Первые печатные работы Н. А. Смирнова появились в 1925—1927 гг. Это были рецензии по вопросам исламоведения и истории Востока в журнале «Новый Восток», статьи «Аравия (современная)» для энциклопедии «Гранат» и «История арабов (новое время)» для первого издания БСЭ.

Окончив в 1927 г. аспирантуру, Н. А. Смирнов в течение последующих трех лет работал во Всесоюзной научной ассоциации востоковедов (ВНАВ) при ЦИК СССР. ВНАВ, по его выражению, стала «хорошей лабораторией для разработки новейшей истории стран Востока». Здесь определилась одна из основных тем научных исследований Николая Александровича — исламоведческая. Сошлемся на документ, подписанный ученым секретарем ВНАВ Вельтманом 2 октября 1929 г., где сообщается, что Н. А. Смирнов с 23 ноября 1927 г. является «научным сотрудником по Турции, работает над изучением истории и религии современных турецких народов, состоя выборным секретарем секции Советского Востока и комиссии по изучению ислама». Там же отмечается, что «помимо своей прямой работы г. Смирнов участвовал в научных командировках и летом 1929 г. выполнил научную командировку по заданиям КУТВ при ВЦИК'е и НАВ по изучению труда и быта женщин Киргизской АССР». Результаты работы нашли свое отражение в первых написанных им брошюрах о положении женщин на Востоке и о современном исламе¹.

Теми же сюжетами Н. А. Смирнов продолжал заниматься, перейдя в 1931 г. на должность редактора-методиста Центрального издательства народов СССР, позже — заведующего национальным сектором Государ-

ственного антирелигиозного издательства ОГИЗ РСФСР. В 1930—1933 гг. выходят его две работы о мусульманской религии, на ряде языков СССР публикуется брошюра «Ислам и его классовая роль» (под псевдонимом С. Турханов), в журналах «Атеист» и «Антирелигиозник» печатается ряд его статей и рецензий². Позже в своей книге «Очерки истории изучения ислама в СССР» Н. А. Смирнов весьма критически оценит печатные труды той первой группы молодых ученых, которая стремилась дать марксистский анализ актуальных вопросов исламоведения и в которую входил он сам: «Надо признать, что далеко не все авторы имели достаточную общенаучную марксистскую подготовку и владели фактическим материалом. Этим можно объяснить появление компилятивных легковесных произведений, далеко не удовлетворявших читателей»³.

Критикуя многие положения своих коллег, автор книги столь же сурово отнесся и к своим собственным сочинениям. Так, о работах «Ислам и современный Восток» и «Современный ислам» он писал: «Но и для этих двух изданий также характерен весьма слабый теоретический уровень, который прежде всего обнаруживается в главе, где даны краткие сведения о происхождении и характере ислама»⁴. Вместе с тем он не соглашался с нигилистическим подходом Л. Климовича, который в начале 30-х годов отказывался принимать всерьез работы советских авторов о Мухаммеде. По мнению Н. А. Смирнова, «при всех своих недостатках, подчас отсутствии прочной теоретической базы и поверхностном подходе, эта литература все же имела одну несомненно положительную сторону: разрабатывала актуальные вопросы, связанные с осуществлением в нашей стране культурной революции, с коммунистическим воспитанием подрастающего поколения»⁵.

1933 год стал важным рубежом в биографии Николая Александровича — он перешел на педагогическую работу. Ей он посвятил около тридцати лет, наиболее зрелые и плодотворные годы своей жизни. Решение об этом созревало, видимо, постепенно, ибо в 1931—1933 гг. Н. А. Смирнов, как вспоминают его коллеги, уже вел преподавательскую деятельность, читая курс по истории ислама и антирелигиозной работе в Академии им. Н. К. Крупской, в КУТВ, на курсах наработчиков, в рабочем университете Фрунзенского района и в других учебных заведениях Москвы. Накопленный опыт позво-

Н. А. Смирнов

лил ему принять предложение о переходе на кафедру истории Востока Московского историко-философского института, позже преобразованного в Институт истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского.

Становление Н. А. Смирнова как педагога-востоковеда происходило в годы больших перемен в системе высшей школы. После реорганизации университетского образования в 1930 г. университеты страны, в том числе и МГУ, не имели в своем составе исторических факультетов. Большой вред качеству обучения принес бригадно-лабораторный метод, широко насаждавшийся в 1931—1933 гг. Став преподавателем, Н. А. Смирнов принял активное участие в реализации мер по улучшению системы подготовки историков. Много делалось и для перестройки востоковедного образования, выработки твердых учебных планов и программ, подготовки учебных пособий. Последних фактически не было, вместо них ис-

пользовались обычно стеклографированные конспекты лекционных курсов.

Трудности создания стабильных учебников в немалой степени определялись разногласиями в трактовке многих вопросов истории и современного положения стран зарубежного Востока. Естественно, что создание программ курсов и пособий по ним было сопряжено с горячими спорами, острыми дискуссиями. Отзвуки этих споров можно найти в рецензиях Н. А. Смирнова, опубликованных в 1935 г. на страницах журнала «Историк-марксист», на книги Н. Н. Козьмина «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» и акад. Б. Я. Владимирова «Общественный строй монголов».

Свою педагогическую деятельность на историческом факультете МИФЛИ Н. А. Смирнов начал в 37 лет, будучи уже вполне сложившимся ученым с широким кругом знаний и интересов, что позволило ему сразу включиться в чтение лекций по истории Востока. Однако в следующем (1934) году пришлось начать новый курс по истории колониальных и зависимых стран (соответственно изменилось и название кафедры МИФЛИ). Над подготовкой программы и лекций по этому курсу Н. А. Смирнов много поработал вместе с И. М. Рейснером, Е. Л. Штейнбергом, Х. З. Габидуллиным. Последний, став заведующим кафедрой колониальных и зависимых стран на созданном в 1934 г. историческом факультете МГУ, пригласил Н. А. Смирнова начать чтение нового курса и студентам университета.

Участие Н. А. Смирнова в разработке проблем истории колониальных и зависимых стран было высоко оценено: в конце 1935 г. ему, как и И. М. Рейснеру, было присуждено (без защиты) звание кандидата исторических наук, присвоено звание доцента, а в 1936 г. он был переведен на должность и. о. профессора. Спустя еще три года Н. А. Смирнов стал заведующим кафедрой истории колониальных и зависимых стран МИФЛИ.

Со второй половины 30-х годов в центре научных изысканий Николая Александровича оказывается история Турции, причем если вначале его больше интересует колониальная политика европейских держав, особенно Франции по отношению к Османской империи, то в дальнейшем он все более увлекается историей взаимоотношений России и Турции XV—XVIII вв., темой, включавшей также изучение политики Порты в отношении Кавказа, Крыма и Украины.

В те годы серьезное изучение средневековой истории Турции в СССР только начиналось. До середины 30-х годов основное внимание молодых советских востоковедов было сосредоточено на разработке вопросов новой и новейшей истории Востока, проблем национально-освободительной борьбы, рабочего и крестьянского движения, особенностей империалистической эксплуатации колониальных и зависимых стран. Однако широкие теоретические обсуждения, в частности дискуссии об «азиатском способе производства», прошедшие в конце 20-х — начале 30-х годов, восстановление преподавания истории в средней школе, а также начавшаяся работа по систематизации востоковедных фондов — все это дало серьезный импульс к изучению истории стран Востока, в том числе и Турции, в ее полном объеме, выявлению общих закономерностей в развитии турецкого народа в эпоху средневековья и первоначального накопления.

В то время как ученики известного турколога старшего поколения В. А. Гордлевского сосредоточили свое внимание на турецких письменных памятниках как источниках по социально-экономической истории Османской империи, Н. А. Смирнов углубился в изучение русских дипломатических документов, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА). Первым итогом его занятий можно считать главу «История Турции XVI—XVIII вв.» в вузовском учебнике по истории средних веков (т. 2, 1939) и раздел по Турции в «Хрестоматии по истории средних веков» (т. 2, ч. 2, 1939). К началу 1941 г. была уже закончена и в том же году защищена докторская диссертация «Россия и Турция в XVI—XVII вв. в свете архивной дипломатической документации». Эта работа представляла собой одну из первых в отечественной науке попыток проследить развитие русско-турецких отношений начиная с их зарождения в конце XV в. и до начала XVIII в. Официальные оппоненты акад. Ю. В. Готье, М. Н. Тихомиров и Н. Л. Рубинштейн высоко оценили эту работу и одновременно подчеркнули большое значение ее как для истории Турции, так и для лучшего понимания прошлого России. Хотя на отдельные аспекты русско-турецких отношений современные исследователи смотрят иначе, чем автор этой диссертации, все же работа Н. А. Смирнова и сегодня остается наиболее полным и обобщающим трудом по данной теме.

Начавшаяся Великая Отечественная война застала Н. А. Смирнова на посту декана исторического факультета МИФЛИ. Вместе со своими студентами он отправился на призывной пункт. Жена и верный спутник всей его жизни Е. А. Смирнова сохранила справку, выданную переучетным пунктом № 3 Свердловского райвоенкомата г. Москвы о том, что «командир запаса интендант 2 ранга Смирнов Н. А. мобилизован 18 сентября 1941 г. согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. в ряды Красной Армии». С призывного пункта он был направлен во Владимир на учебные сборы комсостава запаса. В декабре 1941 г., когда была ликвидирована непосредственная угроза столице, Николай Александрович был отозван из армии и направлен в распоряжение МГУ, с которым к тому времени слился МИФЛИ.

В 1942—1943 гг. Н. А. Смирнов работал в Свердловске, где находилась эвакуированная часть университета. Ему пришлось одновременно выполнять обязанности заведующего кафедрой истории стран Востока и декана исторического факультета. Сюда же в 1942 г. из Москвы пришло известие о том, что ему присуждена ученая степень доктора исторических наук и присвоено звание профессора. После возвращения в 1943 г. эвакуированных университетских преподавателей в Москву кафедра истории стран Востока значительно расширилась и укрепилась. Это позволило в 1944 г. создать на ее основе Отделение Востока в составе трех кафедр — истории стран Ближнего Востока, Среднего Востока и Дальнего Востока. Во главе Отделения встал известный востоковед проф. Б. Н. Заходер. Николай Александрович возглавил коллектив специалистов по Ближнему Востоку. Одновременно, вплоть до 1948 г., он выполнял по совместительству обязанности заместителя директора по научной и учебной работе Московского государственного института международных отношений (МГИМО).

От военных лет в семейном архиве сохранились еще два примечательных документа. Первый из них — выписка из приказа № 38 от 1 мая 1943 г. начальника Окружного Дома Красной Армии УралВО капитана Троицкого: «§ 4. За активное участие в лекционной работе и высокое качество лекций объявляю благодарность профессору Московского ордена Ленина Государственного университета имени Ломоносова тов. Смирнову Н. А.». Другой документ — характеристика, подпи-

санная в мае 1945 г. деканом истфака МГУ С. П. Толстовым, в которой написано: «Профессор Н. А. Смирнов зарекомендовал себя очень опытным руководителем в подготовке кадров молодых специалистов — историков Востока. Отличается большой четкостью во всей своей научно-организационной деятельности».

В послевоенные годы Николай Александрович вел напряженную научную и педагогическую работу. Много сил и внимания отняла публикация докторской диссертации. Однако вышедшая в 1946 г. работа «Россия и Турция в XVI—XVII вв.»⁶ не дает полного представления об исследовании, проведенном Н. А. Смирновым, ибо охватывает далеко не все собранные им материалы. Не удалось издать в те годы целый пухлый том интересных и малоизвестных документов и извлечений из архивов — приложение к диссертации. Тем не менее в 1946—1948 гг. Николай Александрович продолжал изучение дипломатических архивов, на этот раз материалов русско-турецких отношений XVIII в. из Архива внешней политики России (АВПР). Собранные им документы составляют, по существу, двухтомную хрестоматию по истории Турции XVIII—XIX вв., которая также не опубликована (хранится в машинописном варианте в библиотеке Института стран Азии и Африки при МГУ).

В те же годы Н. А. Смирнов совместно с А. Ф. Миллером заново разрабатывал курс истории Турции средних веков и нового времени. В списке его научных трудов, составленном после войны, рукой Николая Александровича вставлено: «47. История Турции в XV—XVIII в.— курс лекций, 1946 г. 16 п. л.» Отыскать эту рукопись не удалось. В том же списке есть еще одна пометка: «44. Из истории русской науки (изучение истории Востока в СССР). 1946/47. 4 п. л.». Следы этой работы, начатой, видимо, в порядке подготовки курса по историографии Ближнего Востока, мы находим в первом томе «Очерков истории исторической науки в СССР»⁷.

Как и многие другие университетские ученые, Н. А. Смирнов стремился к установлению тесного сотрудничества с учреждениями Академии наук, в частности с Институтом истории, где он начал работать по совместительству с 1948 г. Вероятно, заведование сектором истории СССР периода капитализма, а затем совместная работа в секторе религии и атеизма с В. Д. Бонч-Бруевичем способствовали обращению ученого к углубленному изучению истории Кавказа и вме-

сте с тем возвращению к исламоведческим сюжетам. Первая из работ Николая Александровича о Кавказе — «Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях в XVI—XVIII вв.»⁸, как видно из заглавия, еще лежала в русле прежних туркологических изысканий автора. Нетрудно заметить и определенную общность идей в книге о Кабарде и в статьях о борьбе русского и украинского народов против агрессии султанской Турции, опубликованных Н. А. Смирновым в первой половине 50-х годов. Так, отмечая, что политика русских царей на Кавказе опиралась на союз с местной феодальной верхушкой, он в то же время подчеркивал положительное значение взаимной помощи народов Кавказа и русского народа в борьбе против османской экспансии.

Исследования по истории Кавказа позволили соединить две основные линии поисков ученого — туркологическую и исламоведческую — со все более четко выразившимся у него интересом к прошлому Родины. Поэтому и появление «Очерков истории изучения ислама в СССР»⁹ следует рассматривать не как дань прошлым увлечениям, но как шаг к новым работам, вышедшим в конце 50-х — начале 60-х годов и лежавшим на стыке туркологии, исламоведения и истории народов СССР. Сам же труд, подытоживший достижения советского исламоведения, был с большим интересом встречен не только в нашей стране, но и за рубежом. А. Лэмбтон сделала его сокращенный перевод на английский язык, французский арабист Н. Елисеев написал на основе книги Н. А. Смирнова обширный обзор «Исламоведение в СССР» для сборника, посвященного известному ориенталисту Л. Массиньону.

Работы Николая Александровича, его активная научно-организаторская, педагогическая и лекционно-пропагандистская деятельность принесли ему широкое признание среди советских историков. В 1952 г. его назначают председателем экспертной комиссии по истории ВАК при Министерстве высшего образования СССР, а в 1960—1964 гг. он является членом ВАК. В 1953—1964 гг. Николай Александрович входил в состав редакционной коллегии журнала «Вопросы истории», на протяжении многих лет был членом Ученых советов Института истории и исторической секции Института востоковедения АН СССР. Об авторитете, которым пользовался ученый, может свидетельствовать и письмо Е. М. Жукова, направленное Н. А. Смирнову в августе

1958 г. В нем академик-секретарь Отделения истории обосновывает сделанное Николаю Александровичу предложение занять пост главного редактора журнала «Вопросы истории»: «Наше предложение является результатом длительных обсуждений, касающихся дальнейших судеб журнала „Вопросы истории“, который должен стать, во-первых, действительно органом Отделения исторических наук, во-вторых, журналом всех советских историков. Журнал должен освещать прежде всего большие вопросы истории СССР, всех его народов. В этом отношении Ваша кандидатура на пост главного редактора журнала представляется наиболее отвечающей нашим пожеланиям. Вы тесно связаны с историками наших республик, Вас повсюду хорошо знают. Вы обладаете широкими интересами, Вы, наконец, уже имеете опыт работы в журнале». И хотя это предложение не было принято, оно показывает высокий научный авторитет Н. А. Смирнова.

Неудивительно, что именно Николай Александрович стал первым руководителем самостоятельного востоковедного подразделения в рамках Московского университета — Института восточных языков при МГУ (ныне Институт стран Азии и Африки при МГУ), образованного в 1956 г. в соответствии с решениями XX съезда КПСС на базе восточных отделений исторического и филологического факультетов. Создание института представляло собой и итог поисков многих советских востоковедов, в том числе и Н. А. Смирнова, тех путей и средств, которые помогли бы повысить эффективность востоковедной подготовки в соответствии с возросшими потребностями страны и кардинальными переменами, происходившими в афро-азиатском мире.

Суть необходимых перемен довольно точно определял документ, хранящийся в архиве Н. А. Смирнова и представляющий собой предложения комиссии по проблемам высшего востоковедного образования, в работе которой он участвовал. Прежде всего авторы документа считали необходимым, чтобы дальнейшая подготовка молодых востоковедов осуществлялась в специальных востоковедных вузах: «Единственно она может обеспечить, во-первых, надлежащее теоретическое и практическое знание восточных языков... во-вторых, единственно она может дать обучающемуся широкое знание изучаемой восточной страны или стран». Вторая важнейшая мысль этого документа состояла в том, что учебный

план такого вуза следует приблизить к насущным задачам, решаемым партией и страной. Хотя не все предложения по осуществлению данной задачи выглядят сегодня достаточно убедительными, но основное содержание мероприятий по улучшению подготовки востоковедных кадров было сформулировано верно. Их осуществление помогло ИСАА при МГУ стать сегодня центром востоковедного образования в стране.

Автору довелось довольно близко познакомиться с Николаем Александровичем. Правда, это не было настоящей близостью, — слишком велика разница между начинающим студентом и маститым профессором, но все же удалось лучше узнать ректора ИВЯ в 1956—1958 гг. Ведь студент (единственный на курсе) специализировался по турецкой истории, и Николай Александрович читал ему одному лекции по истории страны и руководил его первыми курсовыми работами. Частые встречи в аудитории, на кафедре, в ректорском кабинете подтверждают общее мнение о Н. А. Смирнове как о преподавателе, который очень внимательно относился к воспитанию молодых кадров, был неизменно благожелателен к студентам и аспирантам, всегда был готов поделиться с ними знаниями, дать совет, отрецензировать работу. Когда студенты института жаловались ему на нехватку средств для проведения какого-либо мероприятия, он тут же брался за свой бумажник — «директорский фонд», как шутил он, — чтобы помочь им.

Уйдя с поста ректора института в 1958 г., Николай Александрович стал все больше тяготеть к научно-исследовательской работе. После принятия решения об отмене совместительства он предпочел и вовсе оставить университет, отказаться от поста заведующего кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока и перейти на постоянную работу в Институт истории АН СССР, где после смерти В. Д. Бонч-Бруевича занимал сектором религии и атеизма.

С Институтом истории связан последний период научной и общественной деятельности Н. А. Смирнова. Под его редакцией и при его личном участии в 1958—1964 гг. выходили сборники «Вопросы истории религии и атеизма». Большую работу провел он в качестве ответственного редактора и автора 6-го тома «Всемирной истории» (1958) и ряда других изданий института. Им написаны соответствующие разделы по истории русской и советской туркологии и арабистики для всех четырех

томов «Очерков истории исторической науки в СССР» (1955—1966). Прочные научные и дружественные связи установились у него с учеными из республик Северного Кавказа и Закавказья. Он был ответственным редактором таких работ, как «История Кабарды» (1957), «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР» (1967). Последняя работа, над которой трудился Н. А. Смирнов, была посвящена истории народов Кавказа в XIX — начале XX в.

Особый интерес представляют монографические работы ученого, изданные в этот период. Они как бы завершают те изыскания, которые он начал в послевоенные годы. Первая из них — «Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках»¹⁰. В ней, наряду с весьма подробным историческим очерком русско-турецкого противоборства на Кавказе, автор впервые дает детальную характеристику социально-экономических условий жизни горских народов, предлагает свое объяснение причин и сущности народных движений в XVIII и XIX вв. в Кабарде, Чечне и Дагестане (восстание шейха Мансура, движение Шамиля и др.), обращается к сущности идеологии мюридизма.

Последняя тема находит свое полное раскрытие в книге «Мюридизм на Кавказе»¹¹, в которой дана новая, более взвешенная и глубокая оценка движения горцев под руководством Шамиля. Проследив на большом фактическом материале историю формирования мюридизма, его роль в жизни горских народов, Н. А. Смирнов отметил антиколониальные и антифеодальные мотивы, скрывавшиеся под религиозной воинственностью мюридизма. Показав наличие в нем разных социальных течений, исследователь четко обосновал вывод о том, что в конце концов мюридизм исчерпал свои потенциальные возможности и пришел в противоречие с общественным развитием, ибо консервировал раннефеодальные порядки и препятствовал складыванию новых социальных сил. Книга вызвала положительный отклик одного из самых авторитетных специалистов по истории СССР акад. М. Н. Дружинина. В своем письме Н. А. Смирнову от 28 апреля 1963 г. он отмечал: «Думаю, что Ваша концепция, над которой Вы сосредоточенно и долго работали, одинаково свободна от идеализации Шамиля и от игнорирования массового движения горцев».

Книга о мюридизме оказалась последней крупной работой Н. А. Смирнова, увидевший свет при его жиз-

ни. После 1967 г. интенсивность изысканий ученого слабеет, и в 1974 г. он уходит на пенсию. 22 июля 1983 г. Николая Александровича не стало.

Перебирая материалы архива Н. А. Смирнова, просматривая вновь его книги и статьи, размышляя над его большой жизнью, полной интересных замыслов и неожиданных поворотов, невольно вспоминаешь точные и верные слова В. И. Корецкого в его небольшой заметке, посвященной 70-летию Николая Александровича: «Собранность, организованность, исключительная работоспособность, стремление как можно шире охватить источники, учесть последние достижения науки и дать обоснованные выводы характеризуют Н. А. Смирнова как ученого»¹².

¹ Смирнов Н. А. Турчанка. М., 1927; он же. Курдская женщина. М., 1928; он же. Калмычка. М., 1928; он же. Ислам и современный Восток. М., 1928; он же. Киргизские очерки. М., 1930.

² Смирнов Н. А. Мусульманское сектанство. М., 1930; Турханов С. Мусульманские праздники. М., 1931 (переизд. 1933 г.).

³ Смирнов Н. А. Очерки истории изучения ислама в СССР. М., 1954, с. 161.

⁴ Там же, с. 168.

⁵ Там же, с. 167.

⁶ Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. 1—2. М., 1946.

⁷ Смирнов Н. А. Изучение истории Ближнего и Среднего Востока.— Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955.

⁸ Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв. Нальчик, 1948.

⁹ Смирнов Н. А. Очерки истории изучения ислама в СССР. М., 1954.

¹⁰ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М., 1958.

¹¹ Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

¹² Корецкий В. И. К семидесятилетию Николая Александровича Смирнова.— Вопросы истории. М., 1967, № 5, с. 171.

И. М. Фильштинский

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ АРАБИСТ
ХАРЛАМПИЙ КАРПОВИЧ БАРАНОВ (1892—1980)
В НАУКЕ И В ЖИЗНИ

Как и во многих других областях человеческой деятельности, справедливая оценка заслуг перед наукой того или иного человека, размера и значения индивидуального вклада ученого приходит далеко не сразу. Часто наиболее энергичные, а возможно, и более предприимчивые люди, умеющие создать вокруг себя широкий круг почитателей, или просто обладатели «легкого пера», умело популяризирующие себя и свои научные достижения в широкой прессе или в специальных изданиях, получают признание в качестве выдающихся ученых намного раньше своих скромных коллег, не менее заслуживающих такое же звание, но не столь оперативно «самовыражающихся», на долю их остается не слишком престижное наименование «скромных тружеников науки».

Именно так оказался не в должной степени оцененным даже в кругу специалистов замечательный человек и великолепный ученый Харламбий Карпович Баранов. «Он ведь только преподаватель языка, а не исследователь», — сказала мне как-то о Баранове одна арабистка, написавшая кандидатскую диссертацию и опубликовавшая единственную статью по арабской грамматике в толстом академическом сборнике. «У Баранова ведь нет серьезных работ по арабистике; он даже не кандидат наук, хотя как преподаватель...» — снисходительно повторяли строгие критики. «Когда Баранов говорит по-арабски, — сказал мне как-то бойкий молодой человек, побывавший после окончания университета в многолетней командировке на Востоке, — нельзя понять, какой это язык». И только те, кому довелось многие годы учиться под его руководством, а позднее основательно потрудиться над современными и средневековыми арабски-

Х. К. Баранов

ми текстами, испытывают к покойному ученому бесконечную благодарность.

Никогда не забуду своего первого впечатления при появлении Харлампия Карповича в аудитории первого курса арабского отделения Московского института востоковедения. В комнату вошел бодрым и быстрым шагом худощавый человек небольшого роста, как нам тогда казалось — преклонного возраста, с бородкой клинышком и большой лысиной. Сухо поздоровавшись с нами и сказав несколько вводных фраз, он сразу же приступил к делу и начал писать на доске буквы арабского алфавита. «Сухой педант», — сразу же вынес я ему приговор. При этом я с тоской вспоминал первый урок латыни в Институте истории, философии, литературы и Александра Николаевича Попова, замечательного знатока древних и современных языков, эрудита во всем, что касалось античности и выросшей на ее основе

европейской культуры, живого, всем интересующегося человека, и сравнение было далеко не в пользу первого встретившегося мне в жизни арабиста. Но как бывает обманчиво первое впечатление!

Началась нелегкая ежедневная работа над арабским языком, и постепенно перед семью однокурсниками нашего отделения все больше раскрывался учивший нас человек, и мы все больше о нем узнавали.

История прихода в востоковедение нашего профессора, как и он сам, была не вполне обычна для его времени. Харлампий Карпович Баранов родился 23 февраля 1892 г. в крестьянской семье в казацком хуторе Мышинском, в семи километрах от Новочеркасска. Он рано лишился отца, что приучило его с малых лет к известной самостоятельности. Начальная школа находилась в Новочеркасске и, бродя по улицам и рынкам оживленного города, мальчик с интересом прислушивался к говору разноязычной толпы — в городе жили и в него приезжали русские и украинцы, греки и турки, армяне и жители горных районов Северного Кавказа. Позднее Харлампий Карпович часто со смехом рассказывал о том, как его еще ребенком занимал вопрос о причинах многообразия языков, и он никак не мог понять, почему люди, принадлежащие к разным народам, говорят по-разному. Ведь жил он в окружении людей, говорящих на одном языке, и этого было для них совершенно достаточно, так для чего же нужны еще и другие языки? Желание разобраться в столь сложной для деревенского мальчика проблеме определило его дальнейшие интересы и судьбу. Изучение языков стало насущной потребностью его жизни.

Молодой Баранов решил посвятить себя восточной филологии и поступить в Лазаревский институт восточных языков в Москве. Для этого необходимо было преодолеть уже на первом этапе ряд трудностей. Харлампий Карпович окончил в Новочеркасске не классическую гимназию, а реальное училище, где языковая подготовка была недостаточной. А между тем для поступления в Лазаревский институт надо было сдать экзамен по двум европейским языкам и латыни, которая в реальных училищах не изучалась. Финансовые возможности юноши были ограничены, и нанять репетиторов он был не в состоянии. Пришлось по самоучителю учить латынь и углублять знания европейских языков, с чем молодой Баранов успешно справился и в 1912 году был

принят на арабско-персидско-турецкое отделение специальных классов Лазаревского института.

Спустя более чем столетия соученики Харлампия Карповича любили на юбилейных вечерах уважаемого профессора вспоминать, как среди хорошо одетых учащихся института (Лазаревский институт был привилегированным учебным заведением, готовившим чиновников всех рангов для дипломатической карьеры, и его учащиеся, как правило, принадлежали к состоятельным слоям общества) появился «молодой казачок», одетый по-провинциальному и пугливо осматривающийся в новой, незнакомой московской обстановке.

Лазаревский институт был важнейшим центром востоковедного образования в России. В отличие от Восточного факультета Петербургского университета, дававшего учащимся в первую очередь академическую подготовку, Лазаревский институт в Москве готовил своих выпускников к практической деятельности. Программа его строилась с таким расчетом, чтобы учащиеся овладевали живыми языками в достаточной мере для работы в различных государственных учреждениях. В год поступления Баранова в Лазаревский институт была проведена радикальная реформа, в результате которой система подготовки учащихся значительно улучшилась. Было учреждено два отделения — дипломатическое и административное, а новые программы были составлены с целью воспитания широко образованных востоковедов и включали ряд общеобразовательных дисциплин. На том отделении, где учился Харлампий Карпович, преподавались арабская и персидская словесность, история стран Востока, русская словесность, арабский, персидский и турецко-татарский языки, восточная каллиграфия, политическая экономия и финансы, а также всевозможные правовые дисциплины: гражданское, торговое и государственное право, как русское, так и европейских стран.

Харлампий Карпович любил вспоминать своих учителей, причем среди них на одно из первых мест он ставил Агафангела Ефимовича Крымского. На годы учения Баранова в Лазаревском институте как раз приходится расцвет научного творчества Крымского, читавшего лекции по истории Востока, исламоведению, истории арабской и персидской литературы и по другим дисциплинам.

С большой теплотой Харлампий Карпович всегда

вспоминал и преподавателей языков. Практические занятия по арабскому языку вел в институте Михаил Осипович Аттая. Араб-христианин, уроженец Дамаска, Аттая получил образование в Бейруте, а в 1873 г. переселился навсегда в Россию. Не будучи ученым в современном понимании, Аттая был хорошим преподавателем-практиком, и через его руки прошло много поколений арабистов, выпускников Лазаревского института. Аттая был составителем одного из немногих арабско-русских словарей, и, возможно, его работа над словарем впервые натолкнула Харлампия Карповича, видевшего бесчисленные недостатки указанного издания, посвятить лексикологии и лексикографии всю свою жизнь.

С 1892 г. кафедру персидской словесности возглавлял Федор Евгеньевич Корш — одна из самых ярких фигур московского востоковедения. Корш был и иранист, и тюрколог, и индолог, и семитолог, и монголовед, и кавказовед. Его универсальные знания приводили в восхищение молодого Баранова и побуждали его к серьезным занятиям не только по основной специальности, но и по смежным или родственным языкам.

Практический персидский язык с 1911 г. в институте преподавал Мирза Абдулла Гаффаров, который вел также занятия по восточной каллиграфии. Своими знаниями персидского языка Харлампий Карпович в значительной степени обязан именно ему.

Особенно хорошо было поставлено в Лазаревском институте преподавание тюркских языков. Харлампий Карпович даже говорил, что был момент, когда он собирался сделать турецкий язык своей основной специальностью. Практические занятия по турецкому языку вели уроженец Турции грек С. Е. Саков и армянин из Турции С. Г. Дзерунян, а с 1907 г. тогда еще молодой ученый, а позднее академик — Владимир Александрович Гордлевский. Знания турецкого языка особенно пригодились Баранову во время первой мировой войны.

Учение в Лазаревском институте было делом нелегким, но лингвистически одаренный юноша хорошо справлялся с параллельным изучением нескольких языков. Как-то в частном разговоре обычно очень скромный Харлампий Карпович вскользь заметил, что из всей группы молодых людей, поступивших вместе с ним на арабо-персидско-турецкий разряд, полный курс в 1915 г. завершил лишь он один.

Уже на студенческой скамье Харлампий Карпович

проявил себя не только как способный к языкам юноша, но и как будущий исследователь. Лазаревский институт был не только учебным заведением, но и серьезным научным центром России, в котором изучались различные стороны культуры Востока. Какая-то часть результатов научной деятельности преподавателей института находила выражение в «Трудах по востоковедению», издаваемых институтом на протяжении многих лет. Один из томов «Трудов» был посвящен А. Н. Веселовскому (вып. 43). В этом юбилейном сборнике вместе с такими крупными учеными, как Ф. Е. Корш, А. Е. Крымский, В. А. Гордлевский, принимали участие многие выпускники и студенты института, в числе которых был и Баранов. Редактор сборника Крымский считал нужным специально отметить заслугу Баранова в чтении корректур издаваемого номера ученых трудов.

В 1915 г., в разгар войны, Харлампий Карпович оканчивает Лазаревский институт и призывается в армию. Он попадает в Александровское военное училище, а через несколько месяцев оканчивает его прапорщачком и направляется в один из казачьих полков на фронт в Галицию. Но уже вскоре по распоряжению генерального штаба Баранова откомандировывают из действующей армии в Петроград в одно из военных ведомств, где он состоит в должности переводчика турецкого языка до конца войны. Здесь его застают Октябрьская революция, и он продолжает занятия восточными языками — теперь уже в роли преподавателя Военной академии РККА. Вместе с Академией Харлампий Карпович переезжает в Москву, где с 1920 г. начинает работать в том же институте, который сам окончил, — но это уже не Лазаревский институт восточных языков, а возникший на его основе Московский институт востоковедения, которому впоследствии суждено было снова изменить название и стать с 1954 г. частью Московского института международных отношений. Харлампий Карпович преподавал арабский язык, заведует объединенной кафедрой арабского, персидского, пушту и африканских языков, а одно время исполняет обязанности декана Восточного факультета. Его заслуги в институте высоко оцениваются, и он получает звание профессора и заслуженного деятеля науки.

За многие годы преподавательской деятельности проф. Баранов создал целую арабистическую школу. Этим он продолжил славные традиции Лазаревского

института в области изучения современных восточных языков, в то же время обогатив учебный процесс более совершенной методикой и расширив стоявшие перед новым институтом задачи. Новая методика преподавания нашла свое выражение в ряде написанных Барановым учебников, программ и учебных пособий. Московская арабистическая школа отличается тем, что вместо преимущественного изучения языка Корана и средневековой письменности (прозы и поэзии, памятников историко-географического и естественнонаучного характера) Арабского Востока и областей, находившихся в сфере влияния арабо-мусульманской культуры, Харламбий Карпович и его многочисленные ученики основное внимание сосредоточили на изучении современного арабского литературного языка, т. е. языка художественной и научной литературы, периодики, радио, телевидения и кино.

Отныне современный литературный арабский язык не должен был третироваться как некая вульгаризация насыщенной традициями средневековой классики, но изучался наравне с другими западноевропейскими и восточными языками с целью практического овладения им. Таким образом, тот поворот, который в Ленинграде был произведен акад. Игнатием Юлиановичем Крачковским в отношении новой арабской литературы, был осуществлен в Москве новой школой в отношении современного арабского литературного языка. При этом Х. К. Баранов и в своей педагогической работе, и в созданных им учебных пособиях никогда не оставлял без внимания и живого разговорного языка в различных арабских странах, хотя центр тяжести в преподавании всегда переносил на язык литературный. Этому-то как раз не понял и не оценил упомянутый мною молодой человек, побывавший в стране и научившийся изъясняться на одном из местных диалектов.

Еще на студенческой скамье начинающим арабистом Харламбий Карпович столкнулся с трудностями в работе над языком, связанными с отсутствием хорошего арабско-русского словаря, который был бы ориентирован на современную живую арабскую лексику. А с первых шагов педагогической деятельности в Московском институте востоковедения молодой преподаватель еще сильнее стал ощущать недостаток необходимых пособий, которые позволили бы студентам самостоятельно читать газетные и литературные тексты. Поэтому уже в начале 20-х годов Харламбий Карпович стал размышлять над

тем, как заполнить этот пробел, и начал понемногу собирать необходимый материал.

На протяжении многих десятилетий учащиеся восточных факультетов, переводчики и практические работники в своей работе над арабскими текстами могли опираться лишь на старые арабско-русские словари, которые не могли служить им существенным подспорьем. Одним из самых ранних арабско-русских словарей был краткий словарь к «Арабской хрестоматии» А. В. Болдырева, вышедший в 1836 г. В 1881 г. в Казани был издан словарь В. Гиргаса, предназначенный для чтения Корана и текстов из «Арабской хрестоматии», а в 1913 г. в Москве вышел арабско-русский словарь учителя Баранова М. О. Аттая, представлявший собой несколько расширенную редакцию словаря Гиргаса. Все эти словари имели чисто учебное назначение, включали почти исключительно лексику классического периода, а современная лексика в них никакого отражения не получила. При этом они были недостаточны также и для чтения образцов классической поэзии и прозы как по своему объему, так и по качеству разработки лексического материала. Вдобавок все они, как и вышедший в 1929 г. словарь к «Образцам ново-арабской литературы» К. В. Оде-Васильевой, были ориентированы на совершенно конкретные тексты и за пределами этих текстов оказывались малополезными. Поэтому учащиеся и специалисты должны были постоянно прибегать к помощи иностранных словарей — арабско-французского словаря Ж. Б. Бэло, многотомного арабско-английского словаря Э. В. Лейна, а также пользоваться другими, менее популярными словарями — арабско-немецким словарем Э. Хардера, арабско-английским словарем И. Ильяса и др.

Те, кому довелось трудиться над составлением даже небольших словарей, предназначенных для чтения определенных текстов, знают, как много труда приходится вкладывать в эту кропотливую работу. Как правило, для составления больших словарей восточных языков создаются целые бригады специалистов. Ведь в отличие от составителей словарей различных европейских языков, специалисты-востоковеды обычно сталкиваются с отсутствием серьезных научных традиций в работе над восточной лексикой, а возможность использования опыта и материалов предшественников оказывается для них практически минимальной. Это прекрасно понимал проф. Баранов, видевший, сколь убогими и недостовер-

ными были арабско-русские словари, издававшиеся в XIX и в начале XX в. Предстояло самостоятельно разработать методику составления арабско-русского словаря, исходя из современных научно-методических требований, а затем практически осуществить эту задачу по разработанной системе.

Приступая к работе, Х. К. Баранов не оставил без внимания труды предшественников — толковые словари, составленные самими арабами, а также аналогичные попытки русских и западноевропейских лексикографов. Но в основу своего словаря он твердо решил положить результаты своих собственных изысканий в области лексики. По его глубокому убеждению, только это могло уберечь его новый словарь от засорения недостоверными и случайными сведениями, примеры чего он во множестве встречал в словарях предшественников, часто без должной проверки заимствовавших лексический материал не из текстов, а из «вторых рук». Это означало, что он брал на себя нелегкий труд по сплошному просматриванию газетно-журнальных и литературных текстов, фиксировал, проверял и перепроверял значение каждого слова, точно документируя использованный источник. Можно ли себе представить, чтобы современный составитель англо-русского словаря отважился один взять на себя подобную работу с английской лексикой!?

Вспоминаю, что, когда мне пришлось работать над переводом на русский язык хроники египетского историка конца XVIII — начала XIX в. аль-Джабарти, Харлампий Карпович отнесся к моей работе с интересом и брал на заметку каждое не попавшее в его словарь слово. Но когда я, обнаружив отсутствующее в словаре слово, с торжеством приносил его Харлампию Карповичу, он и после изучения всего контекста не торопился включать его в новое издание словаря, пока не убеждался в том, что реальное употребление этого слова в аналогичном значении подтверждается и другими источниками. Такое добросовестное отношение к делу и обеспечило словарю Баранова почти стопроцентную надежность.

Наконец, незадолго до начала Великой Отечественной войны, многолетний труд Харлампия Карповича был в основном окончен, и в Ленинграде началось печатание словаря. По плану издание должно было быть осуществлено в четырех выпусках, и накануне войны, в 1940—1941 гг., первые два вышли из печати. Работа продолжалась и после начала войны, но часть тиража

третьего и четвертого выпусков погибла в Ленинграде в период блокады от бомбежек, поэтому сразу же после выхода в свет эти последние два выпуска стали библиографической редкостью. Позднее среди студентов нашлись энтузиасты, которые переписали от руки целиком эти выпуски.

После выхода первого издания словаря¹ Харлампий Карпович сразу начал работу по его дополнению и переработке. Пополнение нового издания шло за счет увеличения общественно-политической и культурно-бытовой лексики, научной терминологии, фразеологического материала, а также, что, по нашему убеждению, не менее важно, за счет расширения значения слов и семантики переводов. Весь материал словаря заново прошел проверку в соответствующих контекстах. Теперь, наконец, гигантская работа была доведена до конца, и в 1976 году, спустя более тридцати лет после выхода первого издания, был выпущен полностью завершённый труд — арабско-русский словарь, содержащий около 42 000 слов². В окончательном виде словарь Баранова — гигантский свод лексического материала современного арабского литературного языка (прессы, художественной литературы, радио и кино), а также в значительной мере — разговорного языка.

Было бы, однако, крайне несправедливо видеть в этом огромном и хорошо систематизированном собрании арабской лексики лишь удобное справочное пособие при работе над современным арабским текстом. При изучении арабской классики — а это не только частное мнение автора настоящих строк, но и всех тех, кто занимается средневековой арабской литературой, — в подавляющем большинстве случаев словарь либо непосредственно дает соответствующее значение слова, либо подводит к его пониманию благодаря великолепной разработке автором корневого системы, позволяющей специалисту легко выявить искомое средневековое значение. Таким образом, переводчики и студенты, научные работники и журналисты, специалисты, занимающиеся современными проблемами истории культуры, получили надежного помощника, без которого их деятельность была бы не столь плодотворной.

Однако ценность словаря Баранова выходит далеко за пределы его чисто практического назначения. Без преувеличения можно сказать, что словарь этот составил целую эпоху в истории арабистики. Как хорошо по-

нимают лингвисты, своим словарем Харламий Карпович дал не просто собрание арабских слов и их русских эквивалентов, но подробное, всестороннее и надежное лексикологическое и в значительной степени фразеологическое описание современного арабского литературного языка как некоего лингвистического феномена. Это было тем труднее сделать, что специфика языковой ситуации на Арабском Востоке (реальное сосуществование ряда диалектов и литературного языка) требовала особого подхода к соответствующему материалу. Над решением не более сложных задач при составлении китайско-русского, персидско-русского и других словарей трудились целые бригады специалистов, а Харламий Карпович произвел всю гигантскую работу один, и только его верная подруга, землячка и жена Антонина Пудовна, которую Харламий Карпович обучил арабскому алфавиту, помогла ему готовить словарь к изданию, переписывая бесчисленные карточки. Создав свой словарь, Харламий Карпович совершил настоящий научный подвиг, и результатами его труда арабисты будут пользоваться еще многие годы.

Любовь Харламия Карповича к слову как таковому нашла свое выражение не только в работе над словарем, но и в переводе весьма оригинального сочинения выдающегося арабского литератора IX в. Абу Османа аль-Джахиза «Книга о скупых»³. Написанная автором, жившим в Басре и Багдаде, центрах культуры и науки средневековой арабско-мусульманской империи — Халифата, книга в форме занимательных анекдотов и живых картин рисует жизнь этих торгово-ремесленных и культурных центров, нравы и быт жителей, относящихся к разным слоям общества. Живому уму Харламия Карповича эта книга импонировала своей мудростью, остроумием и обилием тонких психологических наблюдений. Но не менее содержания книги переводчика интересовала широкая возможность творческого подхода к передаче блестящего стиля автора, его изысканных лексических находок, ясности, простоты, краткости и выразительности его языка. Особенно Харламия Карповича, большого любителя арабских пословиц и поговорок, привлекала афористичность стиля аль-Джахиза, для передачи которого он умело подбирал соответствующие русские эквиваленты, строго следя за тем, чтобы в его перевод не проникли слова иностранного происхождения.

Мне выпала высокая честь быть редактором перево-

да «Книги о скупых», и однажды, работая над книгой, я позвонил поздно вечером Харлампию Карповичу и, всячески извиняясь за поздний звонок, предложил для выяснения каких-то вопросов заехать к нему домой на следующий день. «Зачем же завтра, мы сейчас же выясним по телефону»,— ответил мне Харлампий Карпович, тут же процитировав мне по-арабски известные слова аль-Джахиза: «Делай дело одного месяца в один день, дело одного дня в один час, дело одного часа в один миг». Наша беседа по телефону продолжалась с 10 часов вечера до 5 часов утра, и лишь дважды Харлампий Карпович ее прерывал, дабы выпить крепкого чая. Было чрезвычайно интересно и поучительно наблюдать, как Харлампий Карпович подбирал русские эквиваленты замысловатым выражениям аль-Джахиза, находчиво и умело используя возможности русской архаики и современной лексики. При этом его стремление к точной передаче стиля подлинника порой приводило к некоторой тяжеловесности перевода, но, проявляя твердость в отстаивании своих вариантов, он вместе с тем всегда охотно и даже с радостью принимал всякое разумное предложение по его облегчению.

Свою научно-педагогическую деятельность Харлампий Карпович вел в основном в стенах Московского института востоковедения, а также выросших на его основе Института международных отношений и Военного института иностранных языков. Почти все московские арабисты старшего поколения принадлежали и принадлежат к числу его учеников и испытали на себе влияние его педагогического метода. Способный от природы, Харлампий Карпович и к своим ученикам предъявлял повышенные требования, не делая скидки неспособным или нерадивым студентам и всегда ориентируясь во время занятий на наиболее сильную часть учащихся. Участник многих составов ученых советов названных учебных заведений, он как бы осуществлял живую связь русского традиционного востоковедения с востоковедением современным и в своей деятельности стремился к тому, чтобы эту связь реализовать. Советское правительство высоко оценило научно-педагогическую деятельность Х. К. Баранова, и в дни своих юбилеев профессор неоднократно награждался орденами и медалями, причем в числе наград были ордена Ленина, Дружбы Народов, Трудового Красного Знамени.

Образ замечательного ученого был бы не полон, ес-

ли бы мы не сказали несколько слов о Харлампии Карповиче как о человеке, о том, каким мы его видели в жизни. В знаменитом романе-притче «Игра в бисер» Германа Гессе обитатели Касталии занимаются математикой, музицируют и играют в сложную игру, требующую одновременно и напряженной работы мысли, и большого художественного воображения. Видимо, существует какая-то закономерная связь между склонностью к математике с ее стройностью и логикой мышления, музыкальной гармонией и шахматной игрой с ее точным математическим расчетом и изяществом идей. Математический склад ума Харлампия Карповича, его склонности и способности уживались с любовью к музыке и с темпераментом игрока, и все это превосходно друг друга дополняло.

Арабский язык, как никакой другой в мире, в высшей степени нормализован. По определенным, почти математически точным формулам изменяются грамматические формы арабского слова и идет процесс словообразования. Эта стройность и логичность арабского языка более всего и привлекала к нему Х. К. Баранова. Эта же направленность его способностей и вкусов определила его интерес к шахматам. Харлампий Карпович был отличный шахматист, стал кандидатом в мастера по шахматам и публиковал статьи в шахматном журнале. Его часто можно было застать в шахматном клубе, с увлечением сражающимся с сильными партнерами, мастерами. Не миновала его и любовь к музыке. Он был неплохой скрипач, хотя из скромности никогда не решался выступать публично. Отметим, что и в этой сфере он был самоучкой и в основном овладел искусством игры на скрипке самостоятельно.

Но более всего темперамент внешне всегда выдержанного и спокойного ученого проявлял себя в совершенно неожиданной области. Харлампий Карпович был страстным любителем конных состязаний — скачек и бегов. Если бы моя первая встреча с Харлампием Карповичем состоялась во время рысистых состязаний, мне и в голову бы не пришло подумать о нем как о «скучном педанте». Надо было видеть его во время скачек и на бегах, разъясняющего друзьям и знакомым преимуществу того или иного скакуна, чтобы по-настоящему оценить его способность увлекаться. «Люблю лошадей,— говорил он часто,— это у меня донская страсть». Он был большим знатоком конного спорта и великолепно

разбирался в лошадях, хотя его предсказания результатов состязаний и не всегда сбывались.

Харлампий Карпович Баранов был милый собеседник, и дом его славился гостеприимством. Ежегодно 23 февраля, в день его рождения, в доме у него собиралось много народа — тут были старые ученики, коллеги, сослуживцы. Приемами обычно «заведовала» Антонина Пудовна, но и после ее смерти традиция сохранялась, и в памятный день к нему приходило множество людей. К нему можно было попросту прийти для консультации по любому арабистическому вопросу, и не было случая, чтобы он кому-либо отказал в совете и помощи. Таким и сохранился он в памяти всех, кто его знал, — деликатным и приветливым человеком, всегда с запасом карточек в кармане для записи новых встретившихся арабских слов, ведущим неторопливую беседу в кругу учеников, умеющим внимательно слушать собеседника, порой по-детски удивляясь или восхищаясь его словами, заливающимся веселым смехом в ответ на чью-нибудь шутку, то и дело вставляющим в разговор какую-либо арабскую пословицу или поговорку, которые он помнил во множестве.

¹ Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М., 1940, вып. 1—2; 1946, вып. 3—4.

² Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М., 1976.

³ *Абу Осман аль-Джахиз*. Книга о скупых. Пер. с араб., предисл. и примеч. проф. Х. К. Баранова. М., 1965.

Р. Г. Ланда

ТАЛАНТ УЧЕНОГО И УЧИТЕЛЯ.
ВОСПОМИНАНИЯ О Е. А. БЕЛЯЕВЕ (1895—1964)

На свете немало талантливых ученых и талантливых педагогов. Но сочетание научных и учительских, наставнических качеств встречается гораздо реже. Одно дело — знать самому, совсем другое — уметь передать свои знания. Мне довелось видеть немало одаренных исследователей, скучно и невыразительно излагавших свои незаурядные знания в студенческой аудитории, и наоборот, встречать педагогов по призванию, любящих и умеющих учить, но оказавшихся весьма посредственными учеными. Наука и педагогика — разные сферы человеческой деятельности. Поэтому успешное их совмещение — свидетельство богатого и разностороннего таланта. Именно таким талантом и обладал Евгений Александрович Беляев, востоковед широкого профиля, крупнейший советский исламовед и энциклопедически образованный историк-медиевист, специализировавшийся по арабской проблематике, но обращавшийся также к изучению истории Турции, Ирана, Индии, Китая. Он был одним из «последних могикан» традиционного востоковедения, которое предполагало разностороннюю филологическую подготовку и тесное увязывание изучения социально-исторического процесса с серьезными исследованиями в области культуры, религии и общественной мысли.

Впервые я увидел Евгения Александровича осенью 1948 г., когда он в качестве заведующего кафедрой истории и экономики стран Ближнего и Среднего Востока Московского института востоковедения (МИВ) присутствовал на занятиях по экономгеографии арабских стран. Всего лишь несколько брошенных вскользь замечаний относительно упомянутых преподавателем цифр и рекомендованных пособий — и не только мне, но и всем присутствовавшим тогда на занятиях студентам-

первокурсникам арабского отделения МИВ стали ясны высокая требовательность Е. А. Беляева, отличное знание им предмета (который, кстати, не был его основной специальностью), стремление выражаться предельно кратко и весомо. Если слово можно было заменить жестом, он охотно прибегал к этому. Помню эпизод в конце занятий: выяснив, что многие из присутствующих не знают границ одного из важнейших для арабского мира регионов, Евгений Александрович подошел к карте, молча, неспешно и плавно как бы очертил эти границы и взглянул на аудиторию столь насмешливо-укоризненно, что сомневавшиеся перестали сомневаться, а незнающие устыдились своего незнания.

Уже на первом курсе до нас доходили рассказы о лекторском мастерстве Евгения Александровича, нам были известны его отдельные фразы и даже слова, ставившиеся ходячими афоризмами. Но полностью получить представление о нем как о лекторе мы смогли на втором курсе, прослушав в сентябре 1949 — мае 1950 г. читавшийся нам курс древней, средневековой и новой истории арабов. Глубокая эрудиция лектора, сочность и колоритность его самобытного, образного языка, умение овладеть вниманием аудитории, пробудить в ней не только желание знать, но и эстетическое чувство — все это завораживало, очаровывало слушателей. Как правило, его лекции записывались очень подробно. «Это объясняется, — шутил потом Евгений Александрович, — особенностями моей речи, протекающей в замедленном темпе». Он, действительно, говорил размеренно, не спеша, отчетливо произнося каждое слово. Но когда это было необходимо, темп речи менялся и от несколько нарочитой, как нам тогда казалось, замедленности повествования не оставалось и следа.

Не довольствуясь изложением сведений о древних арабах, Евгений Александрович рассказывал о жизни древнего Египта, Финикии, Карфагена, Ирана и других государств, расположенных на территориях будущего арабского мира. При этом он заботился о закреплении этих знаний, проводил опрос в лекционные часы, справедливо полагая, что исторические корни арабской цивилизации заключаются не только в том, что происходило у самих арабов, но и в том, что было до их прихода на землях Двуречья, Восточного Средиземноморья, долины Нила и Севера Африки. От студентов он требовал не просто знаний, но логики в их изложении, понимания

сути и весьма сожалел, если студент был подобен Пуанкаре или Бриану из известного изречения Клемансо: «Пуанкаре все знает, но ничего не понимает, а Бриан ничего не знает, но все понимает». Последний тип человеческого поведения особенно огорчал Евгения Александровича. «Правильно соображаете», — ободряюще говорил он такому студенту, не спуская с него своего почти не мигающего тяжеловато-насмешливого взора. Затем вздыхал и с какой-то хватающей за душу проникновенностью возвышал голос: «Вот если бы вы еще так же знали, как соображаете, то вам бы совсем цены не было».

Быт доисламских бедуинов он описывал столь сочно и смачно, что казалось, мы слышим это все от человека, лично сидевшего в шатре номада, пившего верблюжье молоко, носившего бурнус на верблюжьей шерсти и преодолевшего с караваном верблюдов не одну тысячу километров по безводной пустыне. А ведь Евгений Александрович впервые побывал в арабских странах лет через десять после читавшихся нам лекций, и все его личное знакомство с восточной экзотикой сводилось к воспоминанию об эпизоде времен первой мировой войны. Служивший тогда прапорщиком, Е. А. Беляев наблюдал, как солдат его взвода из озорства плюнул на невесть откуда приведенного верблюда, но был буквально потоплен в ответном плевке возмущенного «корабля пустыни».

Таких рассказов-воспоминаний мы слышали от него немало. И каждый находил в них свое: кому достаточно было только посмеяться и сохранить надолго хорошее настроение, кто задумывался вообще о том, как себя надо в жизни вести, тот делал определенные выводы. Евгений Александрович умел понять и тех и других. Хотя сам он предпочитал соединять мысль и юмор, довольно пренебрежительно отзываясь о тех временах, «когда у человека был только желудок». Вообще он старался в общении со студентами придерживаться иронического тона, обращаясь к ним примерно в таком стиле: «Повесьте свои уши на гвоздь внимания! Но учтите, что даже при ваших гениальных способностях вам придется изрядно поработать. И запомните — способности, если к ним не приложить труда, имеют только отрицательное значение!»

У некоторых моих однокурсников от лекций Е. А. Беляева остались в памяти в основном анекдотические де-

Е. А. Беляев

тали, касавшиеся использования полученных от верблюда средств в косметике и причесок бедуинских модниц или же поведения бедуинок-многомужниц в эпоху матриархата. Я тоже помню эти детали, но вместе с тем вспоминаю и то, что в свое время они были для нас ориентирами, помогавшими вспомнить не просто анекдот или нечто забавное, а условия и особенности жизни бедуинов, своеобразие их быта и нравов.

«Вот вы всегда смеетесь, подшучиваете над нами, вместо того, чтобы подсказать, научить»,— говорил как-то Е. А. Беляеву один из его не самых удачных аспирантов. «А жизнь вообще веселая штука,— отвечал не задумываясь Евгений Александрович.— Оптимизм органически свойствен нашему мировоззрению и мировосприятию. Так что впадать в мерихлюндию не вижу резона, да и вам не советую». Присущие Е. А. Беляеву чувство юмора, способность метким словом, сказанным

вовремя и к месту, выразить самые разные чувства и нюансы отношения к человеку, предмету или ситуации очень украшали любую его лекцию или беседу, делали богаче, интереснее и полнокровнее всякое общение с ним. Поэтому нет ничего удивительного в том, что почти все с ним встречавшиеся попадали под обаяние его незаурядной, яркой личности, его неизменного жизнелюбия, остроумия и юмора.

И хотя при всех этих качествах он был человек непростой, иногда даже тяжелый и резкий, особенно с раздражавшими его людьми (обычно — неумными, скучными или наглыми), в большинстве случаев он легко находил контакт с собеседником. Бес какого-то глубоко запрятанного внутреннего озорства иногда побуждал его ставить собеседника в затруднительное положение. Особенно любил он ошеломить нарочито грубоватым или бесцеремонным высказыванием какого-нибудь мягкого, тактичного, интеллигентного человека. «Разве вы историк?» — спросил я как-то в присутствии Е. А. Беляева одного тогда еще мало мне знакомого арабиста, впоследствии — довольно известного. «Конечно, историк, — ответил за него Евгений Александрович. — Разве вы не видите — у человека осмысленное выражение лица». Добродушные люди в таких случаях смеялись, иные — улыбались несколько натянуто. Но Е. А. Беляев продолжал вести себя в том же духе, как бы поддразнивая собеседника, пытаясь заставить его раскрыться, а заодно — проверить степень его выдержки, воспитанности, ума и чувства юмора. И если человек выдерживал это нелегкое испытание, Евгений Александрович потом был с ним особенно добр и заботлив, а во взгляде его появлялась даже какая-то виноватость, что вообще-то ему, человеку волевому и уверенному в себе, не было свойственно.

Умение правильно себя поставить, терпение и хладнокровие, тонкое чувство контакта с аудиторией и почти безошибочное понимание того, как управлять ее настроением, были весьма важными составляющими таланта Е. А. Беляева как педагога. История никогда не была для него собранием прописных истин или поводом для чтения морали. Он в любом ее повороте, в любом историческом событии находил интересное, своеобразное, очень часто — смешное. Это всегда присутствовало и в его лекциях, и в печатных трудах, и в личных беседах со студентами или аспирантами, учениками и коллегам-

ми, редакторами его работ или авторами трудов, вышедших под редакцией Евгения Александровича. Во всем, что им говорилось или писалось, каждая деталь играла особым блеском, подобно искусно выполненному изразцу. Было бы неверно сказать, что для него не существовало мелочей. Скорее, у него было глубокое убеждение в том, что именно в мелочи, в детали, как в капле воды, может многогранно отразиться или же выпукло проявить себя любое важное и крупномасштабное событие политической или культурной жизни.

Как известно, Е. А. Беляев больше всего занимался изучением истории Арабского халифата и возникновения ислама. Неудивительно поэтому, что в его лекциях больше всего затрагивались именно эти сюжеты. Конечно, Е. А. Беляев много говорил об общественном строе арабов и социально-экономических корнях образования халифата и ислама. Но он вместе с тем всегда исходил из того, что история — это живое повседневное творчество людей не только с различными и многообразными интересами, но и с непохожими, сугубо индивидуальными характерами, сильными страстями и разными способностями. Поэтому он не только воссоздавал обстановку и условия деятельности той или иной исторической личности, но и давал ее портрет — социальный, политический, психологический. Мы многое узнавали о быте и нравах торговой Мекки на рубеже VI—VII вв., о населявших ее курейшитах, о соперничестве между родами этого племени и о том, что именно из малоимущих Хашимитов выдвинулся пророк Мухаммед, основатель ислама и раннеарабского государства, сумевший обойти богатого и хитрого Абу Суфьяна из рода Омейя, выдвинувшего впоследствии династию Омейядов.

Евгений Александрович был щедр на уничтожающие характеристики многих первых правителей халифата, в частности таких, как «дважды зять посланника аллаха» Осман, любитель «породистых лошадей и молодых рабынь», сумевший стать третьим «праведным халифом», накопив при этом несметные богатства и потворствуя жадности и вороватости своих многочисленных родственников. Но и прочим халифам доставалось, особенно Омейядам, из которых Е. А. Беляев пощадил лишь первого — Муавию, отдавая дань его политической мудрости, основательности и дальновидности. О всех остальных мы от него слышали мало хорошего, начиная с «любителя псовой и соколиной охоты» Язида, напивав-

шегося «в веселой компании собутыльников», и кончая «похотливым обжорой» Сулейманом. Все же наиболее смачно и красочно был обрисован халиф Валид II. «Из всех Омейядов,— говорил Евгений Александрович,— Валид II наиболее известен как бездельник, распутник, пьяница и хулиган. В свободное от разгульных кутежей время он развлекался тем, что стрелял из лука в листы рукописи Корана, а на молитву в мечеть посылал вместо себя одну из своих любовниц. Он же больше всех своих предшественников и преемников тратил казну халифата на поэтов-панегиристов, танцоров, певцов и музыкантов обоего пола».

Не более лестные характеристики выдавал Е. А. Беляев и представителям другой династии — Аббасидов. Поскольку практически все (разумеется, в дополненном и переработанном виде), что говорилось им на лекциях, вошло впоследствии в его монографию об исламе и арабском халифате, я позволю себе ограничиться лишь кратким цитированием соответствующего раздела этой хорошо известной каждому арабисту книги: «Халиф Мустанин... был жалкой пешкой в руках тюркских командиров... Халиф Мутаид... бездарный и развратный человек, видевший смысл жизни в скотских удовольствиях... умер от обжорства, а возможно был отравлен. Халиф Мутаид (892—902) приобрел далеко не лестную известность как скряга и садист»¹.

Возможно, длительные занятия Евгения Александровича историей возникновения ислама и арабского халифата объясняют отличное знание им раннего средневековья у арабов. Поэтому для рассказов об этом времени у него всегда находились наиболее яркие краски, свежие образы и сравнения. Однако и последующие периоды в его изложении, в частности эпоха мамлюков и время правления Мухаммеда Али в Египте, краткое существование государств крестоносцев на Ближнем Востоке, выглядели не менее ярко. Об армии Бонапарта перед ее походом в Египет он сказал следующее: «Эта армия предварительно так ограбила Италию, что итальянцы острили — дескать, наверно, не все французы — воры, май буона парте (но добрая часть их). Если они так вели себя в Италии, то уж, конечно, в Египте и Палестине стеснялись еще меньше».

Разумеется, было бы совершенно неправильно представлять себе лекции Евгения Александровича как развлекательный набор анекдотов, раритетов и прочей

«клубнички». Он всегда внимательно следил за тем, чтобы любая ярко обрисованная им ситуация, острое слово, хорошо запоминающийся рассказ-миниатюра, которыми столь богаты были его лекции, служили бы делу, способствовали лучшему усвоению и пониманию программного материала. Не вдаваясь в споры о сущности феодализма на Востоке (кстати, тогда, в конце 40 — начале 50-х годов, относительно затихшие), Е. А. Беляев заботился о том, чтобы студенты больше бы знали конкретных фактов об этом феодализме и о его сплетении в реальной жизни Ближнего Востока с патриархально-клановыми, родо-племенными и особенно рабовладельческими отношениями. Главным для Евгения Александровича было не то, какую этикетку надо прилепить к существовавшим в халифате порядкам, а то, что собой на деле представляли эти порядки и как жили при них конкретные живые люди.

«Аллах в Коране — купец и рабовладелец». Эти слова я не раз слышал от Е. А. Беляева, читал их в его статьях и книгах. Мне это потом помогало скептически оценивать многие стандартные, тарифные определения социальной сути ислама как якобы только «бедуинской» или только «феодальной» религии. Конечно, в полемике, которую вели (да и ведут до сих пор) с Е. А. Беляевым другие исламоведы и историки халифата (П. А. Грязневич, Л. Н. Надирадзе, Т. А. Стецкевич), можно найти рациональное зерно. Но все же мне представляется, что Евгений Александрович вовсе не был, как это считают его оппоненты, безусловным сторонником «рабовладельческого» характера ислама². И в своей монографии он писал не о «решающем значении» рабовладения в возникновении ислама, а о «должном внимании» к рабовладельческим отношениям при рассмотрении данного процесса³. Кстати, именно отсутствие такого внимания характерно для работ большинства тех, кто спорил или все еще спорит с Е. А. Беляевым.

Евгений Александрович, может быть, и не дал какой-либо четкой формулировки социальной сути ислама и раннеарабского государства, но зато очень много сделал для прояснения его сути. Во всяком случае, он подошел вплотную к определению многообразия, если выразаться современной терминологией, многоукладности социального базиса, породившего ислам и халифат. Об этом свидетельствуют и большое внимание, уделенное Е. А. Беляевым доисламским обычаям, верованиям

и формам жизни аравийских племен, и анализ социального строя сасанидского Ирана и Византии, оказавших огромное влияние на северных арабов до ислама, на всех арабов — после начала арабских завоеваний и возникновения халифата, и подробный разбор в последних трудах Е. А. Беляева крупнейших общественных движений в халифате, в том числе восстания рабов — зинджей, выступлений угнетенных неарабских и немусульманских народов, у которых родо-племенные отношения также во многом сочетались с рабовладельческими и раннефеодальными.

Кроме того, если уж говорить о том, чем ценен для нас сегодня подход Е. А. Беляева, то я бы сказал — многосторонностью и многоплановостью. Лишенный возможности работать над первоисточниками непосредственно в арабских странах, которые он впервые посетил за несколько лет до смерти, Евгений Александрович блестяще знал литературу на арабском, английском, французском, немецком, итальянском и русском языках, был в курсе всех зарубежных публикаций, нередко участвовал в их переводах на русский язык в качестве научного редактора или автора предисловия, реже — переводчика. Вследствие относительной узости источниковедческой базы, на которую могли опираться исследования Е. А. Беляева, он стремился к максимальному привлечению как всей имевшейся по тому или иному конкретному вопросу литературы, так и достижений смежных дисциплин: литературоведения, лингвистики, текстологии, культурологии, религиоведения, палеографии, археологии. И надо сказать, что это стремление, в сочетании с работой над доступными источниками (имевшимися в наших хранилищах или опубликованными за границей), давало неплохие результаты.

Думается, что именно благодаря своему многостороннему и многоплановому подходу к анализу и оценке исторических событий, Евгений Александрович смог дать наиболее выпуклую и достоверную картину возникновения ислама и становления халифата. И хотя ни один наш автор, так или иначе касавшийся проблем истории арабов VI—IX вв., не удержался от критических выпадов в адрес Е. А. Беляева (нередко весьма мало доказательных), его монография остается одним из основных достижений советской историографии раннесредневекового периода жизни арабов. Трудно оспорить выводы этого труда о борьбе мекканской родовой демокра-

тии против аристократов-курейшитов, о привлечении на сторону ислама части рабов и свободных бедняков, о купеческо-рабовладельческой позиции составителей поздних сур Корана.

Конечно, с позиций сегодняшнего дня можно упрекнуть Евгения Александровича в том, что он написал намного меньше, чем мог бы. Но, во-первых, часть его жизни, в том числе и в науке, пришлось на время, когда возможности для исследований и вообще для активных занятий востоковедением были ограничены. Это касается и 20-х годов, и периода Великой Отечественной войны. Во-вторых, на плечи именно его поколения легла задача перестройки традиционного востоковедения, создания на его базе новой советской науки, руководствующейся марксистско-ленинским подходом к анализу общественных явлений. А это потребовало отказа от многих устаревших положений, их пересмотра или обогащения. Отсюда значительное количество в творческом наследии Е. А. Беляева (как и у многих советских востоковедов его поколения) не собственно исследовательских, а историографических и библиографических работ. Наконец, большую часть своей творческой жизни (с 1929 по 1955 г.) Е. А. Беляев отдал преподаванию.

Если принять во внимание все перечисленные условия, то следует признать, что Евгений Александрович сделал очень много: около 150 трудов опубликовано и еще 30 работ вышли под его редакцией, не считая различных мелких заметок, обычно подписанных озорным псевдонимом «Евгабель»⁴. Но главное не в количестве, а в качестве его трудов. Они всегда были написаны хорошим языком, безупречны с точки зрения содержания, логики, стиля. И как лектора, и как автора печатных работ, его всегда заботила эстетическая сторона дела. Он писал, может быть, меньше многих, в том числе некоторых своих учеников, но читать им написанное, как и слушать его, всегда было эстетически и познавательно интересно, увлекательно и полезно.

Мне посчастливилось быть не только студентом, но и аспирантом Евгения Александровича, да и после защиты кандидатской диссертации еще шесть лет чувствовать его внимание, пользоваться его советами и поддержкой. И меня, как и других его учеников, всегда восхищали не только эрудиция, деловая требовательность и широта мысли моего научного руководителя, но и его человеческая и гражданская позиция. Он не терпел тех,

кто ловчил и стремился преуспеть в науке за чужой счет. «Ни у Маркса, ни у Ленина,— говорил Евгений Александрович одной ученой даме,— негров не было. Сами работали. И разговоры о необходимости для молодежи пройти „трудовую школу“ являются всего лишь маскировкой ваших личных интересов». И когда сия дама, успешно «использовавшая» в корыстных целях труд то одного, то другого аспиранта или молодого научного сотрудника, раздражалась демагогической речью в защиту своеобразно понимаемой ею (лишь к ее пользе) «трудо-вой школы» для молодежи, Евгений Александрович отвечал коротко: «Капиталист вот так же оправдывает эксплуатацию!».

Непримиримость к подобного рода неэтичным поступкам была у Е. А. Беляева сильнее даже его рыцарской галантности. Обычно же, будучи вовлечен в дискуссию с кем-либо из сотрудниц института, он старался уклониться от ее продолжения и неизменно шутил при этом: «Спорить с женщинами я не люблю. Им надо уступать, ибо они слишком долго находились в угнетении». Но в день 8 марта среди всех мужчин института не было более остроумного и умелого оратора, чем Е. А. Беляев. Именно ему всегда, сколько я помню, поручалось поздравить сотрудниц института с Международным женским днем и произнести от имени мужской части коллектива приветственный монолог. Этот монолог всегда имел успех, так как исполнялся с подлинно актерским блеском (Евгений Александрович был в молодости актером и режиссером самодеятельного театра во время службы в Красной Армии в 1918—1920 гг.), с привлечением цитат из средневековой куртуазной поэзии, а еще чаще — примеров из жизни женщин не только Востока, но и Запада. Мне помнится в этой связи, как Евгений Александрович, побывавший в 1954—1957 гг. в ряде стран Западной Европы, совершенно искренне и не в шутку возмущался положением женщины в капиталистическом мире и особенно манерой молодых мужчин, в частности англичан и западных немцев, держать себя с женщинами.

Рассказы Евгения Александровича о его поездках за рубеж могли бы составить, если бы были записаны, сборник интереснейших новелл, из которого читатель узнал бы много нового и неожиданного о лондонских отелях и мюнхенских кафе, о дискуссиях в Кембридже и встречах в Каире, о беседах с известными зарубеж-

ными востоковедами и обычаях британских торговцев, о посещении исторических памятников и казусах, которые могут случиться при плохом знании иностранного языка. «Вот был у нас случай,— рассказывал как-то Евгений Александрович,— когда доктор филологических наук не понял заданного ему вопроса. На этот вопрос с места ответил его научный противник. И пока наш доктор старался понять, что произошло, да соображал, что же ему самому сказать, заседание закрыли».

Сам Евгений Александрович, как говорится, за словом в карман не лез, на каком бы языке ни приходилось ему вести полемику. Я помню, как он свободно переходил с английского на французский, а с французского на немецкий, когда вел заседание секции истории арабов на Международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г., как умело поддерживал в ходе работы той же секции ученого из ГДР Л. Ратмана, отбивавшегося от нападок западногерманских оппонентов, как обменивался остроумными репликами с французскими востоковедами Мариусом Канаром и Режи Блашером, иракским социологом Джафаром Хайятом и египетским историком Амином аль-Холи. Евгений Александрович высоко оценил тогда сделанный Амином аль-Холи доклад о связях между жителями берегов Нила и Волги в X—XII вв.

Воздавая должное представителям науки разных стран (например, венгру И. Гольдциеру, итальянцам Л. Каэтани и Ф. Габриэлли), Евгений Александрович особенно хорошо знал достижения французского востоковедения и лично был знаком почти со всеми видными востоковедами Франции. Он много рассказывал о своих беседах в Кембридже и Мюнхене с Эваристом Леви-Провансалем, который был в 50—60-е годы, пожалуй, наиболее видным знатоком средневекового мусульманского Запада. Он был очень высокого мнения о приехавших в Москву в 1960 г. Клоде Каэне и Максиме Родинсоне, считая первого из них «самым крупным специалистом по гражданской истории мусульманского Востока в средние века», а второго — «видным семитологом и знающим исламоведом».

Особенно близок ему по роду занятий был Луи Массиньон, в то время считавшийся первым среди исламоведов Франции. Несмотря на свои 70 с лишним лет в 1960 г., Массиньон отличался необычайной живостью, любознательностью и широтой кругозора. Себя он назы-

вал «академический русский», что, по его мнению, означало «русский академик» (он был почетным иностранным членом АН СССР). Приехав на конгресс в Москву, он вскоре заболел и большую часть своего пребывания в Москве находился в больнице. Мы с Евгением Александровичем много раз навещали его. Благодаря этому я мог участвовать в их беседах, в которых речь шла о положении во Франции, о борьбе против продолжавшейся тогда войны в Алжире (активно участвуя в этой борьбе, Массиньон был арестован французской полицией незадолго до приезда в Москву), об исламе и его различных сектах, великолепными знатоками которых были и Л. Массиньон, и Е. А. Беляев. Массиньон, помнится, скептически оценивал попытки де Голля «возродить Францию времен Людовика XIV», но очень уважительно добавлял при этом: «Генерал де Голль — человек сильный, благородный и беспощадный, но это — настоящий человек!». Я услышал очень много интересного и об Алжире, которым тогда активно занимался. И, естественно, я был очень благодарен своему учителю за то, что он предоставил мне возможность многое узнать и существенно расширить свой кругозор во время чрезвычайно любопытных встреч с одним из ведущих востоковедов Франции.

У Евгения Александровича была несколько своеобразная манера работы с учениками. Он никогда ничего заранее не подсказывал, не советовал, а лишь интересовался, идет ли дело, пишется ли глава диссертации, реферат или статья. Получив же текст первого варианта работы, много над ним трудился, высказывая много замечаний и по смыслу, и по стилю, и по оформлению. «Даже если у вас дело идет не так, как надо, — говорил он, — лучше пусть это будет ошибка, но *ваша*. Это — нормальный процесс развития. Совершив ошибку, вы ее хорошо запомните и исправите сами гораздо лучше, чем если бы это была наша общая ошибка. Так и опыт приобретается скорее, и навыки нужные. А если вам сразу же все подсказывать, то надо подсказывать потом, как исправлять, улучшать и т. д. А если руководителя рядом с вами не будет? Что тогда? Не всю же жизнь за ручку водить».

Такого метода Е. А. Беляев придерживался даже с не очень хорошо подготовленными аспирантами, в том числе иностранцами, плохо знавшими русский язык. Он считал, что если человек решил стать в науке професси-

оналом, то должен научиться все делать сам, до всего доходить самому и тем более исправлять свои ошибки и недочеты.

В заключение хотелось бы еще раз сказать, что Евгений Александрович обладал талантом не только ученого, но и учителя. Он мог не только изучать, но и научить, не только обладал даром исследователя, но и мог показать другим, как это делается. Человек блестящий и эрудированный, он обладал трудным характером. С ним было непросто. И немало было людей, которых бесила его насмешливая язвительность, полускрытая внешней невозмутимостью и явно нарочитой замедленностью жестов и речи. Но он умел также быть чутким, не расставаясь с саркастической усмешкой, бескорыстным, сохраняя непримиримость в принципиальной полемике, доброжелательным, но твердым. А главное — он всегда был интересен, ярок, самобытен, жизнелюбив, всесторонне одарен и незауряден. И мог бы сделать гораздо больше. Но он был не только ученым, но и учителем. И, судя по всему, хотел обязательно быть и тем и другим, что ему и удалось. Наградой ему за это — благодарная память учеников и коллег.

¹ *Беляев Е. А.* Арабы, ислам и арабский халифат в раннем средневековье. М., 1965, с. 217—218.

² См., например: *Грязневич П. А.* Проблемы изучения истории возникновения ислама.— Ислам. Общество, религия, государство. М., 1984, с. 9.

³ *Беляев Е. А.* Арабы, ислам и арабский халифат, с. 95.

⁴ См. список основных трудов Е. А. Беляева в кн.: Арабские страны. История, экономика. М., 1970, с. 250—255.

Б. Г. Сейранян

В. Б. ЛУЦКИЙ (1906—1962) —
УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ЧЕЛОВЕК

Если бы Владимир Борисович Луцкий дожил до наших дней, то в июне 1988 г. ему исполнилось бы восемьдесят два года. Но Владимир Борисович ушел из жизни в период плодотворной творческой зрелости, унеся с собой накопленные за три десятилетия упорного труда огромные знания и эрудицию, не успев осуществить наиболее значительные замыслы. Но и то, что сделано, выдвигает его в ряды крупнейших советских востоковедов. Именно он создал советскую школу историков-арабистов, специалистов по новому и новейшему времени.

Жизнь В. Б. Луцкого — ученого, педагога, человека — яркий пример благородного, честного и бескорыстного пути труженика на поприще арабистики.

Он родился 28 июня 1906 г. в Бердянске (уездном городе Таврической губернии, ныне — районный центр Запорожской области Украинской ССР) в семье банковского служащего. В 1926 г. он поступил в Московский институт востоковедения, а в 1930 г. блестяще окончил арабское отделение дипломатического факультета этого института.

Уже в студенческие годы В. Б. Луцкий выделялся своими знаниями, широким кругозором, огромной трудоспособностью и целеустремленностью. Все последующие годы, вплоть до последних дней жизни, В. Б. Луцкий сочетал значительную по масштабам научную работу с плодотворной педагогической деятельностью. Для Луцкого как ученого были характерны прежде всего воистину энциклопедическая широта научных интересов, незаурядная общевостоковедная и в особенности арабистическая эрудиция. Эта особенность позволяет утверждать, что В. Б. Луцкий воспринял лучшие традиции и впитал в себя достижения отечественной арабистики дореволюционных и первых послереволюционных лет.

Нет такой проблемы в области новой и новейшей истории арабских стран, в изучение которой Владимир Борисович не внес бы своего серьезного вклада. Его труды посвящены проблемам национально-освободительного движения, арабского единства, вопросам социально-экономического развития, истории дипломатии и культуры, этнографии; им написаны работы по истории антиимпериалистического и антифеодального движения в Сирии и Египте, Алжире и Палестине; его перу принадлежат статьи по аграрным отношениям в Египте и по этнографии арабских стран Азии и Магриба.

Большое внимание В. Б. Луцкий уделял истории дружественных отношений и культурных связей СССР с народами арабских стран, изучал советскую и арабскую историографию.

При всей широте и многогранности научных интересов одна проблема на протяжении всей его научной деятельности занимала в них первостепенное место и поэтому заслуживает особого внимания. Это вопросы национально-освободительного движения, антиимпериалистическая борьба в странах Арабского Востока. Его труды пронизаны горячей симпатией и сочувствием к народам Арабского Востока, борющимся за независимость.

В. Б. Луцкий считал, что советские востоковеды должны совместно с арабскими учеными уделять главное внимание вопросам освободительного движения в арабских странах, исследовать все сложнейшие проблемы истории, экономики, литературы, этнографии, истории культуры и современной общественной жизни сквозь призму центрального вопроса: в какой степени разрешение той или иной проблемы способствует освобождению народов этих стран от колониального и социального ига. Этому принципа он придерживался всю жизнь и завещал его своим многочисленным ученикам. «В наши дни,— писал В. Б. Луцкий в 1958 г.,— когда выдающаяся роль арабских народов в мировой борьбе с колониализмом высоко оценена всем передовым человечеством, перед советской востоковедной наукой как никогда остро встает задача изучения арабского национально-освободительного движения — от его истоков в период пробуждения Азии до его бурного разлива в нынешний период крушения колониальной системы»¹.

В. Б. Луцкий уже в начале 30-х годов приступил к систематической и комплексной разработке новой и но-

вейшей истории арабских стран как самостоятельной отрасли арабистики. Именно поэтому он по праву является первым советским арабистом в области новой и новейшей истории. В. Б. Луцкого отличала исключительная чуткость к биению пульса арабских стран. Он умел своевременно откликаться на наиболее жгучие и сложные вопросы дня, последовательно выдвигаемые на первый план антиимпериалистической борьбой в странах Арабского Востока. О его научной интуиции, основанной на глубоком знании проблематики, свидетельствует опубликованная В. Б. Луцким в первые послевоенные годы целая серия брошюр: «Проблема Сирии и Ливана» (1946), «Палестинская проблема» (1946), «Англия и Египет» (1947) и другие, написанных по горячим следам происходивших в арабских странах событий. Эти работы не потеряли своего значения и в настоящее время.

Владимир Борисович неизменно сотрудничал в прогрессивных периодических изданиях арабских стран, например в ливанском журнале «Ат-Тарик», в алжирской газете «Либерте».

Научная и публицистическая деятельность В. Б. Луцкого способствовала улучшению взаимопонимания и укреплению дружественных отношений нашей страны со странами Арабского Востока, развитию культурных связей между советским и арабским народами.

В. Б. Луцкий владел марксистской методологией и наряду с глубоким знанием первоисточников, а также арабской и западной литературы умел, по его же образному выражению, «применить к конкретной истории арабских стран метод живого марксизма-ленинизма».

Обосновывая необходимость и важность научной разработки арабской истории XIX—XX вв.; В. Б. Луцкий на первой сессии арабистов СССР в июне 1935 г. говорил: «Если брать масштабы прежних эпох, то за последние 50—100 лет арабские страны пережили по интенсивности и богатству своего исторического опыта много веков. И вот этот богатый исторический опыт до сих пор почти не изучен»².

Основные работы В. Б. Луцкого, к сожалению, при жизни их автора, по ряду объективных и субъективных причин, не увидели свет. Две работы ученого, вышедшие в свет, настолько опережали уровень отечественной и зарубежной арабистики, что вплоть до настоящего времени нет исследований, которые существенно расширили

или углубили бы наши представления по проблемам, которым посвящены эти труды.

Наиболее значительный труд В. Б. Луцкого посвящен национально-освободительной революции 1925—1927 гг. в Сирии. К разработке этой проблемы он приступил в начале 30-х годов, будучи еще совсем молодым исследователем; в 1935 г. он выступил на первой сессии арабистов СССР с докладом на тему: «Национальная революция 1925—1927 гг. в Сирии». Этот доклад свидетельствовал о большой работе, которая была уже им проделана. В последующие годы В. Б. Луцкий продолжал исследования проблем освободительного движения в арабских странах, уделяя особое внимание Сирии. В 1939 г. темой для своей докторской диссертации он избрал национально-освободительную войну в Сирии в 1925—1927 гг.³ В. Б. Луцкий собрал огромное количество материалов, тщательно обработал все имеющиеся в нашей стране комплекты зарубежной прессы за 1920—1927 гг. В 1946 г. работа в целом была завершена. Однако постоянное расширение экономических и культурных связей с арабскими странами после окончания второй мировой войны, значительное увеличение поступлений арабской литературы в наши книгохранилища, желание ученого дополнить книгу рядом вновь поступивших материалов на арабском языке заставили его отложить ее публикацию. К 1957 г. было написано 19 глав исследования. По ряду причин работа так и не была полностью завершена. Лишь в 1959 г. В. Б. Луцкий вернулся к этой теме и опубликовал большую статью, посвященную изучаемому вопросу⁴.

Эта монография В. Б. Луцкого при жизни автора, к сожалению, не была опубликована, что объясняется прежде всего его исключительной скромностью и научной добросовестностью. Книга увидела свет лишь после смерти В. Б. Луцкого, что явилось крупным событием для советской арабистики⁵.

Владимир Борисович создал фундаментальный труд по истории национально-освободительной борьбы в Сирии и Ливане, который до сих пор не имеет равных в мировой арабистике.

Автор убедительно показал, что восстание 1925—1927 гг. в Сирии было результатом социально-экономического и внутривосточного развития страны как реакции на французское завоевание и что попытки апологетов французского империализма приписать подъем ос-

вободительного движения действию «внешнего влияния» лишены какого бы то ни было основания⁶. На основе всестороннего анализа источников и литературы В. Б. Луцкий пришел к выводу, что «невыносимый экономический и политический гнет французского империализма и был основной причиной национально-освободительной борьбы народов Сирии и Ливана»⁷.

Большой интерес представляют социально-экономические главы исследования, в которых впервые в марксистской литературе даются глубокий анализ аграрного строя Сирии и экономическая характеристика сирийского города накануне антиимпериалистической войны 1925—1927 гг. Автор исследования утверждал, что в конце XIX — первой трети XX в. в Сирии шел «процесс складывания национального рынка»⁸.

В. Б. Луцкому удалось показать, что национально-освободительная война 1925—1927 гг. в Сирии сыграла огромную роль в истории освободительного движения не только Сирии, но и Ливана и других арабских стран, что она «обогатила арабские народные массы — рабочий класс, крестьянство, средние слои города — опытом и традициями народно-освободительной борьбы, опытом партизанской войны с опасным и сильным противником»⁹.

Вместе с тем в этой работе В. Б. Луцкий отмечал, что в годы национально-освободительной борьбы 1925—1927 гг. на историческую арену вышел молодой рабочий класс Сирии, который, несмотря на свою слабость, проявил большую активность в антиколониальном движении¹⁰. В монографии показана двойственность национальной буржуазии, руководившей в то время национально-освободительным движением, ее непоследовательность. В. Б. Луцкий подчеркнул глубоко демократический характер освободительной борьбы сирийского народа, отметил, что в ней участвовали самые широкие народные массы Сирии. Ученый вскрыл и международное значение освободительной борьбы народа Сирии в 1925—1927 гг. «Вместе с великой китайской революцией, вместе с национально-освободительной войной в Марокко национально-освободительная война в Сирии показала продолжение общего кризиса капитализма»¹¹.

Вторая крупная монография В. Б. Луцкого — «Новая история арабских стран»¹² — создавалась в течение почти двух десятилетий и является результатом напряженного и настойчивого труда. Читая на протяжении

многих лет курс новой истории арабских стран в Московском университете и других высших учебных заведениях страны, ученый постоянно расширял, углублял и обогащал содержание своих лекций. Об уровне работы Владимира Борисовича еще в довоенные годы можно судить по опубликованным главам в известном в то время учебнике «Новая история колониальных и зависимых стран» (М., 1940). В процессе дальнейшей разработки как фундаментальных, так и многих частных вопросов новой истории арабских стран работа по своим масштабам и размаху в значительной степени вышла за рамки обычного университетского курса. В своем окончательном виде «Новая история арабских стран» представляет собой полный курс лекций по новой истории, прочитанных В. Б. Луцким в конце 40-х — начале 50-х годов на Отделении Востока исторического факультета Московского университета. До выхода книги В. Б. Луцкого ни в советской, ни в западной литературе не было работы, рассматривающей арабские страны в новое время как цельный историко-географический и этническо-культурный комплекс, единый мир, и тем более не делалось попыток определить их роль и место в мировом историческом процессе. Особое внимание в ней уделяется вопросам экономического, социального и политического развития, истории финансового закабаления и политического подчинения стран Машрика и Магриба, политике европейских держав, Османской империи и, наконец, истории национально-освободительного движения арабов.

Разумеется, что в 60-х годах не все главы и разделы монографии могли быть равноценными по степени разработанности и насыщенности фактическим материалом. Так, главы, посвященные Египту и в несколько меньшей степени Сирии и Ливану, содержат более полное и подробное изложение исторических событий, чем главы по Марокко, Тунису и странам Аравийского полуострова. Однако все эти проблемы и недостатки совсем не умаляют огромного значения работы В. Б. Луцкого как первой попытки систематического, комплексного изложения истории арабов в новое время, с начала XIX в. до конца первой мировой войны¹³. Работа не потеряла своей актуальности и в наше время, о чем свидетельствует тот факт, что наиболее видные ученые и публицисты арабских стран хорошо знают и широко пользуются трудом В. Б. Луцкого¹⁴.

Среди научного наследия В. Б. Луцкого особое место занимает его первая брошюра «Узбекистан и Египет. Итоги двух систем», изданная в 1934 г. Основные идеи и мысли, выдвинутые ее автором, не потеряли своей актуальности в наши дни.

В. Б. Луцкий показал, каких огромных успехов сумел добиться узбекский народ в области экономики и культуры за кратчайшие исторические сроки благодаря победе Октябрьской революции, в то время как Египет, который по природным условиям весьма схож с Узбекистаном, а по характеру и структуре сельского хозяйства и промышленности во многом напоминал экономику дореволюционного Узбекистана, в середине 30-х годов XX в. в силу империалистической политики Англии продолжал оставаться отсталой полукOLONиальной страной. Ученый доказал, что для экономического, политического и культурного развития Египта необходимо прежде всего уничтожить господство там английской монополистической буржуазии и ликвидировать эксплуататорские классы.

Как уже отмечалось, для В. Б. Луцкого было характерно умение проанализировать все стороны сложного исторического процесса. Писал ли он о деятельности Джамаль ад-Дина аль-Афгани, Мухаммеда Абдо, Абдаррахмана аль-Кавакби или Мустафы Камиля, учений в первую очередь учитывал, в какой степени их деятельность способствовала развитию освободительного движения и ликвидации господства иностранных империалистов на Арабском Востоке.

В. Б. Луцкий одним из первых сумел правильно и всесторонне определить характер египетской революции 23 июля 1952 г. как открывшей «новую эпоху в жизни древней страны — эпоху независимого развития»¹⁵. Автор утверждал, что общество «Свободные офицеры», совершившее переворот 23 июля 1952 г., выражало настроения мелкой египетской буржуазии¹⁶ и что после победы революции в июле 1952 г. «в борьбе со случайными элементами выкристаллизовалась программа антиимпериалистической, антифеодальной революции и вместе с тем усиливалась роль народных масс в революционном развитии страны»¹⁷.

Со свойственной ему проницательностью В. Б. Луцкий отметил и другую особенность египетской революции, состоящую в том, что в 1952 г. ни народные массы Египта, ни империалисты не могли понять ее истин-

ный характер. «Империалисты приняли июльскую революцию совсем не за то, чем она была в действительности по своим объективным задачам и целям»¹⁸, — писал В. Б. Луцкий.

Большое внимание ученый уделял одной из наиболее актуальных и сложных современных проблем — проблеме арабского единства. В ряде своих работ он подверг суровой критике некоторые «теории», бытующие в буржуазной литературе, например «концепцию», согласно которой арабская культура была якобы создана другими народами, а участие арабов в национальном культурном наследии ничтожно. В. Б. Луцкий утверждал, что, несмотря на большое число диалектов арабского языка в странах Арабского Востока, их всех объединяет единый арабский литературный язык, что «так называемая пропасть между литературным языком и разговорными диалектами в арабском языке не больше, чем в других языках мира»¹⁹.

В. Б. Луцкий считал, что уже в 1957 г. все арабские страны вступили на капиталистический путь развития (хотя одни из них переживали стадию «раннего, а другие — сравнительно более развитого капитализма») и что в настоящее время существует ряд объективных исторических условий, необходимых для образования единой арабской нации.

Обобщая труды арабских ученых, В. Б. Луцкий писал: «Итак, арабские ученые — лингвисты, историки, литературоведы — доказывают, что арабские народы имеют общность языка, культуры, общность исторических судеб, территории. Их объединяет также общность политических интересов, которая не является признаком нации, но неизмеримо укрепляет национальные связи»²⁰.

Вместе с тем В. Б. Луцкий отмечал, что в силу исторических условий экономическое единство между различными странами арабского мира еще не достигнуто. Он утверждал, что в 1957 г. уже существовали предпосылки для дальнейшего укрепления экономических связей между арабскими странами и образования единого рынка. Этот процесс будет ускоряться в зависимости от того, насколько успешно каждая из них сможет проводить самостоятельную политику.

Огромная заслуга принадлежит В. Б. Луцкому в разоблачении политики Англии, США и других империалистических держав на Ближнем Востоке. Этому вопросу посвящены монография «Арабские страны», а так-

же брошюра «Английский и американский империализм на Ближнем Востоке»²¹.

Господство иностранных монополий в арабских странах до окончания второй мировой войны и в первые послевоенные годы было, по утверждению В. Б. Луцкого, главной причиной кризиса экономики арабских стран и упадка их культуры. Ученый посвятил ряд статей разоблачению сионизма, рассматривая его как одну из наиболее реакционных сил и опору империализма на Ближнем Востоке.

До последних дней жизни, уже будучи тяжело больным, Владимир Борисович не прекращал напряженной научной работы. Последним трудом В. Б. Луцкого была подготовка коллективной монографии «Очерки новейшей истории Африки».

Перу В. Б. Луцкого принадлежит более 150 научных работ и свыше 200 научно-популярных и справочных статей в периодических и энциклопедических изданиях, а также многочисленные рецензии на опубликованные и рукописные работы²². Научное наследие В. Б. Луцкого заслуживает создания научной биографии исследователя и опубликования полного списка его трудов.

Исключительно высокой оценки заслуживает деятельность В. Б. Луцкого в качестве автора, консультанта и редактора статей в Большой Советской энциклопедии и других изданиях энциклопедического характера. В. Б. Луцкий считал, что работа в энциклопедических изданиях имеет большое общественное значение, являясь важным средством политического и научного воспитания широких народных масс.

В научной деятельности В. Б. Луцкого важное место занимало научное редактирование. К работе ответственного редактора он относился с огромной ответственностью и поэтому затрачивал на редактирование очень много времени и сил. Все наиболее значительные книги по новой и новейшей истории арабских стран в 50-е — начале 60-х годов издавались под его редакцией. В качестве примера можно привести монографии С. Р. Смирнова²³ и А. И. Першица²⁴. Последней работой В. Б. Луцкого-редактора является «Африканский сборник»²⁵.

Особого внимания заслуживает педагогическая деятельность Владимира Борисовича, который был не только замечательным ученым, но и талантливым воспитателем научной молодежи. Большинство советских историков-арабистов старшего и среднего поколения явля-

В. Б. Луцкий

ются его учениками. А представители младшего и часть среднего поколения — учениками его учеников. Многие, прошедшие под руководством В. Б. Луцкого арабистическую школу, впоследствии стали основателями таких дисциплин, как экономика, этнография, историография арабских стран и др.

В. Б. Луцкий относился к своим студентам и аспирантам одинаково доброжелательно, с особой теплотой, ровно, не выделяя кого-либо из них особым вниманием, не допуская и тени панибратства или фамильярности. Владимир Борисович, не жалея сил, щедро передавал свои знания молодежи. С самого начала общения он стремился выработать у студентов навыки самостоятельного научного мышления. Человек большой души, исключительного обаяния, очень скромный и на редкость добрый и мягкий, он становился непримиримым, твердым и даже строгим, когда дело касалось отстаивания какого-либо серьезного научного принципа. Владимир Борисович был нетерпим к лени и особенно к недобросовестности, к любителям легкого пути в науке. Помню, как однажды нас, студентов младших курсов, пригласили на защиту дипломных работ выпускников Отделения Востока исторического факультета МГУ и на

наших глазах развернулась такая сцена. Примерно за полчаса до защиты прибежала пятикурсница и сказала Владимиру Борисовичу, что она не смогла по вине машинистки показать ему окончательный вариант работы. Владимир Борисович, не сказав ни слова, спокойно тут же сел за стол и стал читать текст. Вскоре на полях рукописи запестрели его заметки. По мере их увеличения лицо студентки все более угасало. И несмотря на то что на глазах студентки появились слезы, мы были крайне удивлены, что наш добрейший Владимир Борисович спокойно продолжал читать дипломную работу, решив отложить защиту. Через две-три недели напряженного труда эта дипломная работа была блестяще защищена.

У В. Б. Луцкого был совершенно оригинальный метод приема экзаменов. К пятому курсу мы уже вполне привыкли к тому, что экзамены (обычно трех-четырех студентов) затягивались на 4—5 часов. Владимир Борисович никогда не прерывал отвечающего студента. Проговорив 10—15 минут и сказав все, что знает или считает нужным сказать, студент умолкал. После этого обычно наступала минута неловкой паузы... В это время по абсолютно невозмутимому выражению лица Владимира Борисовича невозможно было узнать его отношение к ответу студента. Подумав, что он упустил что-то важное, студент вновь мобилизовывался, собирался с мыслями, пытаясь вспомнить нечто такое, о чем он не говорил. И только выслушав все, что знает по данному вопросу экзаменуемый, Владимир Борисович предлагал перейти к следующему вопросу.

Не только в лекциях, но и во время бесед со своими учениками, на что В. Л. Луцкий никогда не жалел времени, он умел привить большую любовь к избранной специальности, желание посвятить все свои силы и знания той области науки, в которой так много и плодотворно работал он сам. Но самое сильное впечатление производил личный пример ученого, который, несмотря на всю свою перегруженность, самым тщательным образом знакомился с тем, что вышло из-под пера его ученика, предлагая ему целую систему мер по улучшению и усовершенствованию работы (замечания по источникам, литературе, содержанию, структуре и теоретической части работы). Вместе с тем Владимир Борисович никогда не навязывал ученикам свои суждения. Для него было важнее, чтобы у студента сформировалось собственное убеждение по тому или иному вопросу.

Уже в молодые годы Владимира Борисовича отличали редкая творческая интуиция, умение мыслить широко и масштабно, предвидеть и определять магистральные направления науки.

В 50-е годы им был подготовлен длинный перечень (около 250—300) проблем и тем, по которым, по его мнению, должны быть написаны книги, брошюры или подготовлены диссертационные работы.

Еще в самом начале своего научного пути он мечтал разработать две большие проблемы: развитие капитализма в арабских странах и история арабской общественной мысли. Однако в 30—40-е годы уровень развития науки еще не позволял решать проблемы подобного масштаба. И только в последующие десятилетия, по мере накопления большого фактического материала, его ученики приступили к исследованию этих крупных научных проблем, имеющих научно-теоретическое и практическое значение.

Нельзя писать о В. Б. Луцком — ученом и педагоге, абстрагируясь от его человеческих качеств, ибо в таком случае его образ предстанет не только в обедненном, но и в искаженном виде. Владимир Борисович был человеком большой души, редкого обаяния, добрым и мягким. Все это сочеталось с удивительной скромностью, переходящей в застенчивость.

Он был заботливым сыном, любящим мужем и отцом, преданным, внимательным и надежным родственником и другом, но самой большой его любовью была наука. Именно ей он был страстно и фанатично предан, ей отдавал весь жар души, свой недюжинный талант исследователя, кипучую, казалось, неистощимую энергию.

Весь уклад жизни Владимира Борисовича был полностью подчинен его любимому делу — работе. Его мало интересовали материальные блага и удобства. Он был весьма непритязателен, абсолютно равнодушен к окружающей обстановке, быту. Ему были чужды вещизм и мещанское любование бытом. Иногда это доходило до крайности. Так, весьма скромные даже по понятиям 30-х годов шторы и занавески он считал «излишеством». И только в результате «большой работы», проведенной его женой, он признал их необходимостью. Многие считали его человеком крайне непрактичным, «не умеющим жить», пользоваться благами и прелестями жизни. Но среди московских востоковедов, о кото-

рых рассказывается в данной книге, было много таких.

В. Б. Луцкий относился к той категории людей, которые оказывают сильное нравственное воздействие на окружающих. И это вполне понятно, если к отмеченным выше качествам добавить такие черты, как прямоту, органически присущее чувство справедливости, щедрость, не знающую предела. И даже по прошествии многих лет, попадая в различные сложные жизненные ситуации, его ученикам не раз приходилось ловить себя на мысли: «А как бы поступил в подобной обстановке Владимир Борисович?» Поэтому не случайно люди искренне тянулись к нему.

Он поддерживал дружеские или приятельские отношения со многими востоковедами (например, с Н. М. Гольдбергом, И. М. Рейснером, Е. А. Беляевым, А. Ф. Искандеровым, Х. И. Кильберг, С. Р. Смирновым, А. Шами, М. В. Чураковым и др.). Это были одновременно, хотя и неофициальные, научные контакты и связи. Однако близкого, настоящего друга у него не было, поскольку для этого не хватало времени.

50-е годы. Помню квартиру В. Б. Луцкого на Б. Калужской (д. 13, кв. 34) в монументальном и красивом доме Академии наук, построенном по проекту Щусева в 30-е годы напротив Нескучного сада. Достигнув 9-го этажа на лифте, далее на последний, 10-й этаж, поднимались пешком. Еще в довоенные годы «чердачный» этаж был переоборудован в общежитие аспирантов и докторантов Академии наук. Общежитие со временем превратилось в коммунальную квартиру, которая по тем временам была далеко не самой плохой. В пяти комнатах проживало четыре семьи — 18—22 человека. Несмотря на перенаселенность и весьма пестрый состав, соседи жили дружно и в квартире царили взаимопонимание и доброжелательность. Убежден, что далеко не последняя заслуга в этом принадлежала Владимиру Борисовичу.

Владимир Борисович жил в большой по тем понятиям (около 24 метров) комнате. Она была квадратная, с довольно высоким потолком и очень светлая. Самое необычное в ней было то, что два окна были расположены выше обычного, представляя собой нечто среднее между окном и фрамугой. Противоположная сторона тротуара довольно широкой улицы едва просматривалась. Зато хорошо была видна крыша известной московской больницы и, что особенно нравилось Владимиру

Борисовичу, отсюда открывался великолепный вид на Москву-реку и Фрунзенскую набережную. Комната имела переднюю и была разделена на три части: левую, отгороженную несколькими шкафами, в которой жили мать и младшая дочь Владимира Борисовича, среднюю, выполнявшую одновременно роль гостиной и столовой, и, наконец, правую — рабочий кабинет Владимира Борисовича, в котором находилась его знаменитая (в арабистических кругах) картотека, абсолютно доминировавшая в этой части «квартиры»; здесь же находились диван и небольшой стол. В этой комнате не раз бывали почти все известные ныне историки-арабисты старшего и среднего поколений. Именно здесь происходило одно из «тайнств» их приобщения к Науке. Картотека представляла собой довольно высокий и широкий шкаф с многочисленными гнездами для ящиков с карточками, нижняя часть предназначалась для хранения книг и папок. В картотеке и папках содержались разнообразные материалы по экономике, социальному положению и политике, хронология исторических событий, персоналии по каждой арабской стране и даже сопредельным странам, выписки и переводы из источников, разнообразных книг, а также систематические вырезки из советской прессы за многие годы и др. Сам Владимир Борисович легко ориентировался в сложной структуре своей большой картотеки, которая создавалась с начала 30-х годов и была доведена до 1962 г.

После В. Б. Луцкого уже никому не удавалось так глубоко следить за развитием всего арабского региона в целом.

Картотека Владимира Борисовича после его смерти была передана в Кабинет стран Азии и Африки Исторической библиотеки (Москва) и использовалась там в течение двух десятилетий. В настоящее время картотека представляет преимущественно мемориальный интерес и в будущем при создании кабинета (или хотя бы сперва уголка) истории советской арабистики она по праву станет важнейшим ее экспонатом. (Смею надеяться, что такой кабинет будет создан в Институте востоковедения АН СССР.)

Владимира Борисовича Луцкого отличала удивительная трудоспособность. Работал он, как правило, ночами. Когда все вокруг затихало, умиротворялось и засыпало, наступали самые любимые его часы суток, и он, поглощая одну папиросу за другой, самозабвенно занимался

любимым делом. Просидев напролет всю ночь (с 11.вечера до 5—6 часов утра), он засыпал на рассвете на 2—3 часа, после чего вставал и отправлялся на работу. Работал он практически все дни недели без выходных.

Очень много времени занимала текущая преподавательская работа в университете и Институте востоковедения: полные циклы лекций, семинарские занятия, дипломные и курсовые работы. Приходилось готовить и новые курсы лекций. Так, в 1949 г. Владимир Борисович подготовил совершенно новый курс по историографии, а в 1950 г.— по географии арабских стран.

Кроме того, Владимир Борисович внимательно следил за ходом бурных событий в арабских странах, считая это занятие «абсолютно необходимым», хотя и «очень трудоемким и требующим огромного времени». Многолетняя напряженная научная работа в сочетании с большой преподавательской деятельностью часто приводили, по выражению самого ученого, к «диким перегрузкам». Напряженный трудовой ритм (а во время работы он очень много курил, особенно после гибели единственного брата на фронте в 1943 г. и смерти жены в 1944 г.) не мог не отразиться на его здоровье. И впоследствии, когда он стал все чаще болеть, предупреждения врачей действовали, к сожалению, только на некоторое время. «Неистребимый оптимизм» Владимира Борисовича в этом случае оказывал отрицательное действие, ибо, не успев еще полностью оправиться от болезни, он спешил вернуться к своему обычному изнуряющему ритму.

У Владимира Борисовича не было какого-либо увлечения, или, как сейчас принято говорить, хобби, за исключением науки. Впрочем, здесь необходима оговорка: он очень любил и хорошо знал московскую старину. Свои короткие передышки между занятиями он проводил в прогулках по Москве. Но и они не были бесцельными. Во время прогулок он изучал исторические и архитектурные памятники Москвы. Вся центральная часть Москвы была разделена им мысленно на квадраты, и каждая прогулка была связана с посещением и осмотром определенного квартала старого города. Эта привычка сложилась еще в студенческие годы. Владимир Борисович поражал огромной эрудицией и глубокими познаниями в области отечественной истории и архитектуры. Изредка — раз в месяц, а иногда и реже, вплоть до самых последних недель жизни, он любил выезжать за

город (вместе со второй женой — Наталией Сергеевной Луцкой). И эти поездки, как правило, были связаны с посещением историко-архитектурных памятников Подмосковья. Но подобные дни отдыха, настоящие праздники в жизни ученого, к сожалению, были очень редки. В. Б. Луцкий любил театр и в молодые годы был заядлым театралом. Он признавал только реалистическое искусство. Хотя он и посещал театр им. Мейерхольда, тем не менее не принимал «формалистические тенденции» в искусстве. Из не «реалистических» спектаклей ему нравился лишь спектакль «Принцесса Турандот» Гоцци в театре им. Вахтангова. Владимир Борисович хорошо знал классическую русскую и советскую литературу, увлекался и западноевропейскими писателями. В часы отдыха, в семейном кругу он любил читать вслух или с удовольствием слушал чтение художественной литературы. Он любил Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Тютчева, Толстого, Достоевского, Чехова, из европейских писателей особенно выделял Диккенса, Теккерея, Фейхтвангера. Наиболее любимыми его поэтами были Багрицкий и Светлов. Владимир Борисович знал наизусть много стихов и часто декламировал (в узком кругу), хотя даром декламатора не обладал.

В последние годы жизни, в период тяжелой болезни, почувствовав, что память у него стала ухудшаться, он попросил принести ему стихи любимых поэтов и стал заучивать наизусть новые стихи для тренажа и восстановления памяти.

Владимир Борисович высоко ценил простое человеческое общение с интересными людьми в неофициальной обстановке. Однако из-за чрезмерной загруженности ему редко приходилось встречаться со своими друзьями и коллегами в такой обстановке. Он умел произносить красивые тосты — восточные и западные, смешные и серьезные. Он любил экспромтом с кем-либо из близких ему людей посидеть в ресторане и кафе. Однако «дружеские, товарищеские трапезы» были очень редки. Он очень любил, когда в день его рождения приходили к нему гости — друзья, коллеги и ученики. Эти встречи проходили обычно очень весело, некоторые из его коллег и учеников состязались в остроумии и красноречии, а Владимир Борисович, тонкий ценитель юмора, в это время внимательно слушал, как бы мысленно ставя баллы за юмор. Но быть целый вечер у Владимира Борисовича в разгар Суэцкого кризиса и не обменяться мне-

ниями по этому вопросу было невозможно. В этот вечер была получена шуточная телеграмма известного арабиста-исламоведа — Евгения Александровича Беляева, в которой он выражал сожаление о том, что не мог лично поздравить юбиляра и обещал присутствовать на его шестидесятилетию. Однако Е. А. Беляеву пришлось быть ответственным редактором сборника статей памяти В. Б. Луцкого, который вышел в свет к четвертой годовщине со времени смерти ученого²⁶. Одновременно эта работа оказалась последней и для Е. А. Беляева, так как ко времени выхода книги его тоже не стало.

Люди, которые знали молодого Луцкого, отмечают, что он был внешне не просто привлекателен, а красив. Но в 50-е годы это был уже преждевременно состарившийся и больной человек. В Институте Африки АН СССР, где в последние годы работал В. Б. Луцкий, мне рассказали бытовавшую в начале 60-х годов легенду. Молодой аспирант из Эфиопии как-то попросил познакомиться его с крупным ученым. Его представили нескольким известным в институте сотрудникам, но лицо его явно выражало неудовлетворенность. И, лишь увидев В. Б. Луцкого, он воскликнул: «Вот это настоящий ученый! У него высокий лоб, удивительно умные и усталые глаза, тонкие пальцы и сутулая спина».

В. Б. Луцкий был большим и искренним другом арабов, верил в их огромные потенциальные возможности, в их светлое и счастливое завтра.

Труды замечательного советского ученого В. Б. Луцкого долго будут служить делу освободительного и демократического движения арабских стран, способствовать дальнейшему развитию советско-арабской дружбы.

¹ Современный Восток. 1958, № 3, с. 49.

² Труды первой сессии арабистов, 14—17 июня 1935 г. М.—Л., 1937, с. 64.

³ См.: *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, с. 258.

⁴ *Луцкий В. Б.* Национально-освободительная война 1925—1927 гг. в Сирии.— Очерки по истории арабских стран. М., 1959.

⁵ *Луцкий В. Б.* Национально-освободительная война в Сирии (1925—1927 гг.). М., 1964. Монографию подготовили к печати вдова ученого Н. С. Луцкая и И. М. Смилянская.

⁶ Там же, с. 155—156.

⁷ Там же, с. 118.

⁸ Там же, с. 46.

⁹ Там же, с. 320.

¹⁰ В этой работе В. Б. Луцкого нашли отражение господство-

вавшие в науке в период культа личности некоторые догматические представления в оценке национально-освободительных движений в странах Азии и Африки. В частности, в монографии преувеличена роль рабочего класса Сирии в освободительной борьбе того времени. На этом этапе освободительного движения рабочий класс Сирии был еще очень молод (как класс), сильно отличался от европейского пролетариата по своей структуре, не выступал как самостоятельная политическая сила и являлся еще классом «в себе».

¹¹ Луцкий В. Б. Национально-освободительная война в Сирии (1925—1927 гг.), с. 320.

¹² Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. М., 1965 (следует отметить ученика В. Б. Луцкого Николая Алексеевича Иванова, который приложил много сил при подготовке рукописи к печати).

¹³ См. переводы книги на английский язык (М., 1969), арабский (М., 1971; Бейрут, Дар аль-Фараб [б. г.]; Багдад, Мактаб ан-Нахда [б. г.]) и итальянский (Милан, 1975).

¹⁴ См., например: Хамруш Ахмед. Революция 23 июля 1952 г. в Египте. В 5 томах, «Египет и военные». Бейрут, 1977, т. I (2-е изд. (араб. яз.); Ханна Абдалла. Аграрный вопрос и крестьянские движения в Сирии и Ливане (1820—1920). Бейрут, 1975, т. I (на араб. яз.).

¹⁵ Советское востоковедение. 1957, № 2, с. 46.

¹⁶ Там же, с. 37.

¹⁷ Там же, с. 45.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Советская этнография. 1957, № 1, с. 113.

²⁰ Там же, с. 116.

²¹ Луцкий В. Б. Арабские страны. М., 1947; он же. Английский и американский империализм на Ближнем Востоке. М., 1948.

²² См., например, рецензию на переведенную на русский язык книгу одного из лучших современных египетских историков: Абдаррахман Ар-Рафи. Восстание 1919 года в Египте.— Вопросы истории. 1956, № 2, с. 181.

²³ Смирнов С. Р. Восстание махдистов в Судане. М., 1950.

²⁴ Першиц А. И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX—первой половине XX в. М., 1961.

²⁵ Африканский сборник. М., 1963.

²⁶ Арабские страны. История и экономика. М., 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

П. М. Шаститко. Предисловие	3
Г. И. Подпалова. Выдающийся советский японовед А. Л. Гальперин (1896—1960)	1
Г. Д. Тягай, В. Б. Воронцов. Учитель Александр Львович Гальперин	26
С. В. Чугров. «Время летит подобно стреле...». О жизни и научной деятельности В. М. Константинова (1903—1967)	Э
А. И. Динкевич. О Константине Михайловиче Попове (1900—1982)	4
Г. И. Подпалова. Ветеран советского японоведения Х. Т. Эйбус (1896—1972)	68
Ф. А. Годер, М. Ф. Юрьев. Штрихи к портрету профес- сора Г. С. Кара-Мурзы (1906—1945)	81
М. Ф. Юрьев, А. В. Панцов. Учитель китаеведов Г. Б. Эренбург (1902—1967)	101
М. Н. Орловская. Гарма Данцаранович Санжеев (1902— 1982)	117
А. С. Кауфман. Крупный ученый и добрый товарищ С. Н. Ростовский (1903—1981)	128
Н. Ф. Алиева. Л. А. Мерварт (1888—1965) — зачинатель индонезийской филологии в СССР	139
П. М. Шаститко. В. В. Балабушевич (1900—1970) — заве- дующий Отделом Индии Института востоковедения	147
К. А. Антонова. Один из первых советских индологов Н. М. Гольдберг (1891—1961)	167
Л. Р. Полонская. Алексей Михайлович Дьяков (1896— 1974) — революционер и ученый	178
К. А. Антонова, Л. Б. Алаев. Александр Михайлович Осипов (1897—1969). Мы его звали Дедом	200
В. И. Павлов. Выдающийся советский востоковед Игорь Михайлович Рейснер (1899—1958)	218
Л. И. Рейснер. Портрет отца	235
Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина. Профессор Б. Н. Захoder (1898—1960) — один из организаторов мос- ковского востоковедения	244
М. С. Лазарев. Школа профессора А. Ф. Миллера (1901— 1973)	262
М. С. Мейер. Николай Александрович Смирнов (1896— 1983). Несколько документов из семейного архива	284
И. М. Фильштинский. Замечательный арабист Харлам- пий Карлович Баранов (1892—1980) в науке и в жизни	298
Р. Г. Ланда. Талант ученого и учителя. Воспоминания о Е. А. Беляеве (1895—1964)	312
Б. Г. Сейранян. В. Б. Луцкий (1906—1962) — ученый, пе- дагог, человек	326